

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Том 31, №1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

Издание основано в 2007 г.
Учредитель: ФГБОУ ВО
«Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, д-р ист. наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, д-р ист. наук, акад. АН
Азербайджана (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбосинова, д-р ист. наук (Казахстан, Астана)

Н. И. Осмонова, д-р филос. наук (Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, д-р ист. наук (Казахстан, Астана)

М. Гантуяа, Ph. D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёси́ро, доктор гуманитар. наук (Япония, Токио)

Е. Смоларц, Ph. D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, д-р филос. наук (Германия, Берлин)

Н. Д. Ходжаева, д-р ист. наук (Республика Таджикистан, Душанбе)

А. Х. Атаходжаев, канд. ист. наук (Республика Узбекистан, Самарканд)

Э. А. Мурадова, д-р ист. наук (Туркменистан, Ашхабад)

Редакционная коллегия:

М. Д. Бухарин, д-р ист. наук, акад. РАН (Россия, Москва)

А. В. Головнев, д-р ист. наук, акад. РАН (Россия, Санкт-Петербург)

М. В. Добровольская, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН (Россия, Москва)

А. И. Иванчик, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН (Россия, Москва)

Н. Н. Крадин, д-р ист. наук, акад. РАН (Россия, Владивосток)

В. И. Молодин, д-р ист. наук, акад. РАН (Россия, Новосибирск)

И. Н. Побережников, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН (Россия, Екатеринбург)

И. Ф. Попова, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН (Россия, Санкт-Петербург)

Ф. В. Черных, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН (Россия, Пермь)

А. Г. Ситди́ков, д-р ист. наук, акад. АН Республики Татарстан (Россия, Казань)

С. А. Васю́тин, д-р ист. наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, д-р ист. наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, д. р филос. наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, д-р ист. наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, д-р ист. наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, д-р ист. наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, д-р филос. наук (Россия, Кызыл)

Е. С. Элбакян, д-р филос. наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерсто́ва, д-р ист. наук (Россия, Томск)

Е. А. Шершне́ва (отв. секретарь), д-р ист. наук (Россия, Барнаул)

М. М. Содномпилова, д-р ист. наук (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, д-р ист. наук, проф. РАН (Россия, Новосибирск)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, д-р ист. наук (Россия, Кемерово)

Л. С. Марса́долов, д-р культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

А. В. Горбатов, д-р ист. наук (Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, д-р ист. наук (Россия, Казань)

Д. В. Па́пин, канд. ист. наук (Россия, Новосибирск)

Е. Э. Войтишек, д-р ист. наук (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, д-р филос. наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, д-р ист. наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, д-р ист. наук (Россия, Оренбург)

А. Д. Таи́ров, д-р ист. наук (Россия, Челябинск)

А. В. Бауло, д-р ист. наук (Россия, Новосибирск)

А. В. Поляков, д-р ист. наук, проф. РАН (Россия, Санкт-Петербург)

И. И. Юрганова, д-р ист. наук (Россия, Москва)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77–78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Vol. 31, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2026

The journal was founded in 2007 by the Altai State University

Executive Editor:

P. K. Dashkovskiy, d-r of hist. sci. (Russia, Barnaul)

International Council:

Sh. Mustafayev, d-r of hist. sci., Acad. of the Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, d-r of hist. sci. (Kazakhstan, Astana)

N. I. Osmonova, d-r of philos. sci. (Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, d-r of hist. sci. (Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, d-r of hist. sci. (Kazakhstan, Astana)

M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, d. r of humanities (Tokyo, Japan)

E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, d-r of philosophy (Germany, Berlin)

N. D. Khodjaeva, d-r of hist. sci. (Republic of Tajikistan, Dushanbe)

A. Kh. Atakhodjaev, cand. of hist. sci. (Republic of Uzbekistan, Samarkand)

E. A. Muradova, d-r of hist. sci. (Turkmenistan, Ashgabat)

Editorial Team:

M. D. Bukharin, d-r of hist. sci., Acad. of the RAS (Russia, Moscow)

A. V. Golovnev, d-r of hist. sci., Acad. of the RAS (Russia, Saint Petersburg)

M. V. Dobrovol'skaya, d-r of hist. sci., Corr. Member of the RAS (Russia, Moscow)

A. I. Ivanchik, d-r of hist. sci., Corr. Member of the RAS (Russia, Moscow)

N. N. Kradin, d-r of hist. sci., Acad. of the RAS (Russia, Vladivostok)

V. I. Molodin, d-r of hist. sci., Acad. of the RAS (Russia, Novosibirsk)

I. V. Poberezhnikov, d-r of hist. sci., Corr. Member of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

I. F. Popova, d-r of hist. sci., Corr. Member of the RAS (Russia, St. Petersburg)

A. V. Chernykh, d-r of hist. sci., Corr. Member of the RAS (Russia, Perm)

A. G. Sitdikov, d-r of hist. sci., Acad. of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Russia, Kazan)

S. A. Vasyutin, d-r of hist. sci. (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, d-r of hist. sci. (Russia, Moscow)

A. P. Zabayako, d-r of philos. sci. (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, d-r of hist. sci. (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, d-r of hist. sci. (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, d-r of hist. sci. (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, d-r of philos. sci. (Russia, Kyzyl)

E. S. Elbakyan, d-r of philos. sci. (Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, d-r of hist. sci. (Russia, Tomsk)

E. A. Shershneva (managing editor), d-r of hist. sci. (Russia, Barnaul)

M. M. Sodnompilova, d-r of hist. sci. (Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, d-r of hist. sci., prof. of the RAS (Russia, Novosibirsk)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, d-r of hist. sci. (Russia, Kemerovo)

L. S. Marsadolov, doctor of culturology (Russia, St. Petersburg)

A. V. Gorbatov, d-r of hist. sci. (Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, d-r of hist. sci. (Russia, Kazan)

D. V. Papin, cand. of hist. sci. (Russia, Novosibirsk)

E. E. Voitishok, d-r of hist. sci. (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogasiy, d-r of philos. sci. (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, d-r of hist. sci. (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovskiy, d-r of hist. sci. (Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, d-r of hist. sci. (Russia, Chelyabinsk)

A. V. Baulo, d-r of hist. sci. (Russia, Novosibirsk)

A. V. Polyakov, d-r of hist. sci., prof. of the RAS (Russia, St. Petersburg)

I. I. Yurganova, d-r of hist. sci. (Russia, Moscow)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. The magazine is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications.

Registration number PI № ФС 77-78911. Registration date 07.08.2020 r.

Editorial Office Address: 656049, Altai Region, Barnaul, Dimitrova St, 66, Office 312, Altai State University, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026 Том 31, № 1

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Agalarzade A. M.</i> A “Warrior's grave” in the south-eastern region of Azerbaijan: the Arvana kurgan	7
<i>Серегин Н. Н., Матренин С. С., Степанова Н. Ф.</i> Железные поясные пряжки у населения северных предгорий Алтая в эпоху Тюркских каганатов (по материалам некрополя Горный-10)	26
<i>Тишин В. В., Нанзатов Б. З.</i> Древнетюркское t2w̄l2is2, t2w̄l2s2: ложные и действительные параллели	49
<i>Жилина Н. В.</i> Погребальный и прижизненный убор в эпоху раннего Средневековья.....	62
<i>Кичигин Д. Е.</i> Погребение монгольского имперского периода в долине реки Жомболок (Окинский район Республики Бурятия)	83
<i>Кузьмин Я. В., Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Марфина О. В., Помазанов Н. Н., Винникова В. Е., Емельянчик О. А.</i> Первые данные по диете средневекового населения на территории Беларуси (по данным изотопного анализа углерода и азота в коллагене костей)	104

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Атдаев С. Дж.</i> Туркменские депутации на коронационных торжествах российских императоров	123
<i>Каменских М. С., Чернышева Ю. С.</i> Казахи в национальной политике Уральской области в 1930-е гг.	139
<i>Дубова Н. А., Кадырбекова Т. К., Никифоров М. Г.</i> Народные методы предсказания погоды в Кыргызстане и их анализ на основе современных данных	155

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Пелевина О. В.</i> Образ жизни и традиции русских в процессе формирования религиозного ландшафта дальневосточного порубежья (по материалам публикаций А. В. Кириллова)	178
<i>Дашковский П. К., Траудт Е. А.</i> Русская православная церковь в Бурят-Монгольской АССР в 1945–1953 гг.: институты и практики в условиях советской вероисповедной политики «нового курса»	202
<i>Назарова Т. П., Иванов В. А.</i> Похоронный обряд и «архитектура смерти» в СССР в 1940–1950-е гг.	234
<i>Маркова Н. М., Аринин Е. И., Петросян Д. И., Матушанская Ю. Г., Волчкова О. О.</i> Студенческая религиозность: поиски комплаенса в поляризации коннотаций (по результатам социологического исследования во Владимире и Казани)	248
ДЛЯ АВТОРОВ	272

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2026 Vol. 31, № 1

Section I. **ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY**

<i>Агаларзаде А. М.</i> «Могила война» в юго-восточной части Азербайджана: курган Арвана.....	7
<i>Seregin N. N., Matrenin S. S. Stepanova N. F.</i> Iron belt buckles among the population of the northern foothills of Altai in the era of the Turkic Khaganates (based on the materials of the necropolis Gorny-10).....	26
<i>Tishin V. V., Nanzatov B. Z.</i> Old Turkic t2w̄l2is2, t2w̄l2s2: its false and real parallels	49
<i>Zhilina N. V.</i> , Burial and lifetime attire in the early Middle Ages.....	62
<i>Kichigin D. E.</i> Burial of the Mongol Imperial period in the Zhombolok river valley (Okinsky district of the Republic of Buryatia).....	83
<i>Kuzmin Y. V., Vasilyev S. V., Borutskaya S. B., Marfina V. U., Pomazanov N. N., Vinnikava V. Y., Emelyanchik V. A.</i> First data on diet of the medieval population of Belarus (based on carbon and nitrogen stable isotope analysis in bone collagen).....	104

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Atdaev S. J.</i> Turkmen deputations at the coronation celebrations of the Russian emperors.....	123
<i>Kamenskikh M. S., Chernysheva Yu. S.</i> Kazakh in the national policy of the Ural region in the 1930 ^s	139
<i>Dubova N. A., Kadyrbekova N. K., Nikiforov N. G.</i> Folk methods of weather forecasting in Kyrgyzstan and their analysis based on modern data	155

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Pelevina O. V.</i> Lifestyle and traditions of Russians in the process of forming the religious landscape of the Far Eastern borderland (based on publications by A. V. Kirillov)	178
<i>Dashkovskiy P. K., Traudt E. A.</i> The Russian Orthodox Church in the Buryat-Mongolian ASSR in 1945–1953: institutions and practices under the soviet “new course” religious policy.....	202
<i>Nazarova T. P., Ivanov V. A.</i> The funeral rite and the “Architecture of Death” in the USSR in the late 1940 ^s –1950 ^s	234
<i>Markova N. M., Arinin E. I., Petrosyan D. I., Matushanskaya Yu. G., Volchkova O. O.</i> Student religiosity: the search for compliance in the polarization of connotations (based on the results of a sociological study in Vladimir and Kazan)	248

FOR AUTHORS	272
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК (902.2) 903.5

DOI 10.14258/nreur(2026)1-01

A. M. Agalarzade

Institute of Archaeology and Anthropology ANAS, Baku (Azerbaijan)

A “WARRIOR'S GRAVE” IN THE SOUTH-EASTERN REGION OF AZERBAIJAN: THE ARVANA KURGAN

The paper deals with a kurgan of the same name, excavated near the village of Arvana, Yardimly district. The kurgan is of 5 m diameter. It was arranged by cromlech of large boulders around it. 8 ceramic vessels, 1 bronze ring and 1 bronze dagger were placed in the grave. On the eastern side of the grave, on the top of the dishes animal bones was found. And beneath them human skeletons were revealed.

The Talysh-Mugan culture is characterized by large dolmen-like crypts, stone box graves and kurgans in the mountainous area, as well as cemeteries consisting of kurgans and earthen graves in the plain area. The existence of this culture in the form of two local groups is probably due to natural geographical conditions and other reasons.

Archaeological materials characteristic of the Khojaly-Gedabey culture, synchronous with the Talysh-Mugan culture, were also discovered in the Arvana kurgan. This typicality shows that the hereditary connection between the various cultures of the Late Bronze — Early Iron Ages is chronologically complementary.

According to a comparative analysis, the monument can be attributed to the second stage of the Talysh-Mugan culture — that is, 11th–10th centuries BC.

Keywords: Talysh-Mugan culture, Late Bronze-Early Iron Ages, stone box kurgan, pottery, weapons, chronology

For citation:

Agalarzade A. M. A “Warrior's grave” in the south-eastern region of Azerbaijan: the Arvana kurgan. *Nations and religions of Eurasia*. 2026. T. 31, № 1. P. 7–25. DOI 10.14258/nreur(2026)1-01

Agalarzade Anar Mirsamid oglu, PhD of History, Associate Professor in the Specialist of Archaeology, senior scientific worker, archaeologist. Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS), Baku (Azerbaijan Republic). **Contact address:** anararxeoloq@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3140-4617>

А. М. Агаларзаде

Институт археологии и антропологии НАНА, Баку (Азербайджан)

«МОГИЛА ВОИНА» В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА: КУРГАН АРВАНА

В статье сообщается о кургане, раскопанном в одноименном селе Арвана в Ярдымлинском районе. Курган диаметром 5 м имеет кромлехную выкладку из крупных скальных камней. В погребении найдено восемь керамических сосудов, бронзовое кольцо, бронзовый кинжал. В восточной части погребения выявлены остеологические остатки на сосудах, под которыми был человеческий костяк.

Для горной зоны талыш-муганской культуры характерны крупные дольменовидные гробницы, каменные ящики и курганы, для равнинной зоны — могильник из курганов и грунтовых погребений. Наличие двух локальных групп этой культуры, вероятно, связано с природно-географическими условиями.

Среди погребального инвентаря кургана Арвана были выявлены археологические материалы, характерные как для талыш-муганской, так и для ходжалы-гедабекской культур. Эта общность говорит об этнокультурных связях в эпоху поздней бронзы — раннего железа между разными регионами Азербайджана.

Палеоантропологический материал из кургана Арвана в настоящее время хранится в экспозиции Музея национальной истории Азербайджана. Краниологический материал из погребения был исследован по общепринятой в палеоантропологии методике Р. Мартина. Череп мужской (возраст 55–60 лет), гипердолохокранный, хамекранный. Антропологический тип европеоидный. Рост погребенного составлял около 170 см.

На основе сравнительного анализа памятник можно отнести к XI–X вв. до н. э., к второму этапу талыш-муганской культуры.

Ключевые слова: талыш-муганская культура, эпоха поздней бронзы — раннего железа, подкурганые каменные ящики, керамические сосуды, оружие, хронология

Для цитирования:

Агаларзаде А. М. «Могилы воина» в юго-восточной части Азербайджана: курган Арвана // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 1. С. 7–25. DOI 10.14258/nreur(2026)1-01

Агаларзаде Анар Мирсамид оглы, доктор философии, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, археолог, Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА), Баку (Азербайджан). **Адрес для контактов:** anararxeoloq@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3140-4617>

Introduction and description of the kurgan

During the field research season of 2019, a stone box-type kurgan we discovered in the area of Arvana village of Yardimli district (fig. 1), 200 m south of the village, in the area called Garyatan (fig. 2). This grave, which we conventionally call Arvana kurgan No. 1, is located at an altitude of 1885 m above sea level. Moreover, it should be noted that the Arvana kurgan since built at the foot of a high natural hill, remained intact and out of the excavations for economic purposes. Although small stone remains were revealed during the prospecting and exploration work in the surrounding plain, the signs of the kurgan cover were hardly visible. The reason for all this was the allocation of land for agriculture during the distribution of share lands in the 90^s of the 20th century and the use of these areas for potato cultivation. Undoubtedly, the Arvana kurgan was not the only one, and there were other kurgans of the same type around it, but they have not survived to this day.

Fig. 1. Location of the Arvana village on the map of Azerbaijan

Рис. 1. Месторасположение Арванского кургана на карте Азербайджана

The Arvana kurgan, is 5 m in diameter and surrounded by a cromlech made of large boulders. There is a cast of big and small stones inside. Elongated rock stones were placed on the sides. The burial chamber of the kurgan was uncovered from a depth of 1 m. The chamber was 1.8 m long, 1.1 m wide. The grave pit was excavated in an elongated, oval shape and was oriented north-east-south-west. 8 pottery vessels, 1 bronze ring, 1 bronze sword and 1 bronze dagger were placed in the grave.

*Fig. 2. View of the Arvana village and kurgan
Рис. 2. Вид на деревню Арвана и курган*

On the eastern side of the grave, animal bones were found above the dishes, and a human skeleton below. The deceased was buried in the grave facing north, lying on his left side, with his legs folded back from the knees and his back towards the south wall of the grave. Only the lower part of the skeleton from the pelvis remained, and the upper part was almost decayed. A rapier-shaped sword was placed on its opposite side. The handle of the sword was placed on the side of the leg, and the blade — towards the head of the skeleton, i. e. the opposite. The human skull is completely intact (fig. 3). In the researchers opinion, according to ancient customs, if the corpse was buried lying on its back with arms on the sides, then the deceased would obey and worship the god in the afterlife [Müseyibli, Nəcəfov, Hüseynov, 2021: 123].

A similar grave with a deceased buried on its back is known from the Gazigulu necropolis. Due to the “Scythian-type” arrowheads found in this a strong possibility arises that it is a Scythian grave [Nəcəfov, Ağalarzadə, Əsədov, 2017: 36–37].

Fig. 3. Grave chamber and plan of the kurgan
Рис. 3. Погребальная камера и план кургана

Archaeological artifacts

One of our main goals is to provide a detailed analysis of the archaeological finds discovered in the kurgan, as they are few in number and each has separate type and pattern elements.

One of the *kupas* (jugs or small pitchers) has a narrow throat, globular body, and salient stripes embrace the shoulder and body. In the stripe below the throat, diagonally faintly polished patterns are drawn, and below it between the stripes in the shoulder area are small

and faintly mesh-like polished patterns. The space between the silent stripes of the shoulder and the body is also decorated with mesh-like polished patterns. The bowl seat is relatively heeled. The pottery is thick-walled and well-baked, made of mixture of grey clay and fine sand. As a result of unstable temperature, spots have appeared on it. Dimensions: the mouth is 11.5 cm in diameter, the throat — 1.5 cm high, height — 22.5 cm, body — 29 cm in diameter, seat is 11.5 cm in diameter (fig. 4.-1). Similar small *kupas* (jugs) having a narrow neck are known from the Buzeyir necropolis of Lerik district [Кәримов, 2006: 140].

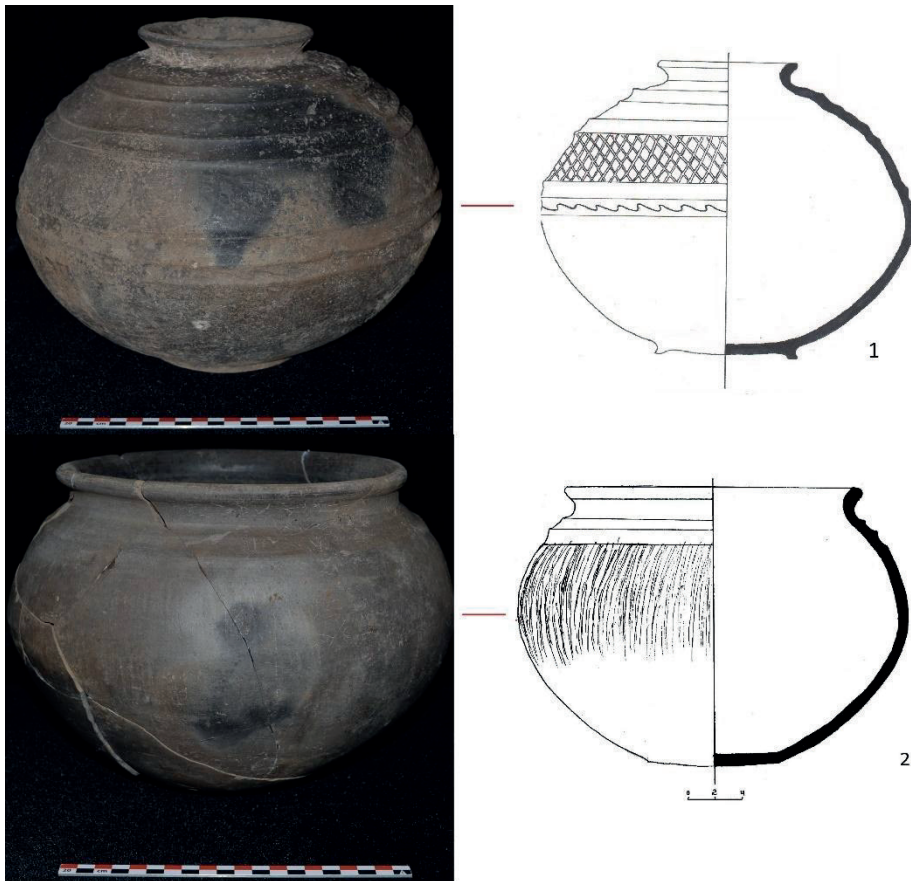

Fig. 4. Jugs
Рис. 4. Кувшины

The other *kupa* is a medium-sized vessel made of well-baked grey clay on a potter's wheel. The globular body is complemented by a narrow and flat seat. Along with faint channel-like lines drawn on the shoulder part, this part is also decorated with straight line polished patterns drawn vertically. This *kupa* was found under the skeleton's head. The vessel has been fully restored. Dimensions: the mouth is 22 cm in diameter, the throat — 2.5 cm high, height — 21 cm, body diameter — 29 cm, seat — 10 cm in diameter, wall thickness is 0.8 cm (fig. 4.-

2). Similar *kupas* were found in the Late Bronze–Early Iron Age necropolis of the Zayamchay basin [Nadzhafov, Asadov, 2017: 21].

Another *kupa* is grey in color with a narrow and relatively high neck and a globular body. The mouth rim is folded outward. In the center of the body, the place where the upper and lower parts were made separately and joined later, is clearly visible. On the shoulder part of the vessel, on one side, there is a moulded mushroom-like protruding lug, and the upper side of this lug is patterned grid-shaped. Between the throat and the shoulder, there are two convex stripes, and between these stripes, with the polishing method are drawn wavy patterns. On the upper part of the body, grid-shaped polished patterns and parallel vertical polished patterns are drawn in the area separating them from each other. These vertical patterns are also decorated asymmetrically with polished wavy patterns. The seat of the pottery is heeled. The body has a sharp transition towards the seat. The *kupa* is thrown on a potter's wheel. Dimensions: the mouth is 12.8 cm in diameter, height of the throat — 2.2 cm, lug — 2.5 cm high (mushroom-like protrusion is 5.5 cm in diameter), body diameter — 39.3 cm, height — 24.5 cm, seat is 12 cm in diameter (fig. 5). *Kupas* with a mushroom-shaped protruding lugs on the shoulder were also found in the Late Bronze–Early Iron Age necropolis of Shahtakhti [Араев, 2002: X tablo; Агаев, 2019: 69]. Similar vessels are found in earthen grave No. 39 in Zayamchay necropolis belonging to the Khojaly-Gedabey culture [Müseyibli, 2009: 55] and in grave No. 76 of the Tovuzchay necropolis [Müseyibli, Nəcəfov, 2019: 291].

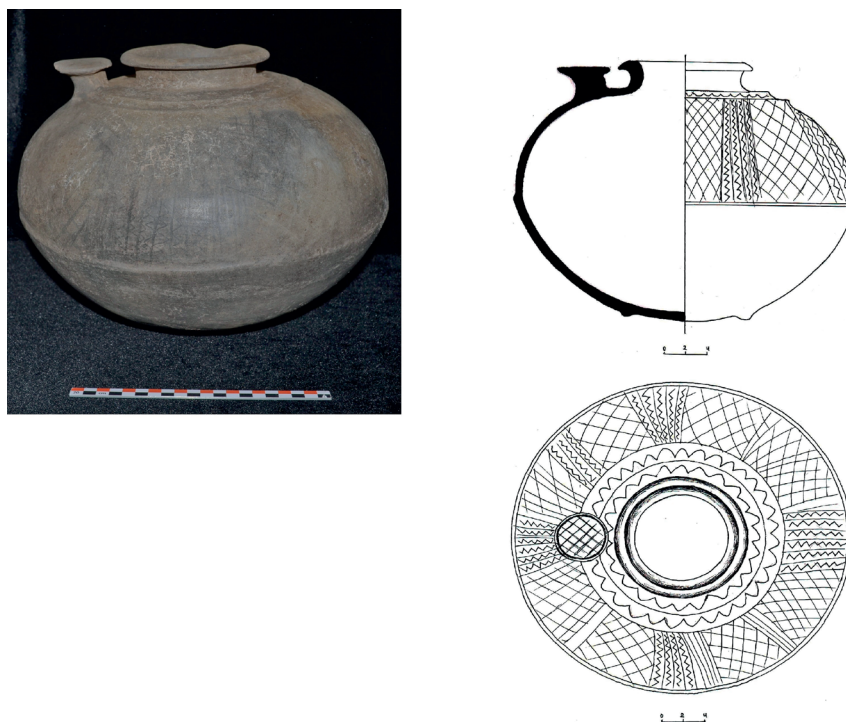

Fig. 5. Ornamental decorated jug

Рис. 5. Декоративно украшенный кувшин

Fig. 6. Potteries

Рис. 6. Керамические сосуды

Another black *kupa* with a narrow neck, balloon-shaped body, and flat seat is of medium capacity, with a edging rim folded to the side. The throat is relatively narrow and is surrounded

by prominent channel-like lines. The moulded lug connects the edge of the mouth and the body part. The lug is completely hewn. The surface of the bowl is polished. In the upper part of the body, in 4 places the image of the «tree of life» is described using the grinding method. The spaces between these images are decorated with grid-like patterns of thin polished lines. The body has a sharp transition to the seat. Dimensions: white the mouth is 9.3 cm in diameter, height of the throat — 5.5 cm, body diameter — 18.5 cm, height — 19.5 cm, seat is 8.8 cm in diameter (fig. 6.-1). A *kupa* of the same shape was discovered in a Late Bronze-Early Iron Age kurgan in Safikürd village of Goranboy district. On the globular body of this vessel, relief convex lines were drawn horizontally [Hüseynov, Ağalarzadə, 2008: 38–39]. The Safikurd find differs from the Arvana *kupa* only for its longer throat.

The mouth rim of the black, medium-sized **bowl-type** pottery vessel is outflared. Four channel lines encircle the shoulder. Polished patterns consisting of parallel and diagonal lines were drawn on the upper part of the body. The bowl has a flat, wide and round handle on one side of the shoulder. The slender biconical body tapers sharply towards the seat. Dimensions: the mouth is 10.7 cm in diameter, body — 17 cm in diameter, the height — 12.5 cm, the diameter of the seat — 6 cm, handle is 2.5 cm wide (fig. 6.-2). A similar vessel of this type is known from the Mehdi-Churi necropolis of Gilan [Jahani, 2014: 36–37].

A **dopu-type** (a ceramic vessel similar to a jug) pottery vessel of a grey color, with a high throat and a globular body is surrounded by horizontal channel-like lines. The throat has a sharp transition to the body. The body part is encircled by vertical embossed straight lines — ornaments called «cannelure». The twisting handle connects the mouth rim and the body. Dimensions: the mouth is 9 cm in diameter, the height of the throat — 4.3 cm, height — 14.7 cm, body — 14.5 cm in diameter, the diameter of the seat is 7.5 cm (fig. 6.-3). Some researchers have associated the fluting ornament, which was widespread in this period, with the Sun cult. According to V. Bakhshaliyev, this is related to the fact that certain successes of the ancient farming-cattle-breeding tribes were connected with the Sun [Baxşəliyev, 2002: 62].

Similar vessels of small size, with fluted ornament on, are known from the open grave in the Saritepe settlement and is attributed to about 7th century BC [Nərimanov, 1963: 85, 97]. Vessels with similar ornaments were encountered in the Shahtakhty of Nakhchivan, Gizilveng, the BC 11th–8th century stratum of Kultepe I, in the settlement of the Qarabaglar [Baxşəliyev, 2002: 7, 8, 16]. Similar vessels are known from the Tul necropolis of Gilan. During the excavations conducted here in 2002, samples of pottery with various shapes of fluted ornaments were obtained [Khalatbari, 2004a: 76]. On the whole, the period when ceramics with cannelure ornament became widespread is attributed to the end of the 2nd millennium BC [Baxşəliyev, 2002: 53–54].

One of the **plates** is *khaira-type* (a round, deep vessel) and has an ear-shaped protruding handle on one side of the shoulder. The seat has a small heel, and traces of rotation on the potter's wheel are clearly visible in this part. The pottery has been fully restored. Dimensions: the mouth is 31 cm in diameter, shoulder height — 3.5 cm, height — 9 cm, the diameter of the seat — 10.5 cm, the wall thickness is 0.8 cm (fig. 7.-1). Analogical *khairas* are known from Zeyamchay [Müseyibli, Nəcəfov, 2019: 65] and Tovuzchay necropolises [Müseyibli, Nəcəfov, Hüseynov, 2021: 70–71]. These types of vessels are usually larger than plates and often have a single line covering the rim of the mouth [Müseyibli, Nəcəfov, 2019: 66].

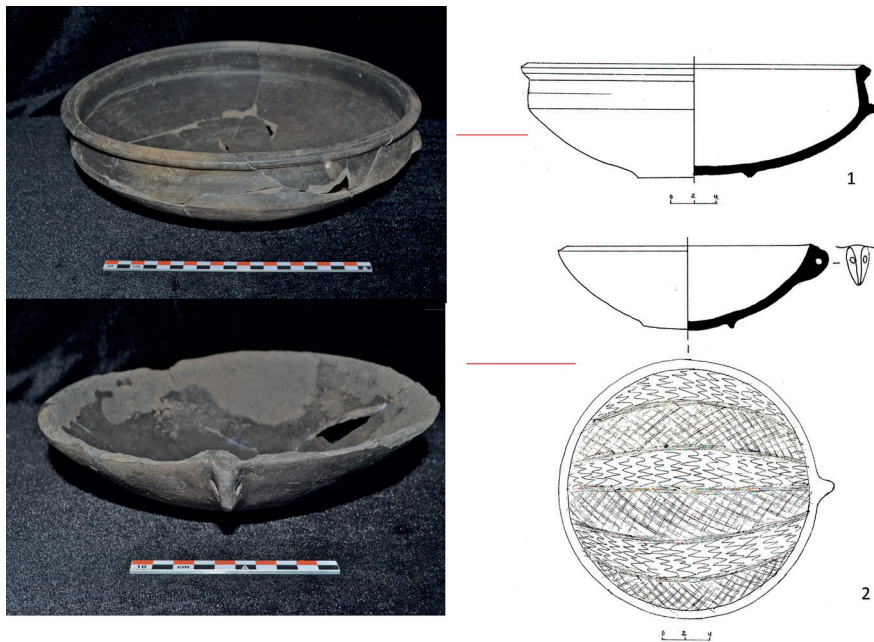

Fig. 7. Ceramic plates
Рис. 7. Керамические тарелки

The other **plate** is black in color and the rim of the mouth is straight and simple. Since the seat part is convex, the bowl does not stand stable on a smooth surface. On one side of the plate, there is a small lug — a protrusion on the rim of the mouth with a hole in the center, for hanging it. This part is more zoomorphic and resembles a “turtle head”. The inside of the vessel is decorated with a grid and wave-shaped patterns using the polishing method. The pottery was restored. Dimensions: the mouth is 23.3 cm in diameter, height — 5.5 cm, the diameter of the seat — 7.7 cm, wall thickness is 0.7 cm (*fig. 7.-2*). A similar vessel is known from the Miyanrud necropolis in Gilan province, Iran [Khalatbari, 2004b: 234]. But the Miyanrud plate is deeper than the Arvana find.

A bronze rapier-shaped sword. Made of thick bronze plate by casting, this sword has a long and double blade. Both sides of the sword were decorated with raised stripes. A 6.5 cm long hilt is made in the lower part. The length of the 3 nails left on the hilt is 2.2–2.8 cm. The dimensions of the sword: with hilt is 78.5 cm, without hilt — 72 cm, width — 2.8 at the bottom, 4 cm at the top, thickness — 1.3 cm (*fig.-8.-2-3*).

Rapier-shaped swords in archaeological literature were also found in the investigated graves in the Uzuntepe monument complex, where the Mughan culture was first discovered. Among the 15 pieces of bronze swords found in grave goods of Uzuntepe, one-shaped, two-edged swords differ only in their length [Dzhafarzade, 1946: 25–26]. These swords were divided into two groups by I. Jafarzadeh: the first group includes swords both the hilt and the blade made of bronze, and the second group includes swords the blade made of iron [Mahmudov, 1970: 72].

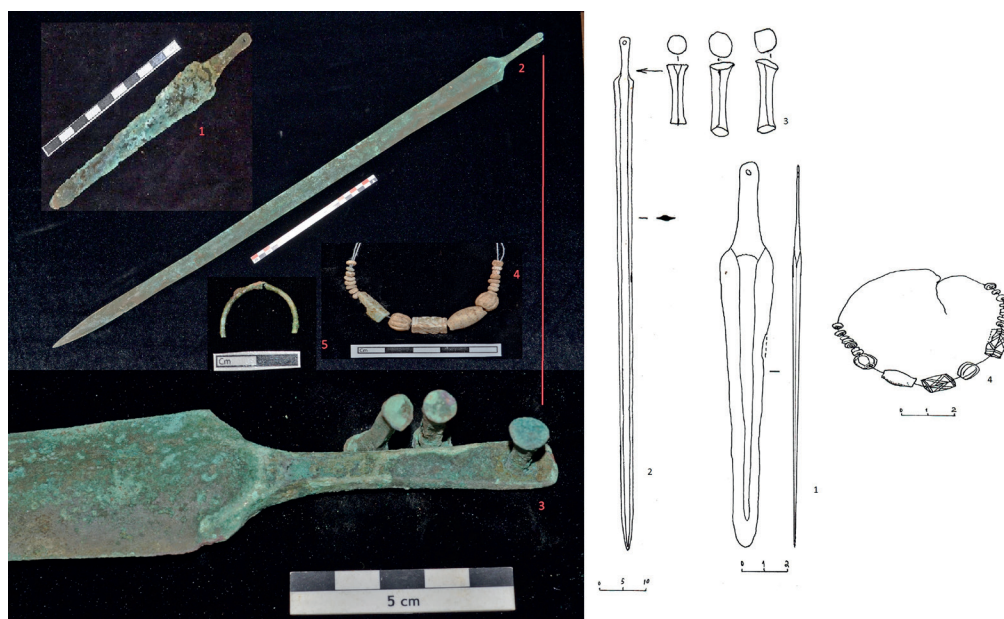

Fig. 8. Bronze rapier-shaped sword, bronze dagger, beads made of paste and bone
Рис. 8. Бронзовый меч в форме рапиры, бронзовый кинжал, бусы из пасты и кости

According to F. Mahmudov, examples of this type found in both the mountainous and plain zones show that a single cultural unity spread in those areas at the end of the Bronze Age — the beginning of the Iron Age rather than the mutual ethnic relations between the tribes that lived in both areas [Muğan arxeoloji..., 2017: 4]. Analogical swords were found in Hishkadere and Mahmudavar villages of Masalli, Divalona village of Jalilabad and Lankaran [Mahmudov, 1974: 49; Mahmudov, 1970: 70]. Similar rapier-shaped swords are also known from Morgan's excavations. These rapiers found in Veri, Jodikesh and Hamarat necropolises of Lerik were also discovered by chance in Chayrud, Jangamiran, Rvarud, etc. monuments of the district in the mid of the 20th century. and some of them are kept in the history— regional ethnography museum [Ağalarzadə, 2018: 106–107].

Bronze dagger. A small-sized, simple-shaped dagger has two edges. A hole was opened for fastening with nails after was hafted to the wood in the upper part of it. The length of the weapon with haft is 15 cm, without haft — 11.7 cm, width — 2.3 cm at the widest point, 1 cm at the narrowest point, thickness — 3 mm (fig. 8.-1). In Azerbaijan, Late Bronze-Early Iron Age daggers were found mainly in Talish and Mughan zones, Nakhchivan, Lesser Caucasus regions and other areas. According to the researchers, the number and variety of daggers found suggests the existence of several dagger-making centers in the area during the Late Bronze and Early Iron Ages. These weapon centers obtained the raw materials needed for production from mines in Nagorno-Karabakh, Ganja-Gedabey, Talish, Zangezur and Mehri territories [Əliyev, 2019: 131]. Similar daggers are known from Jacques de Morgan's excavations in Lerik. This type of daggers, locally produced in Talish-Mughan area, can be attributed to the beginning

of the 1st millennium BC [Ağalarzadə, 2017: 28]. Analogues of these daggers are known from the kurgan with many graves excavated in Khachbulag in the 60s of the 20th century [Kesamanly, 1976: 68], from the Niftali kurgans in Mill-Karabakh [Rəsuloğlu, 1992: 23] and from the Mardangol necropolis of Nakhchivan [Əliyev, 2019: 250]. Similar daggers discovered in the Iron Age Boyeh necropolis of Gilan province of Iran also have a sharp and wide tip and a short hafted blade [Jahani, 2011: 45]. O. Danielyan, while writing about Late Bronze-Early Iron Age daggers, attributed these shape weapons to the group of I type daggers and came to the conclusion that they played a major role in Eastern Transcaucasia [Danielyan, 1987: 25].

Bronze ring. The hook-shaped ring made of thin bronze wire was 2 cm in diameter (fig. 8.-5). Since the find is poorly preserved and simple in shape, we do not consider it appropriate to give any comparative analysis of it.

Beads made of paste and bone. Beads of various shapes made of paste and bone are very small in size, blue and white in color and made in a round shape. Their number is 16. 2 relatively big white paste beads are barrel-shaped and the surface is with an embossed straight line pattern, reminds of a kind of toothed ring shape. Their diameter is 0.5 cm. 1 oblong, barley-shaped bead made of bone-like material. It is 1.4 cm long. Two more diamond-shaped oblong beads are made of blue and white relatively hard material. Patterns consisting of geometric elements are drawn on these beads. Their are 1.2 cm long. The total number of beads found is 21 pieces (fig. 8.-4). Similar beads were found in Kohne Kishlag area of Masalli, in earthen graves dating to the second half of the 1st millennium BC [Ələkbərov, Əzizov, 1994: 85–86].

Anthropology

Anthropologist, PhD in history, associate professor Dmitri Kirichenko investigated the human skull discovered in the Arvana kurgan. As a result of research, it was found that the skull belongs to a 55–60 year-old man, a hyperdolichocranium and belonged to the Europoid anthropological type. In the bone of the skull, belonging to a 170 cm tall man, in the area where it connects to the throat has cut left marks of cut (fig. 9.-1–2). According to the anthropologist, this cutting procedure was performed before or after the death of a person. A similarly cut skull sample was found by Y. Hummel from the “cult kurgan” No. 36 belonging to the Khojaly-Gedabey culture excavated on the bank of Ganjachay [Kirichenko, 2020: 40–41].

After our scientific research was published abroad, this skull was reconstructed under the name of «Yardimli Late Bronze Age» by one of the world's prestigious restoration laboratories called “Ancestral Whispers” and as a result, were got the restorations you see in the pictures (fig. 9.-3). The reconstruction of more than 70 skulls around the world, and the only find discovered from the Arvana kurgan in the territory of Azerbaijan, is also clearly shown in the map of the skulls studied by the laboratory [www.ancestralwhispers.org].

Chronology and conclusion

The Talish-Mughan culture is characterized by big dolmen-like crypts, stone box graves and kurgans in the mountainous part, and cemeteries consisting of kurgans and earthen graves in the plains. The existence of the culture in two local groups is probably due to natural-geographical conditions and other reasons [Muğan arxeoloji..., 2017: 5].

The custom of burial in stone box-type kurgans appears for the first time in the Early Bronze Age. Later in Middle and Late Bronze Ages, and then in the Early Iron Age, they become one of the leading burial types in the entire Caucasus [Ağalarzadə, 2019: 62].

Fig. 9. Human skull

Рис. 9. Человеческий череп

In the highlands of Yardimli, in the meadows, Arvana-type stone box kurgans with cromlechs are widespread. However, their grave goods is very small compared to the kurgans in the foothills [Ağalarzadə, 2018: 8]. Similar stone box kurgans were excavated in Khachbulag in 1974 by H. Kesemenli. One of the kurgans studied there is located in the Choban Abdulla village, in the area between the cyclopean constructions Dashlitepe I and II. Researchers attribute this monument it to the 12th–11th centuries BC [Кесаманлы, Гусейнова, 1983: 27–28].

Archeological materials typical for the Khojaly-Gedabey culture were also found in the grave goods of Arvana kurgan. This characteristic shows that the hereditary connection between the different cultures of the Late Bronze and the Early Iron Ages complement each other chronologically [Müseyibli, Nəcəfov, 2019: 97]. Researcher M. Huseynova, who divides the Khojaly-Gedabey culture into Karabakh, Ganjachay and Gedabey groups, notes that the monuments included in these groups actually have local characteristics [Гусейнова, 1994: 107]. We can see the same features in the examples of Talish and Mughan. In our opinion, the Khojaly-Gedabey type pottery found in Arvana kurgan also shows that the cultures of the synchronous period were spread over a wide area as a result of ethnic interactions.

Aspects related to religious belief played an important role in the construction of Late Bronze-Early Iron Age grave monuments and building materials. The burial of corpses in different positions is closely related to ethnicity, social factors, and burial customs. The structure of the grave and the position of the dead body are considered to be an indicator of the

religious beliefs and views of the buried people, and the equipment placed in the grave is an indicator of the socio-economic and cultural level of the people who lived in this period, as well as a valuable source for studying the religious ideology of the period to which the society belonged [Müseyibli, Nəcəfov, Hüseynov, 2021: 121]. From this viewpoint, the burial custom in the Arvana kurgan is also interesting.

In the First Iron Age, the group of vessels characterized by grey ceramics can be considered a continuation of the traditions of the Bronze Age culture. However, in the mentioned period, new impulses appeared, which manifested themselves both in the shape and patterning of the vessels. Ear-shaped, mushroom-shaped protrusions, stamps and cannelure ornaments are widespread in the ceramics of this period [Baxşəliyev, 2002: 53]. Pattern elements on the pottery of the Arvana kurgan are also a visual proof of the mentioned indicators.

Artistic metalworking also played a special and decisive role in the development of metallurgy and metalworking craftsmanship in the South Caucasus during the transition from the Late Bronze Age to the Early Iron Age. In the second half of the second millennium — at the beginning of the 1st millennium BC, a new and very important stage of development in the field of metallurgy and metalworking art began in Azerbaijan [Avşarova, 2007: 95], and we can clearly see that these processes also took place in the south-eastern region, which is rich in metals. As we mentioned above, these facts clearly manifest themselves in the production of weapons.

Thus, the Arvana kurgan, which we are talking about, is important for the study of burial customs in the Early Iron Age, both in terms of its structure and burial goods. According to comparative analysis, this burial monument can be attributed to the second phase of Talish-Mughan culture — that is, to the 11th-10th centuries BC.

References

Agaev G.G. *Shakhtakhty v epokhu pozdnei bronzy i rannego zheleza* [Shakhtakti in the Late Bronze and Early Iron Ages]. Baku; Moscow: 2002, 200 p. (in Russian).

Guseynova M.A. *Keramika pozdnei bronzy Azerbaidzhana opredelyayushchei komponent Khodzhalı-Kedabekskoi kul'tury* [Late Bronze Age ceramics of Azerbaijan, a defining component of the Khojaly-Gadabey culture]. *Saleh Qaziyevin anadan olmasının 100 illiyinə həsr edilən elmi sessiyanın materialları* [Materials of the scientific session dedicated to the 100th anniversary of the birth of Saleh Gaziyeu]. Baku: Science, 1994, pp. 107–109 (in Russian).

Daniyelyan O.A. *Bronzovye kinzhaly iz pamyatnikov Khodzhalı-Kedabekskoi kul'tury* [Bronze daggers from the Khojaly-Gedabay cultural monuments]. *Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti (AMM)* [Azerbaijani Material Culture (AMC)]. 1987, vol. 10, pp. 22–35 (in Russian).

Dzhafarzade I.M. *Elementy arkheologicheskoy kul'tury drevney Mugani* [Elements of the archaeological culture of ancient Mughan]. *Azərbaycan SSR EA Xəbərləri (ümumi elmlər seriyası)* [News of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR (general sciences series)]. 1946, vol. 4, no. 9, pp. 21–51 (in Russian).

Kesamanly G.P. *Khachbulagskiy kurgan s massovym zakhoroneniym* [Khachbulag burial mound with a mass grave]. *Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti (AMM)* [Azerbaijani Material Culture (AMC)]. 1976, vol. 8, pp. 46–75 (in Russian).

Kesamanly G. P., Gusejnova M. A. Pogrebal'nyye pamyatniki sel. Khoshbulag, issledovannyye v 1974 g. [Funeral monuments of the village of Khoshbulag, investigated in 1974.] *Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti (AMM)* [Azerbaijani Material Culture (AMC)]. 1993, vol. 11, pp. 21–28 (in Russian).

Kirichenko D. A. Kleimeniye i dekapitatsiya u drevnikh plemena yuga Azerbaidzhana. [Branding and decapitation among the ancient tribes of southern Azerbaijan]. *Vestnik Muzeya Arkheologii i Etnografii Permskogo Predural'ya* [Bulletin of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals]. 2020, iss. X, pp. 40–47 (in Russian).

Makhmudov F. R. Talysh-Muganskaya kul'tura. [Talysh-Mugan culture]. *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası* [Azerbaijani archaeology and ethnography]. 2017, no. 2, pp. 15–20 (In Russian).

Nadzhafov Sh. N., Asadov V. A. Arkheologicheskie pamyatniki epokhi bronzy i rannego zheleza Zayamchaiskogo basseina Shamkirskogo rayona [Archaeological monuments of the Bronze and Early Iron Ages of the Zayamchay basin of the Shamkir region]. *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası* [Azerbaijani archaeology and ethnography]. 2017, no. 2, pp. 3–21 (in Russian).

Buried in kurgan No. 1 near the village of Arvana about Late Bronze Age. URL: www.ancestralwhispers.org (accessed at: 30 October, 2024).

Jahani V. *Archaeology of Deilaman. Archaeological investigations at the Archaeological Sites of Yasan (Kaferestan)*. Gilan: Bloor, 2014, 289 p.

Jahani V. Manifestation of the Iron I Culture in the Polerud Basin: An archaeological investigation of the Qaleh-Garden, Bouyeh and Tukamjan Cemeteries. *Bulletin of the Okayama Orient Museum*. 2011, vol. 25, pp. 31–58.

Khalatbari M. R. *Archaeological investigations in Talesh, Gilan-1. Excavations at Toul-e-Gilan*. Gilan: 2004a, 183 p.

Khalatbari M. R. *Archaeological investigations in Talesh, Gilan-2. Excavations at Vaske and Mianrud*. Rasht: 2004b, 240 p.

Ağalarzadə A. M. (ed.) *Mugan arxeoloji medeniyyəti: Uzuntepe abideleri kompleksi* [Mughan archaeological culture: Uzuntepe monuments complex]. Baku, 2017, 23 p. (in Azerbaijani)

Ağalarzadə A. M. Azərbaycanın cənub-şərq bölgəsinin tunc dövrü kurganları (Yardımlı rayonunun materialları əsasında) [Bronze Age burial mounds of the southeastern region of Azerbaijan (based on materials from the Yardımlı region)]. *Azərbaycan arxeologiyasına dair tədqiqatlar. Q. Qoşqarlının 70 illiyinə həsr olunmuş məqalələr toplusu* [Research on Azerbaijani archaeology. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of G. Goshgarli]. Baku, 2017, pp. 55–68 (in Azerbaijani).

Ağalarzadə A. M. Lerik rayonunun Son Tunc-Erken Demir dövrü qəbir abidələrindən Jak de Morganın aşkar etdiyi silahlar haqqında [About the weapons discovered by Jacques de Morgan from the Late Bronze-Early Iron Age grave monuments of the Lerik region]. *AMEA-nın Xəbərləri — İctimai elmlər seriyası* [ANAS News — Social Sciences Series]. Baku, 2018, vol. 2, pp. 106–113 (in Azerbaijani).

Ağalarzadə A. M. Lerik rayonunun Son Tunc-İlk Demir dövrü qəbir abidələri və dəfn adətləri (Fransız arxeoloqu Jak de Morganın qazıntıları əsasında etno-arxeoloji tədqiqat) [Late Bronze-Early Iron Age grave monuments and burial customs of the Lerik region]

(ethno-archaeological research based on the excavations of the French archaeologist Jacques de Morgan)]. *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası* [Azerbaijani archaeology and ethnography] Baku, 2017, vol. 2, pp. 22–38 (in Azerbaijani).

Ağalarzadə A. M. Sarybulaq kurganları [Saribulag burial mounds]. *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası* [Azerbaijani archaeology and ethnography]. Baku, 2018, vol. 2, pp. 3–15 (in Azerbaijani).

Ağayev Q. H. *Şaxtakhti: tarixi-arxeoloji tədqiqat* [Shakhtakhti: historical-archaeological research.]. Baku: Science and Education, 2019, 176 p. (in Azerbaijani).

Baxşəliyev V. B. *Naxçıvanın erkən dəmir dövrü mədəniyyəti* [Early Iron Age culture of Nakhchivan]. Baku: Science, 2002, 128 p. (in Azerbaijani).

Ələkbərov A. İ., Əzizov T. H. Köhnə Qışlaqda arxeoloji tapıntılar [Archaeological finds in Old Qishlag]. *Saleh Qaziyevin anadan olmasının 100 illiyinə həsr edilən elmi sessiyanın materialları* [Materials of the scientific session dedicated to the 100th anniversary of the birth of Saleh Gaziyevev]. Baku: Science, 1994, pp. 85–88 (in Azerbaijani)

Əliyev E. *Ordubad rayonunun tunc-ilk dəmir dövrü arxeoloji abidələri* [Bronze-Early Iron Age archaeological monuments of Ordubad district]. Baku: Science and Education, 2018, 272 p. (in Azerbaijani)

Hüseynov M. M., Ağalarzadə A. M. Goranboy arxeoloji ekspedisiyasının qazıntılarının nəticələrinə dair [On the results of the excavations of the Goranboy archaeological expedition]. *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2008* [Archaeological research in Azerbaijan 2008]. Baku: 2008, pp. 36–40 (in Azerbaijani).

Kərimov S. K. *Lerik rayonunun arxeoloji abidələri* [Archaeological monuments of Lerik region]. Baku: Araz 2006, 164 p. (in Azerbaijani).

Mahmudov F. R. Lənkəran yaxınlığındakı qədim qəbristan haqqında [About the ancient cemetery near Lankaran]. *Azərbaycan SSR EA Xəbərləri. Tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası* [News of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. History, philosophy and law series]. Baku: Science. 1974, vol. 4, pp. 47–56 (in Azerbaijani).

Mahmudov F. R. Talış və Muğanın qədim mədəniyyətinə aid arxeoloji materiallar [Archaeological materials on the ancient culture of Talysh and Mughan]. *Azərbaycan SSR EA-nın Xəbərləri* [News of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR]. Baku, 1970, vol. 2, pp. 66–77 (in Azerbaijani)

Müseyibli N. Ə. Zəyəmçay nekropolunun qəbir tipləri [Grave types of the Zayamchay necropolis]. *Azərbaycan arxeologiyası* [Archaeology of Azerbaijan]. Baku, 2009, vol. 12, no. 2, pp. 37–57 (in Azerbaijani).

Müseyibli N. Ə., Nəcəfov Ş. N. *Zeyemchay nekropolu* [Zayamchay necropolis]. Baku: Science and Education, 2019, 424 p. (in Azerbaijani).

Müseyibli N. Ə., Nəcəfov Ş. N., Hüseynov M. M. *Tovuzchay nekropolu* [Tovuzchay necropolis]. Baku: Science and Education, 2021, 348 p. (in Azerbaijani)

Nəcəfov Ş. N., Ağalarzadə A. A., Əsədov V. A. *Qazıqulu abidələri* [Monuments of Qazigulu]. Baku: Afpoligraf, 2017, 232 p. (in Azerbaijani)

Nərimanov İ. H. 1960-cı ildə Sarıtəpədə arxeoloji qazıntılar [Archaeological excavations in Saritepe in 1960]. *Tarix İnstitutunun əsərləri, 16-cı buraxılış* [Works of the Institute of History. Vol. 16]. Baku: Science, 1963, pp. 81–98. (in Azerbaijani).

Rəsuloğlu T. Niftalı kurqanları [Niftali burial mounds]. *Azərbaycanda arxeologiya və etnoqrafiya elmlərinin son nəticələrinə həsr olunmuş konfransın materialları* [Materials of the conference dedicated to the latest results of archaeological and ethnographic sciences in Azerbaijan]. Baku: Bilik, 1992, pp. 21–23 (in Azerbaijani).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агаев Г. Г. Шахтахты в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Баку; М.: 2002. 200 с.
Гусейнова М. А. Керамика поздней бронзы Азербайджана, определяющей компонент Ходжалы-Кедабекской культуры // Saleh Qaziyevin anadan olmasının 100 illiyinə həsr edilən elmi sessiyanın materialları [Материалы научной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения Салеха Казиева]. Баку: Ельм, 1994. С. 107–109.

Даниелян О. А. Бронзовые кинжалы из памятников Ходжалы-Кедабекской культуры // *Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti (АММ)* [Азербайджанская Материальная Культура (АМК)]. 1987. Т. X. С. 22–35.

Джафарзаде И. М. Элементы археологической культуры древней Мугани // *Azərbaycan SSR EA Xəbərləri (ümumi elmlər seriyası)* [Известия АН Азербайджанской ССР (серия общих наук)]. 1946. Вып. 4, № 9. С. 21–51.

Кесаманлы Г. П. Хачбулагский курган с массовым захоронением // *Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti (АММ) VIII cild* [Азербайджанская Материальная Культура» (АМК)]. 1976. Т. VIII. С. 46–75.

Кесаманлы Г. П., Гусейнова М. А. Погребальные памятники сел. Хачбулаг, исследованные в 1974 г. // *Azərbaycan Maddi Mədəniyyəti (АММ)* [Азербайджанская Материальная Культура (АМК)]. Баку: Ельм, 1993. Т. XI. С. 21–28.

Кириченко Д. А. Клеймение и декапитация у древних племен юга Азербайджана // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2020. № X. С. 40–47.

Махмудов Ф. Р. Тальш-Муганская культура // *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası* [Археология и этнография Азербайджана]. 2007. № 2. С. 15–20.

Наджафов Ш. Н., Асадов В. А. Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железа Заямчайского бассейна Шамкирского района // *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası* [Археология и этнография Азербайджана]. 2017. № 2. С. 3–21.

Buried in kurgan No. 1 near the village of Arvana about Late Bronze Age. URL: www.ancestralwhispers.org (дата обращения: 30.10.2024).

Jahani V. Archaeology of Deilaman. Archaeological investigations at the Archaeological Sites of Yasan (Kaferestan). Gilan: Bloor, 2014. 289 p.

Jahani V. Manifestation of the Iron I Culture in the Polerud Basin: An archaeological investigation of the Qaleh-Garden, Bouyeh and Tukamjan Cemeteries // *Bulletin of the Okayama Orient Museum*. 2011. Т. 25. P. 31–58.

Khalatbari M. R. Archaeological investigations in Talesh, Gilan-1. Excavations at Toul-e-Gilan. Gilan: 2004a. 183 p.

Khalatbari M. R. Archaeological investigations in Talesh, Gilan-2. Excavations at Vaske and Mianrud. Rasht: 2004b. 240 p.

Ağalarzadə A. M. [Агаларзаде А. М.] Azərbaycanın cənub-şərq bölgəsinin tunc dövrü kurqanları (Yardımlı rayonunun materialları əsasında) [Курганы бронзового века юго-

восточного региона Азербайджана (на основе материалов Ярдымлинского района) // *Azərbaycan arxeologiyasına dair tədqiqatlar. Q. Qoşqarlının 70 illiyinə həsr olunmuş məqalələr toplusu* [Исследования по археологии Азербайджана: Сборник статей, посвященный 70-летию Г. Гошгарлы]. Bakı, 2017. С. 55–68. (на азерб. яз.).

Ağalarzadə A. M. [Агаларзаде А. М.] Lerik rayonunun Son Tunc-Erkən Dəmir dövrü qəbir abidələrindən Jak de Morqanın aşkar etdiyi silahlar haqqında [Об оружии, обнаруженном Жаком де Морганом в погребальных памятниках Лерикского района эпохи Поздней Бронзы — Раннего Железа] // *AMEA-nın Xəbərləri — İctimai elmlər seriyası* [Известия Национальной Академии Наук Азербайджана. Сер. Общественные науки], 2018. № 2. С. 106–113. (на азерб. яз.).

Ağalarzadə A. M. [Агаларзаде А. М.] Lerik rayonunun Son Tunc-İlk Dəmir dövrü qəbir abidələri və dəfn adətləri (Fransız arxeoloqu Jak de Morqanın qazıntıları əsasında etnoarxeoloji tədqiqat) [Позднебронзовые — раннежелезные погребальные памятники и обряды захоронения в Лерикском районе (этноархеологическое исследование на основе раскопок французского археолога Жака де Моргана)] // *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası* [Археология и этнография Азербайджана]. 2017. № 2. С. 22–38 (на азерб. яз.).

Ağalarzadə A. M. [Агаларзаде А. М.] Sarıbulaq kurqanları [Сарыбулагские курганы] // *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası* [Археология и этнография Азербайджана]. 2018. № 2. С. 3–15 (на азерб. яз.).

Ağayev Q. H. [Агаев Г. Г.] Şaxtaxtı: tarixi-arxeoloji tədqiqat [Шахтахты: историко-археологическое исследование]. Bakı: Elm və təhsil, 2019. 176 с. (на азерб. яз.).

Vaxşəliyev V. [Бахшалиев В.] Naхçıvanın erkən dəmir dövrü mədəniyyəti [Нахчыванская культура раннего железного века]. Bakı: Elm, 2002. 128 с. (на азерб. яз.).

Ələkbərov A. İ., Əzizov T. H. [Алекперов А. И., Азизов Т. Г.] Köhnə Qışlaqda arxeoloji tapıntılar [Археологические находки в Кёхне-Кышлаке] // *Saleh Qaziyevin anadan olmasının 100 illiyinə həsr edilən elmi sessiyanın materialları* [Материалы научной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения Салеха Казиева]. Bakı: Elm, 1994. С. 85–88. (на азерб. яз.).

Əliyev E. [Алиев Э.] Ordubad rayonunun tunc-ilk dəmir dövrü arxeoloji abidələri [Археологические памятники эпохи бронзы — раннего железа Ордубадского района]. Bakı: Elm və təhsil, 2018. 272 с. (на азерб. яз.).

Hüseynov M. M., Ağalarzadə A. M. [Гусейнов М. М., Агаларзаде А. М.] Goranboy arxeoloji ekspedisiyasının qazıntılarının nəticələrinə dair [О результатах раскопок Горанбойской археологической экспедиции] // *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2008* [Археологические исследования в Азербайджане 2008]. Bakı, 2008. С. 36–40 (на азерб. яз.).

Kərimov S. K. [Керимов С. К.] Lerik rayonunun arxeoloji abidələri [Археологические памятники Лерикского района]. Bakı: Araz, 2006. 164 с. (на азерб. яз.).

Mahmudov F. R. [Махмудов Ф. Р.] Lənkəran yaxınlığındakı qədim qəbristan haqqında [О древнем кладбище близ Ленкорани] // *Azərbaycan SSR EA Xəbərləri. Tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası* [Известия Академии Наук Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права]. 1974. № 4. С. 47–56. (на азерб. яз.).

Mahmudov F.R. [Махмудов Ф.Р.] Taliş və Muğanın qədim mədəniyyətinə aid arxeoloji materiallar [Археологические материалы, относящиеся к древней культуре Талыша и Мугани] // Azərbaycan SSR EA-nın Xəbərləri [Известия Академии Наук Азербайджанской ССР]. 1970. № 2. С. 66–77 (на азерб. яз.).

Muğan arxeoloji mədəniyyəti: Uzuntərə abidələri kompleksi [Муганская археологическая культура: Комплекс памятников Узунтепе] / Tərtibçi: A. Ağalarzadə [Сост. А. Агаларзаде]. Bakı: 2017. 23 с. (на азерб. яз.).

Müseibli N.Ə. [Мюсейибли Н.А.] Zəuəmçay nekropolunun qəbir tipləri [Типы захоронений Зейемчайского некрополя] // Azərbaycan arxeologiyası [Археология Азербайджана]. Bakı, 2009. Т. 12, № 2. С. 37–57 (на азерб. яз.).

Müseibli N.Ə., Nəcəfov Ş.N. [Мюсейибли Н.А., Наджафов Ш.Н.] Zəuəmçay nekropolu [Зейемчайский некрополь]. Bakı: Elm və təhsil, 2019. 424 с. (на азерб. яз.).

Müseibli N.Ə., Nəcəfov Ş.N., Hüseyinov M.M. [Мюсейибли Н.А., Наджафов Ш.Н., Гусейнов М.М.] Tovuzçay nekropolu [Товузчайский некрополь]. Bakı: Elm və təhsil, 2021. 348 с. (на азерб. яз.).

Nəcəfov Ş.N., Ağalarzadə A.A., Əsədov V.A. [Наджафов Ш.Н., Агаларзаде А.А., Эсадов В.А.] Qazıqulu abidələri [Памятники Газыкулу]. Bakı: Afpoliqraf, 2017. 232 с. (на азерб. яз.).

Nərimanov İ.H. [Нариманов И.Г.] 1960-cı ildə Sarıtərədə arxeoloji qazıntılar [Археологические раскопки в Сарытепе в 1960 году] // Tarix İnstitutunun əsərləri [Труды Института истории]. Bakı: Elm, 1963. Т. XVI. С. 81–98. (на азерб. яз.).

Rəsuloğlu T. [Расулоглу Т.] Niftalı kurqanları [Нифталиинские курганы] // Azərbaycanda arxeologiya və etnoqrafiya elmlərinin son nəticələrinə həsr olunmuş konfransın materialları [Материалы конференции, посвященной новейшим достижениям археологии и этнографии в Азербайджане]. Bakı: Bilik, 1992. С. 21–23 (на азерб. яз.).

Статья поступила в редакцию: 01.11.2024

Принята к публикации: 23.12.2024

Дата публикации: 31.03.2026

УДК 902/904

DOI 10.14258/nreur(2026)1–02

Н. Н. Серегин, С. С. Матренин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Н. Ф. Степанова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)

ЖЕЛЕЗНЫЕ ПОЯСНЫЕ ПРЯЖКИ У НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ В ЭПОХУ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ ГОРНЫЙ-10)

Статья посвящена введению в научный оборот, анализу и хронологической интерпретации представительной серии железных поясных пряжек, обнаруженных в ходе раскопок объектов некрополя Горный-10. Данный памятник, расположенный в Красногорском районе Алтайского края, исследовался экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» в 2000–2002-х гг. В 33 могилах комплекса обнаружены 49 железных пряжек, которые располагались преимущественно в области тазовых костей умерших людей. Эти изделия входили в состав сопроводительного инвентаря 18 мужчин (75% захоронений представителей данного пола), семи женщин (28%), пяти детей и подростков (25%). Морфологический анализ и классификация предметов позволили выделить 10 типов поясных пряжек. Сопоставление имеющихся материалов с актуальными аналогиями из памятников начала раннего средневековья, исследованных в разных частях Евразии, позволило сделать ряд заключений о генезисе и хронологии изделий. Установлено, что большинство железных пряжек представлены бесщитковыми модификациями (типы 1–4), а также образцами с подвижными «пластинчатыми» щитками-полуобоймами (типы 6–8), существовавшими в течение продолжительного времени.

Ключевые слова: Алтай, эпоха Тюркских каганатов, поясные пряжки, некрополь, предметный комплекс, хронология

Для цитирования:

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Степанова Н. Ф. Железные поясные пряжки у населения северных предгорий Алтая в эпоху Тюркских каганатов (по материалам некрополя Горный-10) // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 1. С. 26–48. DOI 10.14258/nreur(2026)1–02

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, заведующий лабораторией древней и средневековой археологии Евразии, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** nikolay-seregin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>.

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории древней и средневековой археологии Евразии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** matrenins@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>.

Степанова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** nstepanova10@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>.

N. N. Seregin, S. S. Matrenin,

Altai State University, Barnaul (Russia)

N. F. Stepanova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia)

IRON BELT BUCKETS OF THE NORTHERN FOOTMOUNTAINS OF ALTAI POPULATION IN THE ERA OF THE TURKIC KAGANATES (BASED ON THE MATERIALS OF THE GORNY-10 NECROPOLIS)

The article concerns the publication, analysis and chronological interpretation of a representative series of iron belt buckles discovered during excavations of the Gorny-10 necropolis. This site, located in the Krasnogorsk district of the Altai Territory, was studied by expeditions of the Altai State University and the Scientific and Practical Center “Heritage” in 2000–2002. In 33 graves of the complex, 49 iron buckles were found, which were located mainly in the area of the pelvic bones of deceased people. These items were part of the accompanying inventory of 18 men (75% of burials of representatives of this sex), seven women (28%), five children and adolescents (25%). Morphological analysis and classification of objects made it possible to identify 10 types of belt buckles. Comparison of the available materials with relevant analogies from monuments of the early Middle Ages, studied in different parts of Eurasia, made it possible to make a number of conclusions about the genesis and chronology of the products. It was established that most iron buckles are represented by shieldless modifications (types 1–4), as well as samples with movable “plate” shields-half-clips (types 6–8), which existed for a long time.

Keywords: Altai, the era of the Turkic Khaganates, belt buckles, necropolis, object complex, chronology

For citation:

Seregin N. N., Matrenin S. S. Stepanova N. F. Iron belt buckles of the northern footmountains of Altai population in the era of the Turkic Kaganates (based on the materials of the necropolis Gorny-10). *Nations and religions of Eurasia*. 2026. Т. 31, № 1. P. 26–48. DOI 10.14258/nreur(2026)1–02

Seregin Nikolay Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Head of the Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia, Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology of Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** nikolay-seregin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>.

Matrenin Sergey Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** matrenins@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>.

Stepanova Nadezhda Fedorovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** nstepanova10@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>.

Введение

Одним из наиболее распространенных элементов пояса, используемых населением Евразии в поздней древности и средневековье, являлись пряжки. К настоящему времени результаты анализа таких изделий представлены в обширной серии работ, демонстрирующих возможности разноплановой интерпретации массового вещественного материала. При этом для отдельных территорий, преимущественно европейской части России, в процессе изучения пряжек получены важные выводы, имеющие большое значение для установления датировки конкретных памятников и уточнения периодизации культур, тогда как для «восточных» регионов степень проработанности таких изделий выглядит явно недостаточной. В этом плане приходится констатировать весьма скромный опыт анализа поясных пряжек народов Сибири начала раннего средневековья, ограничивающийся изысканиями в области типологии поздних ременных гарнитур населения тыштыкской культуры Среднего Енисея [Азбелев, 1992: 48–52; 2009: 31–36; Вадецкая, 1999: 122–125], а также датировки отдельных модификаций пряжек из памятников Приобья [Чиндина, 1977: 36–38; Беликова, Плетнева, 1983: 77–79; Троицкая, 1996; Троицкая, Новиков, 1998: 47–53; Савинов, Новиков, Росляков, 2008: 25] и Зауралья [Матвеева, 2016: 155–156]. Обозначенная ситуация определяет актуальность работы, направленной на введение в научный оборот и детальный анализ показательной серии железных поясных пряжек, обнаруженных в ходе раскопок погребений некрополя Горный-10 в северных предгорьях Алтая, представляющего на сегодняшний день один из базовых памятников юга Западной Сибири эпохи Тюркских каганатов.

Характеристика источников

Могильник Горный-10 расположен в Красногорском районе Алтайского края, к северо-западу от поселка Горный, на мысу правого берега р. Иша (рис. 1). В 2000–2002-х гг. экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» под руководством М. Т. Абдулганеева и Н. Ф. Степановой на данном памятнике раскопаны 75 грунтовых погребений [Абдулганеев, 2001; Серегин, Степанова, 2019]. Изученные объекты содержали в основном непотревоженные одиночные захоронения с многочисленным и разнообразным по составу сопроводительным инвентарем (предметы вооружения, снаряжения человека и верхового коня, орудия труда и украшения, монеты). Анализ отдельных категорий предметов свидетельствует о предполагаемой датировке памятника в рамках второй половины VI — начала VIII в. н. э. [Серегин, Степанова, 2021; Seregin, Tishin, Stepanova, 2021, 2022; Серегин, Матренин, Степанова, 2025; и др.].

Рис. 1. Расположение некрополя Горный-10
Fig. 1. Location of the Gorny-10 necropolis

В процессе полевых исследований в 33 могилах некрополя Горный-10 обнаружены 49 железных пряжек, которые располагались преимущественно в области тазовых костей умерших людей (рис. 2–4). Данные изделия входили в состав сопроводительного инвентаря 18 мужчин (75% захоронений представителей данного пола), семи женщин (28%), пяти детей и подростков (25%). В 12 объектах обнаружены по две пряжки, что может свидетельствовать о практике ношения двух поясов. При этом отдельные экземпляры могли использоваться в качестве элементов портупей. В ходе раскопок в свя-

зи с вторичным характером ингумации в большинстве объектов не удалось в полном объеме документировать информацию о деталях локализации поясов — так, к примеру, не вполне очевидно, на какую сторону застегивался ремень в мужских и женских погребениях рассматриваемого могильника.

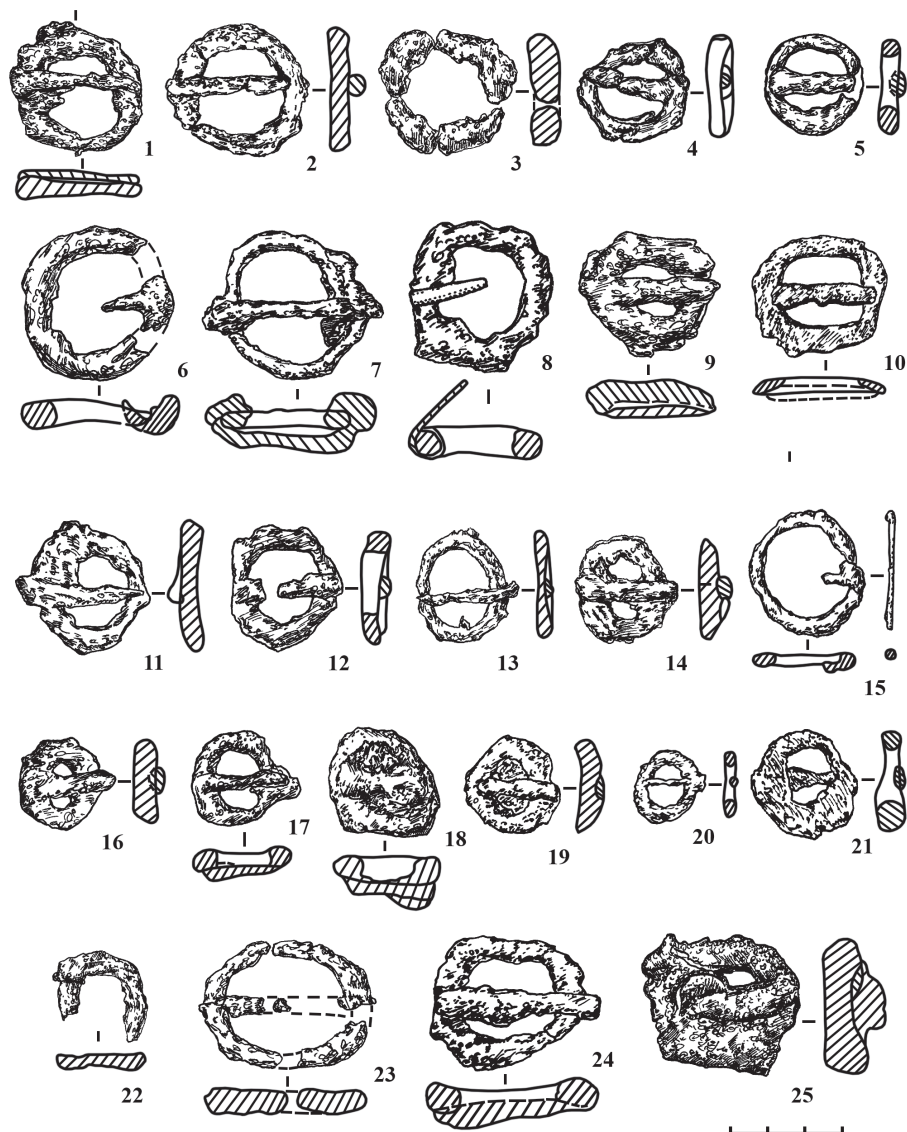

Рис. 2. Железные поясные пряжки из объектов некрополя Горный-10. 1 — могила 10; 2 — могила 11; 3, 22 — могила 14; 4 — могила 23; 5 — могила 27; 6 — могила 33; 7 — могила 43; 8 — могила 52; 9 — могила 34; 10 — могила 65; 11 — могила 8; 12, 17 — могила 38; 13 — могила 20; 14 — могила 20; 15 — могила 45; 16 — могила 28;

18 — могила 51; 19 — могила 54; 20 — могила 67; 21 — могила 66; 23 — могила 7;
24 — могила 58; 25 — могила 22

Fig. 2. Iron belt buckles from the Gorny-10 necropolis. 1 — grave 10; 2 — grave 11; 3,
22 — grave 14; 4 — grave 23; 5 — grave 27; 6 — grave 33; 7 — grave 43; 8 — grave 52;
9 — grave 34; 10 — grave 65; 11 — grave 8; 12, 17 — grave 38; 13 — grave 20; 14 — grave 20;
15 — grave 45; 16 — grave 28; 18 — grave 51; 19 — grave 54; 20 — grave 67; 21 — grave 66;
23 — grave 7; 24 — grave 58; 25 — grave 22

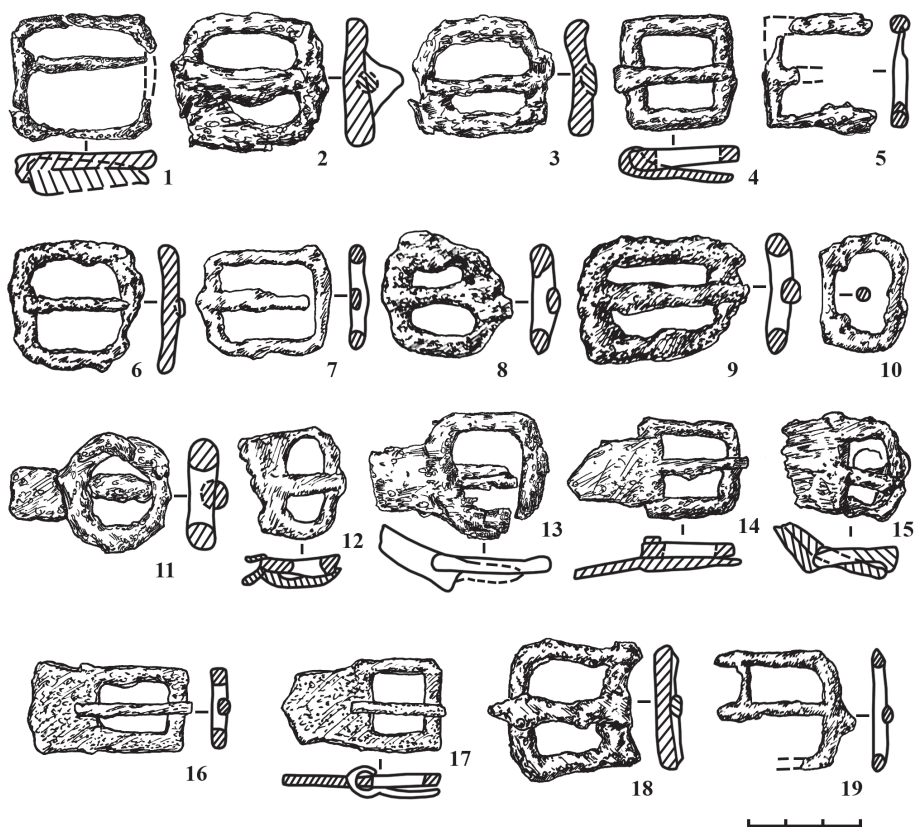

Рис. 3. Железные поясные пряжки из объектов некрополя Горный-10. 1, 13 — могила 4;
2, 3 — могила 16; 4, 14 — могила 36; 5 — могила 49; 6 — могила 54; 7 — могила 59;
8 — могила 71; 9, 19 — могила 74; 10 — могила 67; 11 — могила 27; 12 — могила 69;
15, 18 — могила 31; 16, 17 — могила 68

Fig. 3. Iron belt buckles from the Gorny-10 necropolis. 1, 13 — grave 4;
2, 3 — grave 16;
4, 14 — grave 36; 5 — grave 49; 6 — grave 54; 7 — grave 59; 8 — grave 71; 9,
19 — grave 74; 10 — grave 67; 11 — grave 27; 12 — grave 69; 15, 18 — grave 31;
16, 17 — grave 68

Рис. 4. Железные поясные пряжки из некрополя Горный-10. 1 — могила 8; 2 — могила 10; 3, 4 — могила 20; 5 — могила 56; 6, 15 — могила 36; 7, 8 — могила 71; 9 — могила 59; 10 — могила 74; 11 — могила 34; 12 — могила 67; 13 — могила 31; 14 — могила 69; 16, 17 — могила 68

Fig. 4. Iron belt buckles from the Gorny-10 necropolis. 1 — grave 8; 2 — grave 10; 3, 4 — grave 20; 5 — grave 56; 6, 15 — grave 36; 7, 8 — grave 71; 9 — grave 59; 10 — grave 74; 11 — grave 34; 12 — grave 67; 13 — grave 31; 14 — grave 69; 16, 17 — grave 68

Большая часть обнаруженных железных пряжек имела хорошую и удовлетворительную сохранность элементов корпуса, что позволило выявить разнообразие целых и фрагментированных изделий. Кроме того, в ряде случаев морфология частично разрушенных экземпляров достаточно уверенно восстанавливалась на основе сопоставления с целыми предметами. В целом сформированная серия железных поясных пряжек из некрополя Горный-10 является весьма информативной для их разностороннего изучения в контексте имеющихся сведений о подобных изделиях из других археологических памятников Северной и Центральной Азии начала раннего средневековья.

Анализ материалов

Важным этапом изучения железных пряжек из объектов некрополя Горный-10 стали их морфологический анализ и классификация, осуществленные с учетом имеющегося опыта систематизации ременных гарнитур населения Алтая [Матренин, 2017: 30]. Использовалась иерархия следующих переменных признаков изделий: материал изготовления (группа); вид фиксатора свободного конца ремня в прорези рамки (разряд); размещение фиксатора ремня на рамке (раздел); наличие или отсутствие щитка, особенности его соединения с рамкой (отдел); способ крепления щитка к ремню (подотдел); абрис рамки (тип); форма лицевой части щитка и особенности декора (вариант). Анализируемая серия предметов составила 44 экземпляра из 33 могил, обладающих всем набором обозначенных показателей.

В результате систематизации выделены одна группа, один разряд, два раздела, три отдела, десять типов железных поясных пряжек, дополненных пятью вариантами.

Группа I. Пряжки из железа.

Разряд I. С подвижным язычком.

Раздел I. Язычок размещается на основании рамки.

Отдел I. Без щитка. Ремень пропускается в приемную прорезь, перегибается через основание рамки с последующим пришиванием.

Тип 1. Округлые. Включает 6 экз. из могил 10, 11, 14, 23, 27, 33. Размеры рамки 3,3–3,5×2,1–2,2 см (рис. 2.-1–6; 4.-2).

Тип 2. Овальные, вытянутые длинной осью по вертикали. Включает 16 экз. из могил 8, 14, 20 (2), 28, 34, 38 (2), 43, 45, 51, 52, 54, 56, 66, 67. Размеры рамки 1,7–3,8×1,9–4,2 см (рис. 2.-8–23; 4.-1, 3, 4).

Тип 3. Овальные, вытянутые длинной осью по горизонтали. Включает 2 экз. из могил 7, 58. Размеры рамки 4,0–4,4×3,5–3,6 см (рис. 2.-24, 25).

Тип 4. Четырехугольные. Включает 9 экз. из могил 4, 16 (2), 36, 49, 54, 59, 71, 74. Размеры рамки 2,9–4,2×2,7–3,4 см (рис. 3.-1–9; 4.-6–9).

Тип 5. В-образные. Включает 1 экз. из могилы 67. Размеры рамки 3,1×2,1 см (рис. 3.-10; 4.-12).

Отдел II. С подвижным щитком, четко выделенным от рамки. Щиток представляет собой пластину-полуобойму, перегнутую через основание рамки.

Подотдел а — щиток крепится к ремню с помощью вставных штифтов с заклепкой.

Тип 6. Округлые. **Вариант а** — прямоугольный щиток без декора. Включает 1 экз. из могилы 27. Размеры рамки 2,9×3,1 см, щитка — 1,3×1,4 см (рис. 3.-11).

Тип 7. Овальные. *Вариант а* — прямоугольный щиток без декора. Включает 1 экз. из могилы 69. Размеры рамки 2,9×1,8 см, щиток фрагментирован, что не позволяет установить его размеры (рис. 3.-12; 4.-14).

Тип 8. Четырехугольные. *Вариант а* — четырехугольный щиток без декора. Включает 3 экз. из могил 4, 31, 36. Размеры рамки 1,8–3,4×2,5–2,6 см, щитка — 1,7–2,0×2,0–2,4 см (рис. 3.-13–15; 4.-15).

Отдел III. С неподвижным щитком, четко выделенным от рамки. Щиток и рамка представляют единое целое.

Подотдел а — щиток крепится к ремню с помощью вставных штифтов с заклепкой.

Тип 9. Четырехугольные. *Вариант а* — трапециевидный щиток без декора. Включает 1 экз. из могилы 68. Размеры рамки 2,5×2,2 см, щитка — 2,5×1,8 см (рис. 3.-16; 4.-16). *Вариант б* — пятиугольный щиток без декора. Включает 1 экз. из могилы 68. Размеры рамки 2,4×2,1 см, щитка — 2,0×1,8 см (рис. 3.-17; 4.-17).

Раздел II. Язычок размещается на вставной вертляге.

Отдел I. Без щитка.

Тип 10. Арочные. Включает 3 экз. из могил 22, 31, 74. Размеры рамки 3,2–3,8×3,2–3,3 см (рис. 2.-25; 3.-18, 19; 4.-10, 11, 13).

Полученные результаты анализа имеющихся материалов выступают основой для заключений о хронологии и происхождении разных модификаций поясных пряжек, использовавшихся населением северных предгорий Алтая в начальный период раннего средневековья.

Обсуждение результатов

В рамках интерпретации выделенных типов поясных пряжек из объектов некрополя Горный-10 большое значение имеет их сопоставление с актуальными аналогиями, полученными в ходе раскопок синхронных памятников в разных частях Евразии.

В исследованной выборке железных пряжек преобладали (41 экз.) изделия с подвижным язычком, закрепленным на основании рамки (раздел I). Среди них наиболее ранними являются бесщитковые модификации (отдел I) округлой (тип 1), овальной (типы 2, 3) и четырехугольной (тип 4) форм, впервые известные в Центральной Азии во II в. до н. э. у хунну, от которых они были заимствованы населением Саяно-Алтая [Коновалов, 1976: табл. XI, XII; Давыдова, 1996: табл. 1, 3, 8, 10–12, 23, 26, 35, 40, 49, 50, 52; Мияев, 1998: табл. 7, 23, 40, 56, 67, 82, 93, 96, 104, 108, 120; Матренин, 2013: 228–231; 2017: 41]. Простая конструкция, универсальность и надежность способствовали массовому производству таких изделий в конце I тыс. до н. э. — первой половине II тыс. н. э. у многих народов Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Приуралья, Прикамья, Поволжья, южнорусских степей, Волго-Окского междуречья и других территорий [Матренин, 2017: 41–43; Белявская, 2023: 237–238; и др.]. При этом установлено, что использование металлических пряжек с подвижным язычком населением европейской части России отражает активизацию азиатского направления культурных связей на рубеже эр [Симоненко, 2004: 145, рис. 7.-41; Медведев, 2004: 89; Сергацков, 2004: 107]. Особый контекст происхождения имеют бесщитковые пряжки с подвижным язычком в Центральной Европе, появившиеся в рамках процесса ознакомления «варваров» с образцами воинской экипировки римских легионов конца I в. до н. э. [Труфанов, 2004: 162].

Ближайшие в территориальном отношении аналогии пряжкам типов 1–4 из могильника Горный-10, относящиеся к раннетюркскому периоду, зафиксированы в археологических комплексах Алтая, Тувы, Верхнего Приобья, Кузнецкой котловины, Алтайской лесостепи [Грач, 1982: рис. 2.-5; Гаврилова, 1965: табл. X.-1, 2; XIV.-1–3; XX.-9, 10; XXII.-7; Чиндина, 1977: рис. 24.-28; 33.-28, 29; Мамадаков, Горбунов, 1997: рис. 4.-6; Троицкая, Новиков, 1998: 48, рис. 25.-26, 29, 30, 32–35, 37–41; Илюшин, 1999: рис. 31.-19; 38.-4; Кубарев, 2005: рис. 14.-11; табл. 102.-6; 131.-10; Савинов, Новиков, Росляков, 2008: табл. VII.-9; VIII.-2, 3; XI.-14, 15; Тишкин, Серегин, 2011: рис. 3.-6, 7, 10, 13–17]. Отсутствие индивидуальных особенностей оформления делает данные типы предметов неинформативными с точки зрения хронологии. При этом следует отметить, что в рассматриваемой серии из северных предгорий Алтая такие изделия входили в состав простых и наборных поясов, в том числе оснащенных ременными гарнитурами из художественного металла, характерными для второй половины VI–VII в. н. э.

Бесщитковая пряжка с рамкой В-образной формы (тип 5) имеет достаточно широкий круг аналогий среди железных изделий и предметов из цветных металлов, обнаруженных в памятниках V — середины VII в. н. э. на обширных территориях [Амброз, 1989: 65, 112; рис. 26.-1, 12, 16, 18 и др.; Чиндина, 1977: рис. 23.-2, 3; 33.-14; Генинг, 1979: табл. 1; Богачев, 1992: рис. 23, 25, 26; Азбелев, 1993: 92; Троицкая, Новиков, 1998: рис. 25.-2; Вадецкая, 1999: рис. 64; табл. 82; 87.-3; 88.-1; 93; Белявская, 2023: рис. 67.-8, 13]. По мнению В. Б. Ковалевской [1990: 39], В-образные пряжки в поясных наборах населения Евразии получают наибольшее распространение в VI–VII вв. н. э. и значительно реже использовались в более позднее время¹. При этом период бытования данных изделий в разных регионах мог не совпадать в связи с неодинаковой динамикой развития предметного комплекса и наличием местных традиций изготовления ременных гарнитур.

Судя по имеющимся материалам из памятников раннесредневековых тюрок Алтая, железные и бронзовые бесщитковые пряжки с В-образным абрисом рамки использовались кочевниками данной общности со второй половины V в. н. э. и вплоть до середины VII в. н. э. [Могильников, 1992: рис. 14.-1; 1997: рис. 4.-11; Илюшин, 2000: рис. II.-6; Тишкин, Серегин, 2011: 22]. Данной хронологии не противоречат тюркские древности конца VI–VII в. н. э. из Восточного Приаралья [Левина, 1994: рис. 148.-12, 17, 20]. Находки схожих изделий происходят из погребальных объектов V — первой половины VI в. н. э. и VII в. н. э. на территории Новосибирского Приобья [Троицкая, 1996: 159, рис. 3.-6; Троицкая, Новиков, 1998: 48, табл. 6]. Принимая во внимание имеющийся опыт интерпретации вещественных источников из памятников Сибири и Средней Азии, можно сделать заключение о датировке пряжек типа 5 в широких рамках второй половины V–VII в. н. э., а конкретного экземпляра, обнаруженного в некрополе Горный-10 (могила 67), — в границах второй половины VI — первой половины VII в. н. э.

¹ Существует точка зрения, что В-образные пряжки из цветного металла, почти вышедшие из употребления в VII в. н. э., повлияли на генезис так называемых псевдопряжек, применявшихся для украшения подвесных ремешков пояса, конской узды и обуви [Амброз, 1971: 114; Чиндина, 1977: 36].

Железные пряжки с подвижным язычком на основании рамки, снабженные четко выделенным щитком в виде подвижной пластины-полуобоймы (отдел II), фиксирующей к ремню с помощью вставных штифтов с заклепкой, представлены пятью экземплярами, имеющими округлый (тип 6), овальный (тип 7), четырехугольный (тип 8) абрис приемника. Пряжки данной конструкции с рамками и щитками различной формы ранее всего стали использовать хунну Монголии и Забайкалья в конце I в. до н. э., но особенно часто — в I в. н. э. [Коновалов, 1976: табл. XI.-13, 17; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003: 209, зураг 3; Худгийн толгойн..., 2003: зураг 18.-4–6]. Под влиянием традиций поздnehуннуской и раннесяньбийской культур рассматриваемые изделия получили распространение в снаряжении племен Саяно-Алтая, Средней Азии и юга Западной Сибири со второй половины II в. н. э. и широко использовались до начала VI в. н. э. [см. обзор: Матренин, 2017: 45–46]. Ременные гарнитуры с такими щитками в степях Восточной Европы и на Кавказе выступают в качестве индикаторов предметных комплексов позднесарматского (вторая половина II — третья четверть IV в. н. э.) и гуннского (конец IV — первая половина VI в. н. э.) периодов, сложившихся в ходе миграции «восточных» кочевников [Засецкая, 1994: рис. 19; Абрамова, 1997: рис. 2.-10, 11; 13.-2; 15.-12, 14; 70; 74; Малашев, 2000: 198–199, 209; Симоненко, 2004: 153–155; Медведев, 2004: 91, рис. 1.-52; Мошкова, 2004: 32; Кривошеев, 2004: 112, 119]. В хорошо датированных памятниках лесного Приуралья и Прикамья щитки, выполненные в традиции «индустрии жести», известны с рубежа II — начала III в. н. э., но массово представлены в материалах конца III — начала VI в. н. э. [Генинг, 1979: рис. А — Н; Агеев, 1992: 42, 69; табл. 12.-18; Богачев, 1992: рис. 20–24; Белявская, 2023: рис. 65.-8–21; 66.-1–3, 7, 13–15, 20; 67.-4, 6, 9, 17, 20, 23–25]. Согласно сложившимся представлениям о предметных комплексах из датированных памятников Северной Азии, практика производства железных пряжек с пластинчатыми щитками-полуобоймами была наиболее характерна для населения Алтая и Верхнего Приобья в V — первой половине VI в. н. э. (как элемент снаряжения человека и верхового коня, генетически связанный с местным наследием предтюркского периода), хотя относительно редко встречается и в более позднее время [Чиндина, 1977: рис. 33.-27; 37; Беликова, Плетнева, 1983: 92; рис. 70.-3, 4; Троицкая, Новиков, 1998: 48; рис. 25.-17, 36; табл. 8; Мамадаков, Горбунов, 1997: рис. 7.-14; 8.-5; Худяков, Борисенко, 1997: 372; рис. 2.-4; Кубарев, 2005: табл. 16.-2; 86.-10; 99.-12, 13; Тишкин, Горбунов, 2005: рис. 31.-8; Тишкин, Серегин, 2011: 22; рис. 3.-21–23]. В обозначенном контексте показательным выглядит отсутствие таких щитков у пряжек из объектов могильника Кудыргэ, относящегося к последней четверти VI — первой половине VII в. н. э. и являющегося для Центральной Азии и сопредельных территорий опорным памятником эпохи Первого Тюркского каганата. Данное наблюдение косвенно свидетельствует о «прерывности» развития ременных гарнитур у тюрков в середине VI в. н. э. В целом пряжки типов 6–8 существовали в течение продолжительного времени и для некрополя Горный-10 не имеют датирующего значения.

В анализируемой серии редкими (2 экз.) являются железные поясные пряжки с неподвижным, четко выделенным от рамки щитком (отдел III), фиксирующимся к ремню вставными штифтами с заклепкой на лицевой стороне. Рамки этих предметов имеют четырехугольный абрис, а щитки — форму трапеции (тип 9а) или пятиугольника

(тип 9б). В Средней Азии железные пряжки подобной конструкции встречаются уже в кенкольской культуре Тянь-Шаня в III–IV вв. н. э. [Заднепровский, 1992: табл. 31.-20, 21]. Ранние железные экземпляры с цельными щитками на Северном Кавказе датируются в рамках V–VI вв. н. э. [Абрамова, 1997: 27–29; рис. 19.-23; 28.-4]. В Прикамье модификации с аналогичной схемой соединения рамки и щитка получили распространение с VI в. н. э. [Генинг, Мырсина, 1967: табл. IV.-15]. На территории Алтая образцы с рассматриваемыми морфологическими особенностями зафиксированы в погребальном комплексе предтюркского времени (вторая половина IV — первая половина V в. н. э.) и демонстрируют связь с традициями производства подвижных пластинчатых щитков-полубойм [Матренин, Тишкин, 2016: рис. 2.-10, 11].

В целом следует признать, что пряжки такой конструкции у народов Евразии получили широкое распространение в VI в. н. э. [Генинг, 1979: 102–104], но имели разные исходные прототипы и не всегда совпадающую хронологию [Матренин, 2017: 49]. В цветном металле наиболее похожее по ключевым характеристикам изделие типа 9а обнаружено в Туве в тюркском погребении, относящемся к VII в. н. э., по-видимому, ко второй трети столетия [Вайнштейн, 1966: табл. VI.-8]. Вероятно, эти самобытные пряжки носили экспериментальный характер, и вопрос об их генезисе остается открытым. Судя по архаичному облику рамок и креплению щитка к ремню с помощью вставных заклепок, имеются основания для предположения о том, что экземпляры из некрополя Горный-10 могут быть местными дериватами пряжек из цветного металла, выполненных в традициях так называемого «предгеральдического» стиля второй — третьей четверти VI в. н. э. [Богачев, 2010: 158]. При этом, если отступить от характера металла, то следует признать возможность существования таких изделий с прямоугольными рамками и в VII в. н. э. [Богачев, 1992: рис. 27; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998: 94, 155; рис. 17.-16, 18; Дашибалов, 2011: рис. 76.-8; Матвеева, 2016: 156; рис. 75.-3; Белявская, 2023: рис. 69.-8]. Идея переноса в морфологию железных пряжек элементов гарнитур геральдического облика представляется весьма вероятной, но пока не может быть полностью принята в связи с плохой сохранностью значительной части находок [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998: 156]. Что касается датировки пряжек типа 9 из некрополя Горный-10, то при обозначенных проблемах интерпретации таких изделий время их изготовления может быть установлено только с учетом археологического возраста объекта, в котором они были обнаружены (могила 68)².

² Рассматривая возможности датировки данного погребения, необходимо обратить внимание на присутствие в инвентаре весьма редкого для периода раннего средневековья железного ярусного наконечника стрелы, максимально похожего на экземпляры из тюркской оградки второй половины VI — первой половины VII в. памятника Бике-III [Соенов и др., 2009: рис. 8.-1, 2], боевого ножа «коленчатого» типа, вероятно, являющегося хронологическим маркером объектов VI–VII вв. н. э. [Кубарев, 2008: 70], а также «классического» тюркского лука с двумя срединными боковыми накладками, получившего широкое распространение со второй половины VII в. н. э. [Кубарев, 2005: 82–83; Горбунов, 2006: 18, 22, 25], но встречающихся на Алтае и в более ранних комплексах второй половины V — первой половины VII в. н. э. [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011: 20, 23, 25]. С учетом обозначенных выкладок наиболее вероятное время совершения захоронения в могиле 68 некрополя Горный-10 может быть определено в рамках второй половины VI — середины VII в. н. э.

Среди проанализированных железных поясных пряжек идентифицированы три экземпляра с подвижным язычком, закрепленным на вставном вертлюге (разряд II) в основании рамки арочной формы без щитка (тип 10). В контексте сложившихся представлений об эволюции предметного комплекса тюрок Алтая похожие по конструкции изделия, использовавшиеся в качестве элемента подпруги, датируются не ранее середины — второй половины VII в. н. э. [Мамадаков, Горбунов, 1997: рис. 2.-5; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011: 27; рис. 6, 7, 11; Кубарев, 2016: 128; рис. 6.-32]. Данное заключение отчасти документировано обнаружением одного экземпляра пряжки типа 10 в могиле 74 некрополя Горный-10, содержащей образцы поясных блях-накладок «катандинского» стиля, которые определяют нижнюю хронологическую границу поздних захоронений рассматриваемого памятника.

Заключение

Систематизация и анализ представительной коллекции поясных железных пряжек хорошей сохранности, насчитывающей 44 экземпляра из 33 погребений некрополя Горный-10, позволили выделить десять типов изделий. Сопоставление имеющихся материалов с актуальными аналогиями из памятников начала раннего средневековья, исследованных в разных частях Евразии, позволило сделать ряд заключений о генезисе и хронологии предметов. Установлено, что большинство железных пряжек представлены бесщитковыми модификациями (типы 1–4), а также образцами с подвижными «пластинчатыми» щитками-полуобоймами (типы 6–8), существовавшими в течение продолжительного времени и неинформативными для определения времени функционирования рассматриваемого комплекса. Данные изделия обнаруживают преемственность с традициями производства ременных гарнитур у населения эпохи Великого переселения народов.

Железная бесщитковая пряжка с В-образной рамкой (тип 5) имеет продолжительный период бытования в рамках второй половины V–VII в. н. э., а для рассматриваемого комплекса — в границах второй половины VI — первой половины VII в. н. э. Железные пряжки с неподвижным, четко выделенным от рамки щитком типа 9а — б являются, по-видимому, местными дериватами изделий из цветного металла, выполненными в традициях «предгеральдического» стиля второй — третьей четверти VI в. н. э. Единственная в анализируемой серии железная пряжка с подвижным язычком, закрепленным на вставном вертлюге в основании рамки (тип 10), датируется предварительно не ранее середины — второй половины VII в.

Результаты интерпретации систематизированных новых вещественных материалов из некрополя Горный-10 показывают возможности осуществления разноплановых исследований, основанных на комплексном анализе разнообразных категорий поясных гарнитур населения Северной Азии начала раннего средневековья. Данные изыскания позволят внести определенные коррективы в сформировавшиеся представления об эволюции снаряжения народов юга Западной Сибири в эпоху существования Тюркских каганатов, детализировать характер распространения отдельных типов изделий в контексте межкультурного взаимодействия с номадами центральноазиатского региона, а кроме того, уточнить датировку отдельных археологических памятников в рамках третьей четверти I тыс. н. э.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках реализации проекта Российского научного фонда № 25–18–00775, <https://rscf.ru/project/25–18–00775/>.

Acknowledgements and funding

The study was carried out as part of a project of the Russian Science Foundation, No. 25–18–00775, <https://rscf.ru/en/project/25–18–00775/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М. Т. Могильник Горный 10 — памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории*. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. С. 128–131.

Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа в III–V вв. н. э. М.: ИА РАН, 1997. 165 с.

Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНИИИЯЛИ, 1992. 139 с.

Азбелев П. П. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля // *Петербургский археологический вестник*. 1993. Вып. 3. С. 89–93.

Азбелев П. П. Таштыкский пояс // *Древности Сибири и Центральной Азии*. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. Вып 1–2. С. 29–49.

Азбелев П. П. Типогенез характерных таштыкских пряжек // *Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края*. Красноярск: Изд-во Красн. ун-та, 1992. Т. II. С. 48–52.

Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // *Советская археология*. 1971. № 2. С. 96–124.

Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа. М.: Наука, 1989. 133 с.

Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Б. и, 1998. 286 с.

Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 245 с.

Белявская О. С. Хронология ременных гарнитур Южного Приуралья III — рубежа VII и VIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2023. 599 с.

Богачев А. В. В поисках стиля: состав и хронология комплексов с пряжками предгеральдических форм // *Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э.* Самара: Самар. обл. ист.-краевед. музей, 2010. С. 155–168.

Богачев А. В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара: АВА, 1992. 208 с.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // *Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции*. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н. э. (по материалам могильников Прикамья) // Краткие сообщения Института археологии. 1979. Вып. 158. С. 96–106.

Генинг В.Ф., Мырси́на Е.М. Мазунинский могильник // Памятники мазунинской культуры. Ижевск: Удмуртское кн. изд-во, 1967. С. 85–115 (Вопросы археологии Урала. Вып. 7).

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 156–168.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 176 с. (Археологические памятники сунну. Вып. 2).

Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2011. 174 с.

Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степи Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 73–87. (Археология СССР).

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V в. н. э.). СПб.: Эллипс Лтд, 1994. 224 с.

Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2000. С. 157–169.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. 160 с.

Ковалевская В.Б. Традиции прорезных поясов в памятниках кудыргинского типа // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 199. 1990. С. 37–46.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.

Кривошеев М.В. Хронология позднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 117–126.

Кубарев Г.В. Коленчатые кинжалы древнетюркской эпохи // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. Самара: Б. и., 2008. С. 68–72.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В. Погребальные памятники древних тюрок долины р. Хар-Ямаатынгол (Северо-Западная Монголия) // Археологические вести. 2016. Вып. 22. С. 115–129.

Левина Л.М. Могильники Алгынасар-4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV: Джетыясарская культура. Ч. 3–4: Могильники Алгынасар. М.: Наука, 1994. 312 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

Мамадаков Ю. Т., Горбунов В. В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. № 2. С. 115–129.

Матвеева Н. П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 2016. 264 с.

Матренин С. С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сянбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. 2013. № 4. С. 228–237.

Матренин С. С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н. э. — V в. н. э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Матренин С. С., Тишкин А. А. Пряжки в культуре кочевников Алтая жужанского времени (по материалам памятника Яломан-II) // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 2. С. 48–66.

Медведев А. П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 86–94.

Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: АзиатИКА, 1998. 233 с. (Археологические памятники сунну. Вып. 3).

Могильников В. А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 175–212.

Могильников В. А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. С. 187–234.

Мошкова М. Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 22–44.

Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.

Сергацков И. В. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 107–116.

Серегин Н. Н., Матренин С. С., Степанова Н. Ф. Костяные наконечники стрел населения северных предгорий Алтая в эпоху Тюркских каганатов (по материалам некрополя Горный-10) // Нижневолжский археологический вестник. 2025. № 1. С. 106–122.

Серегин Н. Н., Степанова Н. Ф. «Элитное» детское погребение эпохи Тюркских каганатов из Северного Алтая // Stratum Plus. 2021. № 5. С. 335–344.

Серегин Н. Н., Степанова Н. Ф. Могильник Горный-10 (предгорный Алтай): история исследований и перспективы изучения материалов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 218–227.

Симоненко А. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 134–173.

Соенов В. И., Трифанова С. В., Константинов Н. А., Штанакова Е. А. Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике-III // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. Вып 1–2. С. 74–95.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А. А., Горбунов В. В., Горбунова Т. Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул: АРТИКА. 2011. 136 с.

Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V — 1-я половина VI вв. н. э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Вып. 6. Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 14–32.

Троицкая Т. Н. Местные пояса населения верхнеобской культуры // Проблемы археологии, антропологии и этнографии Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 154–162.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Труфанов А. А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // Российская археология. 2004. № 4. С. 160–170.

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. Т. IV. С. 369–373.

Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 192 с.

Seregin N. N., Tishin V. V., Stepanova N. F. Chinese Coins from the Early Medieval Cemetery Gorny-10, Northern Altai // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2022. № 50/3. P. 103–112.

Seregin N. N., Tishin V. V., Stepanova N. F. Nephthalite Coin from an Early Medieval Burial at Gorny-10, Northern Altai // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2021. № 49/4. P. 100–108.

Төрбат Ц. [Торбат Ц.], Амартүвшин Ч. [Амартүвшин Ч.], Эрдэнэбат У [Эрдэнэбат У]. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе) [Археологические памятники бассейна реки Эгийн-Гол (от бронзового века до монгольского периода)]. Улаанбаатар: Улсын багшийн их сургууль Монголын түүхийн тэнхим, 2003. 295 с. (на монг. яз.).

Худгийн толгойн хуннугийн ueийн булш [Хуннский могильник периода Хунну у истока реки Худгийн/Худгий]. Улаанбаатар; Сеул, 2003. 277 с. (на монг., кор. яз.).

Reference

Abdulganeev M. T. Mogil'nik Gornyi 10 — pamyatnik drevnetyurkskoi ehpokhi v severnykh predgor'yakh Altaya [The Gorny 10 burial ground is a monument of the ancient Turkic era in the northern foothills of Altai]. *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii* [The Space of Culture in the Archaeological

and Ethnographic Dimension. Western Siberia and Adjacent Territories]. Tomsk: Tomsk University Publ., 2001, pp. 128–131 (in Russian).

Abramova M. P. *Rannie alany Severnogo Kavkaza v III–V vv. n. e.* [Early Alans of the North Caucasus in the 3rd–5th centuries AD]. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997, 165 p. (in Russian).

Ageev B. B. *P'yanoborskaya kul'tura* [Pianoborsk culture]. Ufa: BNIIIYaLI Publ., 1992, 139 p. (in Russian).

Azbelev P. P. Sibirskie elementy vostochnoevropeiskogo geral'dicheskogo stilya [Siberian elements of Eastern European heraldic style]. *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik* [Petersburg Archaeological Bulletin]. 1993, no. 3, pp. 89–93 (in Russian).

Azbelev P. P. Tashtykskii poyas [Tashtyk belt]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk University Publ., 2009, no. 1–2, pp. 29–49 (in Russian).

Azbelev P. P. Tipogenez kharakternykh tashtykskikh pryazhek [Typogenesis of characteristic Tashtyk buckles]. *Problemy arkheologii, istorii, kraevedeniya i etnografii Prieniseiskogo kraya* [Problems of archeology, history, local history and ethnography of the Yenisei region]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publ., 1992, vol. 2, pp. 48–52 (in Russian).

Ambroz A. K. Problemy rannesrednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy [Problems of early medieval archeology of Eastern Europe]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology]. 1971, no. 2, pp. 96–124 (in Russian).

Ambroz A. K. *Khronologiya drevnostei Severnogo Kavkaza* [Chronology of the antiquities of the North Caucasus]. Moscow: Nauka Publ., 1989, 133 p. (in Russian).

Bagautdinov R. S., Bogachev A. V., Zubov S. E. *Prabolgary na Serednei Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya)* [Proto-Bulgarians on the Middle Volga (at the origins of the history of the Volga-Kama Tatars)]. Samara, 1998, 286 p. (in Russian).

Belikova O. B., Pletneva L. M. *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n. e.* [Sites of the Tomsk Ob region in the 5th–8th centuries AD]. Tomsk: Tomsk university Publ., 1983, 245 p. (in Russian).

Beliavskaia O. S. *Khronologiya remennykh garnitur Yuzhnogo Priural'ya III — rubezha VII i VIII vv. Dis. ... kand. ist. nauk* [Chronology of belt sets of the Southern Urals of the 3rd — turn of the 7th and 8th centuries. Ph.D. Thesis in History]. Ufa, 2023, 599 p. (in Russian).

Bogachev A. V. V poiskakh stilya: sostav i khronologiya kompleksov s pryazhkami predgeral'dicheskikh form [In Search of Style: Composition and Chronology of Pre-Heraldic Buckle Complexes]. *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tys. n. e.* [Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium AD]. Samara: Samara Regional Museum, 2010, pp. 155–168 (in Russian).

Bogachev A. V. *Protsedurno-metodicheskie aspekty arkheologicheskogo datirovaniya (na materialakh poyasnykh naborov IV–VIII vv. Srednego Povolzh'ya)* [Procedural and methodological aspects of archaeological dating (based on materials from belt sets of the 4th–8th centuries in the Middle Volga region)]. Samara: AVA Publ., 1992, 208 p. (in Russian).

Vadetskaia E. B. *Tashtykskaya epokha v drevnei istorii Sibiri* [Tashtyk era in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1999, 440 p. (in Russian).

Vainshtein S. I. Pamyatniki vtoroi poloviny I tysyacheletiya v Zapadnoi Tuve [Sites of the second half of the 1st millennium in Western Tuva]. *Trudy Tuvinskoj kompleksnoj arkheologo-etnograficheskoj ekspeditsii* [Works of the Tuvan Complex Archaeological and Ethnographic Expedition]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966, vol. 2, pp. 292–334 (in Russian).

Gavrilova A. A. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen* [Kudyrge burial ground as a source on the history of Altai tribes]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1965, 146 p. (in Russian).

Gening V. F. Khronologiya poyasnoi garnitury I tys. n. e. (po materialam mogil'nikov Prikam'ya) [Chronology of the belt set of the 1st millennium AD (based on materials from burial grounds in the Kama region)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications from the Institute of Archaeology]. 1979, iss. 158, pp. 96–106 (in Russian).

Gening V. F., Myrsina E. M. Mazuninskii mogil'nik [Mazuninsky burial ground]. *Pamyatniki mazuninskoi kul'tury* [Sites of the Mazunino culture]. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe Publ., 1967, pp. 85–115 (Voprosy arkheologii Urala. Vyp. 7 [Questions of the archeology of the Urals. Iss. 7]) (in Russian).

Gorbunov V. V. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie)* [Military affairs of the population of Altai in the 3rd–14th centuries. Part II: Offensive weapons (weapons)]. Barnaul: Altai University Publ., 2006, 232 p. (in Russian).

Grach V. A. Srednevekovye vpusknye pogrebeniya iz kurgana-khrama Ulug-Khorum v Iuzhnoi Tuve [Medieval inlet burials from the Ulug-Khorum burial mound in Southern Tuva]. *Arkheologiya Severnoi Azii* [Archaeology of Northern Asia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982, pp. 156–168. (in Russian).

Davydova A. V. *Ivolginskii arkheologicheskii kompleks. T. 2: Ivolginskii mogil'nik* [Ivolginsky Archaeological Complex. Vol 2: Ivolginsky Burial Ground]. Sankt-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1996, 176 p. (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu. Vyp. 2 [Xiongnu archaeological sites. Issue 2]) (in Russian).

Dashibalov B. B. *Drevnosti khori-mongolov: khunno-syan'biiskoe nasledie Baikalskoi Sibiri* [Antiquities of the Khori-Mongols: the Xiongnu-Xianbei heritage of Baikal Siberia]. Ulan-Ude: Buriat University Publ., 2011, 174 p. (in Russian).

Zadneprovskii Yu. A. Rannie kochevniki Semirech'ya i Tyan' — Shanya [Early nomads of Semirechye and Tien Shan]. *Stepi Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppes of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period]. Moscow: Nauka Publ., 1992, pp. 73–87 (Arkheologiya SSSR [Archeology of the USSR]) (in Russian).

Zasetskaia I. P. *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepei v gunnskuyu epokhu (konets IV–V v. n. e.)* [The culture of the nomads of the southern Russian steppes in the Hunnic era (late 4th–5th centuries AD)]. St. Petersburg: Ellips Ltd, 1994, 224 p. (in Russian).

Iliushin A. M. Mogil'nik Kudyrge i voprosy drevnetiurkskoi istorii Sayano-Altaya [The burial ground of Kudyrge and questions of the ancient Turkic history of Sayan-Altai]. *Pamyatniki drevnetiurkskoi kul'tury v Sayano-Altai i Tsentral'noi Azii* [Sites of ancient Turkic culture in Sayan-Altai and Central Asia]. Novosibirsk: Novosibirsk University, 2000, pp. 157–169 (in Russian).

Iliushin A. M. *Mogil'nik Saratovka: publikatsiya materialov i opyt etnoarkheologicheskogo issledovaniya* [Saratovka burial ground: publication of materials and experience

of ethnoarchaeological research]. Kemerovo: Kemerovo: Publishing house of Kuzbass State Technical University, 1999, 160 p. (in Russian).

Kovalevskaia V. B. Traditsii proreznykh poyasov v pamyatnikakh kudyrginskogo tipa [Traditions of openwork belts in Kudyrigin type monuments]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications from the Institute of Archaeology]. 1990, iss. 199, pp. 37–46 (in Russian).

Konovalov P. B. *Khunnu v Zabaikal'e (pogrebal'nye pamyatniki)* [The Xiongnu in Transbaikalia (funeral sites)]. Ulan-Ude: Buryat Publishing House, 1976, 221 p. (in Russian).

Krivoshhev M. V. Khronologiya pozdnesarmatskoi kul'tury Nizhnego Povolzh'ya [Chronology of the Late Sarmatian Culture of the Lower Volga Region]. *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noi khronologii* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology]. Krasnodar: Firma NSS Publ., 2004, pp. 117–126 (in Russian).

Kubarev G. V. Kolenchatye kinzhaly drevnetyurkskoi epokhi [Knuckle daggers of the ancient Turkic era]. *Kul'tury stepei Evrazii vtoroi poloviny I tys. n. e.* [Cultures of the Eurasian steppes in the second half of the 1st millennium AD]. Samara, 2008, pp. 68–72 (in Russian).

Kubarev G. V. *Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov)* [The culture of the ancient Turks of Altai (based on burial sites)]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005, 400 p. (in Russian).

Kubarev G. V. Pogrebal'nye pamyatniki drevnikh tyurok doliny r. Khar-Yamaatyn-gol (Severo-Zapadnaya Monogoliya) [Funeral monuments of the ancient Turks of the Khar-Yamaatyn-gol river valley (Northwestern Mongolia)]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news]. 2016, iss. 22, p. 115–129 (in Russian).

Levina L. M. Mogil'niki Altynasar-4. [Altynasar-4 Burial Grounds] *Nizov'ya Syrdar'i v drevnosti. Vipusk IV: Dzhetyasarskaya kul'tura. Chasti 3–4: Mogil'niki Altynasar* [The Lower Syr Darya in Antiquity. Vol. IV: Jetyasar Culture. Part 3–4: Altynasar Burial Grounds]. Moscow: Nauka Publ., 1994, 312 p. (in Russian).

Malashev V. Yu. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of belt fittings of the late Sarmatian period]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and their neighbors on the Don]. Rostov-on-Don: Terra Publ., 2000, pp. 194–232 (in Russian).

Mamadakov Yu. T., Gorbunov V. V. Drevnetyurkskie kurgany mogil'nika Katanda-3 [Ancient Turkic burial mounds of the Katanda-3 burial ground]. *Izvestiya laboratorii arkheologii* [News from the Archaeology Laboratory]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk University Publ., 1997, pp. 115–129 (in Russian).

Matveeva N. P. *Zapadnaya Sibir' v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (problemy kul'turogeneza po dannym pogrebal'nykh pamyatnikov)* [Western Siberia in the era of the Great Migration of Peoples (problems of cultural genesis according to burial sites)]. Tumen: Tumen University Publ., 2016, 264 p. (in Russian).

Matrenin S. S. Kompleksnyi analiz poyasnykh pryazhek kochevnikov Altaya syan'biisko-zhuzhanskogo vremeni (po materialam mogil'nika Stepushka-I) [Comprehensive analysis of belt buckles of Altai nomads of the Xianbei-Ruzhan period (based on materials from the

Stepushka-I burial ground)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya* [News of the Altai State University. Series: History]. 2013, no. 4, pp. 228–237 (in Russian).

Matrenin S. S. *Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n. e. — V v. n. e.)* [Equipment of the Altai nomads (2nd century BC — 5th century AD)]. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, 142 p. (in Russian).

Matrenin S. S., Tishkin A. A. Pryazhki v kul'ture kochevnikov Altaya zhuzhanskogo vremeni (po materialam pamyatnika Yaloman-II) [Buckles in the culture of the Altai nomads of the Rouran period (based on materials from the Yaloman-II site)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. 2016, no. 2, pp. 48–66 (in Russian).

Medvedev A. P. Periodizatsiya i khronologiya sarmatskikh pamyatnikov na Srednem i Verkhnem Donu [Periodization and chronology of Sarmatian monuments on the Middle and Upper Don]. *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noi khronologii* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology]. Krasnodar: Firma NSS, 2004, pp. 86–94 (in Russian).

Miniaev S. S. *Dyrestuiskii mogil'nik* [Dyrestui burial ground]. St. Petersburg: AziatIKA Publ., 1998, 233 p. (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu. Vyp. 3) [Xiongnu archaeological sites. Iss. 3] (in Russian).

Mogil'nikov V. A. Drevnetyurkskie ogradki Kara-Koba-I [Ancient Turkic enclosures of Kara-Koba-I]. *Materialy k izucheniyu proshlogo Gornogo Altaya* [Materials for studying the past of Gorny Altai]. Gorno-Altaysk: Scientific Research Institute of Altaistics Publ., 1992, pp. 175–212 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. Kurgan 85 Kara-Koby-I i nekotorye itogi izucheniya drevnetyurkskikh pamyatnikov Altaya v svyazi s issledovaniyami v Kara-Kobe [Kurgan 85 Kara-Koba-I and some results of the study of ancient Turkic monuments of Altai in connection with research in Kara-Koba]. *Istochniki po istorii Respubliki Altai* [Sources on the history of the Altai Republic]. Gorno-Altaysk: GAIGI Publ., 1997, pp. 187–234 (in Russian).

Moshkova M. G. Srednesarmatskie i pozdnesarmatskie pamyatniki na territorii Yuzhnogo Priural'ya [Middle Sarmatian and Late Sarmatian monuments in the territory of the Southern Urals]. *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noi khronologii* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology]. Krasnodar: Firma NSS, 2004, pp. 22–44 (in Russian).

Savinov D. G., Novikov A. V., Rosliakov S. G. *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandaiskaya kul'tura)* [Upper Ob region at the turn of eras (Basanday culture)]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008, 424 p. (in Russian).

Sergatskov I. V. K khronologii srednesarmatskoi kul'tury Nizhnego Povolzh'ya [Towards the chronology of the Middle Sarmatian culture of the Lower Volga region]. *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noi khronologii* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology]. Krasnodar: Firma NSS, 2004, pp. 107–116 (in Russian).

Seregin N. N., Matrenin S. S., Stepanova N. F. Kostyanye nakonechniki strel naseleniya severnykh predgorii Altaya v epokhu Tyurkskikh kaganatov (po materialam nekropolya Gornyi-10) [Bone arrowheads of the population of the northern foothills of Altai in the era

of the Turkic Khaganates (based on materials from the Gorny-10 necropolis)]. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin]. 2025, no. 1, pp. 106–122 (in Russian).

Seregin N. N., Stepanova N. F. “Elitnoe” detskoe pogrebenie epokhi Tyurkskikh kaganatov iz Severnogo Altaya [“Elite” children's burial from the era of the Turkic Khaganates from Northern Altai]. *Stratum Plus* [Stratum Plus]. 2021, no. 5, pp. 335–344 (in Russian).

Seregin N. N., Stepanova N. F. Mogil'nik Gornyi-10 (predgornyi Altai): istoriya issledovaniia i perspektivy izucheniia materialov [The Gorny-10 burial ground (Altai foothills): history of research and prospects for studying materials]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai region]. Barnaul: Altai University Publ., 2019, pp. 218–227 (in Russian).

Simonenko A. V. Khronologiya i periodizatsiya sarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [Chronology and periodization of Sarmatian monuments of the Northern Black Sea region]. *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noi khronologii* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology]. Krasnodar: Firma NSS, 2004, pp. 134–173 (in Russian).

Soenov V. I., Trifanova S. V., Konstantinov N. A., Shtanakova E. A. Raskopki srednevekovykh ob'ektov na mogil'nike Bike-III [Excavations of medieval objects at the Bike III burial ground]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altai: Gorno-Altai University Publ., 2009, pp. 74–95 (in Russian).

Tishkin A. A., Gorbunov V. V. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov v doline r. Biike (Gornyi Altai)* [Complex of archaeological sites in the Biyka River valley (Mountain Altai)]. Barnaul: Altai University Publ., 2005, 200 p. (in Russian).

Tishkin A. A., Gorbunov V. V., Gorbunova T. G. *Altai v epokhu srednevekov'ya: illyustrirovannyi istoricheskii atlas* [Altai in the Middle Ages: Illustrated Historical Atlas]. Barnaul: ARTIKA, 2011, 136 p. (in Russian).

Tishkin A. A., Seregin N. N. Predmetnyi kompleks iz pamyatnikov kyzyl-tashskogo etapa tyurkskoi kul'tury (2-ya polovina V — 1-ya polovina VI vv. n. e.): traditsii i novatsii [The subject complex from the sites of the Kyzyl-Tash stage of the Turkic culture (2nd half of the 5th–1st half of the 6th centuries AD): traditions and innovations]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniia. Vyp. 6* [Theory and practice of archaeological research. Iss. 6]. Barnaul: Altai University Publ., 2011, pp. 14–32 (in Russian).

Troitskaia T. N. Mestnye poyasa naseleniia verkhneobskoi kul'tury [Local belts of the Upper Ob culture population]. *Problemy arkheologii, antropologii i etnografii Sibiri* [Problems of archeology, anthropology and ethnography of Siberia]. Barnaul: Altai University Publ., 1996, pp. 154–162 (in Russian).

Troitskaia T. N., Novikov A. V. *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [Upper Ob culture in Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998, 152 p. (in Russian).

Trufanov A. A. Pryazhki rannikh provintsial'no-rimskikh form v Severnom Prichernomor'e [Buckles of early provincial Roman forms in the Northern Black Sea region]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian archeology]. 2004, no. 4, pp. 160–170 (in Russian).

Khudiakov Iu. S., Borisenko A. Yu. Svoeobraznoe vpusknoe pogrebenie drevnetiurkского времени na mogil'nike Tyangys-Tyt [A unique entrance burial of the ancient Turkic period at the Tyangys-Tyt burial ground]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997, vol. 4, pp. 369–373 (in Russian).

Chindina L. A. *Mogil'nik Relka na Srednei Obi* [Relka burial ground on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk University Publ., 1977, 192 p. (in Russian).

Seregin N. N., Tishin V. V., Stepanova N. F. Chinese Coins from the Early Medieval Cemetery Gorny-10, Northern Altai. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2022, no. 50/3, pp. 103–112.

Seregin N. N., Tishin V. V., Stepanova N. F. Hephthalite Coin from an Early Medieval Burial at Gorny-10, Northern Altai. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2021, no. 49/4, pp. 100–108.

Terbat Ts., Amartyvshin Ch., Erdenebat U. *Eglyn Goliyn Sav Arkheologiin Dursgaluud (Khüreliin Üyees Mogoliin Üye)* [Archaeological sites of the river Egin gol (from Bronze to Mongol period)]. Ulaanbaatar: Ulsyn bagshiin ikh surguul' Mongolyn түүхiiin tenkhim, 2003, 295 p. (in Mongolian).

Khudgiin tolgoin khunnugiin ueiin bulsh [Khudgiin Tolgoi Hiungnu tomb]. Ulaanbaatar; Seul, 2003, 277 p. (in Mongolian and Korean).

Статья поступила в редакцию: 03.06.2025

Принята к публикации: 02.07.2025

Дата публикации: 31.03.2026

УДК 397+94.57+811.512.1

DOI 10.14258/nreur(2026)1–03

В. В. Тишин, Б. З. Нанзатов*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ (Россия)*

ДРЕВНЕТЮРКСКОЕ $T^2\ddot{W}L^2IS^2$, $T^2\ddot{W}L^2S^2$: ЛОЖНЫЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Статья посвящена рассмотрению термина $t^2\ddot{u}l^2Is^2$, $t^2\ddot{u}l^2s^2$, известному по памятникам древнетюркской рунической письменности, а также параллелям в текстах на других языках (китайский, среднеперсидский, хотано-сакский, новоперсидский), вокализовавшегося до последнего времени как *tölic* или *töliu* и неоднократно рассматривавшегося в связи с различными историческими сообществами степной Евразии. Авторы статьи, основываясь на теперь корректной интерпретации исследователем Чэнь Хао хотано-сакских форм этого названия как передающих форму $*t\ddot{u}li\ddot{s}$, с узким огубленным гласным в первом слоге, разбирают вопросы, связанные с дальнейшим преобразованием его фонетического облика, который может быть реконструирован по его передаче в других источниках. В статье показано, что только тувинское этническое название *tüliüš* имеет непосредственное отношение к термину, отмеченному в древнетюркской среде. Лабиализация гласного второго слога относится, по меньшей мере, к первой половине IX в., что имеет значение для исторической диалектологии тюркских языков. Любые другие параллели (в частности, среднемонгольское $*t\ddot{o}geles > *t\ddot{o}eles > *t\ddot{o}öles$ и восходящие к нему названия *töölös* у алтайцев и *döölös* и *möölös* у кыргызов) основаны только на формальном звуковом сходстве и не могут быть приняты для серьезных сопоставлений и дальнейших научных построений.

Ключевые слова: древние тюрки, памятники древнетюркской рунической письменности, этноним, историческая фонетика, фонетическая реконструкция, тюркские языки

Для цитирования:

Тишин В. В., Нанзатов Б. З. Древнетюркское $t^2\ddot{u}l^2Is^2$, $t^2\ddot{u}l^2s^2$: ложные и действительные параллели // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 1. С. 49–61. DOI 10.14258/nreur(2026)1–03

Тишин Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). **Адрес для контактов:** tihij-511@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7344-0996>

Нанзатов Баир Зориктоевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-

Удэ (Российская Федерация). **Адрес для контактов:** nanzatov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8012-2515>

V. V. Tishin, B. Z. Nanzatov

Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude (Russia)

OLD TURKIC $T^2\ddot{W}L^2IS^2$, $T^2\ddot{W}L^2S^2$: ITS FALSE AND REAL PARALLELS

The paper is devoted to the analysis of the term $t^2\ddot{u}l^2is^2$, $t^2\ddot{u}l^2s^2$ that attested in Old Turkic runic written monuments and also known in its parallels in texts in other languages are Chinese, Middle Persian, Khotanese-Saka, New Persian, vocalized until recently as *Tölis* or *Töliš* and considered regularly by scholars in connection with various historical communities of the steppe Eurasia. The authors of the article, based on the now correct interpretation of the Khotanese-Saka forms of this name made by the modern scholar Chen Hao as reflected the original **Tüliš*, i. e. with a narrow rounded vowel in the first syllable, examine issues related to the further transformation of its phonetic appearance, which can be reconstructed from other sources data. The article shows that only the Tuvan ethnic name *Tülüš* has a direct relation to the term noted in the Old Turkic period. Labialization of the second syllable vowel dates back to at least the first half of the 9th century, which is important for the historical dialectology of the Turkic languages. Any other different parallels (in particular, Middle Mongolic **Tögeles* > **Töeles* > **Tööles* and the both following ethnic names *Tölös* among the Altai people (Oirots) and *Dölös* or *Tölös* among the Kyrgyz) are based only on formal sound similarity and cannot be accepted for serious comparisons and further scientific constructions as false parallels.

Keywords: Ancient Turks, Old Turkic runic written monuments, ethnonym, historical phonetics, phonetic reconstruction, Turkic languages

For citation:

Tishin V. V., Nanzatov B. Z. Old Turkic $t^2\ddot{u}l^2is^2$, $t^2\ddot{u}l^2s^2$: its false and real parallels. Nations and religions of Eurasia. 2026. T. 31, № 1. P. 49–61. DOI 10.14258/nreur(2026)1-03

Tishin Vladimir Vladimirovich, Cand. Sc. (History), senior researcher of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude (Russian Federation). **Contact address:** tihij-511@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7344-0996>

Nanzatov Bair Zoriktoevich, Cand. Sc. (History), senior researcher of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude (Russian Federation). **Contact address:** nanzatov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8012-2515>

Введение

В научной, справочной и учебной литературе до сих пор существует путаница между внешне схожими и формально сопоставимыми названиями народов, среди которых, с одной стороны, древнетюркское *tölis* или *töliš* (основанное на раннем неверном чтении, как будет показано ниже) и алтайское *töölös*, с другой стороны — китайское собирательное название *те-лэ* 鐵勒, *тэ-лэ* 特勒 и распространенное среди тюркоязычных народов Алтая название *теленгут(ы)*, *телеуты(ы)*, *теленгит(ы)*, к чему следует добавить попытки в том или ином качестве сопоставить и соотнести между собой их все и еще некоторые другие. Литература по этой проблематике как в целом, так и по частным случаям настолько значительна, что могла бы стать предметом специальной обзорной работы. В общем, основная литература собрана в недавнем исследовании Хайретдина Ихсана Эркоча [Erkoç, 2017; Erkoç, 2020]. Историки, этнографы и филологи предпринимали автономные усилия, предлагая свое видение этих вопросов, но в итоге слишком разошлись. Особенно прискорбно ситуация выглядит в российской историографии, где разработкой этих вопросов чаще всего занимались исследователи без необходимой филологической подготовки, которые умножали попытки разобраться в них, копая в древность, насколько позволяют письменные источники, и проводя линии вплоть до этнографической современности, чтобы обозначить параллели в племенной номенклатуре тюркских и монгольских народов, как, например, важная и влиятельная работа А. П. Потапова [Потапов, 1969: 147–196], по поводу которой С. И. Вайнштейн категорично писал: «Предположение Н. А. Аристова (на него ссылается А. П. Потапов) о том, что южные алтайцы являются потомками гаогюйских племен, именовавшихся в китайских письменных источниках также термином теле (стр. 15), в настоящее время считается твердо установленным фактом. Группы, которые стали основой этнического состава алтайцев (телеуты-теленгуты, теленгиты и телесы), сохранили в своих названиях древний этноним теле» [Абрамзон, 1971: 175]. Ни одно из приведенных утверждений, однако, не соответствует действительности и, естественно, не может считаться сегодня «твердо установленным фактом».

Эта проблематика занимает важное место в истории и исторической филологии степной Евразии. В данной статье будет рассмотрено непосредственно название, известное по памятникам древнетюркской рунической письменности, и гомогенные формы в других источниках, безотносительно к дискуссиям о ложных параллелях, целесообразность обращения к которым отсутствует по причине наличия конкретных данных, позволяющих вполне однозначно прояснить вопрос.

Название *t'ü'l's²*, *t'ü'l's²* в источниках

В памятниках древнетюркской рунической письменности, начиная с текстов Второго Восточно-тюркского каганата, зарегистрировано слово *t'ü'l's²*, *t'ü'l's²* [Radloff, 1895: 390, 426; Радлов, 1905, ч. 2: 1261; Şirin User, 2009: 165–166; Mert, Albayrak, 2013: 99], которое ранее читалось как *tölis* ~ *töliš* или *töläs* ~ *töläš*, и уже В. Томсен сопоставил это название с *Tölös* (без долготы!) у алтайцев, которое было известно ему по трудам В. В. Радлова [Thomsen, 1896: 102, 146–147 (endnote 21)]. В то же время он, как в последующем и многие исследователи, соотнес это название с кит. *те-лэ* 鐵勒 или *тэ-лэ* 特勒 [Thomsen, 1896: 61 (note 5)]. Впрочем, уже Г. Шлегель отметил, что в последних тран-

скрипциях следует видеть передачу названия, близкого к *Terlik* или *Tilek* [Schlegel, 1896: 2 (Anm. 1)]. Позднее Ж. Хамильтон предложил в этом случае реконструкцию **tägräg* с трактовкой «*cerceau, grande roue légère*» [Hamilton, 1962: 25–26, 51 (note 6)], которая небесспорна, но в любом случае предлагает самостоятельную интерпретацию китайской транскрипции вне связи с древнетюркским названием и его ложными параллелями [Hambis, 1957: 33; Golden, 1992: 94]. Вместе с тем В. В. Бартольд [Barthold, 1897: 9], сопоставил древнетюркское именование *t'ül'Is²*, *t'ül's²* с элементом *ту-ли* 突利 (пиньин. *tū-lì* < ран. ср.-кит. **dwət / thwət-lih*, позд. ср.-кит. **thut-li*) [Pulleyblank, 1991: 311, 188]), встречающимся в китайских источниках в личных именах деятелей восточных тюрков, носивших титулы *шад* или *каган* и связанных с командованием восточной частью владений. Позже было обосновано, как предполагал еще В. Томсен (цит. выше), что это *t'ül'Is²*, *t'ül's²* контекстуально обозначает левое, восточное крыло политического объединения тюрков [Клюкин, 1932].

В памятниках древнетюркской рунической письменности енисейского бассейна отмечены орфографические формы *t'ül'š* (Е 48, стк. 7, 8; Е 55, стк. 1), *t'ül's²* (Е 147, стк. 3). Следует заметить, что все три надписи енисейского бассейна обнаружены в разных местах и имеют различные тамги (Е 48, Абакан: ; Е 55, Минусинский музей: ; Е 147, Ээрбек I:). Это, вероятно, может лишь подтверждать мнение, что в среде сообществ на территории Хакасско-Минусинской котловины это слово использовалось в качестве обозначения военно-административной единицы, может быть, одного из двух «крыльев», о чем говорит также упоминание посла от кыркызов, названного *tarduš inanči čor* в надписи Кюль тегина [Czeglédy, 1972: 278, 280].

В 841 г. в китайских источниках упоминается посол от кыркызов ко двору империи Тан по имени Ду-люй-ши Хэ 都呂施合, пиньин. *dū/dōu-lǚ-shī hé* < ран. ср.-кит. **tə-liä'-ciä'/ci-γəp/γap*, позд. ср.-кит. **tuä'-liä' /lyä'-ši-xhap* [Pulleyblank, 1991: 35, 204, 282, 123], что было реконструировано как **tölüš* (sic!) *alp* [Супруненко, 1970: 80; Зуев, 2002: 244]; оно будет обсуждаться ниже.

Слово встречено в текстах на других языках: в сочинении «Maḥrñāmag», написанном в первой четверти IX в. на среднеперсидском языке манихейским письмом, оно предстает как элемент личного имени *'āsag tūlis yināl* [Müller, 1912: 11 (Linie 97), 39 (коммент.)], в хотано-сакском документе 925 г («свиток Сталь-Гольштейна») — употребляется как обозначение группы племен в отношении Восточного Туркестана в формах *ttūliša*, *ttūdiša*, *ttūdišam* (мн. ч.) [Bailey, 1985: 95–96]. Возможно, сопоставимо с этой группой персидское *تولس* [twl.s] как название гор в стране кыркызов, в анонимном сочинении X в. «Худūd ал-‘āлам» (982–983 гг.) [Ḥudūd al-‘Ālam, 1970: 62, 283 (note 2)].

К формам, отмеченным в хотано-сакском тексте, Э. Дж. Пуллиблэнк добавляет синхронную форму *ту-люй-си* 突律似 (**tor-lür-si*), которую восстановил Фудзеда Акира, в китайском документе Р 2992v° вместо прочитанной Ж. Гамильтоном *яо-люй-цы* 突律依 [Pulleyblank, 1955: 104], значащейся как имя посла от Кочо в 931 г. [Hamilton, 1955: 118–119 (note 1), p. 151].

Фонетическая интерпретация

Хотано-сакская передача этого слова, по меткому замечанию Чэнь Хао, подтверждает прочтение огубленного гласного первого слога не как полуширокого /ö/, следуя ран-

ним версиям (начиная с В. В. Радлова и В. Томсена), а именно как узкого /ü/, т. е. как **tülis*, **tülis̃* [Chen Hao, 2021: 182 (note 122)]. Передача др.-тюрк. /ü/ посредством хот.-сак. /ū/ (либо чаще /u/) подтверждается рядом общих наблюдений, тогда как др.-тюрк. /ö/ передавался на письме через хот.-сак. /au/, либо /ā/ [Róna-Tas, 1991: 89]. Соответственно, наличие узкого огубленного гласного /ü/ не позволяет объяснить происхождение слова, например, в связи с основой, связанной с семантикой родства, ср. др.-тюрк. *töl* «потомство» (как, напр.: [Boodberg, 1979: 117; Hamilton, 1977: 518 (note 55)]).

Вариативность написания второго слога в слове в частично текстуально совпадающих между собой Хушо-Цайдамских памятниках (надпись Кюль тегина: *t²ül²Is²*; надпись Бильге кагана: *t²ül²s²*), следуя отмеченной в других случаях закономерности для первых слогов, позволяла исследователям допустить, что нерегулярно обозначаемый на письме гласный здесь соответствовал звуку, промежуточному между широким /ä/ и узким /i/ [Мелиоранский, 1899: 20–24]. Это, однако, не обязательно для непервых слогов, где также существует нерегулярность графического обозначения знака /I/ в совпадающих фрагментах обоих памятников [Mert, Albayrak, 2013: 112–113].

Отмеченная В. В. Бартольдом (цит. выше) форма в китайской передаче при реконструкции звучания отражает звучание с конечным открытым слогом (т. е. без конечного сибиланта), но в таком виде не находит непосредственных соответствий в источниках на других языках, однако помимо нее единожды известна форма *ту-ли-ши* 突利失 (пиньин. *tū-lì-shī* < ран. ср.-кит. **dwət/thwət-lih-cit*, позд. ср.-кит. **thut-li`-šit*) [Pulleyblank, 1991: 311, 188, 283]), при реконструкции соответствовавшая бы исходному варианту с конечным -š (ср.: [Kasai Yukio, 2012: 95; Kasai Yukio, 2014: 132], где в обеих работах, однако, восстанавливается первослоговый полуширокий /ö/, см. выше).

Справедливость общей реконструкции подтверждается тувинским этнонимом *түлүш* (мн. ч. *түлүштәр*), фигурирующим в названии двух племенных групп — *Адыз түлүш* и *Улуз түлүш* [Катанов, 1903: 285]¹. Для тувинского языка характерно преобразование -s > -š в абсолютном конце слов [Сравнительно-историческая грамматика..., 1984, с. 226], но в данном случае такая интерпретация необязательна.

Отмеченное в 841 г. в китайских источниках имя посла от кыркызов Доу-люй-ши Хэ 都呂施合, пиньин. *dū/dōu-lǚ-shī hé* (< ран. ср.-кит. **t²-liä`-ciä/ci-γəp/γap*, позд. ср.-кит. **tuä-liä`/lyä`-š²-xhap*) [Pulleyblank, 1991: 35, 204, 282, 123]) должно передавать форму **tülüs alp*. Кроме конечного шипящего сибиланта, китайская передача второго слога с большой вероятностью показывает огубленный характер гласного (см.: [Kasai Yukio, 2012: 104–105, 133; Kasai Yukio, 2014: 85, 88–90]). В таком случае лабиализация *tülis̃* > **tülüs̃* произошла, по меньшей мере, к первой половине IX в.

В этом же ключе следует интерпретировать и имя уйгурского посла в 931 г., указанное Э. Дж. Пуллиблэнком, *ту-люй-си* 突律似 [Pulleyblank, 1955: 104], что передает пиньин. *tū-lǚ-sì* < ран. ср.-кит. **dwət/thwət-lwit-zi'/zi'*, позд. ср.-кит. **thut-lyt-sfiz`* [Pulleyblank, 1991: 311, 205, 292], с той лишь разницей, что последний иероглиф передавал бы свистящий сибилант *-s.

¹ По данным Е. Д. Прокофьевой, разделение группы *түлүш* на две части произошло сравнительно недавно — около середины XIX в. [Прокофьева, 2011: 114].

Морфологическая природа конечного элемента, представленного преимущественно шипящим сибилантом *-š*, не ясна, что не позволяет прояснить и всю этимологию. Др.-тюрк. *tarduš*, обозначавшее правое, западное крыло политического объединения, формально типологическое по облику с **tüliš*, может быть сопоставлено со словом **tardu* [Thomsen, 1896: 63 (note 4)], зафиксированным в ряде источников на разных языках в качестве личного имени или элемента титула (ср.-греч. *Τάρδου*, кит. Да-тоу 達頭, Да-ду 達度, Да-ду 大度, Да-ду 咄度, см., напр.: [Chavannes, 1903: 241 (note 1), 363 (Index); Erkoç, 2020: 51–52]), так же, как видно, не содержащим конечного сибиланта.

Этот конечный сибилант в обеих формах, *tüliš* и *tarduš*, — по-видимому, исходно шипящий. Исследователями неоднократно отмечалось непоследовательное употребление в памятниках древнетюркской рунической письменности знаков, обозначающих сибиланты (см., напр.: [Thomsen, 1896: 36–40; Мелиоранский, 1899: 39–42]), и этот вопрос еще заслуживает объяснения².

Заключение

Рассмотренный материал позволяет однозначно утверждать, что слово *tʷlʷIs², tʷlʷs²*, отмеченное в памятниках древнетюркской рунической письменности в значении левого (или восточного) крыла политического объединения, как в отношении Второй Восточно-тюркской империи, так и Уйгурской империи, следует вокализовать как **tüliš*, то есть с узким огубленным гласным в первом слоге и узким неогубленным гласным во втором слоге. Эта реконструкция надежно подкрепляется источниками на других языках, показывающими также вторичное развитие во втором слоге лабиализации /i/ > /ü/.

Здесь же следует заметить, что какие-либо попытки связать это название со ср.-монг. **tögeles* > **töeles* > **tööles* (а за ним — названия сеока (*cöök*) алтайцев *töölös* и также племенных названий у кыргызов *döölös* или *töölös*) полностью лишены лингвистических оснований не только теперь по причине наличия этом случае долгого гласного вторичного происхождения (ср.: [Pelliot, 1949: 142 (note 2)]).

Это именование военно-административной единицы, зафиксированное в древнетюркском языке (хотя его этимология и, следовательно, происхождение пока не могут быть объяснены), пройдя определенную семантическую эволюцию, нашло отражение только в племенной номенклатуре тувинцев³.

² Согласно объяснению, предложенному О.А. Мудраком, в Хушо-Цайдамских надписях и надписи Тоньюкука, различающихся орфографией, закономерности употребления соответствующих графем, позволяют выявить отражение в текстах тенденции к палатализации спирантов **/s/ (> /ś/)* и реже **/š/ (> /ś/)* в соседстве с гласными заднего ряда, но также **/š/ (> /ś/)* в словах с узкими гласными переднего ряда [Сравнительно-историческая грамматика..., 2006: 57–58]. Палатализация /s/ перед узким неогубленным гласным, характерная для чувашского языка и для монгольских языков, не отмечается другими исследователями для древнетюркского языка [Erdal, 2004: 223].

³ Образования вроде *télëu* у казахов-жетыру, *télën* у кыргызов-солто, *téлес* или *толос* у каракалпак-ков-кыпшак [Лезина, Суперанская, 1994: 374, 384] можно объяснить в первых двух случаях в связи с основой *tölä-* 'to pay (a debt), repay (a loan)', вероятно, заимствованной из монгольской среды [Clouston, 1972: 492; Радлов, 1905, т. 1: 1260 след.], как первичные отглагольные имена с аффиксами *-(X)g* и *-(X)h* соответственно; последнее из трех нуждается в проверке, так же как и названия подразделения *толос* или *телес* в составе группы *алты ата* племени *кыпшак* объединения *он төрт уруу* [Каракалпакско-русский словарь, 1958, с. 786].

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–00385 «Трансформация этнической карты монгольского и тюркского населения: Южная и Восточная Сибирь XVII–XIX вв. в составе Российского государства», [https://rscf.ru/project/24–28–00385/](https://rscf.ru/project/24-28-00385/) (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН).

Acknowledgements and funding

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 24–28–00385 “Transformation of the Ethnic Map of the Mongolian and Turkic Population: South and East Siberia in the 17th–19th centuries as a Part of the Russian State”, [https://rscf.ru/project/24–28–00385/](https://rscf.ru/project/24-28-00385/) (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамзон С. М. [Рец. на] Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк, Л., 1969. 196 с. // Советская этнография. 1971. № 5. С. 173–176.

Бартольд В. В. [Рец. на] É. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par Aves une carte // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 342–362.

Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.

Каракалпакско-русский словарь: около 30 000 слов / под ред. проф. Н. А. Баскакова. М.: ГИС, 1958. 892 с.

Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань: типо-лит. Имп. Казанск. ун-та, 1903. Т. 1–2. [2], XLII, 1540, LX с., 14 л. табл.

Клюкин И. А. Новые данные о племени тардуш'ей и толис'ов // Вестник Дальневосточного отделения АН СССР. 1932. № 1–2. С. 91–98.

Лезина И. Н., Суперанская А. В. Ономастика: словарь-справочник тюркских родоплеменных названий: в 2 ч. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухотки РАН, 1994. Ч. 1–2. 466 с.

Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина. С двумя таблицами надписей // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1899. Т. XII, вып. II–III (с приложением 11 таблиц). С. 1–144.

Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев: Историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969. 196 с.

Прокофьева Е. Д. Процесс национальной консолидации тувинцев / подг. рукописи к публикации В. А. Кисель; автор предисл. и очерка о Е. Д. Прокофьевой В. А. Кисель; сост. примечаний и комментариев В. А. Кисель и В. Н. Тамба. СПб.: Наука, 2011. 538 с.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1905. Т. II. Ч. 1. Стб. 1–1260.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1905. Т. III. Ч. 2. Стб. 1261–2204. 98 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дубо. М.: Наука, 2006. 908 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1984. 488 с.

Супруненко Г.П. Из древнекыргызской ономастики // Советская тюркология. 1970. № 3. С. 79–81.

Bailey H. W. *Indo-Scythian Studies, being Khotanese Texts* [Индо-скифские исследования, включающие Хотано-сакские тексты]. Vol. VII. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. xv, 147 p.

[Boodberg P.A.] *Selected Works of Peter A. Boodberg* [Избранные труды Питера А. Будберга] / Comp. by A. P. Cohen. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1979. xix, 502 p.

Chen Hao. *A History of the Second Türk Empire (ca. 682–745 AD)* [История Второго Тюркского каганата (ок. 682–745 гг. н. э.)]. Leiden: Brill, 2021. XVI, 316 p.

Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish* [Этимологический словарь тюркского языка до XIII в.]. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.

Czeglédy K. *On the Numerical Composition of the Ancient Turkish Tribal Confederations* [О численном составе древних тюркских племенных конфедераций] // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. T. XXV. *LVDOVICO LIGETI SEPTVAGENARIO NOS VOLVMEN DAMVS DICAMVS DEDICAMVS*. P. 275–281.

Erdal M. *A Grammar of Old Turkic* [Грамматика древнетюркского языка]. Leiden; Boston: Brill, 2004. xii, 575 p. (Handbook of Oriental Studies. Section 8. Central Asia. No. 3)

Golden P. B. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East* [Введение в историю тюркских народов: Этногенез и образование государств в средневековой и ранней современной Евразии и на Ближнем Востоке]. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. xvii, 483 p. (Turkologica. Bd. 9).

Ḥudūd al-'Ālam: «The Regions of the World», A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. [«Регионы мира», Персидская география 372 г. х. — 982 г. н. э.]. 2nd ed. London: Luzac, 1970. lxxxii, 524 p. (E. J. W. Gibb Memorial Series. N. S. XI).

Kasai Yukiyo. *The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th-9th Century: Focused on the Original Word Transcribed as tū jué 突厥* [Китайские фонетические транскрипции древнетюркских слов в китайских источниках VI–IX веков: с акцентом на исходном слове, транскрибируемом как ту-цзюэ 突厥] // *Nairiku ajia gengo no kenkyū 内陸アジア言語の研究* [Исследования языков Внутренней Азии]. 2014. Vol. XXIX. P. 57–135.

Pulleyblank E. G. [Rev.] *LES OUÏGHOURS À L'ÉPOQUE DES CINQ DYNASTIES*. By JAMES HAMILTON. *Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises*, Vol. X. Paris. 1955 [Рец. на: УЙГУРЫ В ЭПОХУ ПЯТИ ДИНАСТИЙ. Автор ДЖЕЙМС ГАМИЛЬТОН. Библиотека Института высших китайских исследований, Т. X. Париж. 1955] // *Journal of the Royal Asiatic Society* [Журнал Королевского азиатского общества]. 1957. Vol. 89. Iss. 1–2. P. 103–104.

Pulleyblank E. G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin [Лексикон реконструированного произношения для раннего среднекитайского, позднего среднекитайского и раннемандаринского языков]. Vancouver: UBC Press, 1991. vii, 488 p.

Róna-Tas A. An Introduction to Turkology [Введение в тюркологию]. Szeged: Universitas Szegediensis de Attila József nominata, 1991. 171 p.

Barthold W. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften [Историческое значение древнетюркских надписей] // Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold: Die Historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften [Радлов В. Древнетюркские надписи Монголии. Новая серия. С приложением статьи В. Бартольда «Историческое значение древнетюркских надписей»]. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1897. P. 1–36 (на нем. языке).

Chavannes É. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux [Документы о западных ту-цзюэ (тюрках)]. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve, 1903. IV, 380 p. (на фр. языке).

Hambis L. Notes sur la trois tribus de l'Yénissei supérieur les Us, Qarqanas et Tälängüt [Заметки о трех племенах Верхнего Енисея: ус, капканас и теленгут] // Journal Asiatique. 1957. T. 265. No 1. P. 25–37 (на фр. языке).

Hamilton J. Toquz-Oguz et On-Uyur [Токуз-огузы и Он-уйгуры] // Journal Asiatique. 1962. Vol. CCL. Pt. 1. P. 23–63 (на фр. языке).

Hamilton J.R. Les ouïghours á l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois [Уйгуры в эпоху Пяти династий по китайским документам]. Paris: Presses Universitaires de France, 1955. 201 p. (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises. Vol. X) (на фр. языке).

Hamilton J.R. Nasales instables en turc khotanais du Xe siècle [Нестабильные носовые в хотанском тюркском языке X века] // Bulletin of the School of Oriental and African Studies (BSOAS), University of London [Вестник Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета]. 1977. Vol. XL. No 3. P. 508–521 (на фр. языке).

Kasai Yukiyo. Die alttürkischen Wörter aus Natur und Gesellschaft in chinesischen Quellen (6. und 9. Jh.). Der Ausgangsterminus der chinesischen Transkription tū jué 突厥 [Древнетюркские слова, обозначающие природу и общество, в китайских источниках (VI–IX вв.). Исходная форма китайской транскрипции ту-цзюэ 突厥] // «Die Wunder der Schöpfung». Mensch und Natur in der türkischsprachigen Welt [«Чудеса творения»: Человек и природа в тюркоязычном мире]. Würzburg: Ergon-Verlag, 2012. P. 81–141. (Istanbuler Texte und Studien. Bd. 9). (на нем. языке).

Müller F. W. K. Ein doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Maḥrnâmag) [Двойной лист из манихейского сборника гимнов (Махрнâмаг)] // Abhandlungen der Königlich Preußischen Akademie Der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse [Труды Королевской Прусской Академии наук. Философско-историческое отделение]. Berlin: Verlag der Königlich Akademie der Wissenschaften in Commission bei Georg Reimer, 1912. Nu 5. Abh. V. P. 1–40 (на нем. языке).

Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, suivi de «Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en -ar (är), -ur (ür), -ir (ir)» [Заметки по истории Золотой Орды,

с приложением «Некоторые тюркские имена людей и народов, оканчивающиеся на -ar (är), -ur (ür), -ir (ir)». Paris: Adrien-Maisonneuve, 1949. 292 p. (на фр. языке).

Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei [Древнетюркские надписи Монголии]. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1895. III. Lief. viii, 460 p. (на нем. языке).

Schlegel G. Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara Balgassun [Китайская надпись на уйгурском памятнике в Кара-Балгасуне]. Helsingfors, 1896. XV, 141 S. (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. T. IX). (на нем. языке).

Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées [Расшифрованные орхонские надписи]. Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise, 1896. 224 p. (на фр. языке).

Erkoç N. İ. Tiele (鐵勒) ve Töliş I [Теле (鐵勒) и Тёлиш I] // Prof. Dr. Zafer Önler Armağanı [Сборник в честь проф. д-ра Зафера Онлера] / ed. O. Özer. Ankara: Kanguru Yayınları, 2017. P. 395–455 (на турец. яз.).

Erkoç N. İ. Tiele (鐵勒) ve Töliş II [Теле (鐵勒) и Тёлиш II] // Türkistan'dan Anadolu'ya Tarihin İzinde. Prof. Dr. Mehmet Alpargu'ya Armağan [По следам истории от Туркестана до Анатолии: сборник в честь проф. д-ра Мехмета Алпаргу] / ed. Z. İskefiyeli, M. B. Çelik. 1. Baskı. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık, 2020. Cilt 1. P. 30–71 (на турец. яз.).

Mert O., Albayrak F. Köl Tigin ve Bilge Kağan Yazıtlarının Metinlerinde Ünlülerin Yazımıyla İlgili Karşılaşılan Farklılıklar [Разночтения, встречающиеся в написании гласных в текстах памятников Кюль-тегина и Бильге-кагана] // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi [Международный журнал тюркской литературы, культуры и образования]. 2013. Sayı 2/2. P. 86–115 (на турец. языке).

Şirin User N. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi [Надписи Кёктюркского и Уйгурского каганатов в Отыкене: Анализ лексики]. Копуя: Kömen Yayınları, 2009. 548 p. (на турец. языке).

References

[Boodberg P.A.] *Selected Works of Peter A. Boodberg*. Compiled by A. P. Cohen. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1979, xv, 502 p.

Abramzon S. M. [Review] L. P. Potapov. Etnicheskie sostav i proiskhozhdenie altaitsev. Istoriko-etnograficheskie ocherk, L., 1969, 196 s. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1971, no 5, pp. 173–176 (in Russian).

Bailey H. W. *Indo-Scythian Studies, being Khotanese Texts*. Vol. VII. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, xv, 147 p.

Barthold V. V. [Review] É. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés parr Avec une carte. Barthold V. V. *Sochineniya* [Works]: in 9 vols. Vol. 5. *Raboty po istorii i filologii tiurkskikh i mongol'skikh narodov* [Works on the History and Philology of the Turkic and Mongolic Peoples]. Moscow: Nauka, 1968, pp. 342–362 (in Russian).

Barthold W. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften [The Historical Significance of the Old Turkic Inscriptions]. Radloff W. *Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei* [The Old Turkic Inscriptions of Mongolia] New Series. With an essay by W. Barthold «The Historical Significance of the Old Turkic Inscriptions». St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1897, pp. 1–36 (In German).

Chavannes É. *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux* [Documents on the Western Tu-jue (Turks)]. Paris: Adrien Maisonneuve, 1903, IV, 380 p. (In French).

Chen Hao. *A History of the Second Türk Empire (ca. 682–745 AD)*. Leiden: Brill, 2021, XVI, 316 p.

Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.

Czeglédy K. On the Numerical Composition of the Ancient Turkish Tribal Confederations. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. T. 25. LVDOVICO LIGETI SEPTVAGENARIO HOC VOLVMEN DAMVS DICAMVS DEDICAMVS, pp. 275–281.

Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: Brill, 2004, xii, 575 p.

Erkoç H. İ. Tiele (鐵勒) ve Töliş I [Tiele (鐵勒) and Tölish I]. *Prof. Dr. Zafer Önler Armağanı* [Festschrift for Prof. Dr. Zafer Önler]. Ed. by O. Özer. Ankara: Kanguru Yayınları, 2017, pp. 395–455 (in Turkish).

Erkoç H. İ. Tiele (鐵勒) ve Töliş II [Tiele (鐵勒) and Tölish II]. *Türkistan'dan Anadolu'ya Tarihin İzinde. Prof. Dr. Mehmet Alparğu'ya Armağan* [Tracing History from Turkestan to Anatolia: Festschrift for Prof. Dr. Mehmet Alparğu]. Ed. by Z. İskefiyeli, M. B. Çelik. Vol. 1. Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık, 2020, pp. 30–71 (in Turkish).

Golden P. B. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992, xvii, 483 p. (Turkologica. Bd. 9).

Hambis L. Notes sur la trois tribus de l'Yénissei supérieur les Us, Qapqanas et Tälängüt [Notes on the Three Tribes of the Upper Yenisei: the Us, Qapqanas and Tälängüt]. *Journal Asiatique*. 1957, t. 265, no 1, pp. 25–37 (In French).

Hamilton J. Toquz-Oğuz et On-Uyğur [Toquz-Oghuz and On-Uyghur]. *Journal Asiatique*. 1962, t. 250, no 1, pp. 23–63 (in French).

Hamilton J. R. *Les ouïghours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois* [The Uyghurs during the Five Dynasties Period, according to Chinese Documents]. Paris: French University Press, 1955. 201 p. (In French).

Hamilton J. R. Nasales instables en turc khotanais du Xe siècle [Unstable Nasals in the Khotanese Turkic of the 10th Century]. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies (BSOAS), University of London*. 1977, vol. 40, no 3, pp. 508–521 (in French).

Ḥudūd al-'Ālam: «The Regions of the World», A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. 2nd ed. With the preface by. London: Luzac, 1970, lxxxii, 524 p.

Karakalpaksko-russkii slovar' [A Karakalpak-Russian Dictionary]: about 30 000 words. Ed. by N. A. Baskakov. Moscow: GIS, 1958, 892 p. (In Russian).

Kasai Yukiyo. Die alttürkischen Wörter aus Natur und Gesellschaft in chinesischen Quellen (6. und 9. Jh.). Der Ausgangsterminus der chinesischen Transkription *tū jué* 突厥 [Old Turkic Words from Nature and Society in Chinese Sources (6th–9th Centuries). The Initial Point of the Chinese Transcription *Tūjué* (突厥)]. «*Die Wunder der Schöpfung*». *Mensch und Natur in der türksprachigen Welt* [«The Wonders of Creation»: Man and Nature in the Turkic-Speaking World] Ed. by B. Heuer, B. Kellner-Heinkele, C. Schönig. Würzburg: Ergon-Verlag, 2012, pp. 81–141 (in German).

Kasai Yukiyo. The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th–9th Century: Focused on the Original Word Transcribed as *tū jué* 突厥. *Nairiku ajia gengo no kenkyū* 内陸アジア言語の研究 / *Studies on the Inner Asian languages*. 2014, vol. 29, pp. 57–135.

Katanov N. F. *Opyt issledovaniya uriankhaiskogo yazyka, s ukazaniem glavneishikh rodstvennykh otnoshenii ego k drugim yazykam tiurkskogo kornya* [An Experience of Study of the Uryankhai Language, with an Indication of its Main Relationships to Other Languages of Turkic Origin]. Kazan: Kazan University, 1903, Vol. 1–2. [2], XLII, 1540, LX p., 14 sheets tabl. (In Russian).

Kliukin I. A. *Novye dannye o plemeni tardush'ei i tolis'ov* [A New Data on the Tardush and Tolis Tribes]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Akademii Nauk SSSR* [Bulletin of the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences]. 1932, no 1–2, pp. 91–98 (in Russian).

Lezina I. N., Superanskaia A. V. *Onomastika: slovar' — spravochnik tiurkskikh rodoplemennykh nazvanii* [Onomastics: A Dictionary-reference Book of Turkic Tribal Names]: in 2 vols. Vol. 1–2. Moscow: In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya RAN, 1994, 466 p. (In Russian).

Melioranskii P. M. *Pamiatnik v chest' Kiul' — Tegin. S dvumia tablitsami nadpisei* [A Monument in Honor of Kül Tegin]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Russkogo arkhelogicheskogo obshchestva* [Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society]. 1899, vol. 12, iss. 2–3, pp. 1–144 (in Russian).

Mert O., Albayrak F. *Köl Tigin ve Bilge Kağan Yazıtlarının Metinlerinde Ünlülerin Yazımıyla İlgili Karşılaşılan Farklılıklar* [Discrepancies Encountered in the Spelling of Vowels in the Texts of the Köl Tigin and Bilge Kağan Inscriptions]. *Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi* [International Journal of Turkish Literature Culture Education (TEKE)]. 2013, vol 2/2, pp. 86–115 (in Turkish).

Müller F. W. K. *Ein doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Maḥrnâmag)* [A Double Leaf from a Manichaeon Hymnbook (Maḥrnâmag)]. *Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie Der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse* [Treatises of the Royal Prussian Academy of Sciences. Philosophical-Historical Class]. Berlin: Verlag der Königlich Akademie der Wissenschaften in Commission bei Georg Reimer, 1912, no 5, dep. 5, pp. 1–40 (in German)

Pelliot P. *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, suivi de «Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en -ar (är), -ur (ür), -ir (ir)»* [Notes on the History of the Golden Horde, followed by «Some Turkic Names of Men and Peoples Ending in -ar (-är), -ur (-ür), -ir (-ir)»]. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1949, 292 p. (In French).

Potapov L. P. *Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev. Istoriko-etnograficheskii ocherk* [An Ethnic Composition and Origin of the Altaians. A Historical and Ethnographic Essay]. Leningrad: Nauka, 1969, 196 p. (In Russian).

Prokof'eva E. D. *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev* [The Process of National Consolidation of Tuvans], publ. by V. A. Kisel'; introduction by V. A. Kisel'; comment. by V. A. Kisel', V. N. Tamba. St. Petersburg: Nauka, 2011, 538 p. (In Russian).

Pulleyblank E. G. [Rev.] LES OUÏGHOURS À L'ÉPOQUE DES CINQ DYNASTIES. By JAMES HAMILTON. Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises, Vol. X. Paris. 1955. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1957, vol. 89, iss. 1–2, pp. 103–104.

Pulleyblank E. G. *A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. Vancouver: UBC Press, 1991. vii, 488 p.

Radloff W. *Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei* [The Old Turkic Inscriptions of Mongolia]. Issue 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1895, viii, 460 p. (In German)

Radloff W. *Opyt slovarya tiurkskikh narechii* [An Experience of a Dictionary of Turkic Dialects]. Vol. 3, pt. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1905, col. 1–1260 (in Russian and German).

Radloff W. *Opyt slovarya tiurkskikh narechii* [An Experience of a Dictionary of Turkic Dialects]. Vol. 3, pt. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1905, col. 1261–2204, 98 p. (In Russian and German).

Róna-Tas A. *An Introduction to Turkology*. Szeged: Universitas Szegediensis de Attila József nominata, 1991, 171 p.

Schlegel G. *Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara Balgassun* [The Chinese Inscription on the Uyghur Monument in Kara Balgassun]. Helsingfors, 1896, XV, 141 p. (In German)

Şirin User H. *Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi* [Inscriptions of the Köktürk and Ötüken Uyghur Qaghanates: A Lexical Analysis]. Konya: Kömen, 2009, 548 p. (In Turkish)

Suprunenko G. P. Iz drevnekyrgyzskoi onomastiki [From Old Kyrgyz Onomastics]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology]. 1970, no 3, pp. 79–81 (in Russian).

Tenishev (ed.) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Fonetika* [A Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages. Phonetics]. Moscow: Nauka Publ., 1984, 488 p. (In Russian).

Tenishev, A. V. Dybo (eds.) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratiurkskii yazyk-osnova. Kartina mira pratiurkskogo etnosa po dannym iazyka* [A Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages. The Proto-Turkic Language is the Basis. The Picture of the World of the Proto-Turkic Ethnos]. Moscow: Nauka Publ., 2006, 908 p. (In Russian).

Thomsen V. *Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées* [The Orkhon Inscriptions Deciphered]. Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise, 1896, 224 p. (In French).

Zuev Yu. A. *Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii* [Early Turks: Essays on History and Ideology]. Almaty: Daik-Press, 2002, 338 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 10.12.2024

Принята к публикации: 11.12.2024

Дата публикации: 31.03.2026

УДК 902.1; 8

DOI 10.14258/nreur(2026)1–04

Н. В. Жилина

Институт археологии РАН, Москва (Россия)

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ И ПРИЖИЗНЕННЫЙ УБОР В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (IV–VII ВВ.)

Целью статьи является сравнительный анализ прижизненного и погребального уборов, соответствующих язычеству и христианству. Рассматривается материал Византии, Западной Европы и славянского мира.

Основные источники по прижизненному убору: клад, «гардероб» из погребения; изображение человека и описание в процессе жизнедеятельности. Основные источники по погребальному убору: предметы, надетые или положенные вблизи тела в погребении; изображения и описания его облачения в процессе погребения.

Для языческого мира мертвых важна система ценностей земной жизни, погребальный убор отражает социальный статус и богатство человека при жизни до неумеренности, является праздничным или официальным вариантом прижизненного костюма.

Согласно нормам христианства после смерти человек не нуждается в материальных ценностях, обновляется, его минимально простая и светлая погребальная одежда близка к аскетизму. В дальнейшем приобретает важность отражение статуса человека при жизни с помощью сдержанно выбираемых материальных предметов и духовных христианских символов.

Убор, восстанавливаемый покладам и погребениям, отражает не всю жизненную сферу человека, а типичную, парадную, праздничную.

Как в языческом, так и в христианском погребальном уборе используются детали, отступающие от работающей прижизненной конструкции, используются заменители реальных вещей. Детали убора могут не прикрепляться, а накладываться сверху. В погребальном костюме монарха отсутствуют драгоценные инсигнии, остающиеся нужными земной власти.

Погребальные облачения включают практичные части и детали, которых нет в прижизненных: пелены, саван.

Ключевые слова: убор, костюм, украшения, инсигнии, погребальный, прижизненный, язычество, христианство, мир мертвых, раннее Средневековье

Цитирование статьи:

Жилина Н. В. Погребальный и прижизненный убор в эпоху раннего Средневековья // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 1. С. 62–82. DOI 10.14258/nreur(2026)1–04

Жилина Наталья Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: nvzhilina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0880-6434>

N. V. Zhilina

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

FUNERAL AND LIFETIME ATTIRE IN THE EARLY MIDDLE AGES

The aim of the article is a comparative analysis of lifetime and burial attire corresponding to paganism and Christianity. The material from Byzantium, Western Europe and the Slavic world is examined.

The main sources for lifetime attire are: treasure, “wardrobe” from the burial; image and description of a person during life. The main sources for burial attire: thins worn or put near a body during burial; images and descriptions of his attire during burial.

For the pagan world of the dead, the value system of earthly life is important, the burial attire reflects the social status and wealth of a person during life to the immoderation, it is a festive or official version of lifetime attire.

According to the norms of Christianity, after death a person does not need in material values, man is renewed, his minimally simple and light burial clothes are ascetic. Then, the reflection of a person's status during life with the help of restrainedly chosen material objects and spiritual Christian symbols becomes important.

The attire reconstructed from hoards and burials does not reflect the entire sphere of a person's life, but a typical, ceremonial, festive one.

Both pagan and Christian burial attire used parts that deviate from the working lifetime design, substitutes for real things were used. The details of the attire may not be attached, but imposed on. The burial costume of the monarch lacks precious insignia, which remain necessary for earthly power.

Burial vestments include practical parts that are not present in lifetime ones: shroud, veils.

Keywords: attire, costume, adornments, insignia, burial, lifetime, paganism, Christianity, world of the dead, early Middle Ages

For citation:

Zhilina N. V., Funeral and lifetime attire in the early Middle Ages. *Nations and religions of Eurasia*. 2026, № 1. P. 62–82. DOI 10.14258/nreur(2026)1–04

Zhilina Natalia Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Department of Medieval Archeology, Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). **Contact address:** nvzhilina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0880-6434>

Введение

Под термином «убор» или «костюм» понимается весь комплекс одежды и украшений; если имеются в виду только украшения, говорится: убор из украшений.

В практике археологических исследований более удачным источником по прижизненному убору считаются погребения, так как, в противоположность кладам, они показывают размещение одежды и украшений на человеке. Однако, согласно нормам различных религиозных представлений и конфессий, погребальный убор не обязательно должен совпадать с ношением при жизни [Жилина, 2001].

Двумя важными религиозными системами раннего Средневековья были языческая и христианская. Поэтому необходим сравнительный анализ соотношения прижизненного и погребального уборов, свойственных каждой из систем. Как люди должны выглядеть в средневековых мирах мертвых, языческом и христианском? Чем это отличается от облика в земной жизни или, наоборот, чем сходно с ним?

При переходе к другой религии у людей и целых народов возникали более сложные представления, отдававшие должное и прежним, и новым нормам. При этом разница между самими представлениями все равно оставалась и выражалась либо в непоследовательности обрядов, либо в их внутреннем подразделении. Христианская религия, как указывает А. Я. Гуревич, оттеснила языческое мировоззрение из официальной сферы, но оно осталось в общественном сознании [Гуревич, 1975: 11].

В работе использован в основном историко-сравнительный метод исследования. Рассматривается материал Западной Европы, Византии, славянского мира.

Поскольку для поставленной цели важно именно сравнение, выборочно используются такие показательные пары синхронных примеров, которые могут продемонстрировать различия или сходства.

Основные источники по прижизненному и погребальному уборам

Безусловным источником о прижизненном уборе является клад. Именно украшения, находящиеся в его составе, люди носили и сохраняли. Украшения из клада имеют работающую конструкцию или конструктивные детали, важные при практическом ношении при жизни человека.

Комплекс «гардероба», собранного в погребении, также отражает прижизненную сферу, так как в ней накоплен. Костюм для следующей, загробной жизни в определенной мере отражает земной.

Сведения о прижизненном костюме дают изображение одетого человека в процессе жизнедеятельности, характеристика его костюма в письменном источнике.

Прямой источник о погребальном уборе — комплекс вещей, надетых на человека в погребении или положенных в непосредственной близости к телу.

Погребаемый человек как член социума при жизни разделял принятые нормы погребения, участвовал в их поддержании (хоронил других). Поэтому он не абсолютно

непричастен к своему погребению. Он сам мог к нему готовиться (заготавливать материалы, оставлять завещание) и даже вносить изменения относительно принятого порядка, если хотел.

Погребальный убор из украшений и костюм отражают представления о мире мертвых той конфессии, к которой относится умерший. При этом также может проявиться непоследовательность представлений.

Облик человека в средневековых мирах мертвых, языческом и христианском

1. Языческий мир мертвых

Мир физически умерших (мир мертвых) включен в представления о более широком божественном или мифологическом мире, находит в нем место или время, так или иначе с ним соотносится.

На представления о жизни после смерти людей переносятся образы и система ценностей современной им земной жизни. В соответствии с социальным положением и конкретным жизненным путем человека для него создаются различные пристанища в загробном мире. Это или усовершенствованная до идеала земная жизнь — или, наоборот, место постоянных лишений и мучений.

Представления кельтов об ином мире характеризуют среду, состоящую из разных благоприятных мест: земля живых, долина наслаждения, земля счастья, земля женщин/фей. Иной мир расположен на отдельных островах, в недрах холмов¹ или на дне озер. В «страну живых» после физической смерти попадают избранные, это лучшая часть мира смерти. Герой древнеирландской саги «Исчезновение Кондлы Прекрасного» уплывает туда в стеклянной ладье в сопровождении женщины в «невиданной» одежде. Костюм данной категории персонажей, сопровождающих людей в иной мир, — медаторов имеет особый необычный характер, отличающийся от земной одежды. Представлению о райских местах противостоит образ «острова мертвых», воплощение мрачности [Михайлова, 2002: 155–162, 178].

Представления о языческом мире мертвых, включенном в божественный мир, наиболее хорошо известны из скандинавской мифологии, с ними находят параллели представления других германских и кельтских народов. В основе составленных литературных переложений лежит поэзия древних сказителей начала новой эры. В престижную Вальхаллу Одина попадает воин, погибший в бою, не бросивший своего оружия. Вальхалле, возможно, соответствует часть Иного мира кельтов (земля женщин, фей, вечной юности). Противоположность этой части мира мертвых — Хель, куда попадают люди, умершие обычной смертью [Петрухин, 2011: 64–70, 163, 194].

В благоприятные для дальнейшей жизни «пределы Предвечного», согласно заветам предков, должен уплыть на льдисто-искрящемся корабле и первый датский король Скильд Скевинг, снискавший земными подвигами власть и славу. Место, куда поплывет погребальный корабль, не известно провожающим его людям, он «будет скитаться по воле течений» [Беовульф, 1975: 29–31]². Просматривается параллель двух кораблей,

¹ Сид — чудесное место, часть Иного мира [Михайлова, 2002: 155, 156].

² Англо-саксонская рукопись «Беовульф» создана около 1000 г., само эпическое произведение возникло в конце VII — первой трети VIII в. [Гуревич, 1975: 8–10].

осуществляющих сообщение с земным миром: прибытие и убытие. На первом утлом судне, но также с богатством, младенец-найденыш Скильд причалил к берегам земли — это отражает рождение человека как прибытие его из иного мира. На роскошном боевом погребальном корабле король Скильд Скевинг убывает в иной мир — это отражает физическую смерть и продолжение жизни в ином мире.

Языческий мир мертвых по сути аналогичен земному, там те же ценности. Поэтому для продолжения жизни туда надо попадать в соответствии с достигнутым прижизненным статусом и с накопленным богатством. Костюм должен отразить этот статус и состоятельность. Человека погребают в праздничном или официальном костюме.

Данные о прижизненном костюме *рядовых европейцев* — рельефные изображения на колонне Марка Аврелия; одежда погибших на болотах, не захороненных специально или принесенных в жертву, показывает практически одинаковый костюм. У мужчин он состоит из туникообразной рубашки и штанов, драпированного плаща с застежкой-фибулой на плече. У женщин он состоит из двух слоев, нижний — туникообразное платье с рукавами, верхний — платье, сохраняющее драпированность, подобное хитону (Тодд, 2005: раздел «Одежда») (рис. 1: I-1, 2).

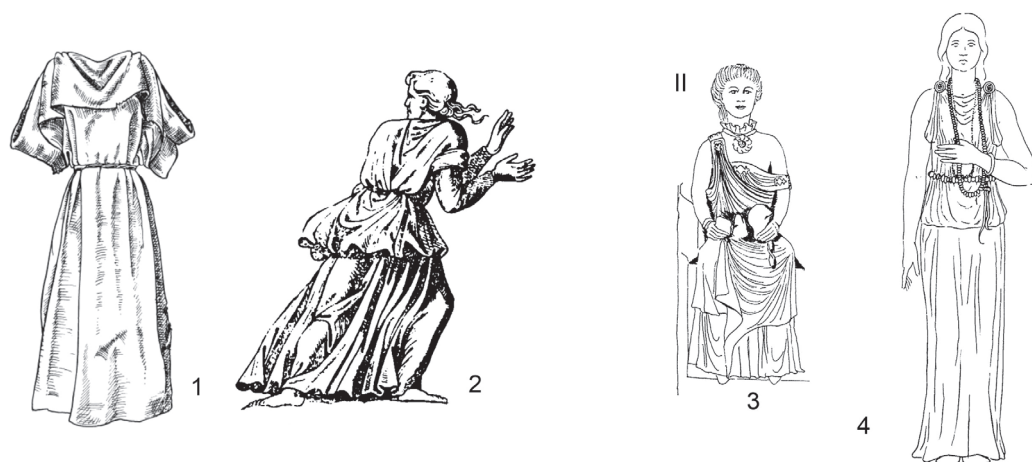

Рис. 1. Европейская одежда первых веков н. э.: I — прижизненный костюм, 1 — женское платье, Хульдремосе, Дания, болотный комплекс [Тодд, 2005: «Одежда»]; 2 — неримские женщины, колонна Марка Аврелия. II в. [Вейс, 2000: рис. 226]; II — погребальный костюм, 3 — погребальная скульптура, Рейнская долина, I — начало II в.; 4 — погребение из Нидерландов, Звеллоо, провинция Дренте, начало V в., реконструкция J. Ypei [Owen-Crocker, 1986: fig. 21, 22]

Fig. 1. European clothing of the first centuries AD: I — lifetime costume, 1 — female dress, Huldremose, Denmark, bog complex [Todd, 2005: «Clothing»]; 2 — non-Roman women, Column of Marcus Aurelius, 2nd century [Weiss, 2000: fig. 226]; II — burial costume, 3 — burial sculpture, Rhine Valley, 1st — early 2nd century; 4 — burial from the Netherlands, Zweloo, Drenthe province, early 5th century, reconstruction by J. Ypei [Owen-Crocker, 1986: fig. 21, 22]

Примеры женского погребального костюма дают: погребальная скульптура женщины Мениманы I — начала II в. н. э. (рис. 1: II.-3); реконструкция по погребению из Нидерландов (Звелоо, провинция Дренте, северо-восток) начала V в. (рис. 1: II, 4) [Owen-Crocker. 1986: 30, 31].

Наблюдается сходная конструкция двухфибульного верхнего платья с сохранением драпированности, иногда сшиваемого на плечевых участках, и туникообразного нижнего. В наиболее торжественных случаях, при необходимости соответствия статусу, могло надеваться только это платье.

Тем не менее при сходстве общего типа костюма наблюдаются и некоторые отличия. При общем совпадении конструкции одежды с прижизненной на основании археологических исследований англо-саксонских погребений отмечается, что вместо фибул в погребениях используются их заменители, выполненные из непрочных материалов, или даже другие предметы (пряжки, костяные иглы, роговые кольца, деревянный клин) [Owen-Crocker, 2004. P. 46, 47].

Раннеславянские представления о мире мертвых практически неизвестны, но материалы для сравнения прижизненного и погребального убора есть.

Гипотетические реконструкции убора по кладам с территории «древностей антов» и современных им ингумаций принципиально совпадают [Рыбаков, 1953: рис. 19; Щеглова, 1999: рис. 16]. Обильно-металлический убор из украшений соответствует женскому костюму с платьем драпированной стадии, скалываемым фибулами (рис. 2: I.-3; II.-4).

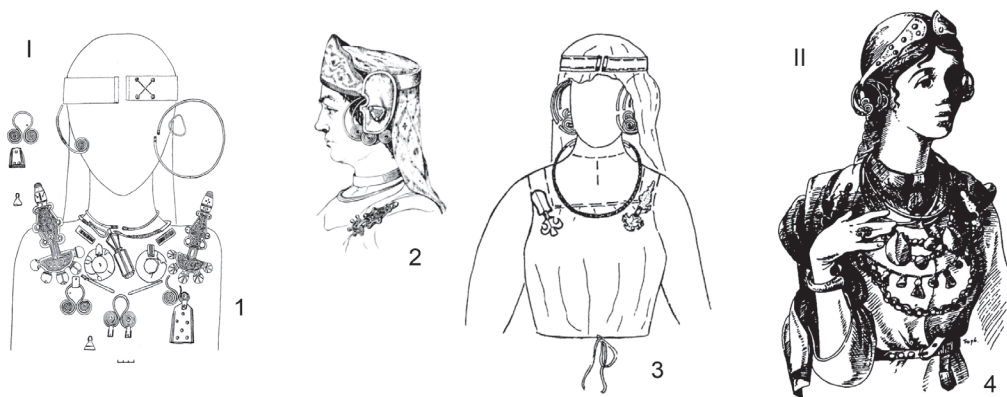

Рис. 2. Днепровский убор с височными кольцами, конец VI — VII в., реконструкции: I — прижизненный, 1 — типовая, по кладу в Гапоново [Гавритухин, Обломский, 1996: рис. 57]; 2 — по кладу в Мартыновке [Рыбаков, 1953: рис. 19]; 3 — по Трубчевскому кладу [Щеглова, 1999: рис. 16]; II — погребальный, 4 — по погребению в с. Мохнач Харьковской обл. [Аксенов, Бабенко, 1998: рис. 5]

Fig. 2. Dnieper attire with temple rings, late 6th — 7th century, reconstructions: I — lifetime, 1 — typical, based on the hoard in Gaponovo [Gavritukhin, Oblomsky, 1996: fig. 57]; 2 — based on the hoard in Martynovka [Rybakov, 1953: fig. 19]; 3 — based on the Trubchevsk hoard [Shcheglova, 1999: fig. 16]; II — burial, 4 — based on the burial in the village of Mokhnach, Khar'kov region [Aksenov, Babenko, 1998: fig. 5]

Восстанавливается громоздкая конструкция ленточного головного убора с крупными боковыми головными украшениями (рис. 2: I.-1–3). Такое головное убранство — своеобразный футляр, создающий постановку головы, закрепление ее во фронтальном положении. Волосы собраны, заплетены и подняты вверх, лицевые нарядные части хорошо видны. Такой вариант был праздничным и погребальным, в нем женщина не работала. Височные металлические кольца удобны для скрепления остальных деталей из разнородных материалов в одну конструкцию, фиксации на голове, в том числе за счет присоединения к волосам и ушам [Жилина, 2022].

Боковая деталь в виде наушника вполне реально могла входить в головной убор, так как она имеет конструктивные детали для соединения и украшена в одном стиле с венками — тисненым орнаментом. Деталь в виде наушника хорошо прослеживается в европейской и славяно-русской традиции по изображениям и этнографическим материалам [Жилина, 2010: 50, 51; рис. 2]. Находок целой округлой наушной детали пока не известно³.

Для эпохи раннего Средневековья есть данные о прижизненном и погребальном костюме *высших представителей элиты*.

Статусный костюм короля династии Меровингов Хильдерика I (V в. н. э.) известен по изображению с именем короля на перстне, надетом на его палец при погребении. На перстне просматривается верх драпированной одежды, вероятно, плаща, доспехи; на левом плече — овальная удлинненная фибула (возможно, здесь парные фибулы, но правая не видна из-за копья). Прическа включает локоны по сторонам головы с пышными округлыми завершениями, напоминающими провизантийские рясна (рис. 3: I.-1).

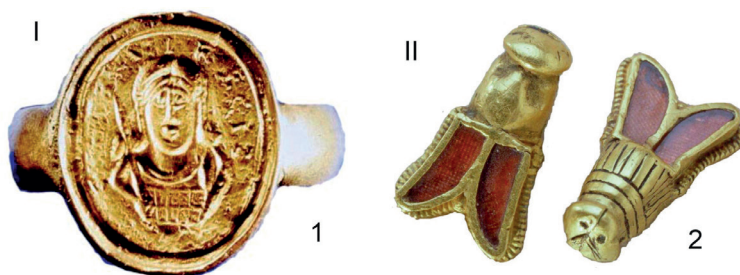

Рис. 3. Материалы по костюму короля династии Меровингов Хильдерика I, V в.: I — прижизненный, 1 — перстень из погребения короля; II — погребальный, броши плаща [Хильдерик I, <https://clck.ru/3Rvt7t>]

Fig. 3. Materials on the costume of the Merovingian king Childebert I, 5th century: I — lifetime, 1 — ring from the king's burial; II — burial, brooches from the cloak [Хильдерик I, <https://clck.ru/3Rvt7t>]

В погребении Хильдерика I, короля франков (457/458–481/482 гг.) в Турне (Бельгия)⁴ прослежен плащ, украшенный 300 брошами в виде цикад [Coatsworth, 2005: 5].

³ В качестве боковой наушной пластины могли использоваться как цельные округлые, так и половинные [Жилина, 2022: 59].

⁴ Турне — центр салических франков и столица королей династии Меровингов. Гробница открыта в 1653 г.

Погребальный инвентарь включал дорогое оружие и денежный запас, представлявший собой настоящее богатство для земного мира, очевидно, значимое и для загробного [Хильдерик I, <https://clck.ru/3Rvt7t>].

Плащ и его драгоценные украшения, перстень с именем короля — все это признаки статусного костюма монарха, формирующиеся инсигнии. Обращает на себя внимание отсутствие головной инсигнии — венца или короны.

Материалы по облику королевы времени еще не утвердившегося христианства дает погребение королевы Арнегунды /Арегонды (565–570 гг.), обнаруженное в базилике Сен-Дени близ Парижа.

Состав погребальных облачений королевы реконструируется исследователями по современным данным следующим образом: саван из льна или конопли; плащ на подкладке с рукавами и воротником, украшенными золототканой шелковой каймой и тесьмой на бордюре; пояс с металлической гарнитурой на плаще; остатки платья; покрывало (рис. 4: II.-3, а, б, д, е). Прослежена обувь из звериной шкуры шерстью наружу, закрепляемая ремнями с металлической гарнитурой — крупные серебряные наконечники с зооморфным декором, вероятно, входят в ее состав (рис. 4: II.-ж) [Перен, Галлиен, 2013: 272–274; ил. 5–7, 10, 12, 13].

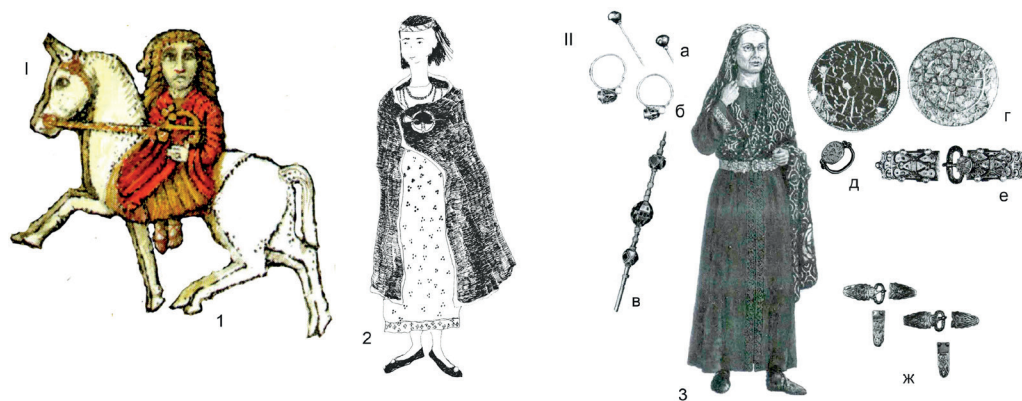

Рис. 4. Костюм королевы или женщины высокого статуса: I — прижизненный, 1 — реконструкция изображения раскрашенного рельефа из Хилтона со сценой охоты, женская фигура, крупная фибула плаща [Foster, 2014: plate 11]; 2 — гипотетическая реконструкция костюма Бекфолы, героини ирландской саги IX–X вв. [Whitfield, 2006: fig. 1.1]; II — погребальный, 3 — костюм, аксессуары и украшения королевы Арнегунды / Арегонды (565–570 гг.), базилика Сен-Дени близ Парижа, а — булавки, б — серьги, в — булавка покрывала, г — фибулы, д — перстень; е, ж — поясная и обувная гарнитура [Перен, Галлиен, 2013: ил. 6–9, 11–13]

Fig. 4. Costume of a queen or high-status woman: I — lifetime, 1 — reconstruction of the painted relief from Hilton with a hunting scene, female figure, large cloak fibula [Foster, 2014: plate 11]; 2 — hypothetical reconstruction of the costume of Becfola, the heroine of an Irish saga of the 9th-10th centuries [Whitfield, 2006: fig. 1.1]; II — burial, 3 — costume, accessories and jewelry of Queen Arnegunda / Aregunda (565–570), basilica of Saint-Denis near Paris, а — pins, б — earrings, в — veil pin, г — brooches, д — ring; е, ж — belt and shoe set [Peren, Gallien, 2013: il. 6–9, 11–13]

Пурпурный цвет покрывала, зафиксированного драгоценной булавкой, две вертикально расположенные на плаще фибулы, перстень — все это соответствует королевскому статусу или статусу представительницы высшей знати (рис. 4: П.-в-д) [Жилина, 2020]. Головная королевская инсигния отсутствует.

Прижизненных изображений Арнегунды не известно. Как материал о прижизненной сфере для сравнения с погребальным облачением можно использовать раскрашенный рельеф из Шотландии с изображением знатной женщины-всадницы, одетой в плащ с очень крупной фибулой (рис. 4: I.-1).

Есть и чрезвычайно информативный литературный источник — «Сага о Бекфоле», ирландской королеве (бесприданнице, ставшей женой короля). Сага относится к IX–X вв., но, по мнению исследователей, отражает ситуацию более раннего времени, описываемые события относятся к 643–644 гг., а сведения обнаруживают параллели с археологическими артефактами конца VII–IX в. [Whitfield, 2006: 1, 2].

Прижизненный костюм Бекфолы: туника с нарядной нашивкой и пурпурный плащ с застежкой на правом плече фибулой — свидетельствует о королевском статусе (рис. 4: I.-2). В сагах и законодательных текстах Ирландии («Law of the Fosterage Fee») пурпурный плащ с драгоценной фибулой является эмблемой королевства, а процесс облачения в пурпурный плащ — частью церемонии вступления во власть [Whitfield, 2006: 11–13].

Как правило, значение регалии имели дорогие, богато орнаментированные фибулы, выполненные в технике филиграни, инкрустации, эмали, украшенные вставками. Наиболее характерны кольцевидные фибулы с расширенными концами, благодаря которым они приобретали лунничную форму. Примерами являются самые известные «Тара»-фибула и фибула из Хантерстона рубежа VII–VIII вв. с длинными иглами (Whitfield, 2006: fig. 1: 4; Жилина, 2020: рис. 2, 3).

Представления об одежде Бекфолы по содержанию саги можно расширить: оказывается, у нее много одежды, оставленной в некоем месте, и ей необходимо эту одежду забрать. Она сообщает об этом королю и ухаживает за одеждой. Конкретно в этот гардероб входит: восемь шелковых платьев, вышитых золотом; восемь брошей бесценных чеканного золота; три диадемы золота чистого. Король противится походу супруги за одеждой, в чем можно увидеть опасение, что Бекфола не вернется (из Иного мира или мира мертвых?). Король сурово изрекает, что пускать кота к сливкам или женщине к ее нарядам — не королевское дело [Whitfield, 2006: 23].

В этом образе саги можно прочесть сообщение о сокрытом кладе или приготовленном гардеробе для помещения в погребение. Количество фибул соответствует количеству платьев из шитой золотом ткани. Золотые диадемы — это, скорее всего, ободы/обручи вокруг головы, соответствующие общей антично-византийской традиции выделения знатной женщины, воспринятой и в Европе.

По общей структуре костюма можно отметить параллель с погребальным костюмом Арнегунды: пурпурный плащ с драгоценной застежкой, платье. Правда, в погребении Арнегунды нет одной большой статусной фибулы. Возможно, ее заменяет незастегивающаяся драгоценная булавка, скальвавшая покрывало.

Погребение мужчины-воина высокого социального статуса в корабле из Саттон-Ху (Саффолк, Англия, 560/570–610/625 гг.) очевидно адресовано в часть мира мертвых,

подобную Вальхалле. Возможно, здесь погребен англо-саксонский король Редвальд (599–624 гг.) Корабль выступал в роли временного жилища, способного к передвижению в загробный мир. Захоронение сопровождало: богатство из золотых монет; окované благородным металлом рога для ритуального питья, драгоценная посуда; текстильные изделия из дорогих тканей; музыкальный инструмент [Bruce-Mitford, 1975, 1978, 1983; Owen-Crocker, 2004: 24; Смирницкая, 2015]. Воссоздавалась роскошная обстановка для жилья.

Комплект мужских воинских аксессуаров включал: меч и копье, скипетр, щит, шлем с лицевой маской; особо сильные и роскошные плечевые фибулы (вероятно, рассчитанные на доспех), поясной набор и сумку, украшенные в стиле перегородчатой инкрустации (рис. 5: II-2, а — в) [7000 years, 2006/2013: 101, 106, 107; fig. 242, 244].

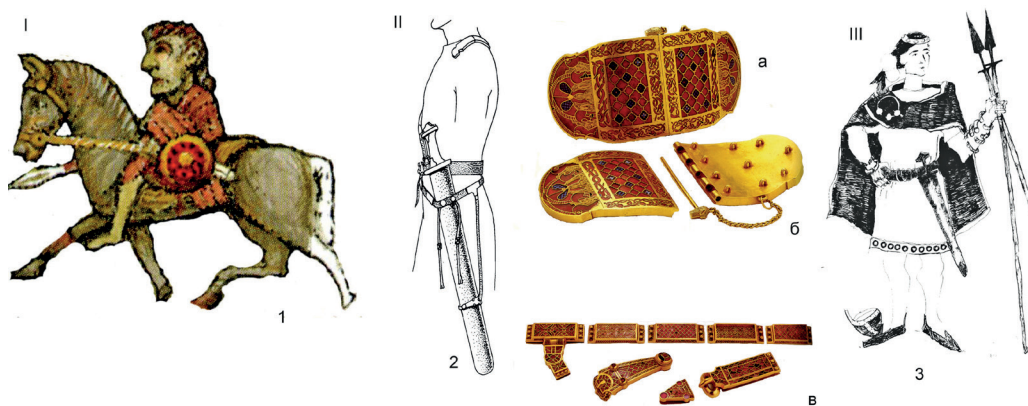

Рис. 5. Костюм короля или воина высокого социального положения: I — прижизненный, 1 — реконструкция изображения раскрашенного рельефа из Хилтона со сценой охоты, мужская фигура [Foster, 2014: plate 11]; II — погребальный; 2, а — в — реконструкция ношения предметов убора, воинские аксессуары, погребение Сэттон-Ху, Саффолк, Англия, 560/570–610/625 гг. [7000 years, 2013: fig. 242, 244]; III — костюм представителя мира мертвых, 3 — гипотетическая реконструкция костюма Фланна, героя ирландской саги IX–X вв. [Whitfield, 2006: fig. 1.1]

Fig. 5. Costume of a king or warrior of high social status: I — lifetime, 1 — reconstruction of the image of a painted relief from Hilton with a hunting scene, a male figure [Foster, 2014: plate 11]; II — funerary; 2, а — в — reconstruction of wearing of items of attire, military accessories, Sutton Hoo burial, Suffolk, England, 560/570–610/625 [7000 years, 2013: fig. 242, 244]; III — costume of a representative of the world of the dead, 3 — hypothetical reconstruction of the costume of Flann, the hero of an Irish saga of the 9th-10th centuries [Whitfield, 2006: fig. 1.1]

Безусловной параллелью захоронению в Саттон-Ху выглядит описание погребения Скильда Скеванга, основателя династии датских королей, из англосаксонской эпической поэмы «Беовульф» [Брук, 2011: 59–63].

На ладью возложено богатство: «...с ним же под мачтой груды сокровищ, добыча походов», «казна», этим наделили Скильда подданные («слуги любимые»), воины. Ко-

рабль оснащен для боя аналогично тому, как оснащались корабли для военных походов, описанные в этой же поэме, но подчеркивается, что — гораздо лучше них. На корабль возложены драгоценные доспех и оружие («одежды битвы») из золота, украшенные самоцветами. Упомянут златотканый стяг корабля [Беовульф, 1975: 30, 31].

Параллелью богатейшему погребальному облачению из Саттон-Ху может послужить изображение мужчины на охоте на раскрашенном рельефе из Шотландии. На том участке убора, где у женской фигуры отчетливо показана фибула, на мужском изображении, также на пурпурном плаще, размещена круглая фигура. Возможно, это тоже фибула, так как щит, на который она весьма похожа, вряд ли нужен на охоте (рис. 5: I.-1).

Во время своих походов Бекфола встретила в Ином мире знатного воина Фланна. Его костюм выступает как образец либо погребального костюма, либо костюма человека, живущего в мире мертвых (рис. 5: III.-3). Фланн одет в короткую тунику, украшенную шелком (вероятно, шелковыми нашивками), разноцветный плащ, дорогой орнаментированный шлем [Whitfield, 2006: 24, 27].

В материале погребения из Саттон-Ху нет определенных данных о плаще с драгоценной фибулой. Возможно, ее заменяют парные фибулы на доспехе — атрибуты воинского облика.

Находки статусных крупных фибул известны не по погребениям, а по другим памятникам. Видимо, более значимы они были в прижизненном костюме и, как инсигнии, так же передавались по наследству, как диадемы и короны [Жилина, 2020: рис. 2, 3].

Примером *смешанных представлений* о мире мертвых, в основном языческих, но знакомых и с христианскими, служит описание смерти и погребения самого Беовульфа, главного героя одноименной эпической поэмы. Возможно, в поэме это связано с более поздними наслоениями.

Почувствовавший свою близкую смерть, Беовульф мечтает оставить свое оружие и ратный наряд преемнику. Он обращается к Создателю, подчеркивая свою праведность (его нельзя упрекнуть в убийстве родичей). Он представляет, что душа его «изыдет из тела», что соответствует христианским нормам. Представление же о том, что душа после смерти будет «искать награды», напоминает принципы жизни в Вальхалле. Беовульф мечтает возлечь и уйти из жизни рядом с отнятыми у змея сокровищами в том кургане, где хранится клад, что соответствует языческим нормам. Когда же ему приносят эти сокровища, он возносит хвалу Владыке Вселенной, Господу, Небоправителю, в чем ощущаются представления монотеизма. Звучит и мысль о том, что богатства должны остаться в земной жизни, у потомков.

Беовульф сам говорит о своем погребении в кургане по обряду трупосожжения — высоком «кургане Беовульфа» [Беовульф, 1975: 158–162]. Подданные призывают возложить погибшего «на ложе пламени, а с ним и сокровища — не частью, но полностью». Подчеркивается недопустимость оставления их в земном мире. К месту погребения привозят драгоценный клад, доспехи и оружие, строится костровый сруб. После обряда сожжения возводится высокий курган с каменной оградой. Сокровища захоронены в кургане, они считаются недоступными для смертных и будут храниться «под спудом вовек» [Беовульф, 1975: 171, 172, 175–179].

II. Христианский мир мертвых

Христианские нормы подготовки к погребению и облачения умерших складывались в процессе существования и развития христианства. В христианстве физическая смерть также не является концом всей жизни. Но, согласно христианским принципам, ценности загробного мира в основном духовны, а не материальны. Материальные ценности земного мира нет необходимости брать с собой в мир божественной гармонии.

Сведения об отношении к смерти и погребению дают тексты Ветхого и Нового Заветов [Бахтин, 2023]. Человек-праведник продолжает жить: «И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек». Согласно Ветхому Завету могила воспринимается как дом для всех, или вечный дом [ВЗ, Еккл.: 12: 5].

По Новому Завету приготовление к погребению состоит в смазывании мирром. Слова Христа объясняют не понимающим людям поступок женщины: возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению [НЗ, Мф.: 26: 12].

Облачение умершего состоит в запеленывании тела многими полотнищами, предназначенными для каждого члена тела, а также — плата/полотнища для головы. Пелены закреплялись затягиванием и завязыванием. Таковым было облачение, наблюдавшееся согласно тексту Нового Завета при воскрешении Лазаря: «И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет» [НЗ, Ин.: XI: 44]. Лазарь вряд ли шел далее обнаженным. Скорее всего, в рубашке или плащанице, бывшим непосредственно на теле. Слово «плащаница», ставшее в дальнейшем обозначением предмета шитой церковной утвари в виде прямоугольного полотнища, не случайно сохранило смысловой корень, связанный с одеждой (плащом). Первоначально это, видимо, и была одежда погребенного, в которую тело можно закутать, запеленать.

При погребении самого Христа один из членов Совета — Иосиф, сняв тело Христа, обвинил плащаницею и положил его в гроб [НЗ, Лук.: 23: 53; Мф.: 27: 59]. Текст Апокалипсиса более конкретно называет облачения, в которых надо предстать перед престолом Божиим в момент перехода в высший мир, белыми одеждами или «ризами белыми», ссылаясь на видение Иоанна Богослова [НЗ, Апокалипс.: 7: 9].

Из сведений христианских первоисточников ясно, что погребальные облачения христиан отличаются от прижизненного костюма минимальностью, белизной, чистотой или новизной; как максимум сложности конструкции они могут быть драпированной одеждой с завязками. То есть первоначальный идеал абсолютно аскетичен.

Но источники фиксируют изменения, происходящие с погребальными облачениями в христианстве,двигающиеся все же в сторону прижизненного костюма и статуса погребенного.

Это можно наблюдать по описанию погребения христианского императора Константина Великого (306–337 гг.), составленному Евсевием Кесарийским / Памфилом, современником и биографом византийского императора.

Константин Великий приготовил сам себе обширную гробницу в храме, состоящую из 12 символических ковчегов для апостолов и гроба для себя в центре. Перед смертью он принял Крещение, после совершения таинства оделся в торжественную одежду васи-

левса, блиставшую, «подобно свету», и скончался на ложе, покрытом белыми покрывалами, «а багряницы не хотел уже касаться» [Сочинения Евсевия Памфила, 1849: 275–277].

Для облачения на смертном одре был выбран светлый наряд, но состоявший из типичных императорских одежд: белой туники (аналогичной тунике Юстиниана на мозаике в Равенне) или светлого, но не багряного / пурпурного плаща (рис. 6.-2).

Рис. 6. Облачение византийского императора: 1 — диадема Константина Великого, золотой медальон, Никомедия, 336, 337 г. [Constantine the Great, <https://clck.ru/3RvtAU>]; 2 — костюм Юстиниана I [Каплан, 2002: 37]

Fig. 6. Vestments of the Byzantine emperor: 1 — diadem of Constantine the Great, gold medallion, Nicomedia, 336, 337 [Constantine the Great, <https://clck.ru/3RvtAU>]; 2 — costume of Justinian I [Kaplan, 2002: 37]

Далее источник не сообщает о переодевании Константина. Но при положении тела в золотой гроб, поставленный в лучшей комнате Константинопольского дворца, его накрыли той самой багряницей, которая отсутствовала в момент смерти, — т.е. пурпурным плащом (рис. 6.-2). Подчеркивается, что тело лежало по царскому порядку, на-

крытое порфирой и диадемой/венцом. Биограф подчеркнул, что блаженный василевс таким образом царствовал и после смерти так же, как и при жизни [Сочинения Евсевия Памфила, 1849: 280, 281].

Погребальная одежда Константина совместила два качества: статусность и торжественность одежды императора; белизну и святость белых риз. В период прощания с телом присутствовали инсигнии власти.

Церемония погребения первого христианского императора закладывала основы дальнейшей традиции. Погребальный костюм отклонялся от аскетичного христианского идеала.

Первая форма венцов византийских императоров — диадема, драгоценно украшенная завязывающаяся лента. Изображение именно диадемы Константина есть на золотом медальоне 336–337 гг. (рис. 6.-1).

В сведениях о разрушении могил императоров, в том числе могилы Юстиниана I, при разгроме Константинополя в 1204 г. упомянуты золотые украшения. Крестоносцы «...вскрыли гробницы царей, стоявшие в погребальном приделе, пристроенном к главному храму Учеников Христовых, и среди ночи ограбили их все, святотатственно похитив все золотые украшения, жемчуга и блестящие драгоценные камни, которые доселе лежали в них сохранны» [Никиты Хониата История, 1862: 428; Успенский, 2002: 17].

Погребение драгоценных инсигний вместе с умершим правителем не соответствует порядку наследования власти в земном государстве: символизирующие власть, они нужны монархам для обретения и передачи власти по наследству. Для погребения могли изготавливаться специальные погребальные инсигнии, не столь роскошные⁵. Есть сведения, что пеленание тела как христианский погребальный принцип сохраняется⁶.

Идеалом костюма знатной женщины в эпоху христианства был костюм византийской придворной дамы. Прижизненный вариант демонстрируют мозаики Равенны, подробное представление о головном убранстве дает скульптура императрицы (Ариадны —?) начала VI в. из Лувра [Императрица Ариадна, <https://clck.ru/3Rvt5q>] (рис. 7: I.-1, 2). Исследователями в соответствии с этими образцами реконструировано убранство знатной женщины из Домагнано — представительницы остготского королевского двора в Равенне (рис. 7: II.-3).

В погребении знатной представительницы остготской и позднеримской знати V–VI вв. из Остии нет остатков одежды, присутствует лаконичный, но дорогой и престижный золотой ювелирный убор, включающий серьги, ожерелье и булавку для головного убранства (рис. 7: II.-4, а–в).

⁵ Подтверждение есть для погребения королевы XI в.: бронзовая корона из саркофага королевы Гизелы Швабской с ее именем — это, конечно, бледное отражение реальной великолепной короны — символа власти, возможно, подобной короне ее супруга Конрада II [Schulze-Dorlam, 1991: abb. 86].

⁶ На ковче из Байе конца XI в. тело погребаемого короля Эдуарда Исповедника запеленуто.

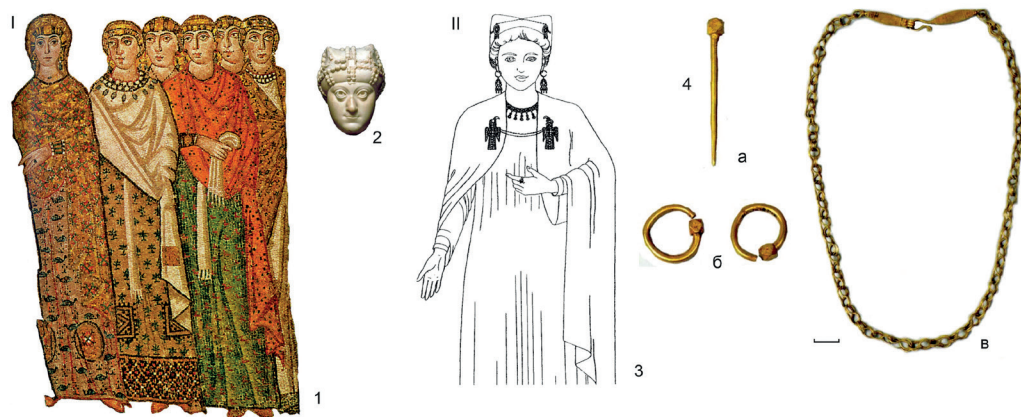

Рис. 7. Костюм знатной женщины в эпоху христианства: I — прижизненный, 1 — придворные дамы, мозаика собора Сан-Витале в Равенне, 545–547 гг. [Каплан, 2002: 38, 39]; 2 — мраморная скульптура, императрица (Ариадна?), начало VI в., Лувр [Императрица Ариадна, <https://clck.ru/3Rvt5q>]; II — погребальный, 3 — реконструкция по комплексу убранства знатной женщины остготского королевского двора в Равенне, Домагнано [Эпоха Меровингов, 2007: 233, ил. 4]; 4 — золотое убранство знатной римлянки, погребение, Остия; конец V–VI в., а — булавка головнго убора, б — серьги, в — цепь [Эпоха Меровингов, 2007: VIII. 7.2; VIII. 5.1–3]

Fig. 7. Costume of a noble woman in the Christian era: I — lifetime, 1 — ladies-in-waiting, mosaic of the Cathedral of San Vitale in Ravenna, 545–547 [Kaplan, 2002: 38, 39]; 2 — marble sculpture, empress (Ariadne?), early 6th century, Louvre [Императрица Ариадна, <https://clck.ru/3Rvt5q>]; II — funerary, 3 — reconstruction based on the complex of attire of a noble woman of the Ostrogothic royal court in Ravenna, Domagnano [The Merovingian Age: 233, il. 4]; 4 — golden attire of a noble Roman woman, burial, Ostia; late 5th–6th century, a — headgear pin, b — earrings, c — chain [The Merovingian Age, 2007: VIII. 7.2; VIII. 5.1–3]

Сохранились части облачения Св. Батильды (630/635–680 гг.), супруги короля Меровингов Хлодвига II, впоследствии монахини (в монастыре в Шелле, под Парижем). Платье, вышитое цветным шелком по льну, состояло из двух полотнищ, соединенных на плечах, с оставлением отверстия для головы. Наблюдались следы от полос или лямок, соединяющих переднюю и заднюю части, но, к сожалению, именно в этом месте платье оказалось разорвано, так что сохранились только передние части. Сохранились и украшенные драгоценностями воротники, подвесной крест и ожерелье из подвесок [Coatsworth, 2005: 5]. Такая конструкция является развитием платья-пеплоса, возможно, использующегося уже без фибул.

Святые предметы, предметы личного благочестия содержатся и вкладах и погребениях: кресты, обетные короны. В связи с распространением христианства погребальные покровы аристократии в погребениях дополняются крестами из золотой фольги, нашивавшимися на платки, укладываемые на лицо умершего: лангобарды, алеманны [Эпоха Меровингов, 2007: 174, 175, 180; ил. 4 и 8]. В королевском (?) погребении

начала VII в. в Притвелле (Англия, Эссекс) зафиксированы лежащие на останках англо-саксонского христианина аппликации в виде крестов из золотой фольги от одежды или от савана [Coatsworth, 2005: 5]. Для погребения достаточно использовать накладывание, а не нашивание, как в прижизненном костюме.

Заключение

Убор, восстанавливаемый по кладам и погребениям, отражает не всю жизненную сферу человека, а парадную, праздничную. Это их общее отступление от облика человека в реальной жизни, который могут зафиксировать изображения.

Погребальный костюм, передавая статус человека, отличается от более разнообразного прижизненного костюма (на все случаи жизни) — типичностью.

Погребальный убор языческого мира неумеренно стремится к материальной роскоши, раскрывая статус погребенного как можно зримее и полнее. Христианское погребальное облачение, оттолкнувшись от аскетизма, приходит к передаче статуса человека с помощью сдержанно выбираемых материальных предметов одежды и убора и духовных христианских символов.

В погребальном уборе, как языческом, так и христианском, происходит отступление от работающей прижизненной конструкции деталей одежды и украшений. Этим принципом — сохранить прижизненный статусный облик, но использовать заменители реальных вещей — сходны уборы монархов, знати и рядовых членов общества. Погребальные своего родственника люди, несмотря на религиозные представления, рассуждают рационально, что необходимости практического использования погребального костюма и убора из украшений в мире мертвых не будет. Поэтому используются заменители дорогих и функциональных вещей. Детали убора могут не прикрепляться, а накладываться сверху.

Важным отклонением погребального костюма от прижизненного статусного костюма монаршей особы является отсутствие драгоценных инсигний — статусных фибул, диадем, корон. Возможно, они надевались в момент прощания с погребенным, но потом убирались, поскольку оставались нужны земному наследнику власти. При погребении монархов используются заменители дорогих инсигний, освященных традицией наследования власти.

С другой стороны, погребальные облачения включают практичные, нужные именно для положения тела умершего в погребальное сооружение, части и детали, которых нет в прижизненных: пелены, саван.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках Гос. задания ИА РАН «История России в ее археологии: от Древней Руси до Российской империи Нового времени»

Статья посвящена памяти д. и. н. Андрея Михайловича Обломского. Сохраняю глубокое чувство благодарности к нему за всю оказанную помощь и консультации.

Acknowledgements and funding

The article was prepared as part of the State assignment of the IA RAS «The History of Russia in its Archaeology: from Old Rus' to the Russian Empire of the Modern Age»

The article is dedicated to the memory of Doctor of Historical Sciences Andrey Mikhailovich Oblomsky. I retain a deep sense of gratitude to him for all the help and consultations he provided.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аксенов В. С., Бабенко Л. И. Погребение VI–VII вв. н. э. у с. Мохнач // Российская археология. 1998. № 3. С. 111–122.

Бахтин С. П. Смерть и погребение в Священном Писании Ветхого и Нового Завета // Ипатьевский вестник. 2023. № 2. С. 21–31.

Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. Т. 9. 751 с. (Библиотека всемирной литературы. Первая серия. Т. 9).

Брук К. Саксонские и нормандские короли. 450–1154. М.: Центрполиграф, 2011. 255 с.

Вейс Г. История цивилизации: архитектура, оружие, одежда, утварь. Классическая древность до IV в. М.: Эксмо-пресс, 2000. Т. I. 768 с.

Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст // Раннеславянский мир. М.: ИА РАН, 1996. Вып. 3. 296 с.

Гуревич А. Я. Средневековый героический эпос германских народов // Беовульф // Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. Серия первая. М.: Художественная литература. 1975. Т. 9. С. 5–26 (Библиотека всемирной литературы. Первая серия).

Жилина Н. В. Архаический головной убор (археология, этнография, народное искусство) // Stratum Plus. 2010. № 6. С. 255–267.

Жилина Н. В. О различии убора, воссоздаваемого по древнерусскимкладам и погребениям // Звенигородская земля. История. Археология. Краеведение: материалы научной конференции, посвященной 80-летию Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея. Звенигород: Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, 2001. С. 29–38.

Жилина Н. В. Средневековый убор из украшений славянских народов: обильно-металлический убор (сравнительный анализ) // Тверской вестник. Серия: История. 2022. № 3. С. 56–74.

Жилина Н. В. Фибула как инсигния в западноевропейском костюме // «На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...»: сборник статей памяти Светланы Рябцевой. Кишинев: Stratum Plus P. R., 2020. С. 99–106.

Императрица Ариадна // URL: <https://clck.ru/3Rvt5q> (дата обращения: 08.02. 2025).

Каплан М. Золото Византии. М.: Астрель, 2002. 176 с.

Михайлова Т. А. «Острова за морем», или Тема плаваний в Иной мир в ирландской традиции // Представления о смерти и локализация Иного мира у древних кельтов и германцев. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 153–182.

Никиты Хониата История // Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. СПб.: Типография департамента уделов, 1862. Т. 2. 540 с.

Перен П., Галлиен В. Погребение королевы Арегонды (Арнегунды) в аббатстве Сен-Дени (основные итоги исследований органических остатков, обнаруженных в 2003 г.) //

Археологический сборник. Материалы и исследования по археологии Евразии. Вып. 39. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2013. С. 267–279.

Петрухин В. Я. Мифы древней Скандинавии. М.: Астрель, 2011. 463 с.

Рыбаков Б. А. Древние русы // Советская археология. 1953. Вып. XVII. С. 23–104.

Смирницкая Е. В. Саттон-ху // Большая российская энциклопедия. М.: Российская энциклопедия, 2015. Т. 29. С. 455, 456.

Сочинения Евсевия Памфила, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. СПб.: типография Е. Фишера, 1849. Т. II. 444 с.

Тодд М. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2005. 221 с.

Успенский Ф. И. История Византийской империи. М.: Астрель, 2002. Т. 5. 560 с.

Хильдерик I // URL: <https://clck.ru/3Rvt7t> (дата обращения: 23.04.2024)

Щеглова О. А. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum Plus. 1999. № 5. С. 287–312.

Эпоха Меровингов — Европа без границ. Археология и история V–VIII вв.: каталог выставки. München: Edition Minerva Hermann Farnung, 2007. 592 с.

Bruce-Mitford R. L. S. The Sutton Hoo ship burial. London: The British Museum, 1975. Vol 1. 792 p.

Bruce-Mitford R. L. S. The Sutton Hoo ship burial. London: The British Museum, 1978. Vol 2. 651 p.

Bruce-Mitford R. L. S. The Sutton Hoo ship burial. London: The British Museum, 1983. Vol 3. 988 p.

Coatsworth. E. Stitches in Time: Establishing a History of Anglo-Saxon Embroidery // Medieval Clothing and Textiles. Woodbridge: The Boydell Press, 2005. Vol. 1. P. 1–27.

Constantine the Great // URL: <https://clck.ru/3RvtAU> (дата обращения: 14.01.2025).

Foster S. M. Picts, Gaels and Scots. Early Historic Scotland. Edinburgh: Birlinn Limited, West Newington House, 2014. 184 p.

Owen-Crocker G. R., 2004. Dress in Anglo-Saxon England: Revised and Enlarged Edition. Woodbridge, UK: Boydell, 2004. 400 p.

Owen-Crocker G. R. Dress in Anglo-Saxon England. Manchester; Wolfeboro: Manchester university press, 1986. 241 p.

7000 years of Jewellery, 2013. / ed. H. Teit. London: The British Museum Press, 2013. 256 p.

Whitfield N. Dress and Accessories in the Early Irish Tale «The Wooing of Becfhola» // Medieval Clothing and Textiles. The Boydell Press, 2006. Vol. 2. P. 1–34.

Schulze-Dorlamm M. Der Mainzer Schatz der Kaiserin Agnes aus dem mittleren 11. Jahrhundert. Neue Untersuchungen zum sogenannten «Gisela-Schmuck». Sigmaringen: Thorbecke, 1991. 134 p. (на нем. яз.).

References

Aksyonov V. S., Babenko L. I. Pogrebenie VI–VII vv. n. e. u s. Mokhnach [Burial of 6th–7th centuries near village Mokhnach]. *Rossiiskaya Arkheologiya* [Russian Archaeology]. 1998, no 3, p. 111–122 (In Russian).

Bakhtin S. P. Smert' I pogrebenie v Svyashchennom Pisanii Vetkhogo I Novogo Zaveta [Death and Burial in the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. *Ipat'evskii vestnik* [Ipatievsky Bulletin]. 2023, no 2, p. 21–31 (In Russian).

Beovul'f. Starshaya Edda. Pesn' o Nibelungakh [Beowulf. Elder Edda. The Song of the Nibelungs]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975. 751 p. (Biblioteka vsemirnoi literatury. Seriya pervaya. Tom. 1 [Library of World Literature. Series One. Vol. 1]) (In Russian).

Brook C. *Saksonskie i nomandskie koroli. 450–1154* [The Saxon and Norman Kings. 450–1154]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2011, 255 p. (In Russian).

Bruce-Mitford R. L. S. *The Sutton Hoo ship burial*. London: The British Museum, 1975, vol. 1, 792 p.

Bruce-Mitford R. L. S. *The Sutton Hoo ship burial*. London: The British Museum, 1978, vol. 2, 651 p.

Bruce-Mitford R. L. S. *The Sutton Hoo ship burial*. London: The British Museum, 1983, vol. 3, 988 p.

Coatsworth. E. Stitches in Time: Establishing a History of Anglo-Saxon Embroidery. *Medieval Clothing and Textiles*. Woodbridge: The Boydell Press, 2005, vol. 1, pp. 1–27.

Constantine the Great. URL: <https://clck.ru/3RvtAU> (accessed April 14, 2025).

Epokha Merovingov — Evropa bez granits. Arkheologiya I istoriya V–VIII vv.: katalog vystavki [The Merovingian Period — Europe without Borders. Archaeology and History of the 5th–8th centuries. Exhibition catalog] München: Edition Minerva Hermann Farnung, 2007, 592 p. (In Russian, German, English).

Foster S. M. *Picts, Gaels and Scots. Early Historic Scotland*. Edinburgh: Birlinn Limited, West Newington House, 2014, 184 p.

Gavritukhin I. O., Oblomskii A. M. Gaponovskii klad I ego kul'turno-istoricheskii kontekst [The Gapon Treasure and Its Cultural context]. *Ranneslavyanskii mir* [The Early Slavic World]. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 1996, 296 p. (In Russian).

Gurevich A. Ya. Srednevekovyi geroicheskii epos germanskikh narodov [Medieval heroic epic of the Germanic peoples]. *Beovul'f. Starshaya Edda. Pesn' o Nibelungakh* [Beowulf. Elder Edda. The Song of the Nibelungs]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975, pp. 5–26 (Biblioteka vsemirnoi literatury. Seriya pervaya. Tom. 1 [Library of World Literature. Series One. Vol. 1]) (In Russian).

Imperatrissa Ariadna [Empress Ariadne]. URL: <https://clck.ru/3Rvt5q> (accessed February 8, 2025) (in Russian).

Kaplan M. *Zoloto Vizantii* [The Gold of Byzantium]. Moscow: Astrel', 2002, 176 p. (In Russian).

Khil'derik I [Childeric I]. URL: <https://clck.ru/3Rvt7t> (accessed April 23, 2024) (In Russian).

Mikhailova T. A. “Ostrova za morem”, ili Tema plavanii v Inoi mir v irlandskoi traditsii [“Islands Beyond the Sea” or the Theme of Voyages to the Other World in Irish Tradition]. *Predstavleniya o smerti i lokalizatsiya Inogo mira u drevnikh kel'tov I germantsev* [The concept of death and the localization of the Other World among the ancient Celts and Germans]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002, p. 153–182 (In Russian).

Nikity Khoniata Istoriya [Nikita Choniates History]. *Vizantiiskie istoriki, perevedyonnye s grecheskogo pri Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii* [Byzantine Historians translated from

Greek at the St. Petersburg Theological Academy]. St. Petersburg: Tipografiya departamenta udelov, 1862, vol. 2, 540 p. (In Russian).

Owen-Crocker G. R. *Dress in Anglo-Saxon England*. Manchester; Wolfeboro: Manchester university press, 1986, 241 p.

Owen-Crocker G. R., *Dress in Anglo-Saxon England: Revised and Enlarged Edition*. Wooddridge: Boydell, 2004, 400 p.

Peren P., Gallien V. Pogrebenie korolevy Aregondy (Arnegundy) v abbatstve Sen-Deni (osnovnye itogi issledovaniia organicheskikh ostatkov, obnaruzennukh v 2003 g.) [Burial of Queen Aregunda (Arnegunde) in the Abbey of Saint-Denis (main results of studies of organic remains discovered in 2003)] *Arkheologicheskii sbornik. Materialy i issledovaniya po arkheologii Evrazii* [Archaeological collection. Materials and research on the archeology of Eurasia]. St. Petersburg: The State Hermitage Museum, 2013, no. 39, p. 267–279 (In Russian).

Petrukhin V. Ya. *Mify drevnei Skandinavii* [Myths of Ancient Scandinavia]. Moskva: Astrel', 2011, 463 p. (In Russian).

Rybakov B. A. Drevnie Rusy [Ancient Rus]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1953, iss. XVII, pp. 23–104 (In Russian).

Schulze-Dorlamm M. *The Mainz treasure of Empress Agnes from the middle of the 11th century. New investigations into the so-called "Gisela jewelry"* [Der Mainzer Schatz der Kaiserin Agnes aus dem mittleren 11. Jahrhundert. Neue Untersuchungen zum sogenannten "Gisela-Schmuck"]. Sigmaringen: Thorbecke, 1991, 134 p. (in German).

Shcheglova O. A. Zhenskii ubor iz kladov "drevnostei antov": gotskoe vliyanie ili gotskoe nasledie? [Women's Attire from the Hoards of "Antean Antiquities": Gothic influence or Gothic heritage?]. *Stratum Plus*. 1999, no 5, p. 287–312 (In Russian).

Sminitskaya E. V. Sutton-hu [Sutton-hoo]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopedia* [The Great Russian Encyclopedia]. Moscow: Rossiiskaya Entsiklopedia. 2015, vol. 29, pp. 455, 456 (In Russian).

Sochineniya Evseviya Pamfila, perevedyonnye s grecheskogo pri Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii [The writings of Eusebus Pamphilus translated from Greek at the St. Petersburg Theological Academy]. St. Petersburg: Tipografiya E. Fishera, 1849, vol. 2, 444 p. (In Russian).

Tait H. (ed.) 7000 years of Jewellery, 2013. London: The British Museum Press, 2013, 256 p.

Todd M. *Varvary. Drevnie germantsy. Byt, religiya, kul'tura* [The Barbarians. The Ancient Germans. Everyday life, religion, culture]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2005. 221 p. (In Russian).

Uspenskii F. I. *Istoriya Vizantiiskoi imperii* [The History of the Byzantine Empire]. Moscow: Astrel', 2002, vol. 5, 560 p. (In Russian).

Veis G. *Istoriya tsivilizatsii: arkhitektura, vooruzhenie, odezhdha, utvar'* [The History of civilization: architecture, weapons, clothing, utensils]. Moscow: Eksmo-press, 2000, vol. 1, 768 p. (In Russian).

Whitfield N. Dress and Accessories in the Early Irish Tale "The Wooing of Becfhola". *Medieval Clothing and Textiles*. The Boydell Press, 2006, vol. 2, pp. 1–34.

Zhilina N. V. Arkhaicheskii golovnoi ubor (arkheologiya, etnographiya, narodnoe iskusstvo) [Archaic Headgear (Archaeology, Ethnography, Folk Art)]. *Stratum Plus*. 2010, no 6, p. 255–267 (In Russian).

Zhilina N.V. Fibula kak insigniya v zapadnoevropeiskom kostume [Fibula as an Insignia in Western European Costume]. “*Na odno krylo — serebryanaya, Na drugoe — zolotaya...*”: *sbornik statei pamyati Svetlany Ryabtsevoi*. [“On one Wing — Silver, On the other — Gold...” A Collection of Articles in Memory of Svetlana Ryabtseva]. Kishinyov: Stratum Plus P. P., 2020, p. 99–106 (In Russian).

Zhilina N.V. O razlichii ubora, vossozdavaemogo po drevnerusskim kladam I pogrebeniyam [On the differences in attire reconstructed from ancient Russian treasures and burials]. *Zvenigorodskaya zemlya. Istoriya. Arkheologiya. Kraevedenie: materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchyonnoi 80-letiyu Zvenigorodskogo istoriko-arkhitekturnogo i khudozhestvennogo muzeya* [Zvenigorod Land. History. Archaeology. Local History. Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Zvenigorod Historical, Architectural and Art Museum]. Zvenigorod: Zvenigorodskii istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei, 2001, p. 29–38 (in Russian).

Zhilina N.V. Srednevekovyi ibor is ukrashenii slavyanskikh narodov: obil'no-metallicheskiy ubor (sravnitel'nyy analiz) [Medieval Attire of Adornments of the Slavic Peoples: Abundant Metal Attire (Comparative Analysis)] *Tverskoi vestnik. Seriya: Istoriya* [Tver Bulletin: Series: History], 2022, no 3, p. 56–74 (in Russian).

Список сокращений

Апокалипс. — Апокалипсис
ВЗ — Ветхий завет
ИА — Институт археологии
Ин. — Евангелие от Иоанна
Лук. — Евангелие от Луки
Мф. — Евангелие от Матфея
НЗ — Новый Завет
РАН — Российская академия наук
Эккл. — Экклесиаст
УК — United Kingdom

Статья поступила в редакцию: 08.02.2025

Принята к публикации: 11.08.2025

Дата публикации: 31.03.2025

УДК 903.5

DOI 10.14258/nreur(2026)1–05

*Д. Е. Кичигин**Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск (Россия)*

ПОГРЕБЕНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА В ДОЛИНЕ РЕКИ ЖОМБОЛОК (ОКИНСКИЙ РАЙОН РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

В 2024 г. отрядом ИРНТУ было раскопано первое погребение монгольского времени (XIII–XIV вв. н. э.) в долине р. Жомболок на территории Окинского района Республики Бурятия. Надмогильная конструкция захоронения № 3 могильника Обтой 2 овальной кольцевой формы, размерами 5,2 × 4,4 м, ориентирована длинной осью по линии ССВ — ЮЮЗ. Кладка сложена из камней в 1–3 слоя. Под кладкой зафиксирована могильная яма овальной формы, размерами 2,85 × 0,90 м, глубиной до 1,02 м от современной поверхности земли. В самой яме обнаружены остатки деревянной колоды и останки погребенного. Скорее всего, умерший располагался вытянуто на спине, головой на ССВ. Сопроводительный инвентарь погребения обнаружен в процессе расчистки надмогильной конструкции и могильной ямы; включает изделия и их фрагменты из железа (стремя, тороки и др.), кости (канты седла и др.) и бересты. В западной части погребения обнаружены фрагменты костей домашнего скота. На основании ряда признаков (планиграфия, конструктивные особенности, специфика погребального обряда и др.) и радиоуглеродного метода датирования раскопанное погребение датируется XIV в. н. э., что соотносится с монгольским имперским периодом.

Ключевые слова: Окинское плато, река Жомболок, монгольский имперский период, XIII–XIV вв., саянгутуйский погребальный обряд, могильник, погребение, надмогильная конструкция, колода, стремя, торок

Для цитирования:

Кичигин Д. Е. Погребение монгольского имперского периода в долине реки Жомболок (Окинский район Республики Бурятия) // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 1. С. 83–103. DOI 10.14258/nreur(2026)1–05

Кичигин Дмитрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Иркутского национального исследовательского технического университета, Иркутск (Россия). **Адрес для контактов:** kichkok@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3382-4199>

D. E. Kichigin

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk (Russia)

BURIAL OF THE MONGOL IMPERIAL PERIOD IN THE ZHOMBOLOK RIVER VALLEY (OKINSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

In 2024, we excavated the first burial of the Mongolian imperial period (XIII–XIV centuries A. D.) in the Zhombolok river valley (Okinsky district of the Republic of Buryatia). The gravestone structure of burial is oval annular in shape, measuring 5.2×4.4 m, oriented with a long axis along the North-South line. The masonry is made of stones in 1–3 layers. Under the masonry, we found an oval-shaped grave pit, measuring 2.85×0.90 m, and up to 1.02 m deep from the modern surface of the earth. In the pit itself, we have discovered the remains of a wooden deck and the remains of a buried man. As we think, the burial was looted in ancient times. Most likely, the deceased was stretched out on his back, with his head on the North. In the process of clearing the tombstone structure and the grave pit, we found products and their fragments made of iron (stirrup, stirrups, etc.), bones (saddle edges, etc.) and birch bark. In the western part of the burial, we found a few fragments of livestock bones. Based on a number of features (planography, design features, specifics of the funeral rite, etc.) and the radiocarbon dating method, we date the excavated burial to the 14th century AD, that it corresponds to the Mongol imperial period.

Keywords: Okinsky plateau, Zhombolok River, Mongolian imperial period, XIII–XIV centuries, Sayantuiskii funeral ritual, burial ground, burial, tombstone structure, deck, stirrup, torok

For citation:

Kichigin D. E. Burial of the Mongol Imperial period in the Zhombolok river valley (Okinsky district of the Republic of Buryatia). *Nations and religions of Eurasia*. 2026. T. 31, № 1. P. 83–103. DOI 10.14258/nreur(2026)1–05

Kichigin Dmitrii Evgenievich, candidate of historical sciences, associate professor, Department of history and philosophy, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk (Russia). **Contact address:** kichkok@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3382-4199>

Введение

Окинский район Республики Бурятия — один из малоизученных в археологическом плане районов Южной Сибири. Несмотря на то что памятники древности в Горной Оке были известны еще с последней трети XIX в. [Кропоткин, 1867; Ровинский, 1871], планомерные археологические исследования здесь начались сравнительно недавно.

По причине труднодоступности (отсутствие в течение многих лет дорог и мостов через реки) и удаленности района от ближайших научных центров (города Иркутск и Улан-Удэ) первая планомерная археологическая разведка в верховьях р. Ока (Аха) была проведена только в середине 1990-х гг. [Дашибалов, 1994], а первые полноценные раскопочные работы — в конце 2010-х гг. [Ташак, 2019; 2020].

При этом большой успех в этих начинаниях последних лет получила археология стояночных комплексов: открыта и отчасти исследована целая серия древних стоянок и местонахождений археологического материала, проливающих свет на жизнь человека в каменном веке [Ташак, 2021; 2022; 2023].

Совсем другая ситуация складывалась в археологии погребальных комплексов. Раскопки курганов, известных еще с позапрошлого века, предпринимались и в XIX, и в XXI вв. [Ровинский, 1871; Ташак, Харинский, Портнягин, 2021; Харинский, Кичигин, Коростелев, Портнягин, 2022]. Однако положительных результатов получить, к сожалению, не удалось.

На начало 2024 г. на территории Окинского района Республики Бурятия было известно более 50 разнотипных археологических объектов (стоянки, могильники и отдельные погребения, петроглифы и др.), датируемых в широком хронологическом диапазоне — от позднего плейстоцена до XVII–XIX вв. Из их числа раскопано всего два погребения: комплекс № 1 могильника Шарза 3 (перв. пол. VIII в. до н. э.) и одиночное погребение Шаснур 10 (XVII–XIX вв. н. э.) [Харинский, Кичигин, 2024].

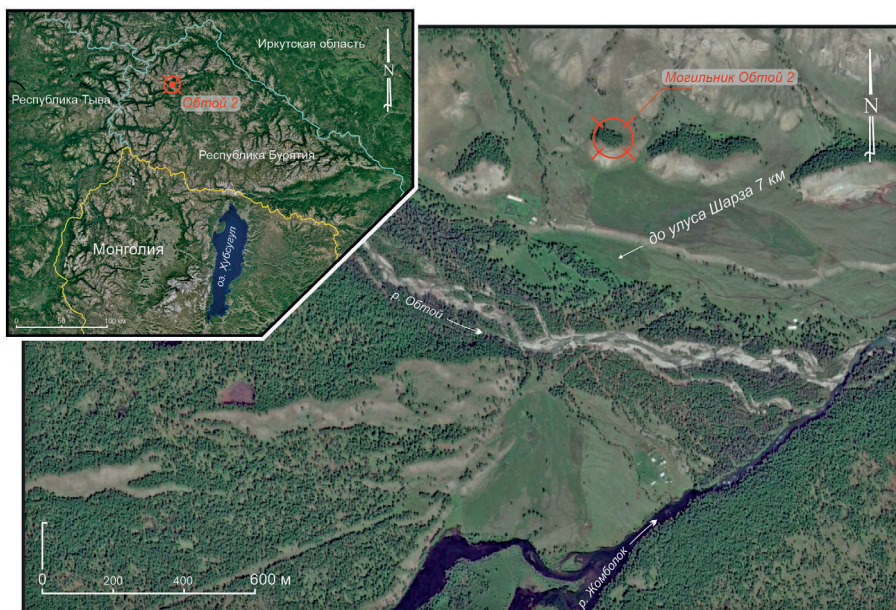
Целью настоящей статьи является введение в научный оборот материалов погребального комплекса № 3 могильника Обтой 2 и его культурно-хронологическая интерпретация.

История исследования

Могильник Обтой 2 расположен в Окинском районе Республики Бурятия, в 7,0–7,1 км к СВВ от центра улуса Шарза, на пологих склонах небольшой горки левого борта долины р. Жомболок, в приустьевой части р. Обтой. Могильник включает 4 искусственные каменные конструкции, локализованные вдоль северного, северо-восточного и восточного подножий горки. Сама горка покрыта лиственничным лесом, ее подножия и окружающий ландшафт — степной растительностью. Все погребальные комплексы расположены на границе двух ландшафтов (рис. 1).

Памятник открыт в 2023 г. отрядом ИРНИТУ под руководством Д. Е. Кичигина и А. М. Коростелева в результате археологической разведки в Окинском районе Республики Бурятия. Проведено описание, координирование и фотофиксация трех искусственных каменных конструкций (№ 1 и № 2 — курганы и № 3 — кладка), определены границы археологического объекта. Предварительная датировка памятника на основании геоморфологических и конструктивных особенностей надмогильных сооружений первоначально сводилась к III–I тыс. до н. э.

Курган № 1 круглой сплошной формы, диаметром 6,6 м. Сложен из грубообломочных камней средних размеров. В западной части конструкции отмечен старый, уже заросший грабительский шурф размерами 1,5 × 1,1 м. Практически в центре кургана растет молодая лиственница, в южной части кургана — пень и лежащий на поверхности земли сухой ствол поваленной старой лиственницы. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 10 × 6 см до 68 × 46 см. Курган хорошо задернован.

1

2

Рис. 1. Местонахождение могильника Обтой 2: 1 — космоснимок местности Обтой;
 2 — вид на комплекс №3 с северо-востока
 Fig. 1. Location of the Obtoy 2 burial ground: 1 — satellite view of the Obtoy area;
 2 — view of complex No. 3 from the Northeast

Курган № 2 расположен в 27 м к востоку от кургана № 1. Курган круглой кольцевой формы, диаметром 6,4 м (по концентрации камней). Размеры кургана вместе с отдельными камнями, некогда состоящими в конструкции (результат ограбления), составляют 9,8 × 8,9 м. Сложен из грубообломочных камней средних размеров. В центре кургана отмечена заросшая грабительская яма округлой формы, размерами 2,2 × 2,1 м. В южной части кургана растет зрелая лиственница. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 17 × 7 см до 65 × 38 см. Курган хорошо задернован.

Кладка № 3 расположена в 42 м к ВЮВ от кургана № 2. Она овальной кольцевой формы, размерами 5,2 × 4,4 м, ориентирована длинной осью по линии ССВ — ЮЮЗ. В центральной части конструкции отмечена небольшая западина. Кладка сложена из грубообломочных камней средних размеров. Наиболее отчетливо камни прослеживаются с восточной стороны. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 16 × 10 см до 45 × 25 см. Кладка хорошо задернована.

В 2024 г. отрядом ИРНИТУ (руководитель Д. Е. Кичигин) в результате плановых археологических работ кладка № 3 была полностью исследована — площадь вскрытия составила 34 кв. м. При детальном осмотре прилегающей к раскопу территории выявлена еще одна аналогичная надмогильная конструкция (№ 4).

Кладка № 4 расположена в 24 м к Ю от кладки № 3. Надмогильная конструкция овальной кольцевой формы, размерами 4,2 × 3,3 м, ориентирована длинной осью по линии Ю — С. В центральной части кладки отмечена западина — давно заросший грабительский шурф размерами 2,1 × 1,1 × 0,45 м, ориентированный по линии Ю — С. В южной части западины растет зрелая лиственница. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 10 × 7 см до 56 × 45 см. Кладка хорошо задернована.

Таким образом, по результатам работ 2024 г. на могильнике Обтой 2 засвидетельствовано наличие четырех погребальных комплексов как минимум двух хронологических периодов: курганы № 1 и № 2 (III–I тыс. до н. э.) и кладки № 3 и № 4 (XIII–XIV вв. н. э.).

Материалы раскопок

После расчистки камней кладки № 3 могильника Обтой 2 удалось выяснить подлинные размеры и форму *надмогильной конструкции*. Она имеет овальную кольцевую форму, размерами 5,2 × 4,4 м, ориентирована длинной осью по линии ССВ — ЮЮЗ. Кладка сложена из камней в 1–3 слоя (всего 3 уровня расчистки). Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 16 × 10 см до 73 × 19 см (рис. 2; 3.-1).

В центральной части кладки, еще на первом уровне расчистки конструкции, отмечено свободное от камней пространство овальной формы, размерами 2,4 × 1,7 м, вытянутое длинной осью по линии ССВ — ЮЮЗ и заполненное светло-серым крупным слабоокатанным песком с включением грубообломочного материала. После снятия камней конструкции и бровок форма этого заполнения проявилась более четко. Оно подпрямоугольной в плане, линзовидной в сечении формы, размерами 2,1 × 1,6 см, ориентировано длинной осью по линии ССВ — ЮЮЗ. Мощность заполнения по самым нижним точкам составляет до 42 см (рис. 2; 3).

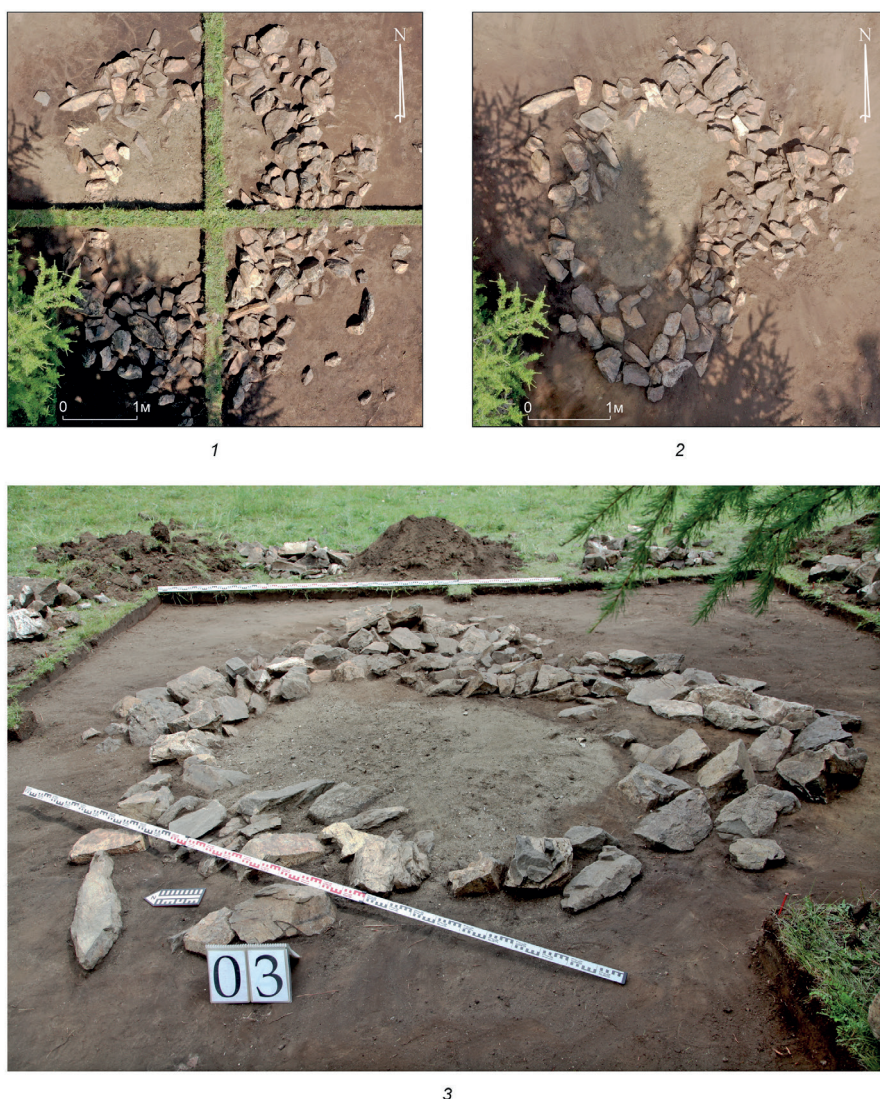

Рис. 2. Могильник Обтой 2, комплекс №3, надмогильная конструкция:
 1 — 1-й уровень расчистки, вид сверху; 2, 3 — 2-й уровень расчистки,
 вид сверху (2) и с запада (3)

Fig. 2. Obtoy 2 burial ground, complex No. 3, tombstone structure: 1 — 1st level of clearance,
 top view; 2, 3 — 2nd level of clearance, top view (2) and from the west (3)

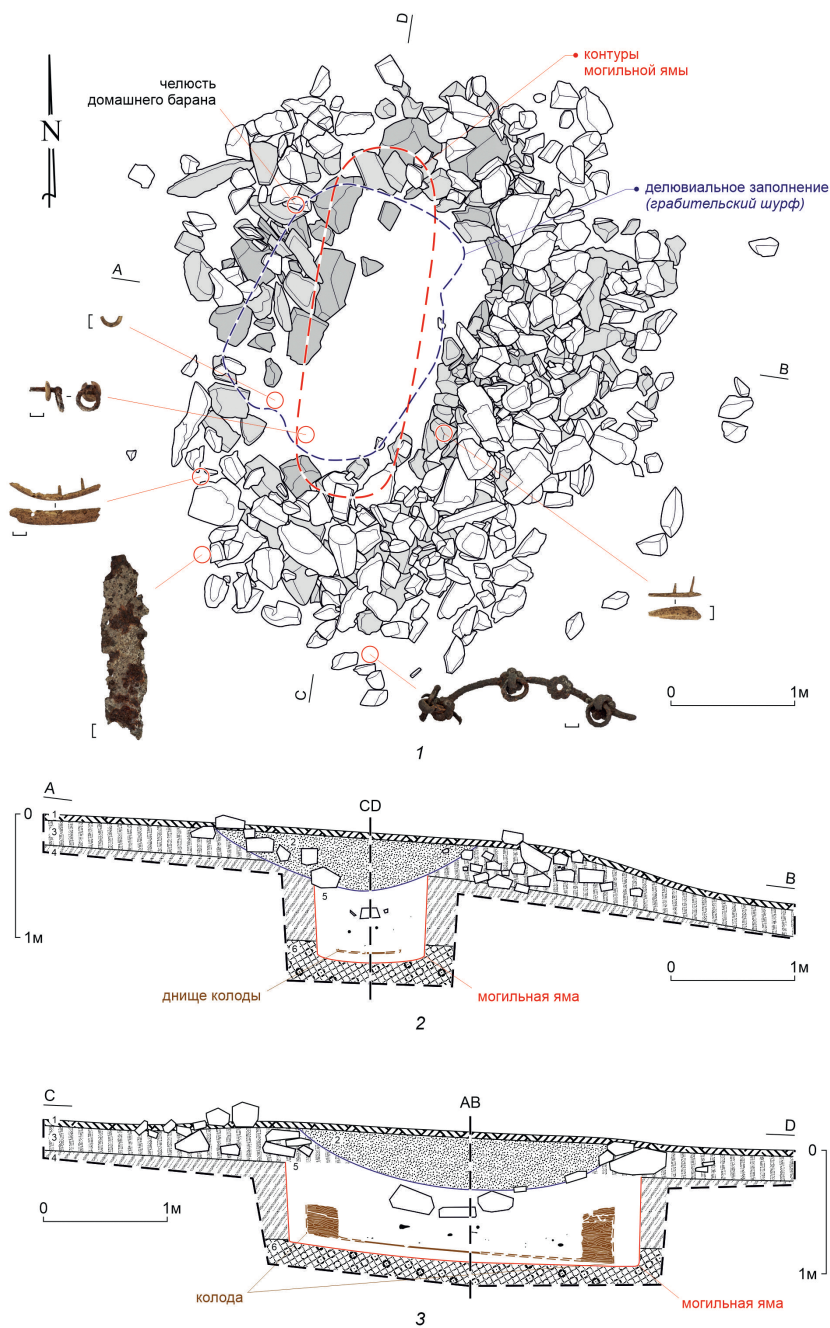

Рис. 3. Могильник Обтой 2, комплекс №3: 1 — план надмогильной конструкции; 2, 3 — поперечный (AB) и продольный (CD) разрезы

Fig. 3. Obtoy 2 burial ground, complex No. 3: 1 — plan of the gravestone structure; 2, 3 — transverse (AB) and longitudinal (CD) sections

Грунт заполнения — светло-серый крупный слабоокатанный песок с включением грубообломочного материала — нигде больше в раскопе не прослеживается (рис. 2.-3). Зато встречается на склонах горного массива к западу, северу и востоку от раскопа (выше по склону) в виде высохших потоков воды (делювий). Скорее всего, выявленное нами заполнение подпрямоугольной в плане, линзовидной в сечении формы является заросшим грабительским шурфом, заполненным впоследствии делювием.

В процессе расчистки кладки в южной и срединной частях раскопа между камнями и за пределами надмогильной конструкции в слое темно-серого гумусированного суглинка на глубине 11–28 см от современной поверхности земли найдены отдельные человеческие кости (и их фрагменты) и культурные остатки (железные тороки и пластина, дугообразные накладки и фрагмент кольца из кости) (рис. 3.-1; 5.-1, 4, 7–10).

На третьем уровне расчистки в северо-западной части кладки между камней внешнего контура в слое темно-серого гумусированного суглинка (за пределами делювиального заполнения) на глубине 23–26 см от современной поверхности земли обнаружены фрагменты нижней челюсти с зубами домашнего барана (рис. 3.-1).

Контур могильной ямы проявился только на глубине 46–56 см от современной поверхности земли в качестве светло-серого пятна с запавшими камнями на фоне темно-бурого суглинка. На первом фиксируемом уровне яма подовальной вытянутой формы, размерами 2,45 × 1,2 м, вытянута по линии ССВ — ЮЮЗ (рис. 4.-1). Подлинные же размеры ямы и ее форму удалось определить только по завершении раскопочных работ.

Могильная яма овальной продолговатой формы, размерами 2,85 × 0,90 м, вытянута длинной осью по линии ССВ — ЮЮЗ. Глубина ямы от современной поверхности земли составляет 98–102 см (всего 2 уровня расчистки). ССВ часть ямы заглублена на 20 см ниже ЮЮЗ части. Нижняя часть ямы выдолблена в материке (серовато-кремовая пылеватая супесь с дрсевой) на глубину до 18 см (рис. 3.-2–3).

На первом уровне расчистки могильной ямы — как в самой яме, так и за ее пределами (раскопочная площадка) — обнаружены отдельные кости человека, не составляющие какого-либо порядка, фаунистические и культурные остатки (фрагменты железных и костяных изделий, фрагменты бересты), камни и остатки колоды (рис. 4.-1, 3; 5.-4, 11).

Камни, зафиксированные в верхней части ямы, сконцентрированы в ее средней части, вдоль длинной оси. Они средних размеров, варьируются от 9 × 5 × 4 см до 43 × 35 × 26 см. Скорее всего, это камни, попавшие в яму сверху — из надмогильной каменной конструкции. Учитывая характер нарушения целостности погребения (в результате ограбления), установить наличие или отсутствие каменного перекрытия могильной ямы уже не представляется возможным.

Фаунистические остатки на этом уровне расчистки ямы зафиксированы только в районе ее западной части. В 12 см к западу от края ямы на глубине 49–51 см от современной поверхности земли обнаружены фрагменты нижней челюсти КРС и фрагменты трубчатой кости косули. В самой яме, в 17 см к ВЮВ от вышеописанного скопления, на глубине 53 см от современной поверхности земли найдены фрагменты нижнего коренного зуба КРС. Последние фрагменты, скорее всего, были стащены в яму с ее бровки в результате естественных и искусственных (ограбление) процессов (рис. 4.-1).

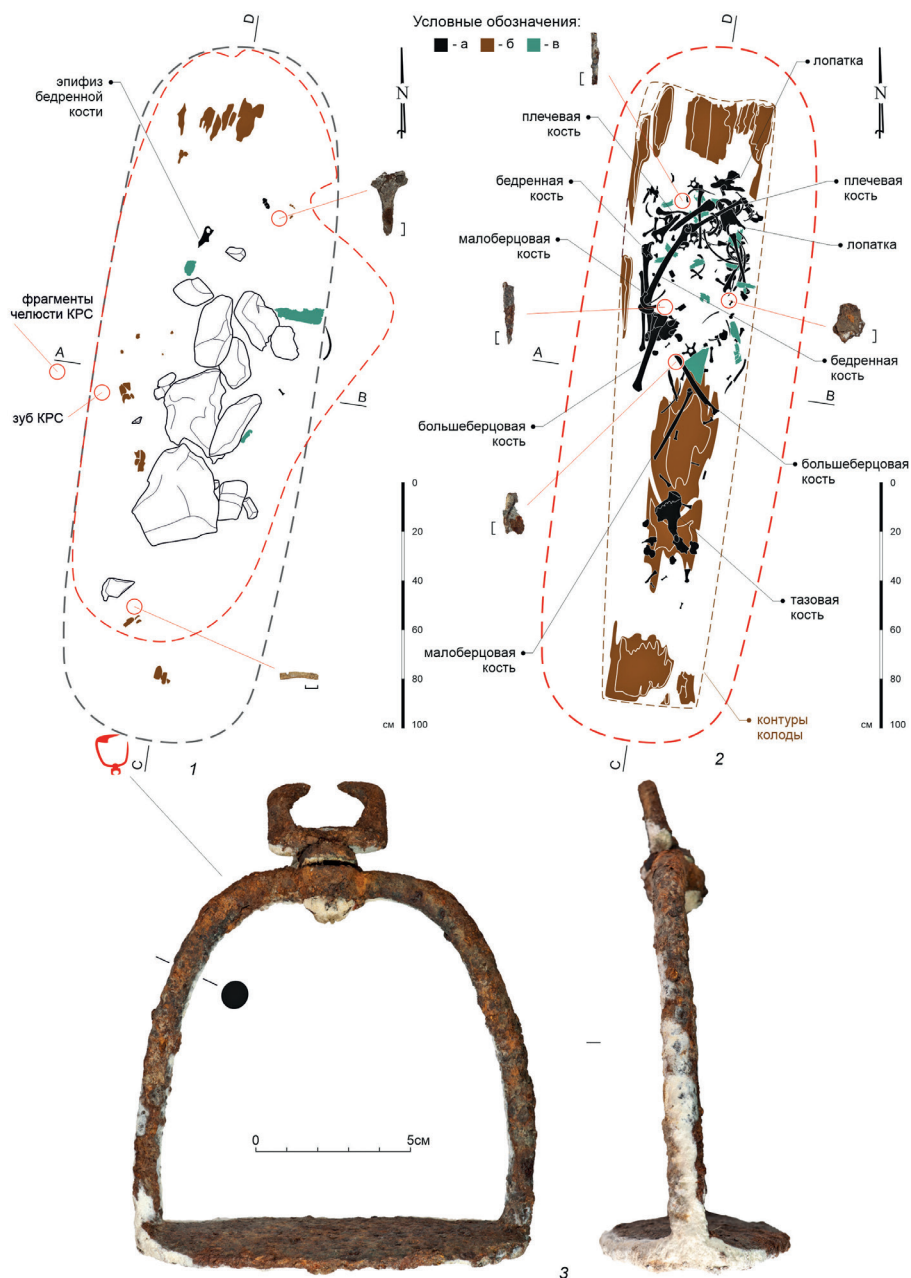

Рис. 4. Могильник Обтой 2, комплекс №3: 1 — 1-й уровень расчистки могильной ямы; 2 — 2-й уровень расчистки могильной ямы; 3 — железное стремя; а — кость; б — дерево; в — береста

Fig. 4. Obtoy 2 burial ground, complex No. 3: 1 — 1st level of grave pit clearing; 2 — 2nd level of grave pit clearing; 3 — the iron stirrup; а — bone; б — wood; в — birch bark

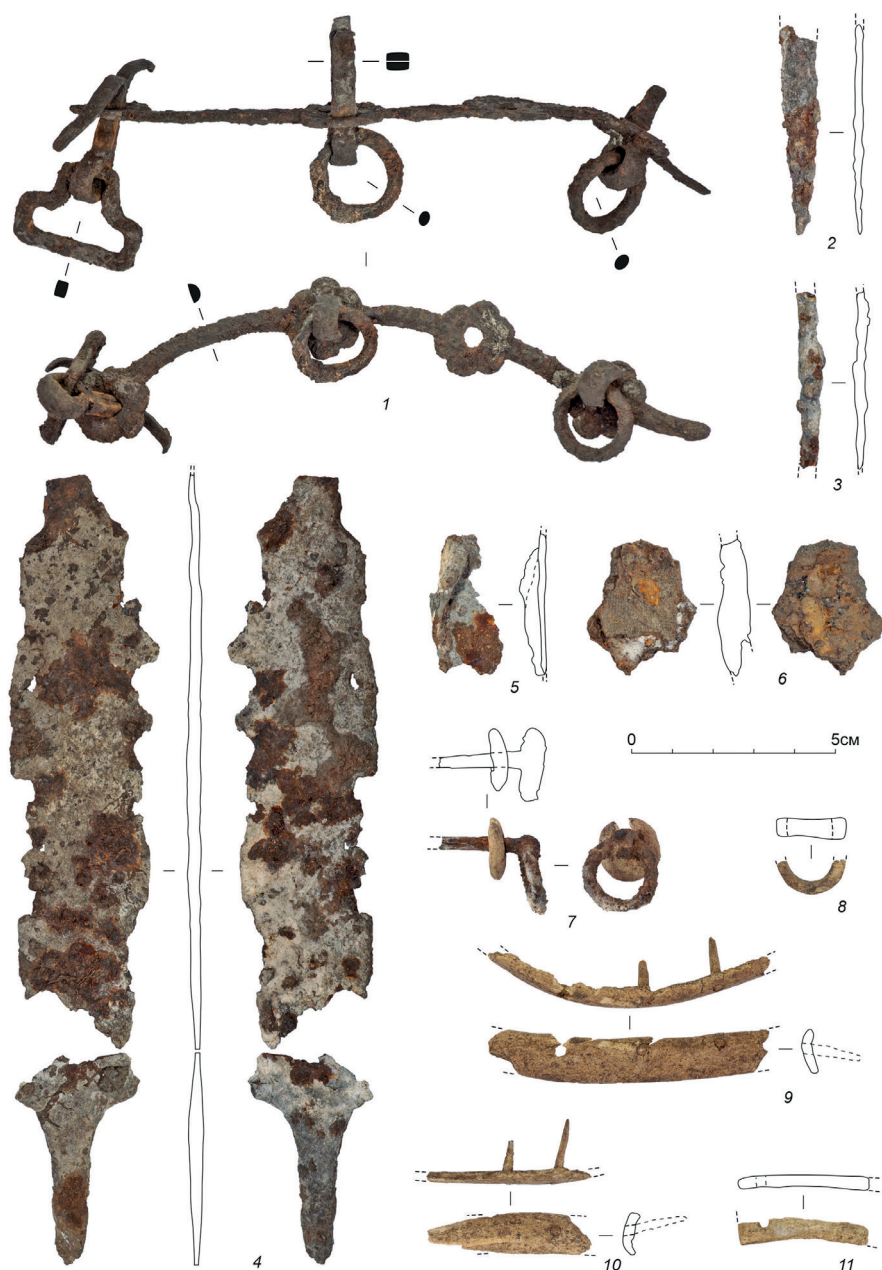

Рис. 5. Могильник Обтой 2, комплекс №3. Находки из железа (1–7) и кости (7–11)

Fig. 5. Obtoy 2 burial ground, complex No. 3. Finds of iron (1–7) and bone (7–11)

По всей площади могильной ямы и за ее пределами зафиксированы фрагменты дерева. Наибольшая их концентрация отмечена в северной части ямы (рис. 4.-1). Как оказалось в дальнейшем, это были остатки колоды.

На втором уровне расчистки могильной ямы обнаружены: большая часть костей скелета погребенного человека, культурные остатки (фрагменты железных изделий и фрагменты бересты) и остатки колоды (рис. 4.-2; 5.-2, 3, 5, 6).

Колода. Наиболее полно сохранились торцевые части колоды, северо-западная стенка и южная половина днища. По сохранившимся остаткам удалось выяснить примерные размеры и конструкцию колоды (рис. 3.-3; 4.-2).

В плане она трапециевидной формы, сужающейся к южной части (локализация ног погребенного), ориентирована длинной осью по линии ССВ — ЮЮЗ. В длину колода составляет 2,5 м. Максимальная ширина северной части — 56 см, толщина — 46 см. Длина северной торцевой части (от камеры до внешнего края колоды) составляет 24,5–28,5 см. Со стороны камеры она оформлена (вырублена) с небольшим отклонением от перпендикулярной оси, что следует рассматривать с позиции практической целесообразности (рубка дерева наискосок дается легче) (рис. 4.-2).

Максимальная ширина сохранившейся южной части колоды равна 36,5 см, толщина — 25 см. Длина южной торцевой части (от камеры до внешнего края колоды) составляет 26,0–28,5 см (рис. 4.-2).

Максимальная толщина северо-западной стенки равна 3,8–4,5 см. Размеры сохранившейся южной части днища составляют 95 × 27 см, толщина — 1,0–1,5 см (рис. 4.-2).

Судить о подлинных размерах погребальной камеры (ниши) с учетом сохранившихся частей колоды достаточно сложно. По разрезу *C–D* ее длина составляет 196 см, глубина — 24–36 см, ширина в северной части колоды — около 45 см (рис. 3.-3; 4.-2). Принимая во внимание характер нарушения целостности погребения (результат ограбления), определить наличие или отсутствие крышки также не представляется возможным. В качестве основы для изготовления колоды, скорее всего, был использован ствол дерева с комлем (северная часть колоды), подходящим под размеры погребенного.

Останки погребенного зафиксированы в перемешанном состоянии, на разных уровнях внутри погребальной камеры (ниши). Согласно анатомическому порядку свое положение сохраняют только кости стоп: пяточные, таранные, плюсневые кости и часть фаланг, расположенные в южной половине погребальной камеры (ниши). Здесь же отмечена одна из тазовых костей. Все остальные кости скелета в основном сконцентрированы в северной половине колоды, вокруг относительно пустого пространства размерами 32 × 25 см (результат ограбления). Длинные кости скелета (обе бедренные, большеберцовая, малоберцовая, обе плечевые кости и др.) вперемешку с ребрами и позвонками зафиксированы по периметру пустого пространства в вертикально-наклонном положении, друг на друге (как бы целенаправленно сложены). В северо-восточной части камеры (ниши) обнаружены обе лопатки. Череп, к сожалению, не найден. Из всех костей черепа обнаружен только один зуб, зафиксированный в северо-восточной части пустого пространства. Судя по расположению костей стоп и размерам погребальной камеры, умерший располагался вытянуто на спине, головой на ССВ (рис. 4.-2).

Грунт, характерный для заполнения могильной ямы (светло-серый суглинок), прослеживается и под колодой. Его мощность составляет от 3 до 8 см (рис. 3.-2, 3). Наличие этого грунта под колодой можно объяснить как естественными (разложение ниж-

ней части колоды), так и искусственными (колода могла быть поставлена на подпорки) процессами.

Стратиграфия, зафиксированная в раскопе, приводится по продольному разрезу С–D (рис. 3.-3):

**Стратиграфия, зафиксированная в результате раскопок погребения № 3
могильника Обтой 2**
**Stratigraphy recorded as a result of excavations of burial No. 3
of the Obtoy 2 burial ground**

<i>Геологические отложения</i>	<i>Мощность, м</i>
1. Дерн	0,05–0,06
2. Светло-серый крупный слабоокатанный песок с включением грубообломочного материала (линзовидное заполнение, делювий)	До 0,42
3. Темно-серый гумусированный суглинок	0,20–0,23
4. Темно-бурый суглинок	0,58–0,67
5. Светло-серый суглинок (заполнение могильной ямы)	0,58–0,74
6. Серовато-кремовая супесь с включением дресвы (кора выветривания)	Вскрыт до 0,18

Сопроводительный инвентарь погребения

В процессе раскопок обнаружен сопроводительный инвентарь погребения (предметный комплекс), представленный изделиями и их фрагментами из железа, кости и бересты. Все предметы можно разделить на две основные категории: снаряжение верхового коня и недиагностируемые изделия (и их фрагменты).

Снаряжение верхового коня включает одно стремя с вращающейся петлей путлища, железные тороки и костяные накладки на луку седла (рис. 4.-3; 5.-1, 7, 9, 10).

Стремя с вращающейся петлей путлища над дужкой обнаружено за пределами могильной ямы (практически на бровке) на глубине 53–69 см от современной поверхности земли в результате подготовки площадки для расчистки могильной ямы (рис. 4.-1, 3). Стремя зафиксировано в вертикально-наклонном положении. Размеры изделия — 13,7 × 6,2 × 16,3 см. Подножка шириной 6,2 см, выпуклая кверху, края слегка загнуты вниз. Толщина подножки составляет 0,4–0,6 см, ближе к дужке увеличивается до 0,9 см. Дужка в сечении имеет округлую форму, толщиной 0,8–1,1 см. В верхней части дужки располагается горизонтальная проушина, внешний диаметр которой составляет 2,2 см. В нее вставлен стержень с петлей путлища в виде четырехугольной рамки. Стержень с обеих сторон расклепан в виде полусфер, закрывающих проушину в дужке и образующих подобие «шарика», что позволяет стремени свободно вращаться вокруг вертикальной оси. Четырехугольная рамка петли путлища имеет размеры 4,2 × 2,4 см, толщиной 0,5–0,9 см. В сечении — подпрямоугольной формы. Само отверстие подовальной формы, размерами 2,6 × 1,4 см. Верхняя центральная часть рамки не сохранилась, длина «разрыва» составляет 0,9 см. Возможно, эта часть рамки перетерлась в результате эксплуатации изделия (рис. 4.-3).

Торок обнаружен в южной части раскопа на глубине 11–13 см от современной поверхности земли (рис. 3.-1; 5.-1). Представляет собой гарнитуру в виде дугообразно-

го плоского стержня (прута) с четырьмя розетками с отверстиями, предназначенными под штырьки с кольцами и рамкой. Длина сохранившейся части дугообразного стержня (прута) составляет 14,4 см, ширина — 0,4–0,5 см, толщина — 0,2–0,3 см. В сечении прут полусферической формы, выпуклой стороной наружу (лицевая сторона). Розетки с отверстиями выполнены в виде шестилепестковых цветков, расположенных на расстоянии 3,6–1,6–1,6 см друг от друга. Диаметры «цветков» составляют 1,8–1,9 см по внешним краям, 1,4–1,5 см — по межлепестковым краям. Судить о размерах и форме самих отверстий можно только по первой и третьей розеткам. У первой отверстие прямоугольной формы, у третьей — подовальной формы, размерами в обоих случаях 0,4 × 0,5 см. Штырьки с кольцами и рамкой сохранились только в первой, второй и четвертой розетках. Сами штырьки четырехгранные в сечении, выполнены посредством сложения пополам железного прута, место перегиба оформлено в виде кольца (проушины), в которое вставлялось ремненное кольцо или ременная рамка. Возможно, выпавшим из третьей розетки штырьком следует считать торок, обнаруженный в юго-западной части свободного от камней пространства кладки (рис. 5.-7).

Штырек с ременной рамкой в первой розетке самый массивный. Его длина вместе с проушиной составляет около 5,6 см, толщина стержня — 0,4–0,45 см. Концы штырька загнуты в виде «усиков» в противоположные стороны (результат крепления к деревянной доске седла). Расстояние между плоской внутренней частью розетки и загнутыми концами штырька составляет 1,4 и 1,6 см (по обоим «усикам»), что, возможно, соответствует толщине доски седла. Ширина кольца (проушины) штырька равна 0,5–0,6 см, внешний диаметр — 1,2 см, внутренний диаметр — 0,6–0,7 см. В это кольцо вставлена ременная рамка двуступенчатой симметричной формы (в виде «пьедестала»), внешними размерами 2,9 × 2,2 см. В сечении она подпрямоугольной формы, толщиной 0,3–0,4 см. Внутреннее пространство под ремень составляет 0,5 × 2,1–2,2 см.

Штырек с кольцом во второй розетке. Максимальная длина сохранившейся части вместе с проушиной и загнутыми концами-«усиками» составляет около 4,1 см, толщина стержня — 0,4–0,5 см. Концы штырька загнуты в виде «усиков» в противоположные стороны. Расстояние между плоской внутренней частью розетки и загнутыми концами штырька составляет 1,6 см (по обоим «усикам»). Ширина кольца (проушины) штырька равна 0,45–0,6 см, внешний диаметр — 1,0 см, внутренний диаметр — 0,6 см. В эту проушину вставлено кольцо округлой формы, внешний диаметр которого составляет 1,9–2,0 см, внутренний диаметр — 1,3–1,4 см. В сечении кольцо подовальной формы, толщиной 0,25–0,4 см.

Штырек с кольцом в четвертой розетке. Длина сохранившейся части составляет 2,5 см, толщина стержня — 0,4–0,5 см. Концы обломаны. Длина сохранившейся части стержня от плоской внутренней части розетки равна 1,2 см. Ширина кольца (проушины) штырька составляет 0,5–0,65 см, внешний диаметр — 1,0–1,1 см, внутренний диаметр — 0,45–0,5 см. В эту проушину вставлено кольцо округлой формы, внешний диаметр которого равен 1,85–1,9 см, внутренний диаметр — 1,3 см. В сечении кольцо подовальной формы, толщиной 0,25–0,45 см (рис. 5.-1).

Другой *торок* обнаружен в юго-западной части делювиального заполнения (на контакте с нижележащим слоем) на глубине 25–27 см от современной поверхности земли

(рис. 3.-1; 5.-7). Изделие состоит из железного штырька с кольцом и костяного диска. Длина сохранившейся части стержня с проушиной (кольцом) составляет 2,5 см, концы обломаны. В сечении стержень подпрямоугольной формы, толщиной 0,25–0,4 см. В проушину вставлено кольцо подовальной формы. Внешний диаметр кольца составляет 1,7–1,8 см, внутренний диаметр — 1,05–1,1 см, толщина — 0,3–0,35 см. На самом стержне вплотную к проушине зафиксирован диск из кости округлой формы, в сечении — полусферической формы. Размеры диска — 1,55 × 1,45 × 0,4 см. Диаметр отверстия составляет 0,4 см. Возможно, сам стержень с диском был вставлен в свободное отверстие (третью розетку) торока, обнаруженного в южной части раскопа (рис. 3.-1; 5.-1).

Накладка из кости обнаружена во фрагментарном состоянии в юго-западной части раскопа на глубине 11 см от современной поверхности земли (рис. 3.-1; 5.-9). Представляет собой пластину из кости дугообразной формы с костяными штырьками. Размеры сохранившейся части 6,9 × 1,0–1,1 × 0,2–0,3 см. В сечении — также дугообразной формы. По длинной оси изделия, по ребру, проделаны отверстия диаметром 0,3 см. Расстояние между отверстиями (от края до края) составляет от 0,9 до 1,8 см. В двух отверстиях сохранились костяные штырьки клиновидной заостренной формы, длиной 1,2 см и 1,6 см. «Шляпки» штырьков на лицевой стороне накладки зашлифованы, слиты с поверхностью накладки. Сама лицевая часть накладки отполирована, скорее всего, в результате эксплуатации изделия.

Другая *накладка из кости* обнаружена в юго-восточной части кладки на глубине 14 см от современной поверхности земли (рис. 3.-1; 5.-10). Она дугообразной формы, с костяными штырьками. Размеры сохранившейся части 4,0 × 1,0 × 0,2–0,3 см. В сечении — также дугообразной формы. По длинной оси изделия проделаны отверстия диаметром 0,3 см. Расстояние между отверстиями (от края до края) составляет 1,0 см. В обоих отверстиях сохранились костяные штырьки клиновидной заостренной формы, длиной 1,0 см и 1,5 см. «Шляпки» штырьков на лицевой стороне накладки зашлифованы, слиты с ее поверхностью. Лицевая часть накладки также отполирована, скорее всего, в результате эксплуатации изделия. Возможно, обе костяные накладки (рис. 5.-9, 10) являются кантами седла.

Недиагностируемые предметы включают фрагменты изделий из железа, кости и бересты (рис. 5.-2, 3, 5, 6, 8, 11).

Пластина из железа обнаружена в юго-западной части раскопа на глубине 13–14 см от современной поверхности земли (рис. 3.-1; 5.-4). Она аморфной вытянутой формы, размерами 14,0 × 3,4 × 0,1–0,4 см. Максимальная толщина предмета отмечена по центральной длинной оси пластины.

Фрагмент насада изделия из железа обнаружен в северо-восточной части могильной ямы на глубине 54 см от современной поверхности земли (рис. 4.-1; 5.-4). Размеры сохранившейся части изделия составляют 5,2 × 3,0 × 0,1–0,4 см. Сам насад (черешок) клиновидной вытянутой формы, размерами 3,8 × 0,6–1,7 × 0,1–0,4 см. Переход на перо плавный, параболической формы. Судя по сохранившейся части пера, практически совпадающей по ширине с вышеописанной пластиной, можно предположить, что оба фрагмента (рис. 5.-4) являются частями одного изделия. Такое предположение также

подкрепляется практически одинаковым цветом и структурой окисленного железа по обеим сторонам двух фрагментов.

Стержень из железа обнаружен в северной половине погребальной камеры (ниши) на глубине 79 см от современной поверхности земли (рис. 4.-2; 5.-2). Он подтреугольной вытянутой формы, в сечении — клиновидной формы, размерами 5,1 × 0,9 × 0,1–0,3 см. Возможно, фрагмент является частью насада какого-либо предмета или обломком острия ножа.

Другой *стержень* из железа найден в северной части погребальной камеры (ниши) на глубине 82 см от современной поверхности земли (рис. 4.-2; 5.-3). Он подпрямоугольной вытянутой формы, в сечении — прямоугольной формы, размерами 4,3 × 0,4–0,7 × 0,2–0,3 см. Возможно, является частью насада какого-либо предмета.

Фрагмент железа найден в средней части погребальной камеры (ниши) на глубине 88 см от современной поверхности земли (рис. 4.-2; 5.-5). Представляет собой фрагмент тонкой пластины, один из краев которой загнут внутрь. Размеры фрагмента — 3,5 × 1,7 × 0,1–0,2 см.

Другой *фрагмент* железа обнаружен в северной половине погребальной камеры (ниши) на глубине 85 см от современной поверхности земли (рис. 4.-2; 5.-6). Он аморфной формы с остатками ткани на одной из сторон. Размеры фрагмента составляют 3,3 × 2,7 × 0,5–0,8 см.

Фрагмент кольца из кости обнаружен в юго-западной части делювиального заполнения (на контакте с нижележащим слоем) на глубине 28 см от современной поверхности земли (рис. 3.-1; 5.-8), в 35 см к ССЗ от торока с костяным диском (рис. 5.-7). Представляет собой практически половину кольца. Размеры сохранившейся части составляют 1,7 × 0,8 × 0,4–0,5 см. Возможные (восстанавливаемые) размеры изделия следующие: внешний диаметр — 1,7 см, внутренний диаметр — 1,1 см, толщина — 0,25–0,3 см.

Фрагмент изделия из кости обнаружен в южной части могильной ямы на глубине 65 см от современной поверхности земли (рис. 4.-1; 5.-11). Размеры сохранившейся части составляют 3,2 × 0,6 × 0,2–0,3 см. Представляет собой фрагмент вытянутой дугообразной пластины, два смежных края залощены. В 0,5 см от залощенного короткого края отмечено отверстие диаметром 0,2 см. Возможно, фрагмент является частью канта седла.

Фрагменты бересты обнаружены только в средней и северной частях могильной ямы на разных высотах (рис. 4.-1, 2). Всего найдено 43 фрагмента, из которых наиболее крупные — 21 фрагмент. Толщина фрагментов составляет 0,1–0,15 см. У некоторых фрагментов оформлена кромка, параллельно которой прослеживаются небольшие проколы — следы сшивки. Возможно, все фрагменты являются остатками колчана.

Обсуждение

По результатам раскопок следует обозначить характерные черты комплекса № 3 могильника Обтой 2, выраженные в топографических и конструктивных особенностях погребального сооружения, характере целостности погребения, специфики погребального обряда и археологического материала:

1. Погребение расположено на возвышенности, локализовано у северо-восточного подножия небольшой горки, закрывающей место погребения со стороны ближайшего

летника, на границе двух ландшафтов — леса и степи. С самого места погребения открывается живописный вид на восточную оконечность долины р. Жомболок (рис. 1).

2. Надмогильная конструкция овальной кольцевой формы, размерами 5,2 × 4,4 м, ориентирована длинной осью по линии ССВ — ЮЮЗ. Кладка сложена из камней в 1–3 слоя. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 16 × 10 см до 73 × 19 см (рис. 2; 3).

3. Погребение индивидуальное, совершено по обряду ингумации в деревянной колоде, помещенной в могильную яму овальной формы, размерами 2,85 × 0,90 м, глубиной до 1,02 м от современной поверхности земли. Сама могильная яма, как и колода, ориентирована длинной осью по линии ССВ — ЮЮЗ. Судя по расположению костей стоп и размерам погребальной камеры колоды, умерший, скорее всего, располагался вытянуто на спине, головой на ССВ (рис. 4.-2).

4. Погребение сильно потревожено (нарушено) еще в древности и, возможно, неоднократно, о чем свидетельствуют кольцевая форма надмогильной конструкции, деформированное заполнение грабительского шурфа, хаотичный порядок костей погребенного и отдельных находок в могильной яме, отсутствие днища в северной половине колоды (как результат неоднократной копки), выброшенные на древнюю поверхность отдельные кости и их фрагменты, а также предметы сопроводительного инвентаря (рис. 3.-1; 4.-1, 2).

5. Под камнями северо-западной части надмогильной конструкции и к западу от могильной ямы зафиксированы фаунистические остатки в качестве фрагментов нижних челюстей с зубами домашнего барана и КРС, фрагментов трубчатой кости косули, что указывает на использование в погребальном обряде этих животных (рис. 3.-1; 4.-1).

6. Сопроводительный инвентарь погребения обнаружен в процессе расчистки надмогильной конструкции и могильной ямы; включает изделия и их фрагменты из железа (стремя, тороки, черешковое пластинчатое орудие и др.), кости (канты седла) и бересты, представляющие, по всей видимости, конское снаряжение и оружейный набор (рис. 4.-3; 5).

Подобные погребения хорошо известны на просторах евразийских степей и прилегающих к ним территориях. Это захоронения, совершенные по сянтгуйскому погребальному обряду — ведущей погребальной практике монгольского имперского периода, что соответствует XIII–XIV вв. н. э. [Кызласов, 1969; Тишкин, 2009; Номоконов, 2020; Харинский, 2023, 2024; Харинский, Иванов, Портнягин, 2023].

Характерными чертами таких погребений являются: а) плоская каменная надмогильная кладка; б) могильная яма с вертикальными стенками; в) наличие деревянной внутримогильной конструкции (колода, гроб, рама); г) индивидуальность захоронения (под кладкой одно погребение); д) труположение — вытянуто на спине; е) ориентировка погребенного головой на север или северо-восток; ж) наличие в погребении части туши барана (кости голени, позвонки, лопатка) [Харинский, 2023; 2024].

Из всего числа находок, обнаруженных в результате раскопок погребения № 3 могильника Обтой 2, наиболее диагностируемыми (дающими возможность интерпретации и датировки) являются костяные накладки со штырьками (рис. 5.-9, 10), железные тороки (рис. 5.-1, 7) и стремя с вращающейся петлей путлища (рис. 4.-3).

Костяные накладки и железные тороки являются неотъемлемыми элементами седла монгольского имперского периода (XIII–XIV вв. н. э.), выполняющими определенные функции. Дугообразные накладки из кости — элементы окантовки седла (каны), видимо, предохраняющие стирание деревянной основы седла. Железные тороки предназначены для крепления к ним ремней (торока), при помощи которых можно было привязать (закрепить) к седлу какую-либо поклажу, включая охотничью добычу. Обе категории предметов имеют широкие территориальные аналогии и вариации [Тишкин, 2009; Номоконов, 2020; Харинский, Иванов, Портнягин, 2023; Харинский, 2024].

Стремена с вращающейся петлей путлица — *яконурского типа* — встречаются в погребениях монгольского времени на территории Алтая (Яконур, курган № 1, впускное погребение-А; Усть-Бийке-III, курган № 7), Тувы (Кызыл-Тей, курган № 5), Бурятии (Монды 1), Забайкалья (Бутуй-I, погребение № 8) и Восточной Монголии (Таван толгой, погребение № 5). Такие стремяна являются редкими находками и, как правило, встречаются в паре со стремянами другой (более простой) конструкции. Датировка таких стремян разными исследователями сегодня сводится к XIII–XIV вв. н. э. [Кызласов, 1969: 163, табл. IV, 66; Тишкин, 2009: 180–182, рис. 125; Номоконов, 2020: 45, рис. 1.5; Харинский, Иванов, Портнягин, 2023: 41, рис. 7.6; Эрдэнэбат, Торбат, 2011: x. 36; Кичигин, Портнягин, 2025].

По погребению № 3 могильника Обтой 2 имеется радиоуглеродная дата — 622 ± 23 (GV-5714), полученная по кости погребенного. В качестве образца для датирования была выбрана плюсовая кость — одна из нескольких, зафиксированных в южной части погребальной камеры (ниши), практически на днище колоды. С учетом калибровки в программе OxCal v4.4.2 дата соответствует календарному возрасту 1299–1398 гг. н. э. (95,4% достоверности). Таким образом, на основании сравнительно-типологического и радиоуглеродного методов датирования раскопанный комплекс следует датировать XIV в. н. э., соотнеся его с монгольским имперским периодом.

Заключение

В 2024 г. усилиями отряда ИРНТУ было раскопано первое погребение позднего средневековья в Окинском районе Республики Бурятия — третье по счету среди объектов подобного рода.

На основании геоморфологии расположения погребения, конструктивных особенностей надмогильной и внутримогильной (колода) конструкций, специфики погребального обряда (труположение — вытянуто на спине, головой на ССВ; наличие костей и зубов домашнего скота) и археологического материала (стремя яконурского типа, остатки седла, фрагменты изделий из железа, кости и бересты), а также радиоуглеродного метода датирования раскопанный комплекс № 3 могильника Обтой 2 датируется XIV в. н. э., что соотносится с монгольским имперским периодом.

Как нам думается, материалы раскопанного погребения не только пополнят источниковую базу погребальных комплексов монгольского времени на территории Южной Сибири, но и наряду с уже раскопанными погребениями лягут в основу культурно-исторической периодизации слабоизученного района Горной Оки.

Благодарности и финансирование

Автор статьи выражает слова благодарности директору МАОУ «Орликская СОШ» Б.Д. Шарастепанову за помощь в организации проведения экспедиции 2024 года; к.г.н., научному сотруднику Института земной коры СО РАН А.М. Клементьеву за видовое определение фаунистических остатков, обнаруженных при раскопках погребения №3 могильника Обтой 2. А также персонально участникам раскопок: Е.И. Муратову, Д.А. Мериновой, А.А. Антоненко, М.Е. Абрашиной и М.Р. Купянской, без которых ни сама экспедиция, ни раскопки попросту бы не состоялись.

Acknowledgements and funding

The author of the article would like to express his gratitude to the director of Orlikskaya Secondary School, B. D. Sharastepanov, for his assistance in organizing the 2024 expedition; to Candidate of Geographical Sciences, researcher at the Institute of the Earth's Crust SB RAS A. M. Klementyev for the species identification of faunal remains discovered during the excavations of burial No. 3 of the Obtoy 2 burial ground. As well as personally to the excavation participants: E. I. Muratov, D. A. Merinova, A. A. Antonenko, M. E. Abrashina and M. R. Kupyanskaya without which neither the expedition itself nor the excavations themselves would have taken place.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дашибалов Б. Б. Археологические памятники Окинского района Республики Бурятия // Архив научно-производственного центра Охраны памятников, инв. № 64. Улан-Удэ, 1994. 67 с.

Кичигин Д. Е., Портнягин М. А. Стремена с вращающейся петлей путлица из погребений монгольского времени на территории Южной Сибири // Древние культуры Монголии, Байкала, Южной Сибири и Северного Китая: Материалы 13-й международной научной конференции, Улан-Батор, 11–16 сентября 2025 года. Улан-Батор: Институт археологии Монгольской академии наук, 2025. Т. III. С. 255–260.

Кропоткин П. А. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск: Типография Окружного штаба, 1867. Кн. IX, X. С. 1–94.

Кызласов А. Р. История Тувы в средние века. М.: МГУ, 1969. 212 с.

Номоконов А. А. Снаряжение коня у населения лесостепного Забайкалья в XII–XIV вв. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 2. С. 40–51. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-40-51>.

Ровинский П. А. О поездке на Тунку и на Оку до Окинського караула // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск: Изд-во типографии Сеницына, 1871. С. 31–52.

Ташак В. И. Археологические разведки на западе Окинського плоскогорья (Саянские горы) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2023. № 1. С. 33–42. <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2023-49-33-41>

Ташак В. И. Каменный век Окинського района Республики Бурятия: изученность и перспективы // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 3. С. 28–34. <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2019-35-10-28-34>

Ташак В. И. Неолит Окинского плоскогорья: местонахождения Тропа Кропоткина-1, -2, -3 // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18, № 1. С. 15–33. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-15-33>

Ташак В. И. Перспективы исследований древнейших этапов заселения человеком территории Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17, № 4. С. 9–19. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-9-19>

Ташак В. И. Стоянка каменного века в долине р. Жомболок в Восточном Саяне (предварительные данные) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2020. № 2. С. 7–15. <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2020-38-7-15>

Ташак В. И., Харинский А. В., Портнягин М. А. Древние ритуальные объекты Окин-ского плоскогорья (Восточный Саян) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 4. С. 132–156. <https://doi.org/10.14258/tpai> (2021) 33 (4).-08

Тишкин А. А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2005. 200 с.

Харинский А. В. Захоронения XIII–XIV вв. долины реки Эгийн-гол (Северная Монголия): особенности погребального ритуала // Поволжская Археология. 2024. № 2. С. 232–247. <https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.232.247>

Харинский А. В. Центр формирования погребального ритуала монголов в имперский период // Сборник материалов VII Всероссийской Нижневолжской археологической конференции. Астрахань, 2023. С. 210–215.

Харинский А. В., Иванов Г. А., Портнягин М. А. Затерянная коллекция Б. Э. Петри: материалы раскопок Тункинского могильника // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19, № 2. С. 26–48. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-26-48>.

Харинский А. В., Кичигин Д. Е. Погребение монгун-тайгинского типа в долине реки Жомболок (Окинский район Республики Бурятия) // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, № 1. С. 114–136. <https://doi.org/10.14258/tpai> (2024) 36 (1).-07

Харинский А. В., Кичигин Д. Е., Коростелев А. М., Портнягин М. А. Курганы древнего населения Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18, № 1. С. 50–75. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-50-75>

Эрдэнэбат У., Торбат Ц. Онгон нутгийн ов соёл. Узэсгэлэнгийн каталоги [Онгон — родина племени и культуры: каталог выставки] // Сухбаатр аймгийн Онгон сумын Таван толгойн археологийн дурсгалын судалгаа [Исследование археологического памятника Таван толгой сомона Онгон аймака Сухэ-Батора]. Улаанбаатар, 2011. 52 с. (на монг. яз.).

References

Dashibalov B. V. Arkheologicheskie pamyatniki Okinskogo rayona Respubliki Buryatiya [Archaeological sites of the Okinsky district of the Republic of Buryatia] // *Arkhiiv nauchno-proizvodstvennogo tsentra okhrany pamyatnikov, inv, 64* [Archive of the Scientific and Production Center for Monument Protection, inv. No. 64]. Ulan-Ude, 1994, 67 p. (in Russian).

Erdenebat U., Torbat Ts. Ongon nutgiin ov soyol. Uzesgelengiin katalogi [Tribal culture of the Ongon region. Catalog of Uzesgeleng]. *Sukhbaatr aimgiin Ongon sumyn Tavan tolgoiin arkheologiin dursgalyn sudalgaa* [Research on archaeological monuments of Tavan Tolgoi, Ongon soum, Sukhbaatar aimag]. Ulaanbaatar, 2011, 52 p. (in Mongolian).

Kharinskii A. V. Tsentр formirovaniya pogrebal'nogo rituala mongolov v imperskii period [The center of formation of the Mongol burial ritual in the imperial period]. *Sbornik materialov VII Vserossiiskoi Nizhnevolzhskoi arkheologicheskoi konferentsii* [Collection of materials of the VII All-Russian Lower Volga archaeological conference]. Astrakhan', 2023, pp. 210–215 (in Russian).

Kharinskii A. V. Zakhoroneniya XIII–XIV vv. doliny reki Egiin-gol (Severnaya Mongoliya): osobennosti pogrebal'nogo rituala [Burials of the XIII–XIV centuries in the Egiin-Gol River valley (Northern Mongolia): burial rite features]. *Povolzhskaya Arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology]. 2024, vol. 48, no. 2, pp. 232–247 (in Russian). <https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.232.247>

Kharinskii A. V., Kichigin D. E. Pogrebenie mongun-taiginskogo tipa v doline reki Zhombolok (Okinskii raion Respubliki Buryatiya) [Mongun-Taiga Type Burial from the Valley of the Zhombolok River (the Okinsky District of the Republic of Buryatia)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2024, vol. 36, no. 1, pp. 114–136 (in Russian). <https://doi.org/10.14258/tpai> (2024) 36 (1).-07

Kharinskii A. V., Kichigin D. E., Korostelev A. M., Portnyagin M. A. Kurgany drevnego naseleniya Okinskogo ploskogor'ya (Vostochnyi Sayan) [Kurgans of the ancient population of the Oka Plateau (Eastern Sayan)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2022, vol. 18, no. 1, pp. 50–75 (in Russian). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-50-75>

Kharinskii A. V., Ivanov G. L., Portnyagin M. A. Zatoryannaya kolleksiya B. E. Petri: materialy raskopok Tunkinskogo mogil'nika [B. E. Petri's lost collection: excavations of the Tunkinsky burial ground]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2023, vol. 19, no. 2, pp. 26–48 (in Russian). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-26-48>

Kichigin D. E., Portnyagin M. A. Stremena s vrashchayushcheisya petlyoi putlishcha iz pogrebeniy mongol'skogo vremeni na territorii Yuzhnoi Sibiri [Stirrups with a rotating loop from burials of the Mongol time in the territory of Southern Siberia]. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikala, Yuzhnoi Sibiri i Severnogo Kitaya: Materialy 13-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal, Southern Siberia and Northern China: Proceedings of the 13th International scientific conference]. Ulan-Bator, 2025, vol. III, pp. 255–260 (in Russian).

Kropotkin P. A. Poezdka v Okinskii karaul [The Travel to the Oka Guard Fort]. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. Irkutsk: Printing office of the District Headquarters, 1867, books IX, X, pp. 1–94 (in Russian).

Kyzlasov L. R. *Istoriya Tuvy v srednie veka* [The history of Tuva in the Middle Ages]. Moscow: Moscow State University Publ., 1969, 212 p. (in Russian).

Nomokonov A. A. Snaryazhenie konya u naseleniya lesostepnogo Zabaikal'ya v XII–XIV vv. [Horse ammunition in the population of forest-steppe Transbaikalia in XII–XIV centuries].

Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2020, vol. 16, no. 2, pp. 40–51 (in Russian). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-40-51>.

Rovinskii P.A. O poezdke na Tunku i na Oku do Okinskogo karaula [About the Travel to Tunka and Oka as Far as Oka Guard Fort]. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. Irkutsk: Sinitsyn Printing House, 1871, pp. 31–52 (in Russian).

Tashak V.I. Arkheologicheskie razvedki na zapade Okinskogo ploskogor'ya (Sayanskie gory) [Archaeological surveys on the Western part of the Oka plateau (Sayan Mountains)]. *Vestnik Buryatskogo Nauchnogo Tsentra Sibirskogo Otdeleniya Rossiiskoi Akademii Nauk* [The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the SB RAS]. 2023, no. 1, pp. 33–42 (in Russian). <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2023-49-33-41>

Tashak V.I. Kamennyi vek Okinskogo rayona Respubliki Buryatiya: izuchennost' i perspektivy [Stone Age of the Oka Area of the Republic of Buryatia: Study and Prospects]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the SB RAS]. 2019, no. 3, pp. 28–34 (in Russian). <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2019-35-10-28-34>

Tashak V.I. Neolit Okinskogo ploskogor'ya: mestonakhozhdeniya Tropa Kropotkina-1, -2, -3 [Neolithic of the Oka Plateau: the sites Tropa Kropotkina -1, -2, -3]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2022, vol. 18, no. 1, pp. 15–33 (in Russian). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-15-33>

Tashak V.I. Perspektivy issledovaniy drevneishikh etapov zaseleniya chelovekom territorii Okinskogo ploskogor'ya (Vostochnyi Sayan) [Prospects of researching the oldest stages of human settlement on the Oka plateau territory (Eastern Sayan)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2021, vol. 17, no. 4, pp. 9–19 (in Russian). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-9-19>

Tashak V.I. Stoyanka kamennogo veka v doline r. Zhombolok v Vostochnom Sayane (predvaritel'nye dannye) [The site of Stone Age in the valley of the Zhombolok River in the East Sayan (preliminary data)]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the SB RAS]. 2020, no. 2, pp. 7–15 (in Russian). <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2020-38-7-15>.

Tashak V.I., Kharinskii A.V., Portnyagin M.A. Drevnie ritual'nye obekty Okinskogo ploskogor'ya (Vostochnyi Sayan) [Ancient Ritual Objects of the Oka Plateau (Eastern Sayan)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2021, vol. 33, no. 4, pp. 132–156 (in Russian). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2021\)33\(4\)-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2021)33(4)-08)

Tishkin A.A. *Altai v mongol'skoe vremya (po materialam arheologicheskikh pamyatnikov)* [Altai in the Mongolian period (based on archaeological sites)]. Barnaul: Azbuka Publ., 2009, 208 p. (in Russian).

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. *Kompleks arheologicheskikh pamyatnikov v doline reki Biike (Gornyi Altai)* [Complex of archaeological sites in the valley of the River Biike (Mountain Altai)]. Barnaul: Alatai State University Publ., 2005, 200 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 05.04.2025

Принята к публикации: 29.07.2025

Дата публикации: 31.03.2026

УДК 902 + 572.79 + 550.42 (476)

DOI 10.14258/nreur(2026)1–06

Я. В. Кузьмин

Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск (Россия)

С. В. Васильев

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва (Россия)

С. Б. Боруцкая

Московский государственный университет, Москва (Россия)

О. В. Марфина, Н. Н. Помазанов, В. Е. Винникова

Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь)

О. А. Емельянчик

Полоцкий государственный университет, Новополоцк (Беларусь)

ПЕРВЫЕ ДАННЫЕ ПО ДИЕТЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (ПО ДАННЫМ ИЗОТОПНОГО АНАЛИЗА УГЛЕРОДА И АЗОТА В КОЛЛАГЕНЕ КОСТЕЙ)

Обсуждаются вопросы, связанные с питанием населения на территории Беларуси конца X — XIX в., оставившего могильники, изученные антропологическим и изотопным методами. Получены данные по коллекции из 63 образцов, полученной в результате раскопок 24 археологических памятников на территории Беларуси, которые можно разделить на две основные группы: 1) городское население; 2) сельское население. Установлено, что городское население питалось в основном продуктами наземных животных (мясо, молоко) и в меньшей мере — злаковыми культурами (рожь, пшеница, овес, ячмень и др.). Сельские жители питались в основном злаковыми культурами, как и городское население, но в некоторых случаях можно предполагать потребление проса. Дополнительным источником белка сельского населения была животная пища. Эти данные сопоставимы с результатами анализа диеты средневекового населения центра Русской равнины на основе изучения стабильных изотопов углерода и азота, проведенного авторами данной работы. Они свидетельствуют о важной роли социального фактора, во многом определявшего структуру питания различных групп — элиты, городских и сельских обитателей средневековой Восточной Европы.

Ключевые слова: Беларусь, средневековье, диета, стабильные изотопы, коллаген, углерод, азот

Для цитирования:

Кузьмин Я. В., Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Марфина О. В., Помазанов Н. Н., Винникова В. Е., Емельянчик О. А. Первые данные по диете средневекового населения на территории Беларуси (по данным изотопного анализа углерода и азота в коллагене костей) // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 1. С. 104–122. DOI 10.14258/nreur(2026)1–06

Кузьмин Ярослав Всеволодович, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск (Россия).

Адрес для контактов: kuzmin@fulbrightmail.org; <https://orcid.org/0000-0002-4512-2269>

Васильев Сергей Владимирович, кандидат биологических наук, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Москва (Россия). **Адрес для контактов:** yasbor1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0128-6568>

Боруцкая Светлана Борисовна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, кафедра антропологии Московского государственного университета, Москва (Россия). **Адрес для контактов:** borsbor@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0753-151X>

Марфина Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, заведующий отделом антропологии Института истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь).

Адрес для контактов: belantrop@tut.by; <https://orcid.org/0000-0003-1259-2034>

Помазанов Николай Николаевич, научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь). **Адрес для контактов:** belantrop@tut.by; <https://orcid.org/0000-0001-6081-2500>

Винникова Валентина Евгеньевна, младший научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь). **Адрес для контактов:** belantrop@tut.by; <https://orcid.org/0009-0000-8442-1598>

Емельянчик Ольга Антоновна, кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры истории и социогуманитарных наук Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, Новополоцк (Беларусь).

Адрес для контактов: o.emeljanchik@psu.by; <https://orcid.org/0000-0002-8813-4411>

Ya. V. Kuzmin

Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

S. V. Vasilyev

Institute of Ethnology and Anthropology, the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

S. B. Borutskaya

Moscow State University, Moscow (Russia)

V. U. Marfina, N. N. Pomazanov, V. Y. Vinnikava

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus)

V. A. Yemialyanchyk

Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Novopolotsk (Belarus)

FIRST DATA ON DIET OF THE MEDIEVAL POPULATION OF BELARUS (BASED ON CARBON AND NITROGEN STABLE ISOTOPE ANALYSYS IN BONE COLLAGEN)

This article discusses issues related to the nutrition of the population on the territory of Belarus in the 10th–19th centuries, based on human skeletons from burial grounds studied using anthropological and isotopic methods. Data were obtained on 63 samples from 24 archaeological sites in Belarus, which can be divided into two main groups: 1) the urban population; 2) the rural population. It was found that the urban population consumed mainly terrestrial animal products (meat and milk), and to a lesser extent cereal crops (rye, wheat, oats, barley, and other grains). Rural residents sustained mainly on cereal crops, as did the urban population, but in some cases it can be assumed that they also consumed millet. Animal food was an additional source of protein for the rural inhabitants. These results are comparable with the data based on the analysis of the Medieval diet of the population in central Russian Plain obtained with the help of stable isotopes of carbon and nitrogen, conducted by the authors of this work. They indicate the important role of the social factor, which largely determined the structure of nutrition of various groups — the élite, urban and rural inhabitants of Medieval Eastern Europe.

Keywords: Belarus, Middle Ages, diet, stable isotopes, collagen, carbon, nitrogen

For citation:

Kuzmin Ya. V., Vasilyev S. V., Borutskaya S. B., Marfina V. U., Pomazanov N. N., Vinnikava V. Y., Emelyanchik V. A. First data on diet of the medieval population of Belarus (based on carbon and nitrogen stable isotope analysys in bone collagen). *Nations and religions of Eurasia*. 2026. T. 31, № 1. P. 104–122. DOI 10.14258/nreur(2026)1–06

Kuzmin Yaroslav Vsevolodovich, D. Sc. (Geography), Leading Researcher, Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** kuzmin@fulbrightmail.org; <https://orcid.org/0000-0002-4512-2269>

Vasilyev Sergey Vladimirovich, Ph. D. (Biology), D. Sc. (History), Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). **Contact address:** vasbor1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0128-6568>

Borutskaya Svetlana Borisovna, Ph. D. (Biology), Senior Researcher, Department of Anthropology, Moscow State University, Moscow (Russia). **Contact address:** borsbor@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0753-151X>

Marfina Volha Uladzimirauna, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Anthropology, Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus). **Contact address:** belantrop@tut.by; <https://orcid.org/0000-0003-1259-2034>

Pomazanov Nikolai Nikolaevich, Researcher, Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus). **Contact address:** belantrop@tut.by; <https://orcid.org/0000-0001-6081-2500>

Vinnikava Valiantsina Yauhenauna, Junior Researcher, Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus). **Contact address:** belantrop@tut.by; <https://orcid.org/0009-0000-8442-1598>

Yemialyanchyk Volha Antonauna, PhD in Biological Sciences, Associate Professor, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Department of History and Social-Humanitarian Science, Novopolotsk (Belarus). **Contact address:** o.emeljanchik@psu.by; <https://orcid.org/0000-0002-8813-4411>

Введение

Изучение структуры питания древних людей на основе определения соотношения стабильных изотопов углерода и азота в органической части (коллагене) костей и зубов ведется с 1970-х гг. К настоящему времени выработаны методические приемы, с помощью которых возможно реконструировать основные компоненты белковой диеты древнего населения [Кузьмин, 2017: 245–262; Lee-Thorp, Katzenberg, 2024]. Для территории России получен ряд данных по палеодиете доисторических популяций [Кузьмин, 2017: 258–262]. Однако для средневековья количество таких работ все еще невелико. За последние 10–15 лет накоплена информация для ряда археологических памятников центра Русской равнины, дающая общее представление о структуре питания в средневековье [Энговатова, Добровольская, Антипина, Зайцева, 2013; Энговатова и др., 2014; Энговатова, Добровольская, Зайцева, 2015; Добровольская др., 2020].

Цель настоящей работы — представить первые данные по диете различных социальных слоев населения средневековья (конец X — XVI вв.) и нового времени (XVII–XIX вв. н. э.) из ряда могильников на территории Беларуси.

Материал и методы

Нами были отобраны 63 образца (в основном фрагментов ребер, а также фаланг пальцев) из 24 археологических памятников на территории Беларуси (рис. 1). По опы-

ту предыдущих исследований средневековой диеты центра Русской равнины [Васильев, Кузьмин, 2025] их можно разделить на две основные группы: 1) городское население; 2) сельское население (табл. 1).

Рис. 1. Расположение изученных объектов средневековья на территории Беларуси. Синим цветом отмечены памятники конца X — XIII в., зеленым — памятники XIV–XVI вв., красным — памятники XVII–XIX вв.; символом «●» выделены древние и современные города: 1 — Махировка; 2 — Скребенец XI–XII вв., Ивесь XV–XVIII вв., Долгое XV–XVIII вв.; 3 — Бирули; 4 — Домжерицы; 5 — Полоцк XI–XII вв.; 6 — Друцк; 7 — Навры; 8 — Избище; 9 — Эсьмоны; 10 — Студенка; 11 — Восход; 12 — Рудея; 13 — Гронов; 14 — Новогрудок; 15 — Полоцк XIII–XIV вв.; 16 — Крапивно; 17 — Радомля; 18 — Санники; 19 — Клепачи; 20 — Полоцк XVII–XVIII вв.; 21 — Горы Великие; 22 — Бельничичи; 23 — Дзержинск

Fig. 1. Location of the studied Medieval sites on the territory Belarus. Sites of the end of 10th–13th centuries are marked in blue, sites of the 14th–16th centuries — in green, and sites of the 17th–19th centuries — in red; ancient and modern towns are marked with the symbol «●»: 1 — Makhirovka; 2 — Skrebenets 11th–12th centuries, Ives 15th–18th centuries, Dolgoe 15th–18th centuries; 3 — Biruli; 4 — Domzheritsy; 5 — Polotsk, 11th–12th centuries; 6 — Drutsk; 7 — Navry; 8 — Izbishche; 9 — Esmony; 10 — Studenka; 11 — Voskhod; 12 — Rudeya; 13 — Gronov; 14 — Novogrudok; 15 — Polotsk, 13th–14th centuries; 16 — Krapivno; 17 — Radomylya; 18 — Sanniki; 19 — Klepachi; 20 — Polotsk, 17th–18th centuries; 21 — Gory Velikiye; 22 — Belynichichi; 23 — Dzerzhinsk

Таблица 1

**Значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ в коллагене костей средневекового населения
на территории Беларуси**

Table 1

**The $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ values for collagen in bones of the Medieval population
on the territory of Belarus**

Объект, год, погребение	Материал	Пол, возраст*	$\delta^{13}\text{C}, \text{‰}$	$\delta^{15}\text{N}, \text{‰}$
Городское население				
Полоцк, Верхн. замок, 25 л/62	Ребро (фрагм.)	Р	-21.2	9.7
Полоцк, Верхн. замок, 25Б/70	Ребро (фрагм.)	Р	-21.6	13.1
Полоцк, Верхн. замок, 25А/71	Ребро (фрагм.)	Ж	-21.8	9.5
Полоцк, Верхн. замок, 21Б	Ребро (фрагм.)	Ж	-21.5	10.3
Полоцк, Верхн. замок, 25К/67	Ребро (фрагм.)	М	-21.0	9.0
Полоцк, Верхн. замок, II/87	Ребро (фрагм.)	М	-20.9	10.3
Полоцк, Нижн. замок, 16	Ребро (фрагм.)	Ж	-20.9	10.1
Полоцк, Нижн. замок, 26	Ребро (фрагм.)	Ж	-20.8	9.7
Полоцк, Нижн. замок, 43	Ребро (фрагм.)	М	-20.7	10.7
Полоцк, Нижн. замок, 18	Ребро (фрагм.)	М	-21.5	9.6
Полоцк, Нижн. замок, 11	Ребро (фрагм.)	Р	-20.8	8.9
Полоцк, Нижн. замок, 34	Ребро (фрагм.)	Р	-21.1	12.2
Новогрудок, 1966 г., Бел-45	Ребро (фрагм.)	Р	-19.3	11.6
Друцк, 2008–2009, Бел-24	Ребро (фрагм.)	М	-19.4	12.2
Друцк, 2008–2009, Бел-23	Ребро (фрагм.)	Ж	-20.6	9.9
Друцк, 2008–2009, Бел-20	Ребро (фрагм.)	М	-20.4	11.4
Друцк, 2008–2009, Бел-22	Ребро (фрагм.)	Ж	-20.4	10.5
Радомя, 2017 г., Бел-46	Ребро (фрагм.)	Р, 12–32 мес.	-20.6	12.2
Белыничи, 2020 г., Бел-64	Ребро (фрагм.)	М, 45–50	-19.5	12.0
Белыничи, 2020 г., Бел-66	Ребро (фрагм.)	М, 20–30	-20.1	10.8
Белыничи, 2020 г., Бел-63**	Ребро (фрагм.)	Р, < 7	-20.2	14.1
Горы Великие, 1983, Бел-11	Ребро (фрагм.)	Р, 5–6	-20.5	11.9
Горы Великие, 1983, Бел-12	Ребро (фрагм.)	Р, 8–9	-20.7	10.0
Горы Великие, 1983, Бел-13	Ребро (фрагм.)	М, 25–35	-20.5	12.0
Горы Великие, 1983, Бел-14	Ребро (фрагм.)	Ж, 35–45	-20.7	10.3
Горы Великие, 1983, Бел-15**	Фаланга пальца	М, 25–35	-20.4	8.1
Горы Великие, 1983, Бел-16	Ребро (фрагм.)	Ж, 25–35	-20.2	10.6
Полоцк, городище, П. 6	Ребро (фрагм.)	Р, 2.5–3	-20.5	10.4
Полоцк, городище, П. 10	Ребро (фрагм.)	М, 30–40	-19.9	10.9
Полоцк, городище, П. 26	Ребро (фрагм.)	Ж, 40–50	-20.3	10.5

Окончание таблицы 1

Объект, год, погребение	Материал	Пол, возраст*	$\delta^{13}\text{C}, \text{‰}$	$\delta^{15}\text{N}, \text{‰}$
Сельское население				
Дзержинск, 2021, П. 2	Фаланги пальцев	М, 50–60	–20.6	9.3
Избище, 1987, Бел-31	Ребро (фрагм.)	М	–19.5	10.9
Избище, 1987, Бел-30	Ребро (фрагм.)	Р	–20.3	10.1
Домжерицы, 1979, Бел-18	Ребро (фрагм.)	Ж	–19.8	9.7
Восход, 2008, Бел-7	Ребро (фрагм.)	М	18.4	9.2
Восход, 2008, Бел-10	Ребро (фрагм.)	М	–17.8	9.5
Восход, 2008, Бел-9	Ребро (фрагм.)	Ж	–19.7	9.4
Восход, 2008, Бел-6	Ребро (фрагм.)	Ж	–19.4	9.5
Восход, 2008, Бел-5	Ребро (фрагм.)	Р	–18.6	8.5
Навры — I, 2015, Бел-41	Ребро (фрагм.)	Р	–18.6	9.8
Навры — I, 2015, Бел-40	Ребро (фрагм.)	М	–19.9	9.9
Эсьмоны, 1969, Бел-61	Ребро (фрагм.)	М	–20.0	9.4
Студенка, 2015, Бел-60	Ребро (фрагм.)	Ж	–18.2	9.1
Рудея, 2012, Бел-49	Ребро (фрагм.)	Ж	–19.0	9.1
Рудея, 2012, Бел-51	Ребро (фрагм.)	М	–19.4	10.4
Скребенец, 2022, Бел-59	Ребро (фрагм.)	Р	–21.4	9.6
Скребенец, 2022, Бел-58	Ребро (фрагм.)	М	–21.1	9.6
Гронов, 2015, Бел-17	Ребро (фрагм.)	М	–19.4	10.9
Махировка, 1977, Бел-38	Ребро (фрагм.)	Ж	–20.8	10.9
Крапивно, 1990, Бел-36	Ребро (фрагм.)	Р, 2–3	–20.5	10.3
Бирули, 2008, Бел-1	Ребро (фрагм.)	М, > 55	–20.9	9.7
Бирули, 2008, Бел-2	Ребро (фрагм.)	Ж, > 55	–20.8	9.5
Санники, 2021, Бел-55	Ребро (фрагм.)	Ж, 18–20	–20.5	9.8
Санники, 2021, Бел-52	Ребро (фрагм.)	М, 25–35	–19.9	9.5
Санники, 2021, Бел-53	Ребро (фрагм.)	Р, 12–14	–19.6	9.6
Клепачи, 1982, Бел-34	Ребро (фрагм.)	Р, 13–14	–20.8	9.2
Клепачи, 1982, Бел-35	Ребро (фрагм.)	Ж, 25–35	–20.5	10.6
Ивень, 2010, ИП1–2010	Ребро (фрагм.)	Р, 3–4	–20.7	11.0
Ивень, 2012, ИП2–2012	Ребро (фрагм.)	Ж, > 50	–21.3	9.8
Ивень, 2011, ИП5–2011	Ребро (фрагм.)	М, 30–40	–21.2	10.0
Долгое, 2015, ДП6–2016	Ребро (фрагм.)	Ж, 30–40	–21.4	9.2
Долгое, 2015, ДП9–2016	Ребро (фрагм.)	Р, 4–5	–21.0	9.2
Долгое, 2015, ДП28–2016	Ребро (фрагм.)	М, 40–50	–20.6	9.5

Примечания:

* М — мужчина; Ж — женщина; Р — ребенок (подросток).

** Эти образцы (см. рис. 3) не включены в подсчет средних значений как «отскоки».

К городскому населению конца X — XVIII в. относятся восемь объектов (рис. 1). Три могильника находятся в г. Полоцке [Емельянчик, Веселовская, Васильев, Рашковская, Каминская, Магалинский, Коц, 2023; Васильев, 2024: 132–152]. Средневековый некрополь на территории **Верхнего замка Полоцка** существовал в XI–XIII вв. Есть предположение о том, что Верхний замок в это время имел функцию городского сакрального центра, который использовался также для административно-церемониальных целей. В ходе археологических работ на территории **Нижнего замка** установлено, что погребения при церкви на стрелке происходят из двух разновременных кладбищ, существовавших в XIII–XIV вв. и XVII–XVIII вв. Ранний комплекс, датированный по погребальному инвентарю XIII–XIV вв., представлен группой погребений в северо-восточном секторе раскопа. Грунтовый могильник с территории **города** в г. **Полоцк** содержит погребения XVII–XVIII вв.

Грунтовый могильник в г. **Новогрудок** XI в. (Гродненская обл.) был исследован археологами в 1965–1967 гг. Индивидуумы из данного памятника относятся к городскому христианскому населению [Звяруга, Краўцэвіч, 1993]. Курганный памятник **Друцк** XII вв. (Витебская обл.) был раскопан в 2008–2009 гг. Погребения происходят из одного кургана с коллективным захоронением [Левко, Войтехович, Кенько, 2014]. Могильник на посаде близ замка в **Радомле** XIV–XV вв. (Могилевская обл.) изучен в 2017 г. [Шуткова, 2017]. Могильник рубежа XVI/XVII–XIX вв. на территории Ильинской горы, расположенной в черте г. **Бельничи** (Могилевская обл.), исследован в 2019–2020 гг. Погребения относятся к христианскому населению местечка Бельничи [Вашанаў, Ткачова, Крумплеўскі, Ясковіч, 2023]. Памятник **Горы Великие (Горы)** XVI–XVIII вв. находится на территории городища «Курганы» (Могилевская обл.) и был исследован в 1982 и 1983 гг. [Бектинев, 1982, 1983].

Значительное количество объектов (17) относится к сельскому населению XI–XVIII вв. (рис. 1). Курганные могильники содержат основную часть проанализированного антропологического материала. Курганный могильник **Избище** конца X — начала XII в. (Минская обл.) исследовался в 1987–1989 гг. [Штыхаў, 2008]. Курганный могильник **Домжерицы** XI в. (Витебская обл.) был раскопан в 1979 г. [Штыхаў, 1993]. Курганный могильник **Восход** конца X — XII в. (Могилевская обл.) изучался в 2006–2010 гг. Согласно археологическому контексту основная часть погребений относится к христианскому периоду. Хотя индивидуумы принадлежат к сельскому населению, часть погребений значительно отличается зажиточностью и богатством по сравнению с остальными захоронениями. Возможно, они имели более высокий социальный статус по сравнению с односельчанами и были представителями нижнего звена местной власти, выполняя функции контроля и управления рядовыми общинниками [Марзаяук, 2017]. Курганный могильник **Навры-І** XI–XII вв. (Минская обл.) раскапывался в 2012, 2015–2017 гг. [Плавінскі, 2022]. Курганный могильник **Эсьмоны** конца X — начала XIII в. (Могилевская обл.) исследовался в 1969 г. [Рьер, 1993]. Курганный могильник **Студёнка** XI–XIII вв. (Могилевская обл.) раскапывался в 2015 г. [Авласович, 2015]. Курганный могильник около водохранилища «**Рудея**» конца X — XI в. (Могилевская обл.) исследован в 2012 г. Согласно археологическим данным часть погребений имеет довольно богатый для сельского населения инвентарь, что позволяет высказать мнение о высо-

ком социальном статусе погребенных [Марзалюк, 2012]. Курганный могильник **Скребенец** XI–XII вв. (Витебская обл.) исследовался в 2022 г. Могильники **Ивесь** и **Долгое** (Витебская обл.) датируются XV–XVIII вв. и раскопаны в 2010–2015 гг. Курганный могильник **Махировка** XI–XII вв. (Витебская обл.) раскопан в 1977 г. [Дучиц, 1977]. Курганный могильник **Крапивно** XII–XVI вв. (Витебская обл.) исследовался в 1990 г. [Левко, 1990]. Курганный могильник **Бирули** XI–XIII вв. (Витебская обл.) исследовался в 2008 г. [Вайцяховіч, 2008]. Каменный могильник **Санники (Санюки)** XIV–XVI вв. (Гродненская обл.) исследовался в 2021 г. Другой каменный могильник, **Клепачи**, конца XIV — начала XVI в. (Гродненская обл.) был раскопан в 1982 г. [Квяткоўская, 1993]. Курганный могильник **Гронов** XI–XIII вв. (Могилевская обл.) изучался в 2015 г. Грунтовый могильник **Дзержинск (Радиловичи)** (Гомельская обл.) исследовался в 2021 г. и датируется 1422–1630 гг.

Основой использования стабильных изотопов углерода и азота для реконструкции палеодиеты является феномен фракционирования — разделения изотопов по весу (или изменения их пропорции), что связано с положением организма в пищевой (трофической) цепи. На практике используются величины, показывающие разницу между отношением изотопов в конкретном образце и в общепринятом стандарте. Этот показатель обозначается греческой буквой «дельта» (δ) и выражается в тысячных долях (промилле, ‰).

Формулы подсчета величин $\delta^{13}\text{C}$ (отношение изотопов $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$) для углерода и $\delta^{15}\text{N}$ (отношение изотопов $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$) для азота выглядят следующим образом:

$$\delta^{13}\text{C} = \left[\left(\frac{^{13}\text{C}/^{12}\text{C}(\text{образец})}{^{13}\text{C}/^{12}\text{C}(\text{стандарт})} - 1 \right) \right] \times 1000 \text{ ‰}$$

$$\delta^{15}\text{N} = \left[\left(\frac{^{15}\text{N}/^{14}\text{N}(\text{образец})}{^{15}\text{N}/^{14}\text{N}(\text{стандарт})} - 1 \right) \right] \times 1000 \text{ ‰}$$

Сегодня в атмосфере Земли величина $\delta^{13}\text{C}$ равна около -8‰ (в древности это значение составляло -7‰). Углерод в результате фотосинтеза попадает из атмосферы в наземную растительность. В природе существуют два главных типа фотосинтеза: C_3 (основная часть растений, включая бобовые; $\delta^{13}\text{C} \cong -26\text{‰}$) и C_4 (главным образом кактусы, просо, кукуруза, сорго, сахарный тростник, маревые; $\delta^{13}\text{C} \cong -13\text{‰}$). При употреблении растительной пищи травоядными организмами происходит дальнейшее фракционирование изотопов углерода, и в коллагене их костей отношение $\delta^{13}\text{C}$ смещается в сторону «утяжеления» на величину около 5‰ . У травоядных животных, питающихся растениями типа C_3 , $\delta^{13}\text{C}$ обычно составляет от -19‰ до -22‰ ; при значительной доле питания растениями типа C_4 эта величина может достигать -11‰ . При движении по трофической цепи происходит обогащение углерода изотопом ^{13}C ; для плотоядных организмов, включая человека, величина $\delta^{13}\text{C}$ при условии питания продуктами наземного происхождения обычно составляет от -17‰ до -21‰ . Изотопный «сдвиг» для углерода на каждом трофическом уровне у наземных организмов составляет $0.5\text{--}2\text{‰}$.

Для азота характерно увеличение значения $\delta^{15}\text{N}$ по трофической цепи, с обогащением на величину 3–5‰ на каждом последующем уровне. Если у растений величина $\delta^{15}\text{N}$ составляет 1–3‰, то у травоядных животных она равна 4–8‰. Обогащение изотопом ^{15}N также наблюдается у речной и озерной рыбы ($\delta^{15}\text{N} \cong 10\text{‰}$), которая является организмом достаточно высокого трофического уровня. Наиболее заметно рост значения $\delta^{15}\text{N}$ выражен у водных организмов, поскольку в речной, озерной и морской средах трофические цепи обычно длиннее, чем на суше. У детей в период грудного вскармливания величина $\delta^{15}\text{N}$ превосходит таковую для взрослого населения [Кузьмин, 2024: 268–269].

Измерения величин $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ (табл. 1) проводились в лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (г. С.-Петербург) на масс-спектрометре DELTA V. Предварительная обработка материала заключалась в выделении коллагена из костных образцов путем следующих шагов: 1. Образец очищался от поверхностных загрязнений и помещался в емкость с 3%-м раствором соляной кислоты (HCl) на 24–48 ч. 2. Образец тщательно промывался в дистиллированной воде до нейтральной реакции и заливался 1%-м раствором щелочи (NaOH). 3. Образец тщательно промывался в дистиллированной воде до нейтральной реакции и переводился в емкость со слабокислым раствором соляной кислоты (pH = 4), которая нагревалась на электрической плитке до температуры 80–90 °C вплоть до полного растворения костного материала. 4. Полученный раствор центрифугировался и/или фильтровался и помещался в фарфоровую емкость, которая ставилась на электроплитку и нагревалась до 75–90 °C для выпаривания до порошкообразного состояния. Выделенный материал представлял собой коллаген, который использовался для измерения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ в масс-спектрометре.

Результаты и обсуждение

Для 28 образцов городского населения величина $\delta^{13}\text{C}$ колеблется от –19.3‰ до –21.8‰. Значения $\delta^{15}\text{N}$ находятся в достаточно широком диапазоне, от 8.9‰ до 13.1‰ (рис. 2). Два образца (Бел-15 и Бел-63) с аномально низким и высоким показателями $\delta^{15}\text{N}$, 8.1‰ и 14.1‰ соответственно рассматриваются нами в качестве «отскоков» и были исключены из дальнейшего рассмотрения (табл. 1; рис. 2). Причины расхождений с основной группой населения неясны. Возможно, аномально высокое значение $\delta^{15}\text{N}$ у ребенка Бел-63 возрастом менее 7 лет связано с фактом грудного вскармливания [Кузьмин, 2024: 268–269], но это наиболее вероятно, когда возраст индивида не превышает 3 лет, что в нашем случае неопределенно. Для 33 образцов сельского населения величины $\delta^{13}\text{C}$ составляют от –17.8‰ до –21.4‰ (рис. 3). Данные по $\delta^{15}\text{N}$ находятся в достаточно узких пределах, от 8.5‰ до 11.0‰.

Анализ полученных данных позволяет сказать следующее. Для некрополя Полоцка XI–XIV вв. (рис. 2) значения состава стабильных изотопов близки к таковым для Тверского кремля и г. Плёс (центр Русской равнины) [Васильев, Кузьмин, 2025]. В отношении $\delta^{15}\text{N}$ они (за исключением образца 25Б/70) несколько ниже, чем для упомянутых объектов Твери ($12.3 \pm 0.2\text{‰}$) и Плёса (12.2‰).

Данные по другим объектам городского населения конца X — XVIII в. на территории Беларуси в целом близки к значениям для некрополей Полоцка (табл. 1). Не наблю-

дается тренда, связанного с возрастом погребений: население конца X — XIII в. в общем находится в тех же пределах, что и объекты XIV–XVI вв. и XVI–XVIII вв. (рис. 2). При сравнении с центром Русской равнины (см. [Васильев, Кузьмин, 2025]) значения $\delta^{15}\text{N}$ для Беларуси (среднее — $10.7 \pm 1.1\text{‰}$) несколько ниже, чем для Костромы, Переяславля-Залесского, Курска, Унорожа, Плёса, Дмитрова, Москвы и Ярославля ($\delta^{15}\text{N} = 11.7\text{--}13.2\text{‰}$).

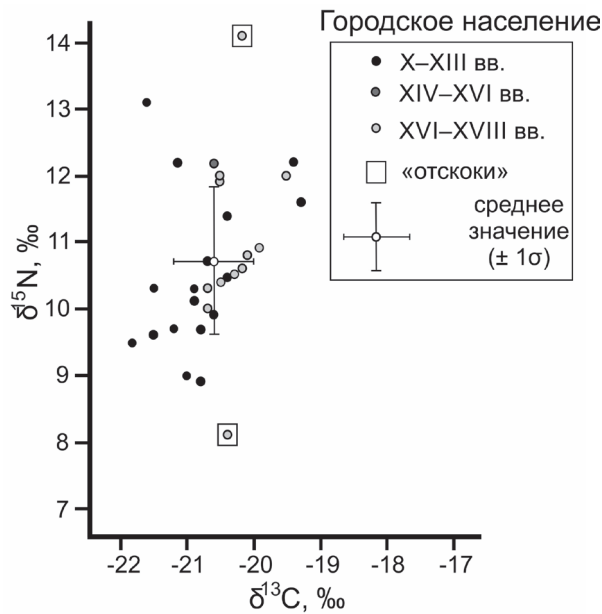

Рис. 2. Изотопные данные для городского населения средневековья на территории Беларуси

Fig. 2. Isotope data for the Medieval urban population on the territory of Belarus

Что касается изотопных данных для сельского населения территории Беларуси XI–XVIII вв. (рис. 3), то по величине $\delta^{13}\text{C}$ (среднее — $-20.0 \pm 1.0\text{‰}$) оно в целом близко к городскому населению ($-20.6 \pm 0.6\text{‰}$). По значениям $\delta^{15}\text{N}$ (среднее — $9.7 \pm 0.6\text{‰}$) сельское население находится ниже, чем городские жители ($10.7 \pm 1.1\text{‰}$) (табл. 2). При сравнении с центром Русской равнины видно, что значения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ сельского населения в целом близки к таковым для могильника Новосёлки XIII в. (Московская обл.) и памятников Тверской области XIII–XVI вв. [Энговатова, Добровольская, Антипина, Зайцева, 2013: 109–110; Добровольская и др., 2020].

Обращает на себя внимание значительный разброс данных по $\delta^{15}\text{N}$ городского населения Беларуси ($8.9\text{--}13.2\text{‰}$) (рис. 2). Это, вероятно, свидетельствует о том, что представителям городских общин был доступен более разнообразный рацион, чем сельскому населению ($\delta^{15}\text{N} = 8.5\text{--}11.0\text{‰}$) (рис. 3). Индивидуумы с повышенными значениями $\delta^{15}\text{N}$ (более 11.6‰), вероятно, употребляли в пищу продукты высокого трофического

го уровня водного происхождения (пресноводную рыбу) (см., напр.: [Wood, Higham, Buzilova, Suvorov, Heinemeier, Olsen, 2013]), в отличие от жителей сельских общин.

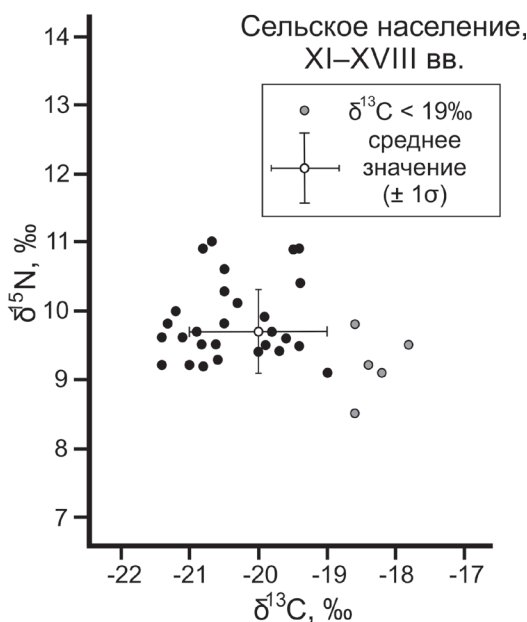

Рис. 3. Изотопные данные для сельского средневекового населения на территории Беларуси

Fig. 3. Isotope data for the Medieval rural population on the territory of Belarus

Таблица 2

**Средний изотопный состав основных групп населения
на территории Беларуси в конце X — XIX в.**

Table 2

**Average isotope composition of main population groups on the territory
of Belarus in the end of 10th–19th centuries**

Группа (кол-во анализов)	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰
Городское население (28) *	-20.6 ± 0.6	10.7 ± 1.1
Сельское население (33)	-20.0 ± 1.0	9.7 ± 0.6

*Данные по двум образцам не приняты во внимание (см. табл. 1).

В составе сельского населения территории Беларуси можно выделить две группы, отличающиеся по величинам $\delta^{13}\text{C}$: с «легкими» значениями (от -21.4‰ до -19.0‰) и более «тяжелыми» (от -18.6‰ до -17.8‰) (рис. 3). Для второй группы, куда входят могильники Восход (погребения Бел-7 и Бел-10), Навры (Бел-41) и Студёнка, датированные XI–XIII вв., среднее значение $\delta^{13}\text{C} = -18.3 \pm 0.3\text{‰}$. Вероятно, эти индивиды употребляли в пищу некоторое количество злаков с фотосинтезом типа C_4 ; наибо-

лее распространенным из них в средневековье Русской равнины было просо. Ранее для сельского поселения Гочево в Курской области России было выявлено употребление проса, со средней величиной по девяти погребениям $\delta^{13}\text{C} = -17.0 \pm 0.8\text{‰}$ [Васильев, Кузьмин, 2025].

Заключение

На основании первых данных по изотопному составу углерода и азота в коллагене костей из погребений с территории Беларуси периода средневековья можно сделать следующие выводы. Городское население получало белковое питание в основном от наземных животных (мясо, молоко) и в меньшей мере — от растений с фотосинтезом типа C_3 (основные злаковые культуры — рожь, пшеница, овес, ячмень и др.), с возможным участием пресноводных организмов в некоторых случаях. В диете сельских жителей преобладали растения типа C_3 (в ряде случаев с примесью злака типа C_4 — вероятнее всего, проса), с некоторой долей животной пищи. Эти данные близки к результатам анализа диеты средневекового населения центра Русской равнины, которые говорят о социальном факторе, определявшем структуру питания различных групп — элиты, городских и сельских обитателей.

Благодарности и финансирование

Основная часть статьи (отбор образцов, проведение анализов, интерпретация результатов) подготовлена в рамках гранта РФФИ — БРФФИ № 23–48–10011 «Биоархеологическая реконструкция образа жизни и физических характеристик средневекового населения Беларуси и европейской части России». Финальное редактирование статьи проводилось в соответствии с госзаказом Института геологии и минералогии СО РАН № 122041400252–1. Мы признательны сотрудникам лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) за измерения содержания стабильных изотопов в костях и зубах средневекового населения на территории Беларуси.

Acknowledgements and funding

The main part of the article (sample collection, analysis, and interpretation of results) was prepared within the framework of the RSF-BRFFR grant No. 23–48–10011 «Bioarchaeological reconstruction of the lifestyle and physical characteristics of the medieval population of Belarus and the European part of Russia». The final editing was carried out in accordance with the State Assignment of the Institute of Geology and Mineralogy SB RAS No. 122041400252–1. We are grateful to the staff of the Laboratory of Archaeological Technology, Institute of the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg), for measuring the content of stable isotopes in the bones and teeth of the medieval population of Belarus.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авласович А. М. Отчет об археологических работах в Быховском и Могилевском районах Могилевской области в 2015 г. // ЦНА НАН Беларуси. ФАНД [Центральный научный архив (ЦНА) Национальной академии наук (НАН) Беларуси. Фонд археологической научной документации (ФАНД)]. 2015. Оп. 1. Арх. № 3318. 25 с.

Бектинеев Ш. И. Отчет об археологических исследованиях 1982 г. (Горецкий р-н Могилевской обл.) // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД [Центральный научный архив (ЦНА) Национальной академии наук (НАН) Беларусі. Фонд археологической научной документации (ФАНД)]. 1982. Оп. 1. Арх. № 789. 49 с.

Бектинеев Ш. И. Отчет об археологических исследованиях 1983 г. (Городище «Курганы» Горецкого р-на Могилевской обл.). ЦНА НАН Беларусі. ФАНД [Центральный научный архив (ЦНА) Национальной академии наук (НАН) Беларусі. Фонд археологической научной документации (ФАНД)]. 1983. Оп. 1. Арх. № 827. 12 с.

Васильев С. В., Кузьмин Я. В. Диета средневекового населения центра Русской Равнины (XI–XIV вв.) по изотопным данным // Археология Евразийских степей. 2025. № 4. С. 199–207.

Добровольская М. В., Тиунов А. В., Крылович О. А., Кузьмичева Е. А., Решетова И. К., Савинецкий А. Б., Свирикина Н. Г., Смирнов А. Л. Изотопные маркеры экосистем и питания средневекового сельского населения лесной зоны европейской части России // Российская археология. 2020. № 3. С. 79–95.

Дуциц Л. В. Отчет за полевой сезон 1977 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД [Центральный научный архив (ЦНА) Национальной академии наук (НАН) Беларусі. Фонд археологической научной документации (ФАНД)]. 1977. Оп. 1. Арх. № 562. 23 с.

Емельяничик О. А., Веселовская Е. В., Васильев С. В., Рашковская Ю. В., Каминская Д. С., Магалинский И. В., Коц А. Л. Новые данные по антропологии средневекового населения города Полоцка // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 220–255.

Кузьмин Я. В. Геоархеология: естественно-научные методы в археологических исследованиях. Томск: изд-во ТГУ, 2017. 395 с.

Кузьмин Я. В. Основы геоархеологии: естественно-научные методы в современной археологии. М.: Русайнс, 2024. 336 с.

Левко О. Н. Отчет об археологических исследованиях 1990 г. на территории северо-восточной Белоруссии // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД [Центральный научный архив (ЦНА) Национальной академии наук (НАН) Беларусі. Фонд археологической научной документации (ФАНД)]. 1990. Оп. 1. Арх. № 1204. 45 с.

Левко О. Н., Войтехович А. В., Кенько П. М. Друцкие некрополи // Друцк: Друцк и Друцкая волость (княжество) в IX–XII вв., летопись древних слоев, князя Друцкие и их владельцы в XIII–XVIII вв., ремесло, промыслы, торговля (по данным археологии, нумизматики, письменных источников), памятники архитектуры и объекты туризма. Минск: Беларуская навука, 2014. С. 114–156.

Население древней Руси (Альбом в лицах) / Васильев С. В. (ред.). М.: АМА-ПРЕСС, 2024. 179 с.

Шуткова Н. П. Научный отчет о проведении археологических раскопок в исторической части Радомли в 2017 г. (Чаусский район Могилевской области). ЦНА НАН Беларусі. ФАНД, 2017. Оп. 1. Арх. № 3472. 18 с.

Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изо-

топного анализа // Краткие сообщения Института археологии РАН. № 228. М.: Институт археологии РАН, 2013. С. 96–115.

Энговатова А. В., Добровольская М. В., Зайцева Г. И. «Кремлевская диета» древнерусского города (по изотопным данным) // Краткие сообщения Института археологии РАН. № 237. М.: Институт археологии РАН, 2015. С. 80–89.

Энговатова А. В., Медникова М. Б., Добровольская М. В., Шведчикова Т. Ю., Решетова И. К., Васильева Е. Е. Исследования кладбища при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле: к вопросу о качестве жизни и питания средневекового городского населения // Археология Подмоскovie. Вып. 10. М.: Институт археологии РАН, 2014. С. 362–369.

Lee-Thorp J., Katzenberg A. (eds.). *The Oxford Handbook of the Archaeology of Diet*. New York: Oxford University Press, 2024. 784 p.

Wood R. E., Higham T. F. G., Buzilhova A., Suvorov A., Heinemeier J., Olsen J. Freshwater radiocarbon reservoir effects at the burial ground of Minino, northwest Russia // *Radiocarbon*. 2013. Т. 55. № 1. P. 163–177.

Вайцяховіч А. В. [Войтехавіч, А. В.] Справаздача аб даследаваннях курганных могільнікаў у Віцебскай і Мінскай абласцях у 2008 г. [Отчет об исследовании курганных могильников в Витебской и Минской областях в 2008 г.] // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД [Центральный научный архив (ЦНА) Национальной академии наук (НАН) Беларусі. Фонд археологической научной документации (ФАНД)]. 2008. Оп. 1. Арх. № 2542. 17 с. (на белорус. яз).

Вашанаў А., Ткачова М., Крумплеўскі У., Ясковіч Г. [Вашанов А., Ткачева М., Крумплевский В., Яскович А.] Да пытання аб храналогіі Ільінскіх могілак у г. Бялынічы (па матэрыялах археалагічных даследаванняў 2019–2020 гг.) [К вопросу о хронологии Ильинского кладбища в г. Бельничы (по материалам археологических исследований 2019–2020 гг.)] // Гістарычна-археалагічны зборнік [Историко-археологический сборник]. Мінск: Беларуская навука [Минск: Белорусская наука], 2023. Вып. 37. С. 237–252 (на белорус. яз).

Звяруга Я. Г., Краўцэвіч А. К. [Зверуго Я. Г., Кравцевич А. К.] Навагрудак [Новогрудок] // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя [Археология и нумизматика Беларусі: Энциклопедия]. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993. С. 451–453 (на белорус. яз.).

Квяткоўская А. В. [Квятковская А. В.] Клепачы [Клепачи] // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя [Археология и нумизматика Беларусі: Энциклопедия]. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993. С. 329 (на белорус. яз.).

Марзалюк І. А. [Марзалюк И. А.] Археалагічнае вывучэнне курганнага могільніка Усход [Археологическое изучение курганного могильника Восход]. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. 208 с. (на белорус. яз.)

Марзалюк І. А. [Марзалюк И. А.] Справаздача аб археалагічных раскопках курганнага могільніка каля водасховішча «Рудэя» у Чавускім раёне Магілёўскай вобласці ў 2012 г. [Отчет об археологических раскопках курганного могильника возле водохранилища «Рудея» в Чаусском районе Могилевской области в 2012 г.] // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД [Центральный научный архив (ЦНА) Национальной академии наук

(НАН) Беларусі. Фонд археологічнай навуковай дакументацыі (ФАНД)]. 2012. Оп. 1. Арх. № 3088. 18 с. (на беларус. яз.).

Плавінскі М. А. [Плавинский Н. А.] Славянскія пахавальныя помнікі Верхняга Павілля эпохі Сярэднявечча: матэрыялы і даследаванні [Славянские погребальные памятники Верхнего Повілля эпохі Средевековья: материалы и исследования]. Мінск: Беларуская навука, 2022. 243 с. (на беларус. яз.).

Рыер Я. Р. [Риер Я. Г.] Эсьмоны [Эсьмоны] // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя [Археология и нумизматика Беларусі: Энциклопедия]. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993. С. 667 (на беларус. яз.).

Штыхаў Г. В. [Штыхов Г. В.] Домжарыцы [Домжерицы] // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя [Археология и нумизматика Беларусі: Энциклопедия]. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993. С. 229 (на беларус. яз.).

Штыхаў Г. В. [Штыхов Г. В.] Могільнік Ізбішча-Дзвінаса [Могильник Излище-Двиноса] // Матэрыялы па археалогіі Беларусі [Материалы по археологии Беларусі]. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2008. Вып. 16. 249 с. (на беларус. яз.).

References

Avlasovich A. M. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Bykhovskom i Mogilevskom raionakh Mogilevskoy oblasti v 2015 g. [Report on archaeological works in Bykhov and Mogilev counties of Mogilev Province in 2015]. *Tsentral'nyi nauchnyi arkhiv (TSNA) Natsional'noi akademii nauk (NAN) Belarusi. Fond arkheologicheskoi nauchnoi dokumentatsii (FAND)* [The Central Scientific Archive (CNA) of the National Academy of Sciences (NAS) of Belarus. Foundation of Archaeological Scientific Documentation (FAND)]. 2015. Inv. 1. Arch. No. 3318. 25 p. (in Russian).

Bektineev S. I. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1982 g. (Goretskiy raion Mogilevskoy oblasti). [Report on archaeological research in 1982 (Goretsky county, Mogilev Province)]. *Tsentral'nyi nauchnyi arkhiv (TSNA) Natsional'noi akademii nauk (NAN) Belarusi. Fond arkheologicheskoi nauchnoi dokumentatsii (FAND)* [The Central Scientific Archive (CNA) of the National Academy of Sciences (NAS) of Belarus. Foundation of Archaeological Scientific Documentation (FAND)]. 1982. Inv. 1. Arch. No. 789. 49 p. (in Russian).

Bektineev S. I. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1983 g. (Gorodishche “Kurgany” Goretskogo raiona Mogilevskoi oblasti). [Report on archaeological research of 1983 (the ancient settlement “Kurgany” of the Gorki county, Mogilev Province)]. *Tsentral'nyi nauchnyi arkhiv (TSNA) Natsional'noi akademii nauk (NAN) Belarusi. Fond arkheologicheskoi nauchnoi dokumentatsii (FAND)* [The Central Scientific Archive (CNA) of the National Academy of Sciences (NAS) of Belarus. Foundation of Archaeological Scientific Documentation (FAND)]. 1983. Inv. 1. Arch. No. 827. 12 p. (in Russian).

Dobrovolskaya M. V., Tiunov A. V., Krylovich O. A., Kuzmicheva E. A., Reshetova I. K., Savinetskiy A. B., Svirkina N. G., Smirnov A. L. Izotopnye markery ekosistem i pitaniya srednevekovogo sel'skogo naseleniya lesnoi zony evropeiskoi chasti Rossii [Isotopic markers of ecosystems and nutrition of the Medieval rural population of the forest zone of the European part of Russia]. *Rossiiskaya Arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2020, no. 3, pp. 79–95 (in Russian).

Duchits L. V. Otchet za polevoi sezon 1977 g. [Report for the field season of 1977]. *Tsentral'nyi nauchnyi arkhiv (TSNA) Natsional'noi akademii nauk (NAN) Belarusi. Fond arkheologicheskoi nauchnoi dokumentatsii (FAND)* [The Central Scientific Archive (CNA) of the National Academy of Sciences (NAS) of Belarus. Foundation of Archaeological Scientific Documentation (FAND)]. 1977. Inv. 1. Arkh. No. 562. 23 p. (in Russian).

Emelyanchik O. A., Veselovskaya E. V., Vasilyev S. V., Rashkovskaya Yu. V., Kaminskaya D. S., Magalinskiy I. V., Kots A. L. Novye dannye po antropologii srednevekovogo naseleniya goroda Polotska [New data on the anthropology of the medieval population of the city of Polotsk]. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya* [Siberian Historical Studies]. 2023, no. 4, pp. 220–255 (in Russian).

Engovatova A. V., Dobrovolskaya M. V., Antipina E. E., Zaytseva G. I. Kollektivnye zakhroneniya v Yaroslavle. Rekonstruktsiya sistemy pitaniya na osnove rezul'tatov izotopnogo analiza [Reconstruction of the food system based on the results of isotope analysis]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii RAN* [Brief communications of the Institute of Archaeology of the RAS]. No. 228. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2013, pp. 96–115 (in Russian).

Engovatova A. V., Dobrovolskaya M. V., Zaytseva G. I. “Kremlevskaya dieta” drevnerusskogo goroda (po izotopnym dannym) [“Kremlin Diet” of an old Russian city (based on isotope data)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii Nauk* [Brief communications of the Institute of Archaeology of the RAS]. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2015, no. 237, pp. 80–89 (in Russian).

Engovatova A. V., Mednikova M. B., Dobrovolskaya M. V., Shvedchikova T. Yu., Reshetova I. K., Vasilyeva E. E. Issledovaniya kladbishcha pri tserkvi Ioanna Zlatousta v Yaroslavle: k voprosu o kachestve zhizni i pitaniya srednevekovogo gorodskogo naseleniya [Research of the cemetery at the Church of John Chrysostom in Yaroslavl: on the issue of the quality of life and nutrition of the medieval urban population]. *Arkheologiya Podmoskov'ya* [Archaeology of the Moscow Region. Issue 10]. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2014, pp. 362–369 (in Russian).

Kuzmin Ya. V. *Geoarkheologiya: estestvenno-nauchnye metody v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Geoarchaeology: Natural science methods in archaeological research]. Tomsk: Tomsk State University Press, 2017, 395 p. (in Russian).

Kuzmin Ya. V. *Osnovy geoarkheologii: estestvenno-nauchnye metody v sovremennoi arkheologii* [Fundamentals of geoarchaeology: Natural science methods in modern archaeology]. Moscow: Rusains, 2024, 336 p. (in Russian).

Kvyatkovskaya A. V. Klepachi [Klepachi]. *Arkheologiya i numizmatika Belarusi: Entsyklopedyya* [Archaeology and Numismatics of Belarus. Encyclopedia]. Minsk: Belorusskaya entsyklopediya, 1993, p. 329 (in Belorussian).

Lee-Thorp J., Katzenberg A. (eds.). *The Oxford Handbook of the Archaeology of Diet*. New York: Oxford University Press, 2024. 784 p.

Levko O. N. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1990 g. na territorii severovostochnoi Belorussii [Report on archaeological research in 1990 on the territory of north-eastern Belorussia]. *Tsentral'nyi nauchnyi arkhiv (TSNA) Natsional'noi akademii nauk (NAN) Belarusi. Fond arkheologicheskoi nauchnoi dokumentatsii (FAND)* [The Central

Scientific Archive (CNA) of the National Academy of Sciences (NAS) of Belarus. Foundation of Archaeological Scientific Documentation (FAND)]. 1990. Inv. 1. Arkh. No. 1204. 45 p. (in Russian).

Levko O. N., Voitekhovich A. V., Kenko P. M. Drutskie nekropoli [Drutsk necropolises]. *Drutsk: Drutsk i Drutskaya volost' (knyazhestvo) v IX–XII vv., letopis' drevnikh sloev, knyaz'ya Drutskie i ikh vladel'tsy v XIII–XVIII vv., remeslo, promysly, torgovlya (po dannym arkheologii, numizmatiki, pis'mennykh istochnikov), pamyatniki arkhitektury i ob'ekty turizma* [Drutsk: Drutsk and Drutskaya volost' (principality) in the 9th–12th centuries, chronicle of ancient layers, Drutsky princes and their owners in the 13th–18th centuries, crafts, trades (according to archeology, numismatics, written sources), architectural monuments and tourist sites]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2014, pp. 114–156 (in Russian).

Marzaliuk I. A. *Archiealahičnaje vyučennje kurhannaha mohil'nika Uschod* [Archaeological study of the burial mound Vostok]. Mahilioŭ: MDU imia A. Kuliašova, 2017, 208 p. (in Belorussian).

Marzaliuk I. A. Spravздаča ab archiealahičnych raskopkach kurhannaha mohil'nika kalia vodaschovišča “Rudeja” u Čavuskim rajonie Mahilioŭskaj voblasci ŭ 2012 h. [Report on archaeological excavations of the burial mound near the Rudey reservoir in the Chavusky county of the Mogilev Province in 2012]. *Tsentral'nyi nauchnyi arkhiv (TSNA) Natsional'noi akademii nauk (NAN) Belarusi. Fond arkheologičeskoj nauchnoj dokumentatsii (FAND)* [The Central Scientific Archive (CNA) of the National Academy of Sciences (NAS) of Belarus. Foundation of Archaeological Scientific Documentation (FAND)]. 2012. Inv. 1. Arch. No. 3088. 18 p. (in Belorussian).

Plavinski M. A. *Slavianskija pachavaľnya pomniki Vierchniaha Pavillia epochi Siaredniaviečča: materyjaly i dasľiedvanni* [Slavic burial monuments of the Upper Pavillya of the Middle Ages: materials and research]. Minsk: Bielaruskaja navuka, 2022, 243 p. (in Belorussian).

Ryyer Y. R. Es'mony [Esmony]. *Arkhealogiya i numizmatika Belarusi: Entsylapedyya* [Archaeology and Numismatics of Belarus. Encyclopedia]. Minsk: Belaruskaya entsylapedyya, 1993, p. 667 (in Belorussian).

Shtykhau G. V. Domzharytsy [Domzharitsy]. *Arkhealogiya i numizmatika Belarusi: Entsylapedyya* [Archaeology and Numismatics of Belarus. Encyclopedia]. Minsk: Belaruskaya entsylapedyya, 1993, p. 229 (in Belorussian).

Shtykhau G. V. Mogil'nik Izbishcha-Dzvinasa [Izbishche-Dvinas Cemetery]. *Materyjaly po arkheologii Belarusi* [Materials on the Archaeology of Belarus]. Minsk: Institut historyi NAN Belarusi, 2008, iss. 16, 249 p. (in Belorussian).

Shutkova N. P. Nauchnyi otchet o provedenii arkheologičeskikh raskopok v istoričeskoj chasti Radomli v 2017 g. (Chauskii raion Mogilevskoi oblasti). [Scientific report on the archaeological excavations in the historical part of Radomlya in 2017 (Chausy county, Mogilev Province)]. *Tsentral'nyi nauchnyi arkhiv (TSNA) Natsional'noi akademii nauk (NAN) Belarusi. Fond arkheologičeskoj nauchnoj dokumentatsii (FAND)* [The Central Scientific Archive (CNA) of the National Academy of Sciences (NAS) of Belarus. Foundation of Archaeological Scientific Documentation (FAND)]. 2017. Inv. 1. Arkh. No. 3472. 18 p. (in Russian).

Vašanaŭ A., Tkačova M., Krumplieŭski U., Jaskovič H. Da pytannia ab chranalohii Ĭlinskih mohilak u h. Bialyničy (pa materyjalach archiealahičnych dasliedavanniŭ 2019–2020 hh.) [On the question of the chronology of the Ilyinsky cemetery in the city of Bialynichy (based on materials from archaeological research in 2019–2020)]. *Historyčna-Archiealahičny Zbornik* [Historical and archaeological collection. Issue 37]. Minsk: Bielaruskaja navuka, 2023, iss. 37, pp. 237–252 (in Belorussian).

Vasilyev S. V. (ed.). *Naselenie drevnei Rusi (Al'bom v litsakh)* [Population of ancient Russia (Album in faces)]. Moscow: AMA-PRESS, 2024. 179 p. (in Russian).

Vasilyev S. V., Kuzmin Ya. V. Dieta srednevekovogo naseleniya tsentra Russkoi Ravniny (XI–XIV vv.) po izotopnym dannym [Diet of the Medieval population of the center of the Russian Plain (XI–XIV centuries) according to isotopic data]. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes]. 2025, no. 4, pp. 199–207 (in Russian).

Voitsyakhovich A. V. Spravazdača ab dasliedavanniach kurhannyh mohiĭnikaŭ u Viciebskaj i Minskaj ablasciach u 2008 h. [Report on the research of burial mounds in the Vitebsk and Minsk provinces in 2008]. *Tsentral'nyi nauchnyi arkhiv (TSNA) Natsional'noi akademii nauk (NAN) Belarusi. Fond arkheologicheskoi nauchnoi dokumentatsii (FAND)* [The Central Scientific Archive (CNA) of the National Academy of Sciences (NAS) of Belarus. Foundation of Archaeological Scientific Documentation (FAND)]. 2008. Inv. 1. Arch. No. 2542. 17 p. (in Belorussian).

Wood R. E., Higham T. F. G., Buzilhova A., Suvorov A., Heinemeier J., Olsen J. Freshwater radiocarbon reservoir effects at the burial ground of Minino, northwest Russia. *Radiocarbon*. 2013, vol. 55, no 1, pp. 163–177.

Zvyaruga Ya. G., Kraŭtsevich A. K. Navagrudak [Navahrudak]. *Arkheologiya i numizmatika Belarusi: Entsyklapedyya* [Archaeology and Numismatics of Belarus. Encyclopedia]. Minsk: Belorusskaya entsyklapediya, 1993, pp. 451–453 (in Belorussian).

Статья поступила в редакцию: 27.05.2025

Принята к публикации: 22.06.2025

Дата публикации: 31.03.2026

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 93/94

DOI 10.14258/nreur(2026)1-07

С. Дж. Агдаев

Институт истории и археологии АНТ, Ашхабад (Туркменистан)

ТУРКМЕНСКИЕ ДЕПУТАЦИИ НА КОРОНАЦИОННЫХ ТОРЖЕСТВАХ РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Ознакомительные поездки туркменских делегаций в пределы Российской империи начинаются с момента образования в 1881 г. Закаспийской области. Особенно примечательны были туры на церемонию коронации Александра III в 1883 г. и Николая II в 1896 г. Тема эта в туркменской науке не изучена и потому представляет определенную актуальность в историографическом плане. Примененные в работе методы историзма и объективности дали автору данного исследования возможность приоткрыть завесу неизвестности над этими событиями. Итогом анализа стало выяснение того обстоятельства, что на торжества 1883 г. были приглашены ханы крупных племен, чтобы они воочию ощутили силу и мощь Российской империи. На следующем коронации 1896 г., когда земли туркмен окончательно вошли в состав Российской империи, подобная церемония носила больше символический характер. Теперь в Москву были созваны почетные старейшины. Цель подобных поездок состояла в обращении жителей Закаспийской области в смиренных подданных и к полному их склонению в пользу России. Привлечение исторических источников, материалов прессы, а также фотографий той поры стало базой для историко-сравнительного метода в нашем исследовании. Подобный подход способствовал освещению неизвестных доселе туркменской науке фактов и помог объективно обрисовать ситуацию в Закаспийской области.

Ключевые слова: Закаспийская область, туркмены, делегации, Российская империя, Москва, император Александр III, императрица Мария Федоровна, коронация, император Николай II, императрица Александра Федоровна, шествие, торжества, подарки, ханы, старшины

Для цитирования:

Атдаев С. Дж. Туркменские делегации на коронационных торжествах российских императоров // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 1. С. 123–138.
DOI 10.14258/nreur(2026)1–07

Атдаев Сердар Джумаевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института истории и археологии АНТ, Ашхабад (Туркменистан). **Адрес для контактов:** serdar63atdayev@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7509-5513>.

S. J. Atdaev

Institute of History and Archeology of AST, Ashgabat (Turkmenistan)

TURKMEN DEPUTATIONS AT THE CORONATION CELEBRATIONS OF THE RUSSIAN EMPERORS

Familiarization trips of Turkmen deputies to the Russian Empire started from the moment of formation of the Trans-Caspian region in 1881. The tours to the coronation ceremony of Alexander III in 1883 and Nicholas II in 1896 were especially remarkable. This question has not been studied in the Turkmen historiography and is an topical topic. The methods of storytelling and objectivity applied in the work gave the author of this study a little opportunity to open up the veil of this unexplored question. The analysis was to clarify the fact that the celebrations of 1883 were invited khans of large tribes, so that they could feel the power and strength of the Russian Empire. At the next coronation in 1896, when the Turkmen lands were finally incorporated into the Russian Empire, such a ceremony had character that is more symbolic. Now in Moscow were convened honored elders. The purpose of such trips was to appeal to the residents of the Transcaspian region in their peaceful subjects and to their complete inclination in favor of Russia. The historical sources, press materials and photographs of that time have become the basis for the historical-comparative method in this study. This approach helped to highlight facts unknown to Turkmen science and helped to objectively describe the situation in the Zakaspiy region.

Keywords: Transcaspian region, Turkmen, deputies, Russian Empire, Moscow, Emperor Alexander III, Empress Maria Fedorovna, coronation, Emperor Nicholas II, Empress Alexander Fedorovna, procession, celebrations, gifts, khans, elders

For citation:

Atdaev S. J. Turkmen deputations at the coronation celebrations of the Russian emperors. 2026. *Nations and Religions of Eurasia*. T. 31, No. 1. P. 123–138. DOI 10.14258/nreur(2026)1–07

Atdaev Serdar Jumaevich, candidate of historical Sciences, docent, leading researcher of the sector of ethnography of the Institute of history and archeology of Turkmen Academy of Sciences, Ashgabat (Turkmenistan). **Contact address:** serdar63atdayev@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7509-5513>.

Введение

После образования 6 мая 1881 г. Закаспийской области в качестве административной единицы Российской империи новые власти начинают организовывать ознакомительные поездки местной элиты в города России. Первым подобным шагом становится отправка туркменской делегации во главе с Дыкма-сердаром в мае 1881 г. в Санкт-Петербург. Следующая депутация была отправлена в Москву в 1883 г., по случаю коронавания Александра III. В 1888 г. туркменские представители присутствовали на встрече с Александром III в Баку. В 1896 г. происходит коронавание Николая II, и в Москву вновь отправляется депутация Закаспийской области. Поездки будут организованы и в последующем: в 1910 и 1913 гг. В данной статье автором будет рассмотрен вопрос касательно участия туркменских deputаций на коронаваниях Александра III в 1883 г. и Николая II в 1896 г.

Материалы и методы исследования

Материалы, повествующие об участии туркмен в коронационных празднествах российских императоров, очень скромны. Для представления полной картины этих торжеств автор счел полезным привлечение всех возможных документов касательно присутствия на них представителей не только Закаспийской области, но и уполномоченных от Туркестанского края. Официальная церемония вступления на престол Александра III ярко представлена в коронационном альбоме 1883 г., а также изложена в последующих изданиях (Коронационные торжества, 1896; Коронационный сборник, 1899). Непосредственное присутствие на этих торжествах азиатских deputаций упоминается в работе Р. С. Уортмана [Уортман, 2004]. О гостях из Туркестана писала также российская пресса [Хан Хивинский, 1883]. Непосредственное присутствие туркменских лиц на коронационных торжествах упоминается в ряде источников того времени [Алиханов-Аварский, 1904; Записка барона Бенуа Мешэн, 1883; Присоединение Туркмении к России, 1960; *À travers l'Asie Centrale*, 1885; Moser, 1899].

Документы по коронаванию Николая II в 1896 г. представлены более обширно [Коронационные торжества, 1896; Коронационный сборник, 1899]. В них имеется информация об участии представителей как Туркестанского края, так и Закаспийской области [Коронационный сборник, 1899, Т. 1–2]. Весьма интересной оказалась информация прессы [Кавказ; Новости и Биржевая газета; Переводчик; Русский инвалид].

Отдельно следует остановиться на фотографиях, где запечатлены члены deputаций, отправленных в Россию на коронационные торжества. Снимки эти чрезвычайно интересны, так как указанные на них лица впервые предстают перед читателем. Информация об этих персонажах в источниках довольно подробна, однако визуальное представление этих лиц на фотодокументах показано впервые и потому оригинально. Все это позволяет рассматривать данные снимки как самостоятельный исторический ис-

точник. Фотографии имеют информативный характер и весомо дополняют материал данного исследования.

Если говорить об историографии данного вопроса, то она достаточно отражена в контексте Туркестанского края [Гундова, 2023], чего нельзя сказать о Закаспийской области. Автор данного изыскания постарался восполнить этот пробел и по возможности осветить его в более полном варианте.

В работе был применен комплексный метод исследования, с подключением всей имеющейся источниковедческой базы и историографического материала, а также фотографий той поры. Историко-сравнительный метод помог осветить доселе неизвестные детали данного вопроса. Системный подход и критический анализ способствовали выявлению новой информации и ее дальнейшей интерпретации. Метод, основанный на принципах историзма и объективности, позволил обрисовать общую картину того времени и формирование основ нового миропорядка.

Истоки коронационных традиций

15 сентября 1801 г. в Московском Кремле состоялась коронация Александра I (1777–1825). Никаких данных о присутствии на этом торжестве туркменских старшин нет. Известно лишь, что туркменские племена Усть-Юрта и Мангышлака в конце 1801 — начале 1802 г. отправили в Петербург две свои депутации: одну через Оренбург, а другую — через Астрахань. Прибывшие в Петербург туркменские представители получили щедрые награды. Указами от 6 и 16 апреля 1803 г. четверо старейшин получили средние золотые медали и жалование в 100 руб. серебром в год. При отъезде гости получили дополнительно дары от императорского величества. Остальным 16 старшинам, оставшимся на Мангышлаке, были переданы медали меньшего размера на алой ленте [Русско-туркменские отношения, 1963: 156]. Золотая медаль имела надпись «1803 года».

XVIII в. отмечен традицией привлекать азиатских представителей на коронавание российских императоров. Гости из Азии присутствовали при коронации Николая I (1825–1855) в 1826 г. В 1856 г. в Москве прошла коронация Александра II (1855–1881), куда были приглашены представители казахов Внутренней орды, Семипалатинской области и Области сибирских казахов [Гундова, 2023: 79]. Туркменские представители начинают присутствовать на подобных торжествах с 1883 г.

Обсуждение

Коронация Александра III в 1883 г.

7 мая 1833 г. Александр III (1881–1894) с семьей отправляется в Москву на коронационные торжества. 8 мая 1883 г. государь прибывает в Петровский дворец. Торжественный въезд в столицу назначается на 10 мая. 15 мая в Успенском соборе император возлагает на себя и на свою супругу Марию Федоровну корону и мантию монарха.

В организованной процессии на Тверском бульваре торжественной колонной проследовали азиатские конники, за которыми шли остальные представители Туркестанского края. Гости были облачены в яркие пестрые халаты [Уоргман, 2004: 296–299]. Корреспондент газеты «Times» писал, что жители столицы с удивлением смотрели на живописные костюмы гостей из Мерва, Хивы, Бухары и Самарканда [Коронационный сборник, 1899, Т. 1: 151]. В газете «Кавказ» от 19 мая 1883 г. отмечалось, что при при-

ближении к Триумфальным воротам вслед за императорским конвоем следовали депутаты азиатских народов, среди которых были бухарцы, хивинцы, киргизы, калмыки, каракалпаки, *туркмены*... [Кавказ, 1883, № 112].

Р. С. Уортман отмечал, что торжественная коронация внушала азиатским депутатам представление о мощи и богатстве русского царя [Уортман, 2004: 299]. Газета «Нива» писала, что впечатление у азиатских гостей от виденного и слышанного не должно было пройти бесследно, и убеждала их в величии Белого Царя [Хан Хивинский, 1883: 651].

Крымская Газета «Терджиман-Переводчик» писала, что на торжестве были представители от Туркмении, других азиатских областей, а также Кавказа и Карса [Переводчик, 1883, № 8]. Хивинский хан Мухаммад-Рахим в числе подарков Государю привез замечательную туркменскую лошадь из Мерва, которая делала 30 км в час по песчаным просторам [Переводчик, 1883, № 7]. В следующем номере газеты отмечалось, что хан привез четырех кровных туркменских жеребцов с седлами, украшенными золотом и серебром. Возглавлявший бухарское посольство старший сын хана Сейит Абдал-Ахат привез многочисленные подарки, среди которых были 10 туркменских ковров [Переводчик, 1883, № 8].

Первую подсказку об участии туркменских представителей на торжествах дает коллективная фотография одной депутатской группы от Туркестана. На рис. 1 крайним справа во втором ряду мы видим представителя Амударьинского отдела *туркмена Джума-Гельды*. Он упоминается в составе хивинской депутации, выехавшей 29 апреля 1883 г. из Орла в сторону Москвы [Кавказ, 1883, № 101; Русский инвалид, 1883. № 93].

На данном снимке крайний слева во втором ряду — Ахмет Кенесарин (1830 — ?), один из сыновей Кенесары Касымова (1802–1847), последнего хана всех трех казахских жузов. В рукописи Ахмета «История Кенесары Касымова и Садыка Кенесарина» есть интересные данные о Садыке (Сыздык, 1837–1910), другом сыне Кенесары Касымова. В повествовании говорится, что в 1873 г. Садык вместе с туркменами воевал на стороне Хивы, но после захвата ханства российскими войсками перебрался с семьей к Чарджоу (ныне Туркменабад. — С. А.). Там он встретил мервского сердара Мухаммет-Нияза и, оставив свою семью в кочевье близ Чарджоу, отправился с туркменскими джигитами в Мерв. Здесь он был представлен главе Мерва Говшут-хану (1823–1878), который поручает гостя попечительству Гюль-Джемал-ханши (1838–1919) (в документе она представлена как Гюльджамал-аим, что по-казахски означает госпожа. — С. А.), супруге ахалского правителя Нур-Берды-хана (1826–1880). Подобный приют в Мерве в разное время получали различные правители соседних государств. К примеру, афганский эмир Абдурахман-хан (1844–1901, эмир с 1880 г.), отправляясь в Ташкент, был гостем Нур-Берды-хана в течение месяца, а сын бухарского эмира Абдул-Малик-тюря (1848–1909) во время своего бегства из Бухары в Афганистан пробыл в гостевом доме хана два месяца [Ахмет Кенесарин, 2017: 59]. После прибытия Нур-Берды-хана из Ахала в Мерв он вместе с Говшут-ханом предлагает султану Садыку помощь в 10 000 конных джигитов для организации набега на Чарджоу. Но султан вежливо отказывается, попросив дать ему разрешение отправиться в Герат. Согласившись на просьбу султана, ханы дают ему 40 джигитов в сопровождение. После своего семимесячного пребывания в Мерве Султан Садык направляется в Герат [Ахмет Кенесарин, 2017: 60].

Рис. 1. В первом ряду сидят слева направо: дунганский священник Юсуп Ахун, кыпчакский мулла Магдали, представители Ташкента Турсун Айменов и Закир Атабаев; во втором ряду сидят на стульях слева направо: казахский полководец (жузбашы) Султан Ахмет Кенесарин, сартский кази из Ташкента Мухуэддин, сартский кази из Коканда Сарымсак, киргиз из Какакиргизского округа Аулиата мулла Гассан (сын Асана Джан-Гельды), от Амударьинского отдела узбекский представитель Абдул-Керим и туркменский представитель Джума-Гельды; в третьем ряду стоят слева направо: сарт из Самарканда Мир Салихбай, сопровождающий группу штабс-капитан Калитин, Гассан из ущелья Заравшан, каракалпак из Амударьинского отдела Адил Аталык. Москва. 1883

Fig. 1. In the first row, sitting from left to right: Dungan priest Yusup Akhun, Kipchak mullah Magdali, representatives of Tashkent Tursun Aimenov and Zakir Atabaev; in the second row sitting on chairs from left to right: the Kazakh commander (Zhuzbashi) Sultan Ahmet Kenesarin, the Sart kazi from Tashkent Muhueddin, the Sart kazi from Kokand Sarymsak, the Kyrgyz from the Kakakirghiz district of Auliata Mullah Hassan (son of Asan Jan-Gelda), from the Amudarya department the Uzbek representative Abdul-Kerim and the Turkmen representative of Juma-Geldy; in the third row standing from left to right: Sart from Samarkand Mir Salikbay, accompanying staff captain Kalitin, Hassan from the Zarafshan gorge, Karakalpak from the Amu Darya department Adil Atalyk. Moscow. 1883

На снимке представлен также штабс-капитан П. П. Калитин. Он расположился в верхнем третьем ряду, вторым слева, в форменном военном мундире. Согласно данным царской канцелярии от 14–19 февраля 1883 г. № 1361 и № 1574 штабс-капитан Калитин назначается для сопровождения в Москву на коронавание Александра III депутации от местного населения Туркестанского края 19 февраля 1883 г. [Логунов, 2023: 228].

П. П. Калитин (1853–1927) был прекрасно знаком с туркменским краем. Он участник Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг., где находился при генерале М. Д. Скобелеве (1843–1882). Позже генерал П. Н. Краснов в своих воспоминаниях писал, что юный Калитин свободно говорил по-туркменски, по-сартски и по-казахски. Он научился писать

и читать на местном наречии, изучил мусульманские обычаи и нравы [Краснов, 1939: 36]. В 1881 г. Калитиным был исследован путь из Ахала в Хиву, от крепости Кёне Гёк-депе до укрепления Ызмыкшир. В 1885 г. Калитин назначается заведующим Туркменской конной милицией, а в 1890 г. производится в подполковники. В 1893 г. он утверждается командиром Туркменского конно-иррегулярного дивизиона. Является участником 1-й Мировой войны. С 1915 г. командир 1-го Кавказского армейского корпуса, произведен в генералы от кавалерии. Умер во Франции в городе Сент-Женевьев-де-Буа в 1927 г.

В 1889 г., будучи в чине ротмистра, Калитин в своем письме так характеризует туркмен: «Нападая на неприятеля день и ночь и тревожа его мелкими партиями, текинцы могут утомить и расстроить нервы самого хладнокровного противника и, подготовив все для удара регулярных сил, будут преследовать и уничтожать разбитого врага. Подготовленные таким образом в азиатских войнах и посаженные на степных коней, привыкших к суровому климату Европы, текинцы и другие туркмены могут с большим успехом фигурировать и на Европейском театре военных действий, как прекрасные драгуны, пластуны и партизаны. Текинцы могут явиться также в числе сотен тысяч азиатских милиций, которые в случае потребности будут призваны державною волею на защиту дорогого нашего отечества» [Логунов, 2023: 237].

11 июня депутации от Хивы и Бухары прибыли в Кронштадт. Младшего бухарского принца сопровождал сын туркменского героя, майора милиции Дыкма-Сердара (1825–1882) Ораз-Берды (будущий генерал-майор белой армии Ораз-Сердар (1871 — ?). — С. А.), воспитанник николаевского кавалерийского училища [Новости и Биржевая газета, 1883, № 71]. 21 июня обе эти депутации выехали по Николаевской железной дороге в Москву, чтобы оттуда через Оренбург вернуться домой. На вокзале среди провожающих лиц находился упомянутый юный Ораз-Берды [Новости и Биржевая газета, 1883, № 80].

Особенно интересен снимок Ю.Х. Мебиуса, на котором была запечатлена депутация Закаспийской области, прибывшая в 1883 г. в Москву.

Рис. 2. В первом ряду, сидят на ковре слева направо: Сеид-Назар-Юзбаши — старшина села Кака и представитель племени Алили; Хеким-хан — племня Сычмаз из Теджена; Борджак-хан — старшина Ёмутского колена Джафарбай; Нур-Гельды-хан —

Гаррыгалинский старшина Гёкленского колена Ак-Кель; Муса-хан — старшина Ёмутского колена Ак-Атабай. Второй ряд, сидят на возвышении, слева направо: Кафур-Калбин — казах Мангышлакского племени Адай; Баба-хан — глава Текинского колена Бег в Мерве (сын мервского главы Говшут-хана); Махтум-Кули-хан — глава Текинского колена Векиль, майор милиции (сын Ахалского хана Нур-Берды-хана); Сары-хан — глава Текинского колена Багши в Мерве; Вепадар-хан — старшина аула Ясман-Салык из Текинского колена Багши в Ахале; Аман-Кули-хан — старшина аула Багир из Текинского колена Бег в Ахале; Непес-Мерген — старшина аулов Чекишляр и Гасан-Кули, представитель Ёмутского колена Джафарбай, подпоручик милиции

Fig. 2. In the first row, sitting on the carpet from left to right: Seid-Nazar-Yuzbashi — the elder of the village of Kaka and a representative of the Alili tribe; Hekim Khan — Sychmaz tribe from Tejen; Borjak Khan — elder of the Yomut tribe Jafarbay; Nur-Geldy Khan — Garrygalinsky foreman of the Goklen tribe of Ak-Kel; Musa Khan is the elder of the Yomut tribe of Ak-Atabay. Second row, sitting on a raised platform, from left to right: Kafur-Kalbin — Kazakh of the Mangyshlak Adai tribe; Baba Khan — head of the Tekin tribe Beg in Merv (the son of the Merv chief of Govshut Khan); Makhtum-Kuli Khan — head of the Teke tribe of Vekil police major (son of Akhal Khan Nur-Berdy Khan); Sary Khan — head of the Tekin tribe of Bagshi in Merv; Vepadar Khan — elder of the Yasman-Salyk village, from the Tekin tribe of Bagshi in Akhal; Aman-Kuli-khan — elder of the village of Bagir, from the Tekin tribe of Beg in Akhal; Nepes-Mergen is the foreman of the villages of Chekishlyar and Hasan-Kuli, a representative of the Yomut tribe of Jafarbay, a police second lieutenant

Данный снимок уникален, так как многие лица предстают перед читателем впервые. Исключение составляют лишь ранние изображения Махтум-Кули-хана, а с недавних пор — Сары-хана и Сеид-Назара-Юзбаша. Остальные же лица обнаружены автором впервые. Указанный на снимке Хеким-хан из Теджена — это проживавший ранее в Мерве местный глава из Текинского колена Сычмаз, рода Топаз. Рисунок 2 помог снять завесу с безымянного снимка 1881 г. (рис. 3), где среди группы туркмен и казаков угадывается упомянутый выше Вепадар-хан.

О прибывшей в Москву туркменской депутации говорят некоторые источники того времени. В газете «Кавказ» 5 мая 1883 г. сообщается, что 28 апреля в Астрахани проездом в Москву остановилась депутация, сопровождаемая штабс-капитаном Амирджановым. Группа состояла из 13 человек, среди которых упоминаются Махтум-Кули-хан и Нур-Гельды-хан [Кавказ, 1883, № 101]. О прибытии в мае туркменской группы в Москву писала газета «Переводчик» [Переводчик, 1883, № 6].

Бенуа Мешэн указывал, что группа туркменских ханов отправилась на коронацию через Астрахань [Записка барона Бенуа Мешэн, 1883: 127]. Туркменские представители удостоились высочайших наград и чинов. К примеру, Махтум-Кули-хан был удостоен чина майора милиции [Присоединение Туркмении, 1960: 679, 684; Всемирная иллюстрация, 1887; Алиханов, 1904: 94].

Анри Мозер подчеркивает, что Махтумкули-хан по рекомендации Алиханова был направлен в Москву, где получил дорогие подарки [Moser, 1899: 7]. Мозер также пишет, что, путешествуя по азиатским просторам, ощущал приготовления жителей к предстоящему торжеству в Москве.

Рис. 3. Во втором ряду сидят: крайний справа — Вепадар-хан и четвертый справа — Дыкма-сердар; в третьем ряду стоит пятый справа — переводчик вахмистр М. Маргания.
Fig. 3. In the second row are sitting: far right — Vepadar-khan and fourth from the right — Dykma-serdar; in the third row stands fifth from the right — translator sergeant M. Margania).

В их числе были и губернатор Туркестанской области генерал М. Г. Черняев, бухарский наследный принц Тюря-джан (Сейид Мир-Алим-хан, эмир Бухары с 1900 по 1910 гг. — С. А.) и хивинский диван-беги Мат-Мурат, у которого в комнате Мозер позже видел гравюры с изображениями сцен коронации [À travers l'Asie Centrale, 1885: 11, 77, 239]. Надо отметить, что отъезд из Мерва Махтум-Кули-хана не остался без последствий. Отбытие хана ко двору Александра III вызвало недовольство среди местного населения, и тогда общим собранием лидерами Мерва были выдвинуты Гаджар-Топаз и еще один глава племени, сын Балкары-хана.

С торжествами по случаю коронации Александра III связаны и материалы туркмен Ставропольской губернии. 12–14 июля 1882 г. чиновники, подведомственные Главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии, направили в адрес подполковника А. А. Самойлова рапорт, в котором сообщали о состоявшемся в Большедербетовском улусе общественном сходе туркмен. В этом рапорте туркмены обращались с ходатайством о разрешении отправить своих депутатов в Москву для присутствия на коронации Александра III. Из туркменского общественного капитала было выделено 2000 руб. на покупку блюда для поднесения его императорской семье. Среди членов депутации упоминаются Ханай Айдаев, Эшей Джембулатов и Согандык Исмаил Аджиев [Мучаева, Лиджиева, 2024: 133–134].

Коронация Николая II в 1896 г.

Коронация императора Николая II (1896–1917) и императрицы Александры Феодоровны состоялась 14 мая 1896 года в Успенском соборе Московского Кремля. Приезд императора в Москву в Петровский дворец был назначен на 6 мая, торжественный въезд в столицу — 9 мая и сам процесс коронования — 14 мая.

В газете «Терджиман-Переводчик» № 49 за 1895 г. писалось, что бухарский эмир собирался в начале лета 1896 г. отправиться для участия в церемонии коронации императора, после чего планировал посетить нижегородскую ярмарку и отдохнуть в Крыму. В № 10 за 1896 г. говорилось, что бухарский эмир и хивинский хан со своими старшими сыновьями тщательно готовились к поездке в Москву. А уже в № 18 за 1896 г. отмечалось, что на церемонию коронации прибыло около 100 мусульманских представителей, среди которых были бухарский и хивинский ханы со своими наследниками [Абдирашидов, 2011: 95, 97].

Эмир бухарский Сеид-Абдул-Ахад-Хан с сыном Тюря-Джан-Сеид-Мир-Алимом прибыли в Москву 1 мая, а хан хивинский Сеид-Магомед-Рахим-Богадур-Хан и наследник его Асфендиар-Тюря приехали 4 мая [Коронационный сборник, 1899, Т. 1: 187–188]. Бухарская свита состояла из 18 человек [Коронационные торжества, 1896: 24]. Столько же людей было в хивинской группе. Интересно отметить, что в составе хивинской делегации указан некий *Аман-Гельды, управляющий двумя туркменскими племенами* [Коронационный сборник, 1899, Т. 2: 243]. 7 мая бухарский эмир и хивинский хан были приняты в Петровском дворце. Бухарскому эмиру был пожалован титул «высочества», а хивинскому хану — титул «светлости» и чин генерал-лейтенанта Оренбургского казачьего войска [Коронационные торжества, 1896: 44–45, 115].

В коронационном сборнике указаны также депутаты от русского населения Закаспийской области: от г. Асхабад — потомственный дворянин С. З. Палицын, от рабочих Закаспийской военно-железной дороги — А. В. Омраков.

От местного населения прибыли: от салыров Тедженского уезда — подпоручик милиции *Менгли-Хан-Берды-Мурат Ханов*, от текинцев Тедженского уезда — старшина аула Гара-Гонгур *Курбан-Дурды Мурат Алиев*, от текинцев Асхабадского уезда — старшина аула Ызгант *Овез-бай Кулмышев*, от текинского крыла Тогтамыш Мервского уезда — старшина аула Куты *Сюнжек Аман Егенов*, от текинского крыла Утамыш Мервского уезда — старшина аула Бёри *Аннак-Ай Батыров*, от сарыков Мервского уезда — старшина аула Сухты-дада *Жапар-бай Якшиев*, от гёкленов Красноводского уезда — старшина аула Гаракель *Нур-Молла-Алла-баев*, от ёмутов Красноводского уезда — *Гаррыбай Гараганов* и казахов Мангышлакского уезда — волостной старшина Куджук Кулмурзаев. В примечании говорится, что в этом списке не отмечены некоторые сельские старосты и представители местного сельского населения [Коронационный сборник, 1899, Т. 2: 279].

Указанный в данном списке Менгли-хан Берды-Мурат Ханов в документах последующего времени упоминается уже как помощник Сарахского пристава. В начале XX в. Менгли-хан был убит. В его смерти обвиняли Тедженского главу Эзиз-хана, суд над которым состоялся в 1911 г. [Аннаоразов, 2024: 11]. Аннак-Ак Батыров — мервский старшина Аннак-батыр, прибывший в Лютфабад в 1881 г. на встречу с генералом М. Д. Ско-

белевым [Гродеков, 1884: 86]. По некоторым данным в состав туркменской депутации 1896 г. входил также Махтум-Кули-хан [Аминов, 2018: 140].

Далее сообщается, что при депутациях от населения Туркестана и Закаспийской области находились официальные лица: генерального штаба полковник Евтюгин, действительный статский советник Бродовский, Асхабадский уездный начальник полковник Невтонов, генерального штаба капитан Скерский, штабс-капитан Гильфердин, переводчик, помощник Самаркандского уездного начальника подполковник Кулчанов, переводчик штабс-капитан милиции Маргания [Коронационный сборник, 1899, Т. 2: 269].

9 мая началось шествие от Петровского дворца. Миновал Старые Триумфальные, а затем и Спасские ворота, государь вступил на Красную площадь. В 4 часа дня он въехал в Кремль. На Соборной площади было установлено шесть одноэтажных трибун и одна двухэтажная, на нижнем этаже которой размещались ложи для представителей восточных народов и салон, меблированный и отделанный в азиатском вкусе [Коронационный сборник, 1899, Т. 1: 181].

Шествие открывал полицмейстер и 12 жандармов. За ними продвигались кавказские казаки-джигиты. Далее следовала сотня лейб-гвардии казачьего Его Величества полка. Следом потянулись депутаты азиатских народов: *туркмены, текинцы*, сарты и киргизы (Коронационный сборник, 1899, Т. 1: 208–210). Отмечалось, что депутаты азиатских народов следовали верхом в два ряда. Во главе колонны в 41 человек находились хивинский хан и бухарский эмир. Репортер «Нового времени» с восхищением писал про гордых представителей Азии в национальных костюмах [Коронационный сборник, 1899, Т. 2: 132; Уортман, 2004: 475].

9 мая император из Петровского пригородного дворца совершил торжественный въезд в Москву. В этот день Тверская улица и весь путь шествия представляли величественное зрелище. Перед императором проехали отряд полиции, собственный Его Величества конвой, терские, кубанские и донские казаки. За ними проехали депутаты азиатских народностей.

Одновременно с этим 10 мая начался мусульманский религиозный праздник Курбан-байрам, но в Москве праздничное молебствие совершилось в субботу, 11 мая. В двух местах было молящихся до 7–8 тыс. представителей мусульманских народностей России [Переводчик, 1896, № 20].

Церемониал Священного Коронования состоялся 14 мая. Затем вплоть до 26 мая происходили приемы, торжества и балы. 16 мая утром в Тронном Андреевском зале в 10 час. 30 мин. поздравления императору приносили эмир бухарский и хан хивинский со своими свитами. В 11 час. 30 мин. поздравления императору оказывали представители других азиатских народов. Их на церемонии представлял военный министр. Подношения были богатые и разнообразные [Коронационный сборник, 1899, Т. 1: 297; Т. 2: 185, 219]. Затем началось присуждение чинов, награждение орденов, золотых и серебряных медалей, а также денежных сумм. Выдавались документы об освобождении от уплаты кибиточной подати. Дарилась дорогие ткани и памятные подарки [Гундова, 2023: 80]. Вечером 16 мая в Кремлевском дворце был организован прием гостей, на котором также присутствовали азиатские депутаты [Кавказ, 1886, № 130; Переводчик, 1896, № 21].

17 мая был организован парадный спектакль в Большом театре. На сцене шел первый акт и вторая картина эпилога бессмертной оперы Глинки «Жизнь за Царя». После антракта начался балет «Прелестная Жемчужина». Здесь присутствовали эмир Бухары и хан Хивы со своими свитами, а также почетные представители азиатских народов [Коронационный сборник, 1899, Т. 1: 312, 314, 318]. Азиатским депутатам было отведено место в четвертом ярусе [Кавказ, 1896, № 130]. В этот же день депутации Средней Азии принесли свои поздравления, а их почетные представители были приглашены на царские обеды [Переводчик, 1896, № 21].

18 мая на обед, данный волостным старшинам, были приглашены старшины-мусульмане. 19 мая в Александровском зале Кремлевского дворца происходил обед для словных представителей, в числе которых были мусульмане [Переводчик, 1896, № 21].

25 мая в зеленой гостиной и парадной опочивальне был дан высочайший завтрак, к которому были приглашены эмир бухарский и хан хивинский [Коронационный сборник, 1899, Т. 1: 375]. На коронации Николая II присутствовали и туркмены Ставропольской губернии. Назар Джембулатов вместе с другими депутатами приветствовал на Соборной площади императорскую семью [Мучаева, Лиджиева, 2024: 138].

Празднование 300-летия дома Романовых в 1913 г.

Совсем немного информации имеется относительно участия туркменской депутации в торжествах, связанных с празднованием 300-летия дома Романовых. Газета «Русский инвалид» писала, что 22 февраля 1913 г. на имя императора Николая II были направлены поздравления от депутации Закаспийской области [Русский инвалид, 1913, № 43]. На следующий день, 23 февраля, император лично принял гостей из Закаспийской области [Русский инвалид, 1913, № 44].

А. Н. Самойлович в своих комментариях к «Книге рассказов о битве текинцев» пишет, что, собирая материал, он встретился с Махтум-Кули-ханом и Алла-Кули-ханом, во время их приезда в Петербург в феврале 1913 г. вместе с другими туркменскими депутатами [Абду-с-Саттар Казы, 1914: 0117]. Предполагается, что в составе этой группы также была Гюль-Джемал-хан. Известно, что Гюль-Джемал-хан поддерживала активную связь с русским императорским двором. Так, в 1904 г. ханша пожертвовала императрице Александре Федоровне через управляющего Мургабским ее величества именем статского советника Еремеева 2500 руб. на лечение русских солдат, раненных в ходе русско-японской войны [Переводчик, 1904: 205].

Заключение

После формирования в 1881 г. Закаспийской области начинается организация ознакомительных поездок туркменских депутатий в города Российской империи. Одними из них были посещения Москвы, связанные с торжествами по случаю коронации Александра III в 1883 г. и Николая II в 1896 г. Актуальность этой темы заключается в том, что этот вопрос в туркменской науке не изучен и является определенным пробелом историографического характера. Примененный в работе комплексный метод исследования, а также сравнительный и системный подходы способствовали выявлению важных моментов данного вопроса. Удалось выяснить имена участников туркменских депутатий в Москву в 1883 и 1896 гг. Обнаруженные новые фотографии представили облик персонажей того времени и помогли лучше осознать историческую значимость новой

информации. Полученные результаты дают возможность для нового обзора и последующих открытий исторического прошлого туркменского народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдирашидов З. Аннотированная библиография Туркестанских материалов в газете «Таржуман» (1883–1917) // TIAS Central Eurasian Research Series, 2011. № 5. 233 с.

Абду-с-Саттар Казы. Книга рассказов о битвах текинцев: туркменская историческая поэма XIX века. СПб.: Императорская АН, 1914. 82 с.

Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания. 1881–1885 // Вестник Европы. 1904. № 9. С. 73–125.

Аминов И. И. Коренное население Закаспийской области на государственной и военной службе Российской империи (1881–1917 гг.) // Lex russica. 2018. № 4. С. 136–151. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.137.4.136-151>.

Аннаоразов Д. С. Триумф и трагедия непризнанного туркменского правителя из Теждена // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2024. № 2. С. 5–14. https://doi.org/10.52170/2618-7949_2024_21_5.
Всемирная иллюстрация. 1887. № 950.

Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: В Тип. В. Балашова, 1884. Т. 4. 382 с.

Гундова О. Е. Депутация казахской правящей элиты ко двору российских императоров (середина — вторая половина XIX века) // Журнал Фронтирных Исследований. 2023. № 3. С. 74–89.

Записка барона Бенуа Мешэн о Мервских туркменах 1883 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Военная типография, 1883. Вып. 6. С. 122–131.

Кавказ. 1883. № 101.

Кавказ. 1883. № 112.

Кавказ. 1896. № 130.

Кенесарин А. История Кенесары Касымова и Садыка Кенесарина. М.: Пресс-Бук, 2017. 140 с.

Коронационные торжества. Альбом священного коронования Их Императорских Величеств государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Феодоровны. М.: Тов. И. Н. Кушнеров и К°, 1896. 171 с.

Коронационный сборник с соизволения Его Императорского Величества Государя Императора. В 2 т. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1899. 336 с.

Краснов П. Н. На рубеже Китая. Париж: Главное правление зарубежного союза русских военных инвалидов, 1939. 122 с.

Логунов Д. Ю. Генерал Калитин. Страницы жизни. 2-е изд. Челябинска: Авто Граф, 2023. 336 с.

Мучаева И. И., Лиджиева И. В. Кочевые инородцы на коронациях российских монархов в последней трети XIX в.: дары как свидетельства верноподданства // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 3. С. 128–145. <https://doi.org/10.14258/nreur> (2024) 3–07.

Новости и Биржевая газета. 1883. № 71.

- Новости и Биржевая газета. 1883. № 80.
 Переводчик. 1883. № 6.
 Переводчик. 1883. № 7.
 Переводчик. 1883. № 8.
 Переводчик. 1896. № 20.
 Переводчик. 1896. № 21.
 Переводчик. 1904. № 103.
 Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. 823 с.
 Русский инвалид. 1913. № 43.
 Русский инвалид. 1913. № 44.
 Русский инвалид. 1883. № 93.
 Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. (до присоединения Туркмении к России): сборник архивных документов. Ашхабад: АН ТуркмССР, 1963. 585 с.
 Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. 796 с.
 Хан Хивинский Сеид Магомед Рахим Багатур // Нива. 1883. № 27. С. 648–651.
 À travers l'Asie Centrale: la Steppe kirghize, le Turkestan russe, Boukhara, Khiva, le pays des Turcomans et la Perse impressions de voyage par Henri Moser [Через Центральную Азию: Киргизская степь, Русский Туркестан, Бухара, Хива, страна туркмен и Персия. Путевые впечатления Анри Мозера]. Paris [Париж]: E. Plon, Nourrit [Э. Плэн, Нуррет]. 1885. 463 p. (на фр. языке).
 Moser H. [Мозер А.] Le pays des Turcomans [Страна туркмен]. Paris [Париж]: Plon, 1899. 32 p. (на фр. языке).

References

- À travers l'Asie Centrale: la Steppe kirghize, le Turkestan russe, Boukhara, Khiva, le pays des Turcomans et la Perse impressions de voyage par Henri Moser [Through Central Asia: the Kyrgyz Steppe, Russian Turkestan, Bukhara, Khiva, the land of the Turkomans and Persia travel impressions by Henri Moser]. Paris: E. Plon, Nourrit, 1885. 463 p. (in French).
 Abdirashidov Z. Annotirovannaya bibliografiya Turkestanskikh materialov v gazete "Tarzhuman" (1883–1917) [Annotated bibliography of Turkestan materials in the newspaper "Tarzhuman" (1883–1917)]. *TIAS Central Eurasian Research Series*. 2011, no. 5. 233 p. (in Russian).
 Abdu-s-Sattar Kazy. *Kniga rasskazov o bitvakh tekintsev: turkmenskaya istoricheskaya poema XIX veka* [Book of Stories about the Battles of the Tekins: Turkmen Historical Poem of the 19th c.]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1914, 82 p. (In Russian).
 Alikhanov-Avarskiy M. Zakaspiyskie vospominaniya. 1881–1885 [Transcaspian memories. 1881–1885]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe]. 1904, no. 9. pp. 73–125. (in Russian).
 Aminov I. I. Korennoe naselenie Zakaspiiskoi oblasti na gosudarstvennoi i voennoi sluzhbe Rossiiskoi imperii (1881–1917 gg.). [Indigenous population of the Transcaspian region in the state and military service of the Russian Empire (1881–1917)]. *Lex russica*. 2018, no. 4, pp. 136–151. (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.137.4.136-151>.

Annaorazov D.S. Triumf i tragediya nepriznannogo turkmenskogo pravatelya iz Tedzhena [The triumph and tragedy of the unrecognized Turkmen ruler from Tejen]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniya: Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of the Siberian State University of Railway Transport: Humanitarian Studies]. 2024, no. 2, pp. 5–14. (in Russian). https://doi.org/10.52170/2618-7949_2024_21_5.

Grodekov N.I. *Voina v Turkmenii. Pokhod Skobeleva v 1880–1881 gg.* [War in Turkmenistan. Skobelev's campaign in 1880–1881.]. St Petersburg: In the Printing House of V. Balashov, 1884, vol. 4, 382 p. (in Russian).

Gundova O.E. Deputatsiya kazakhskoi pravayashchei elity ko dvoru rossiiskikh imperatorov (seredina — vtoraya polovina XIX veka) [Deputation of the Kazakh ruling elite to the court of the Russian emperors (mid-second half of the 19th century)]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy* [Journal of Frontier Research]. 2023, no. 3, pp. 74–89 (in Russian).

Kavkaz [Caucasus]. 1883, no. 101 (in Russian).

Kavkaz [Caucasus]. 1883, no. 112 (in Russian).

Kavkaz [Caucasus]. 1896, no. 130 (in Russian).

Kenesarin A. *Istoriya Kenesary Kasymova I Sadika Kenesarina* [History of Kenesary Kasymova and Sadika Kenesarina]. Moscow: Press Book, 2017, 140 p. (in Russian).

Khan Khivinskii Seid Magomed Rakhim Bagatur [Khan of Khiva Syed Magomed Rahim Bagatur]. *Niva*, 1883, no. 27, pp. 648–651 (in Russian).

Koronatsionnye torzhestva. Al'bom svyashchennogo koronovaniya Ikh Imperatorskikh Velichestv gosudarya imperatora Nikolaya Aleksandrovicha i gosudaryni imperatritsy Aleksandry Feodorovny [Coronation celebrations. Album of the sacred coronation of Their Imperial Majesties, Emperor Nicholas Alexandrovich and Empress Alexandra Feodorovna]. Moscow: Comrade I. N. Kushnerov and Co, 1896, 171 p. (in Russian).

Koronatsionnyi sbornik s soizvoleniya Ego Imperatorskogo Velichestva Gosudarya Imperatora [The Coronation Collection with the permission of His Imperial Majesty the Emperor]. St. Petersburg: Expedition to procure government papers, 1899, 336 p. (in Russian).

Krasnov P.N. *Na rubezhe Kitaya* [At the turn of China]. Paris: The Main Board of the Foreign Union of Russian Military invalids, 1939, 122 p. (in Russian).

Logunov D.Yu. *General Kalitin. Stranitsy zhizni* [General Kalitin. Pages of life]. Chelyabinsk: Avto Graf, 2023, 336 p. (in Russian).

Moser H. *Le pays des Turcomans* [The country of the Turkomans]. Paris: Plon, 1899, 32 p. (in French).

Muchayeva I. I., Lidzhiyeva I. V. Kochevye inorodtsy na koronatsiyakh rossiiskikh monarkhov v poslednei treti XIX v.: dary kak svidetel'stva vernopoddanstva [Nomadic foreigners at the coronations of Russian monarchs in the last third of the 19th century: gifts as evidence of loyalty]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2024. vol. 29, no. 3, pp. 128–145 (in Russian) <https://doi.org/10.14258/nreur> (2024) 3–07.

Novosti i birzhevaya gazeta [News and stock exchange newspaper]. 1883, no. 71 (in Russian).

Novosti i birzhevaya gazeta [News and stock exchange newspaper]. 1883, no. 80 (in Russian).

Perevodchik [Translator]. 1883, no. 6 (in Russian).

Perevodchik [Translator]. 1883, no. 7 (in Russian).

Perevodchik [Translator]. 1883, no. 8 (in Russian).

Perevodchik [Translator]. 1896, no. 20 (in Russian).

Perevodchik [Translator]. 1896, no. 21 (in Russian).

Perevodchik [Translator]. 1904, no. 103 (in Russian).

Prisoyedinenie Turkmenii k Rossii (sbornik arkhivnykh dokumentov) [The accession of Turkmenistan to Russia (collection of archival documents)]. Ashkhabad: Publishing House of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 1960, 823 p. (in Russian).

Russkii invalid [Russian disabled person]. 1883, no. 93 (in Russian).

Russkii invalid [Russian disabled person]. 1913, no. 43 (in Russian).

Russkii invalid [Russian disabled person]. 1913, no. 44 (in Russian).

Russko-turkmenskie otnosheniya v XVIII–XIX vv. (do prisoyedineniya Turkmenii k Rossii): sbornik arkhivnykh dokumentov [Russian-Turkmen relations in the 18th-19th centuries (before Turkmenistan's accession to Russia): collection of archival documents]. Ashkhabad: Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 1963, 585 p. (in Russian).

Uortman R. S. *Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoi monarkhii. V 2 t. T. 2: Ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaya II* [Scenarios of power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy in 2 vols. Vol. 2: From Alexander II to the abdication of Nicholas II]. Moscow: OGI, 2004, 796 p. (in Russian).

Vsemirnaya illyustratsiya [Worldwide Illustration]. 1887, no. 950 (in Russian).

Zapiska barona Benua Meshen o Mervskikh turkmenakh 1883 g. [A note by Baron Benoit Meshaine on the Merv Turkmens in 1883]. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of geographical, topographic and statistical materials on Asia]. St. Petersburg: Military printing house, 1883, iss. 6, pp. 122–131. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 16.10.2024

Принята к публикации: 10.12.2024

Дата публикации: 31.03.2026

УДК 93/94

DOI 10.14258/nreur(2026)1–08

*М. С. Каменских, Ю. С. Чернышева**Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН — филиал
Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН,
Пермь (Россия)*

КАЗАХИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В 1930-Е ГГ.

В статье рассматривается политика в отношении казахов, перешедших на оседлость, в Уральской области в 1932–1933-х гг. Проанализированы особенности вербовки семей казахов на промышленные предприятия Урала в рамках кампании по содействию оседанию казахов (кочевников) Казакской АССР в первой половине 1930-х гг. В этот период на Урал при участии центральных властей было перевезено несколько тысяч человек.

Авторы приходят к выводу, что рассматриваемая кампания воспринималась местными органами власти как неотъемлемая часть национальной политики, поскольку в этот период подобные кампании проводились и в отношении ряда других советских народов. От просто переселенческой политики ее отличал дополнительный комплекс мероприятий по культурной и образовательной адаптации с учетом национальных особенностей прибывающих переселенцев, включающий культурно-массовую работу, содействие в изучении родного языка, работу с молодежью, выдвижение «национальных кадров», содействие в изучении русского языка. Это во многом характеризует национальную политику как самостоятельный управленческий феномен в жизни модернизирующегося советского общества 1920–1930-х гг.

При этом рассматриваемую политику в отношении рабочих-казахов нельзя признать удачной. Вместо планировавшихся пяти тысяч человек предприятия смогли принять меньше половины. Прибывавшие устраивались в худших, чем у местных, условиях, имели проблемы с обеспечением питанием и оплатой труда. Однако в период 1932–1933-х гг., когда в Казакской АССР свирепствовал голод, даже работа на Урале могла спасти сотни жизней. Жесткая реакция, с которой областное руководство обрушилось на местные предприятия за невнимание к решению задач национальной политики, а также сама реакция предприятий и последовавшие репрессии против виновных исключают и версию о сознательной политике по геноциду казахского народа, которую ряд общественных деятелей и зарубежных историков видит в советской политике в Казакской АССР 1930-х гг.

Ключевые слова: национальная политика, оседание кочевников, политика оседлости, казахи, Урал

Цитирование статьи:

Каменских М. С., Чернышева Ю. С. Казахи в национальной политике уральской области в 1930-е гг. // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 1. С. 139–154.
DOI 10.14258/nreur(2026)1-08

Каменских Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований Уральского отделения РАН — филиала Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, г. Пермь (Россия). **Адрес для контактов:** mkamenskih27@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5716-655X>

Чернышева Юлия Сергеевна, научный сотрудник Института гуманитарных исследований Уральского отделения РАН — филиала Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, г. Пермь (Россия). **Адрес для контактов:** yulyachernysheva99@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7311-9457>

M. S. Kamenskikh, Yu. S. Chernysheva

Institute of Humanitarian Studies Ural Branch Russian Academy of Sciences, Perm (Russia)

KAZAKHS IN THE NATIONAL POLICY OF THE URAL REGION IN THE 1930^S

The article examines the policy towards Kazakhs who settled in the Ural region in 1932–1933. The article analyzes the peculiarities of the recruitment of Kazakh families to industrial enterprises in the Urals as part of a campaign to promote the settlement of Kazakh (nomads) of the Kazakh ASSR in the first half of the 1930^s. During this period, several thousand people were transported to the Urals with the participation of the central authorities.

The authors conclude that the campaign in question was perceived by local authorities as an integral part of national policy, since during this period similar campaigns were conducted against a number of other Soviet peoples. It was distinguished from the simple resettlement policy by an additional set of measures for cultural and educational adaptation, taking into account the national characteristics of the arriving migrants, including cultural and mass work, assistance in learning their native language, work with young people, the promotion of “national personnel”, assistance in learning Russian as a language. This largely characterizes national policy as an independent managerial phenomenon in the life of the modernizing Soviet society of the 1920^s and 1930^s.

At the same time, the policy in question regarding Kazakh workers cannot be considered successful. Instead of the planned five thousand people, the enterprises were able to accommodate less than half. The arrivals settled in worse conditions than the local ones, had

problems with payments and provision of food and wages. However, in the period 1932–1933, when famine was rampant in the Kazakh ASSR, even work in the Urals could save hundreds of lives. The harsh reaction with which the regional leadership attacked local enterprises for inattention to solving the tasks of national policy, as well as the very reaction of enterprises and the subsequent repression against those responsible exclude the version of a conscious policy of genocide of the Kazakh people, which a number of public figures and foreign historians see in Soviet policy in the Kazakh ASSR of the 1930^s.

Keywords: national policy, settling of nomads, settlement policy, Kazakhs, Urals

For citation:

Kamenskikh M. S., Chernysheva Yu. S. Kazakh in the national policy of the Ural region in the 1930^s. Nations and religions of Eurasia. 2026. T. 31, № 1. P. 139–154. DOI 10.14258/nreur(2026)1–08

Kamenskikh Mikhail Sergeevich, candidate of Historical Sciences, leading researcher of the Institute of Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences is a branch of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm (Russia). **Contact address:** mkamenskikh27@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5716-655X>

Chernysheva Yulia Sergeevna, researcher of the Institute of Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences is a branch of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm (Russia). **Contact address:** yulyachernysheva99@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7311-9457>

Введение

Одной из крупных кампаний национальной политики СССР первой половины 1930-х гг. стали мероприятия по содействию оседанию кочующих народов. Они были направлены на цыган и кочевников Средней Азии. Частично данная политика коснулась и кочевых народов Крайнего Севера. Единого документа, определяющего порядок содействия оседанию, не было, перечень мероприятий регулировался отдельными постановлениями и нормативными актами союзных республик и инструкциями ЦК ВКП(б) (подр. см. [Синицын, 2018: 127]). Часто мероприятия сопровождались насильственной ломкой традиционного уклада в рамках советской модели модернизации, которая описана в трудах российских и зарубежных историков [Чеботарева, 2008: 567–591; Перевалова, 2019: 173–182; Головнёв, 1995: 163–196; Аманжолова, Дроздов, Костырченко, Красовицкая, 2022: 570–574; Слезкин, 2008: 221–279; Киндлер, 2017; Дахгилейгер, 1966]. Наиболее болезненным этот процесс был в Казахской ССР. Инструментами реализации политики в Казахской АССР стали Положение о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики [Положение о землеустройстве..., 1924] и постановление ЦК ВКП(б) от 1930 г. «О коллективизации и борьбе с байско-

кулацкими элементами в районах кочевого и полукочевого хозяйства» [Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) ..., 1930].

С 1933 г. власти области начали кампанию по содействию оседанию казаков (кочевников). Перешедшим на оседлый образ жизни оказывалось содействие в трудоустройстве на различные предприятия. Кампания началась в Казахской АССР (с 1936 г. Казахская ССР) еще в конце 1920-х гг. в рамках коллективизации [Турсунбаев, 1972]. По всей республике проводились меры по оседанию кочевников и трудоустройству на предприятия РСФСР [Бектасов, Утегенов, 2025: 17]. Одним из направлений этой политики стала вербовка семей казахов на промышленные предприятия Урала, когда по поручению центральных властей представители заводов выезжали в Казахскую АССР и вербовали рабочих. В этот период казахи активно мигрировали из своей республики. Так, например, на юге Урала, в Троицком и Челябинском округах, количество казахов в межпереписной период 1926–1939 гг. увеличилось в три раза — до 28 тыс. чел., что явно превышает динамику естественного прироста. Мотивов миграционной активности было несколько, один из наиболее существенных — голод в Казахской АССР в начале 1930-х гг. По оценкам разных историков, которые анализирует Г. Е. Корнилов, потери населения от голода в республике могли составить от 1 до 2,2 млн чел. Данная тема в современном Казахстане чрезвычайно актуализировалась в последние годы в связи с попытками ряда общественных организаций признать массовую гибель жителей Казахской АССР геноцидом казахского народа (подр. см. [Корнилов, 2023]). Безусловно, голод мог стать одной из ключевых причин миграционных настроений. «Говорят, что они приехали из голодного края и по заключению врачей нетрудоспособны», — сообщалось о казахах Уралвагонстроя на заседании отдела национальностей Уральского облисполкома в ноябре 1933 г. [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 14.]. Однако, как будет показано ниже, руководство СССР принимало самые интенсивные меры к тому, чтоб решить возникшую проблему, и точно не ставило целью именно уничтожение казахов по принципу их происхождения.

В рамках данной статьи будет проанализирована политика в отношении казахов, перешедших на оседлость, в Уральской области в 1932–1933-х гг. В этот период на Урал при участии центральных властей было перевезено несколько тысяч казахов. Кампания «содействия оседанию казаков (кочевников)» воспринималась местными органами власти как неотъемлемая часть национальной политики, поскольку в этот период подобные кампании проводились и в отношении ряда других советских народов. От просто переселенческой политики ее отличал дополнительный комплекс мероприятий по культурной и образовательной адаптации с учетом национальных особенностей прибывающих переселенцев.

Об этом свидетельствуют многочисленные материалы обследования и записки о трудоустройстве прибывших. В ряде региональных архивов по этой тематике сохранилась делопроизводственная документация, включающая протоколы совещаний, допросы, акты и материалы обследования культурно-бытовых условий казаков [ОГАЧО. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 146, 379; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124]. Эти документы стали основным источником предлагаемого исследования. Материалы впервые вводятся авторами в научный оборот.

Привлечение казахов на предприятия Урала

Идея привлечь казахов для работы на предприятиях Урала принадлежала советскому правительству. 15 марта 1931 г. Совнарком принял постановление по организации и созданию условий для трудоустройства рабочих-казахов, согласно которому предприятия Урала обязывались провести оргнабор в Казахской АССР с целью «трудового и бытового перевоспитания казахов-откочевников и превращение их в индустриальных кадровых рабочих», а для казахской молодежи — вовлечение в комсомольские организации [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 1, 19]. Применительно к Уралу данная политика реализовывалась в рамках мероприятий по оргнабору и вербовке сельского населения на промышленные предприятия Урала, вследствие чего за несколько лет, с конца 1920-х по начало 1930-х гг., городское население Урала увеличилось на несколько сот тысяч человек [Уральская область..., 2025: 83–84].

Казахов вербовали представители предприятий, а потом направляли в места работы, где оказывали содействие в трудоустройстве. Имеющиеся источники позволяют реконструировать этот процесс. Рабочих искали в аулах сельских районов Актюбинской области Казахской АССР. В материалах обследования культурно-бытовых условий казахов «Уралвагонзавода» сообщается о работе вербовщика в 23 аулах Улейского района. После подписания контракта завербованные рабочие направлялись в товарных вагонах до Нижнего Тагила, там поступали в распоряжение отдела найма предприятия, где местные власти уже должны были принимать меры по их адаптации и устройству.

По пути следования им полагалось ежедневное пособие 2,5 руб. (материалы последующих проверок показали, что практически никто из переселенцев не получил денежное довольствие в пути, а по прибытии получили только часть суммы (см., напр. [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 14–14 об.]). Продовольствие получали в размере 800 г хлеба, 400 г крупы и сахара. По прибытии все еще получили по 30 кг картофеля. Поскольку у казахов на тот момент еще не было советских документов, всех прибывающих паспортизировали [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 12 об.]. Процесс переезда был непростым. При вербовке в Нижний Тагил для работы на Уралвагонстрой вербовщик по фамилии Закишертский не выдал нанятым рабочим суточные и не кормил, в результате чего последние в дороге голодали, а 12 человек оставили на разных станциях по пути следования в результате их истощения.

В течение 1932–1933 гг. партии казахов стали прибывать на предприятия Урала. Всего на конец 1933 г. приехало около 2 тыс. чел. [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 25]. Из них почти 1200 чел. были устроены на предприятия в Магнитогорске (Магнитострой), около 500 — в Перми (завод «Красный строитель»), 200 — в Нижнем Тагиле (ТЭЦ, Уралвагонстрой и Стандартжилстрой), чуть больше 100 — в Челябинске (Челябкопи), и Свердловске (Уралмаш и Эльмашстрой) и др.

Сохранившиеся в фондах ГАСО материалы проверки позволяют оценить, как были организованы встреча и обустройство прибывающих рабочих. В частности, сохранился протокол допроса члена комиссии по чистке членов и кандидатов в члены ВКП(б) Закирова, который работал в Перми. По его словам, в Пермь казахи прибыли из Актюбинска и Актюбинского района двумя партиями общей численностью 500 человек. К встрече администрация завода не была готова: «Встреча не была организована,

люди приехали, с вагонов сняли и загнали в совершенно нежилое помещение, т. е. бараки, которые совершенно не пригодны для жилья, причем казаки полностью не прошли санитарную обработку» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 1]. У прибывших не было никаких документов, но все они получили паспорта. Семьи были размещены в комнатах площадью 20 кв. м. до пяти семей, без водоснабжения и мебели. «Помещение барак не оборудовано, не отремонтировано, окна разбиты, стекол нет, набиты тряпьем, двери не утеплены, а сделаны только временки», — сообщается в документе [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 1].

Организация условий проживания

Местные органы власти были обязаны не только трудоустроить казахов, но и оказать содействие в адаптации, что свидетельствует об отнесении этих мероприятий к национальной политике. Однако поступавшие с мест отзывы, публикации в газетах, высокая смертность рабочих заставили центральные власти обратиться к проверке культурно-бытового устройства казахов. По поручению заместителя председателя СНК РСФСР, казаха по происхождению, Т. Р. Рыскулова в Уральской области в период с 29 октября по 29 ноября 1933 г. работало восемь бригад по обследованию культурно-бытовых условий и трудоустройства рабочих-казахов на предприятиях области: бригада Губайдуллина — на Челябинкопи; бригада Курмангалиева и Гибадуллина — на Магнитострое (цех Коксострой); бригада Салихова — на Торфстрое; бригада Сташкиной — на Уралмаше; бригада Капитова — на Тагилвагонстрое, бригада Закирова — на заводе «Красный строитель» в городе Перми. Общее количество членов всех бригад — 32 человека [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 24].

В источниках сохранились сведения о составе двух бригад. Работавшая на Уралвагонзаводе в Нижнем Тагиле бригада включала шесть человек — представителей: облизполкома Капитова (руководитель), парткома Уралвагонстроя Сафарова, Постройкома — Мильнеханова, Комсомола — Сотникова, коммунального отдела — Якушева, райсовета — Сафиуллина. В Перми работала бригада в составе уполномоченного отдела национальностей облизполкома Закирова, представителя Горпрофсовета — Жожитова, Горздравотдела — Родникова, закома — Лисина, инструктора райкомиссии по чистке партии — Смирнова. Как видно, состав комиссии был весьма внушительным, и ее решения не могли быть не приняты к исполнению.

Значительная часть отчетов касалась жилищно-бытовых условий. Судя по всему, не все предприятия обеспечили прибывших рабочих качественным жильем. В Нижнем Тагиле при планах по набору в три тысячи человек по факту на момент проверки было 208 казахов. Они были размещены на участке строительства ТЭЦ и бараках 54 и 56 Стандартжилстроя. Был исследован контингент в составе 208 рабочих, включая 57 детей и 71 женщину, грамотных и малограмотных — девять человек, остальные — неграмотные [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 14]. Комиссия отметила, что не было принято и мер по обустройству казахов. Предприятие преднамеренно не оказывало им содействия в обустройстве: «...в комнатах грязь, дым, нехороший запах, бараки перегружены (54–56), отсутствуют всякие коммунальные услуги, как вода, кипяток и т. д., нет ни одного стола, стула, не говоря уже о том, что многие спали на полу, не имея кровати и постельных принадлежностей» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 8]. В комна-

те на 36 человек была установлена только одна печка, что создавало очереди из желающих приготовить еду. Капитов подчеркнул, что предприятие сознательно не приступало к решению вопроса об обустройстве казахов: «Когда я столкнулся с вопросом на заседании президиума, то ночью они уже были обеспечены матрацами. Несмотря на наличие возможностей, они в этом отношении проявили великодержавный шовинизм» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 8]. В пос. Березовском в бараках Эльмашстроя комиссия установила, что у казахов «нет уюта, нет столов, скамеек, вентиляции, семьи казахов готовят пищу на койках, под койками хранится все, что у них есть: дрова, продукция и т.д. ... У одной плитки каждый хочет, придя с работы, приготовить ужин, и продолжается это до часу-двух ночи. В бараках грязь, белье грязное, баня не обслуживается. Санитарный минимум не проводится. Одежда плохая, зарабатывают мало» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 28].

Условия проживания не везде были неудовлетворительными. Про рабочих, проживающих на Красногвардейском руднике (город Красноуральск), сказано, что их условия «лучше, чем у рабочих других цехов»: они имели постельные принадлежности и один раз ходили в баню. Продовольствием обеспечены наравне с другими рабочими [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 17]. На Челябинских и цехе Коксострой Магнитогорскстроя рабочие были размещены в приспособленных бараках (часть размещена в землянках в пос. Среднеуральске), обеспечены питанием и кипяченой водой. В Челябинских некоторые семьи даже получили отдельные квартиры [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 25].

Хуже всего ситуация обстоит в Перми. В Акте, составленном по итогам работы бригады на заводе «Красный строитель», представлено следующее описание жилищно-бытовых условий: «Некоторые бараки в течение двух лет совсем не ремонтировались, на стенах висят клочья обоев, изъеденные мышами и тараканами, всюду целые скопления грязи, паутины и всяких отбросов. Печка в плохом состоянии, местами разделка около печей пришла в ветхость и грозит в пожарном отношении. Коридоры в бараке почти не освещаются, двери с обеих сторон бараков постоянно открыты, т.к. не имеют приспособлений в виде грузов и пружин, в связи с чем температура в коридорах не выше уличной, а также и в комнате. Умывальники частью неисправны, подвоз воды к баракам не производится. При опросе школьников ФЗУ выявлено, что дети не умывались уже 2 дня, потому что не было подвозки воды. Баки с питьевой водой отсутствуют. Помойные ямы завалены нечистотами. Окружающая барак территория засорена отбросами, особенно около крылец барака, уборные содержатся антисанитарно... рабочие поставлены в такие условия, что им пришлось волею-неволею превратить занятые ими бараки в кочевые становища» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 20]. В бараках члены бригады обнаружили в качестве материала для растопки «хворост, корни, употребляемые для отопления, неподходящее топливо вызывает массу едкого дыма» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 20].

Трудоустройство и производственные условия

При таких условиях обеспечения казахи не демонстрировали хороших показателей во время работы. Политика вовлечения казахов в производственные процессы включала в себя организацию «особых бригад из казахов с выделением на производстве бригадиров из числа передовых ударников-казахов, прививая в процессе труда методы со-

циалистического соревнования и одновременно внедряя в сознание их задачи производства данного предприятия, освоение техники производства, причем особо обратив внимание на применение женского труда и на задачи поднятия трудовой дисциплины» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 19].

Трудоустройство и обеспечение труда на предприятиях шло с разной степенью успешности. Согласно Постановлению № 6662 от 11 декабря 1933 г. «О состоянии культурно-бытовых условий труда и трудоустройства казаков (кочевников)», ряд предприятий, таких как Тагилавагонстрой, Стройтрест, «не обеспечили проведения необходимых мероприятий по организации приема прибывающих на работу казаков и не создали необходимых условий на самих предприятиях» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 83].

В Перми из продуктов они получали 600 г печеного хлеба или мукой. Заработную плату местное заводоуправление не выплачивало либо выдавало частями, используя разные бюрократические уловки в оценке эффективности. Комиссия оценила среднюю зарплату в диапазоне 15–25 руб., среднего уровня в 35 рублей не было ни у одного из рабочих. С точки зрения организации труда комиссия отметила, что «вследствие ложного убеждения что рабочий-казак не способен в силу национально-расовой особенности его и кочевого образа жизни — к индустриальному труду, рабочие-казаки использовали на самых плохих и примитивных участках работы. Какого-либо стимула к производственному продвижению не создано» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 21].

Были и положительные примеры. Для трудоустроенных казахов завода «Новострой», например, был организован специальный режим диетического питания [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 97]. Прибывшие в Нижний Тагил казахи были направлены преимущественно на строительство объектов в качестве чернорабочих. Однако в докладе Капитова отмечено, что две бригады казахов, систематически перевыполнявшие планы, были отмечены, занесены на Красную доску, а рабочие награждены грамотами. Среди казахов было 38 ударников труда. Заплата рабочих оценивалась в 60–100 руб. в месяц. В Красноуральске рабочая Сотбаева сообщила комиссии о проблемах коммуникации на работе: «Нам говорят бригадиры работать надо, а мы не знаем, что делать, и думаем отдыхать, за это нас ругают, что казак как будто работать не умеет» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 17].

Вызывало озабоченность и санитарно-гигиеническое обслуживание, а также состояние здоровья прибывших рабочих. Казахов, согласно договору, должны были стричь и мыть бесплатно в бане раз в месяц. Однако на момент проверки лишь несколько предприятий сделали это один-два раза. В Нижнем Тагиле количество рабочих-казахов, требующих лечения, оценено комиссией в 60%. Необходимая медицинская помощь не оказывалась, что вело к распространению инфекций и росту заболеваемости, отмечены случаи детской смертности: «При мне умерло два ребенка от поноса, один ребенок еще пролежал два дня. Заболеваний сейчас среди казаков чрезвычайно много. Заболевания главным образом по внутренним болезням, большинство понос... Сейчас я обнаружил в 54 бараке человека, который болеет сифилисом. Он семейный... и до сего времени у врачей амбулатории не было того, чтоб положить его в больницу или отделить в другое помещение» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 11]. В вопросе обслуживания бригада отметила «проявление великодержавного шовинизма»: «С одной стороны, было проявлено бюрократическое отношение регистратора и заведующей

щего амбулатории, они не записали вызов на дом, с другой стороны, на устное обращение к ним последние тоже отмахивались, говоря, что не будут ходить по баракам, потому что там грязно» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 8]. По словам Капитова, одна из прибывших работниц, по фамилии Балагулова, умерла прямо на улице, «так как бараки были переполнены, в барак ее не пустили и в больницу не взяли» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 11], но прокуратура не стала предпринимать никаких мер по расследованию этого дела.

В Перми у рабочих было отмечено распространение вшей, обнаружены заболевшие паршой, трахомой, туберкулезом и другими инфекционными заболеваниями, зафиксированы случаи родов в бараке без медицинского сопровождения [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 20]. Поскольку рабочие трудились в основном на карьере, то среди них был высок процент заболеваемости. На момент проверки из партии с июля по сентябрь 1933 г. в 200 человек 20 уже погибли. «Спецодежды по договору и постановлению правительства не предусмотрено, и они заявили, что к половине зимы, если им не выдадут спецодежду, большинство казаков пропадут» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 12]. В Березовском в больницы было помещено 20 детей казахов «с большими глазами», при этом врачи помощи больным детям не оказывали [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 25].

К недостаточным условиям бытового обслуживания и отсутствию культурной работы добавлялось нетерпимое отношение местных русских рабочих. При оседании у казаков, видимо, возникали конфликтные ситуации с местным населением, о чем опять же свидетельствуют источники.

В материалах работы комиссий приведены случаи избиений и издевательств [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 20 об.], одобряемых руководством завода: «Имеет место явный великодержавный шовинизм. Избиения казаков на каждом шагу, на улицах оскорбления... Имеется очень грубое издевательское отношение... Никакого хорошего товарищеского отношения к ним нет» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 20 об.]. Председатель парткома завода «Красный строитель» Тимофеев в беседе с членом бригады Смирновым якобы сказал, что «казаки по своей природе неряшливы, что создание культурных условий жизни для них, в силу их отсталости и особенностей вытекающей из кочевого образа жизни, — невозможно... они любят, когда у них в комнатах дым и грязь, это их родная стихия, они бань и мыла боятся» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 20 об.]. Сами казахи на собрании говорили, что с радостью бы уехали, если бы у них были деньги. В упомянутом выше постановлении, кроме прочего, говорилось, что «облпрокурору и Облсуду обеспечить рассмотрение в кратчайшие сроки дел об издевательстве над казаками» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 83–84 об.].

Культурно-массовая работа

В источниках отражен процесс разбора ситуации только в Нижнем Тагиле и Перми, где быт и культурное обслуживание казахов были устроены хуже всего. Ситуация на Уралвагонзаводе разбиралась на совещании при отделе национальностей облисполкома 26 ноября 1932 г. В фондах ГАСО сохранилась стенограмма совещания. Комиссия по обследованию труда казахов изучила три вопроса: строительство, культура проживания и обустройство казахов. Бригада работала с местными цеховыми ячейками партии, цеховым комитетом и комсомолом. Капитов констатировал следующее: «Прак-

тически наша бригада застала производственно-массовую работу целиком и полностью в развале, производственно-массовая работа среди рабочих казаков отсутствовала» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 1, Л. 7]. Все это вело к появлению упаднических настроений и оттоку казахов на родину. Рабочий Самалиев из «Новостроя» сказал проверяющим: «Из 200 рабочих осталось 80. У меня сестра и брат в январе месяце уехали, потому что они ничего не смогли заработать. Мы продали всю одежду, если бы нам создали условия, мы бы никуда не поехали» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 77]. Другой работник сказал следующее о желании вернуться на родину: «Они желают ехать в Казакстан, они переписываются, им пишут, что там хорошо живут, пуд муки стоит 9 рублей, литр молока — 10 копеек, поэтому мы поедem, там у нас большая железная дорога (Турксиб), там будем работать» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 81 об.]. В более поздних источниках отмечено, что с весны 1934 г. «наблюдается частичный выезд в Казакстан, отъезд одних вызывает желание у других» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 114].

В целом представителям местных администраций не удалось создать условия для бытового и медицинского обслуживания рабочих-казахов. Свидетельств тому, что это делалось специально, нет. Вероятнее всего, принимающая сторона не придавала значения прибытию новых очередных партий рабочих, а непосредственные ответственные исполнители использовали их прибытие как возможность обогатиться.

Материалы обследования показали, что практически ни на одном из предприятий не велось организационной или учебной работы [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 17]. В Перми дети казахов были устроены в детский сад, однако первоначально с них стали брать плату по 10 рублей за ребенка, и только после вмешательства администрации завода эта мера была отменена. Работы среди молодежи не велось. В Нижнем Тагиле работы среди молодежи не проводилось, хотя в среде казахов было три комсомольца. Детей казахов передали в работавшие при Вагонстрое национальные группы для татар, в результате чего дети «в течение года совершенно отатарились, и тем самым допущено искривление» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 8]. Ситуация объяснялась следующим образом: «Учитель — преподаватель национальной группы — татарин, который при разговоре заявил, что он сам с ними замучался, что ребята ничего не понимают, приходится одно слово сказать два раза для того, чтоб они поняли» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 8]. Кинообслуживание проводилось также на татарском языке. В пяти образованных при Вагонстрое ликпунктах учебу проходили исключительно казахи, численность слушателей оценена в 94 человека. Но их обучение также не было на родном языке: «В одном 56 бараке нашли одного казака, который фактически не казак, а башкир и который знает более-менее казакский язык, он преподает с казакского алфавита, вследствие чего имеется большое недовольство» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 8]. При этом на открытые при предприятии курсы повышения квалификации каменщиков и десятников казахи не приглашались. Однако следует отметить, что отсутствие работы может быть связано и с малочисленностью казахов на конкретных предприятиях, ведь ни на одном из них численность не превышала нескольких сотен. Исключение составляет только Магнитострой, где трудилось подавляющее большинство казахов. На этом предприятии были открыты ФЗУ и рабфак, а дети рабочих устроены в дошкольные и образовательные учреждения. В одном из барачков на этом предприя-

тии организован красный уголок, а на Водосоюзстрое даже был открыта читальня с литературой на казахском языке [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 30–34].

Если говорить о культурной работе, то известно, что в 1932 г. в Свердловском педагогическом техникуме была создана группа для казахов, одна смешанная татарско-казахская. В Отчете облисполкома о нацменработе за 1932 год говорится: «Преподавание родного языка ведется в группе татарской и казакской. Из смешанной группы татары и казаки прикреплены на родной язык к соответствующим группам. В казакской группе ведется преподавание на родном языке математики, обществоведения» [ОГАЧО. Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 146. Л. 100]. Специальные условия для казахов создавались в Магнитострое, а также в учебных заведениях областного уровня. Кроме этого, Свердловская область активно участвовала в подготовке кадров в открытой в 1932 г. Урало-Казахской академии в г. Алма-Ате [Урал — Казахстан, <https://clck.ru/3RdVYU>].

Очевидно, что отсутствие работы в сфере культуры для казахов на предприятиях было вызвано их небольшой численностью, а не нежеланием местного руководства. Там, где численность прибывших рабочих требовала создания отдельных условий, они создавались.

Ряд вопросов бригады решили уже на месте. Когда в Перми руководитель комиссии по обследованию Закиров приехал на завод «Красный строитель» и потребовал от местного руководства решить обозначенные проблемы, то, по его словам, когда местному парткому «завернули мозги, что завтра отдайте партбилет», вопрос был решен в течение 24 часов: «Вымыли их в бане, обеспечили пальто, обувь, бельем, матрацами и простынями» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 8].

Меры по улучшению положения казахов на предприятиях

Доклад о ситуации с рабочими-казахами был представлен на заседании президиума Уралобкома в ноябре 1933 г. Перед выступлением на заседании облисполкома Капитов выступил на соответствующих заседаниях президиума построечного комитета и на президиуме Нижнетагильского райисполкома. В фондах ГАСО сохранилась стенограмма совещания. Капитов констатировал следующее: «Практически наша бригада застала производственно-массовую работу целиком и полностью в развале, производственно-массовая работа среди рабочих казаков отсутствовала» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 1, Л. 7]. На заседании облисполкома работа местных властей была оценена как «крайне неудовлетворительная», директоров предприятий, на которых находились рабочие-казахи, обязали «в кратчайший срок принять самые решительные меры к полному устранению выявленных бригадами недостатков и обеспечить в дальнейшем максимальное внимание полной реализации постановления совнаркома от 15 марта 1933 г.» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 72]. По итогам было принято постановление Президиума облисполкома от 11 декабря 1933 г. № 6662 «О состоянии культурно-бытовых условий трудоустройства казаков (кочевников)». Было решено обеспечить максимальное вовлечение казахов в общественную и культурную жизнь и направить ответственного работника в Алма-Ату для покупки учебников, литературы, а также пособий на казахском языке. Орготделу было поручено выделить должность инструктора-казака, а областной прокуратуре — расследовать все факты преступного отношения к нуждам и запросам казаков и «обеспечить рассмотрение дел об издевательствах

над казаками и об извращениях национальной политики» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 75]. Местным органам власти вменялось к 1 мая следующего года обеспечить ликвидацию неграмотности среди взрослых казаков. Важной частью политики было и решение «редакциям областных и районных газет систематически освещать состояние культурно-массовой работы на предприятиях, где работают казаки, и лучшие образцы ударной работы их на этих предприятиях» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 83–84 об.].

В феврале 1934 г. исполнение постановления было проверено отделом наименьшинств при президиуме Облисполкома. Итоги проверки были представлены в докладной записке на имя председателя облисполкома. В целом поручения были выполнены. Казахам сменили место жительства, обеспечили жилищными принадлежностями и мебелью [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 113].

Ситуация в Перми стала поводом для разбирательств комиссии по чистке 1932–1933 гг. [Постановление ЦК ВКП(б) ..., 1932]. Секретарь Парткома Тимофеев, директор завода Шуваев были привлечены к партийной ответственности, заместитель директора по труду Коротаев и его помощник Зиндеев отданы под суд [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 21 об.].

Среди предпринятых по итогам мероприятий была отмечена и информационная работа: «Кроме того, осветили это дело в районной газете, создали широкое общественное мнение вокруг этого урока, на котором нужно учиться, многим завернули мозги. Два отдельных члена партии передали непосредственно в комиссию по чистке. Поэтому бывший директор вычищен из партии в тот же день» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124. Л. 4]. Также просили направить из центра работника, который мог бы говорить на казахском языке. В 1934 г. после разделения Челябинской и Свердловской областей политика в отношении казахов осталась в компетенции Челябинской области. Однако в этом регионе не было создано отдельного ведомства, ответственного за национальную политику, содействие казахам в оседании. В этой связи и сведений о кочующих казахах в период после 1934 г. практически не сохранилось, что затрудняет оценку эффективности политики во второй половине 1930-х гг.

Заключение

В целом политику в отношении рабочих-казахов, реализовывавшуюся на Урале в начале 1930-х гг., нельзя признать удачной. Вместо планировавшихся пяти тысяч предприятия смогли принять меньше половины. Прибывавшие устраивались в худших, чем у местных, условиях, имели проблемы с выплатами и обеспечением питанием и оплатой труда, среди них не велась массовая работа. Сложно сказать, что предприятия нуждались в этой рабочей силе. В источниках об этих потребностях ничего не говорится. Вероятнее всего, этих рабочих заводы получали в порядке обязательства, в связи с чем и не были заинтересованы в них. Однако в период 1932–1933 гг., когда в Казахской АССР свирепствовал голод, даже работа на Урале могла спасти сотни жизней. Однако этот пример весьма показателен для понимания сути национальной политики того периода. Для местных властей было важно подчеркнуть, что задача работы среди казаков не ограничивается обеспечением работой и жилищными условиями, эта политика мыслилась более глубоко и комплексно, включая в себя культурно-массовую работу, содействие в изучении родного языка, работу с молодежью, выдвиже-

ние «национальных кадров», содействие в изучении русского языка, что во многом характеризует национальную политику как самостоятельный управленческий феномен в жизни модернизирующегося советского общества 1920–1930-х гг. Жесткая реакция, с которой областное руководство обрушилось на местные предприятия за невнимание к решению задач национальной политики, а также сама реакция предприятий и последовавшие репрессии против виновных исключают и версию о сознательной политике по геноциду казахского народа, которую ряд общественных деятелей и зарубежных историков видит в советской политике в Казахской АССР 1930-х гг. Нельзя не отметить, что руководство страны на уровне СНК, видя проблемную ситуацию в экономике республики, предпринимало в силу имеющихся ресурсов разные меры по содействию бедствующему населению, привлекая возможности и ресурсы приграничных регионов и наказывая местное руководство за недостаточное внимание к решению проблем прибывающего населения.

Благодарности и финансирование

Публикуется в рамках гранта РФФИ № 25–18–00467 «Этничность и стратегии этнических сообществ в национальной политике Урала в XX–XXI вв.»

Acknowledgements and funding

The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 25–18–00567, «Ethnicity and strategies of ethnic communities in the national policy of the Urals in the XX–XXI centuries».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аманжолова Д. А., Дроздов К. С., Костырченко Г. В., Красовицкая Т. Ю. Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг. М.: ИРИ РАН, 2022. 831 с.

Бектасов Ш. Т., Утегенов М. З. Из истории оседания казахов Северного Казахстана в 1930-е гг.: о чем свидетельствуют архивные документы // Вестник Карагандинского университета. 2025. № 2. С. 40–55.

Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 124.

Дахгилейгер Г. Ф. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства) // Советская этнография. 1966. № 4. С. 3–23.

Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 382 с.

Корнилов Г. Е. Голод в Казахской АССР в 1930-е гг.: историографический дрейф // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 1. С. 99–121.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 146.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-519. Оп. 1. Д. 379.

Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 350 с.

Положение о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики. Оренбург: Издание Кирнаркомзема, 1924. 15 с.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах». 20 февраля 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 275.

Постановление ЦК ВКП(б) от 10 декабря 1932 г. «О проведении чистки членов и кандидатов партии в 1933 г.» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5: 1929–1932. М.: Политиздат, 1984. С. 82.

Синицын Ф. А. «Погоня за населением»: Советизация «кочевых» регионов СССР в 1920-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4 (20). С. 126–141.

Слезкин Ю. А. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.

Турсунбаев А. Опыт перехода от номадизма к оседлости // Формы и методы преодоления экономической отсталости: из исторического опыта советских республик Востока. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1972. 196 с.

Урал — Казахстан: на стыке цивилизаций // Выставки ГАСО. URL: <https://clck.ru/3RdVYY> (дата обращения: 20.12.2025).

Уральская область в 1923–1934 гг.: взгляд через 100 лет: монография / Ред. Г. Е. Корнилов, М. А. Фельдман. Екатеринбург, 2025. 170 с.

Чеботарева В. Г. Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. М.: ГУ МДН, 2008. 831 с.

References

Amanzholova D. A., Drozdov K. S., Kosty'rchenko G. V., Krasoviczkaya T. Yu. *Sovetskaya federatsiya: ot imperii k modernosti. 1917–1941 gg.* [The Soviet Federation: from Empire to Modernity. 1917–1941]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2022, 831 p. (in Russian).

Bektasov Sh. T., Utegenov M. Z. *Iz istorii osedaniya kazakhov Severnogo Kazakhstana v 1930-e gg.: o chem svidetel'stvuyut arkhivnye dokumenty* [From the history of the settling of the Kazakhs of Northern Kazakhstan in the 1930s: as evidenced by archival documents]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta* [Bulletin of the Karaganda University]. 2025, no. 2, pp. 40–55 (in Russian).

Chebotaeva V. G. *Natsional'naya politika Rossiiskoi Federatsii. 1925–1938 gg* [National policy of the Russian Federation. 1925–1938]. Moscow: State institution Moscow House of Nationalities, 2008, 831 p. (in Russian).

Dakhgileiger G. F. *Iz opyta istorii osedaniya kazakhskikh kochevykh i polukochevykh khozyaistv (do massovoi kollektivizatsii sel'skogo khozyaistva)* [From the experience of the settling history of Kazakh nomadic and semi-nomadic farms (before the mass collectivization

of agriculture)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1966, no. 4, pp. 3–23 (in Russian).

Golovnev A. V. *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiitsev i ugrov* [Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1995, 606 p. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [The State Archive of the Sverdlovsk region]. Fund R-88. Inv. 5. File 59 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [The State Archive of the Sverdlovsk region]. Fund R-88. Inv. 5. File 124 (in Russian).

Kindler R. *Stalinskie kochevniki: vlast' i golod v Kazakhstane* [Stalin's nomads: power and famine in Kazakhstan]. Moscow: Political Encyclopedia, 2017, 382 p. (in Russian).

Kornilov G. E. *Golod v Kazakskoi ASSR v 1930-e gody: istoriograficheskii dreif* [Famine in the Kazakh ASSR in the 1930s: historiographical drift]. *Noveishaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia]. 2023, vol. 13, no. 1, pp. 99–121 (in Russian).

Kornilov G. E., Fel'dman M. A. (eds.) *Ural'skaya oblast' v 1923–1934 gg.: vzglyad cherez 100 let* [The Ural region in 1923–1934: a look after 100 years]. Yekaterinburg, 2025, 170 p. (in Russian).

Obedinennyy gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti [The United State Archive of the Chelyabinsk region]. Fund R-519. Inv. 1. File 146 (in Russian).

Obedinennyy gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti [The United State Archive of the Chelyabinsk region]. Fund R-519. Inventory 1. File 379 (in Russian).

Perevalova E. V. *Obskie ugry i nentsy Zapadnoi Sibiri: etnichnost' i vlast'* [Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: ethnicity and power.]. St. Petersburg.: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, 2019, 350 p. (in Russian).

Polozhenie o zemleustroistve kochevogo, polukochevogo i perekhodyashchego k osedlomu khozyaistvu naseleniya Avtonomnoi Kirgizskoi Sotsialisticheskoi Sovetskoi Respubliki [Regulations on the land management of the nomadic, semi-nomadic and sedentary population of the Autonomous Kyrgyz Socialist Soviet Republic]. Orenburg: Izdanie Kirnarkomzema, 1924, 15 p. (in Russian).

Postanovlenie Politbyuro TsK VKP(b) “O kollektivizatsii i bor'be s kulachestvom v natsional'nykh ehkonomicheski otstalykh raionakh”. 20 fevralya 1930 g. [Resolution of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) “On collectivization and the fight against the Kulaks in national economically backward regions.” February 20, 1930]. *Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy. V 5 t. T. 2. Noyabr' 1929 — dekabr' 1930* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939. Documents and material in 5 volumes. Vol. 2. November 1929 — December 1930]. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2000, 275 p. (in Russian).

Postanovlenie TsK VKP (b) ot 10 dekabrya 1932 g. “O provedenii chistki chlenov i kandidatov partii v 1933 godu” [Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) of December 10, 1932 “On purging party members and candidates in 1933”]. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK (1898–1986). T. 5: 1929–1932* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions

of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). Vol. 5: 1929–1932]. Moscow: Politizdat, 1984, p. 82 (in Russian).

Sinitsyn F. L. “Pogonya za naseleniem”: Sovetizatsiya “kochevykh” regionov SSSR v 1920-e gg. [“The pursuit of the population”: Sovietization of the “nomadic” regions of the USSR in the 1920s]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [St. Petersburg Historical Magazine]. 2018, no. 4, pp. 126–141 (in Russian).

Slezkin Yu. L. *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa* [Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Moscow: New Literary Review, 2008, 512 p. (in Russian).

Tursunbaev A. Opyt perekhoda ot nomadizma k osedlosti [The experience of the transition from nomadism to settlement]. *Formy i metody preodoleniya ehkonomicheskoi otstalosti: iz istoricheskogo opyta sovetskikh respublik Vostoka* [Forms and methods of overcoming economic backwardness: from the historical experience of the Soviet Republics of the East]. Moscow: House of the Novosti Press Agency Publ., 1972. 196 p. (in Russian).

Ural — Kazakhstan: na styke tsivilizatsii [Ural — Kazakhstan: at the junction of civilizations]. *Vystavki GASO* [Exhibitions The State Archive of the Sverdlovsk region]. URL: <https://clck.ru/3RdVYY> (accessed December 20, 2025) (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 03.02.2026

Принята к публикации: 05.02.2026

Дата публикации: 31.03.2026

УДК 39

DOI 10.14258/nreur(2026)1–09

*Н. А. Дубова, Т. К. Кадырбекова**Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва (Россия)**М. Г. Никифоров**Московский государственный лингвистический университет, Москва (Россия)*

НАРОДНЫЕ МЕТОДЫ ПРЕДСКАЗАНИЯ ПОГОДЫ В КЫРГЫЗСТАНЕ И ИХ АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ СОВРЕМЕННЫХ ДАННЫХ

В статье на основе полевых материалов, собранных авторами в ходе этнографических экспедиций по Кыргызстану в 2023–2024 гг., анализируются народные методы предсказания погоды у киргизов. Особое внимание уделено астрономическим приметам.

Анализ показывает, что часть примет, связанных с оптическими атмосферными явлениями, имеет научное обоснование и может использоваться для прогнозирования, хотя и с ограниченной точностью. Другая группа примет отражает многовековые астрономические наблюдения, но не имеет прямой причинно-следственной связи с погодой, являясь скорее отражением практик наблюдений за небесными светилами. Третья группа примет, основанная на наблюдениях соединений Луны с планетами и некоторыми звездами (*тогоолах*), не имеет предсказательной силы и предположительно восходит к тенгрианским представлениям о влиянии небесных божеств на земной мир.

Кроме того, в статье рассматриваются народные обряды, связанные с попыткой воздействия человека на погоду. Описывается также деятельность современных народных метеорологов (*табыркачи*), использующих комплексный подход, который заключается в сочетании традиционных признаков предсказания погоды и современных подходов к оценке и иерархии этих признаков.

Ключевые слова: этнография киргизов, народные приметы, предсказание погоды, астрономия, тенгрианство, народные метеорологи

Для цитирования:

Дубова Н. А., Кадырбекова Т. К., Никифоров М. Г. Народные методы предсказания погоды в Кыргызстане и их анализ на основе современных данных // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 1. С. 155–177. DOI 10.14258/nreur(2026)1–09

Дубова Надежда Анатольевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий Центром антропоэкологии Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва (Россия). **Адрес для контактов:** dubova_n@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4340-1037>

Кадырбекова Толкунай Кадырбековна, младший научный сотрудник Центра антропоэкологии Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва (Россия), tolgonaitime0101@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0615-0176>

Никифоров Михаил Геннадьевич, кандидат физико-математических наук, доцент Московского государственного лингвистического университета, Москва (Россия), followup@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3106-5854>

N. A. Dubova, N. K. Kadyrbekova

N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of Russian academy of sciences, Moscow (Russia)

N. G. Nikiforov

Moscow State Linguistic University, Moscow (Russia)

FOLK METHODS OF WEATHER FORECASTING IN KYRGYZSTAN AND THEIR ANALYSIS BASED ON MODERN DATA

Based on field materials collected by the authors during ethnographic expeditions in Kyrgyzstan in 2023–2024, the article analyzes traditional methods of weather forecasting among Kyrgyz people. Special attention is paid to astronomical signs. The analysis shows that some of the observations related to optical atmospheric phenomena have a scientific basis and can be used for forecasting, although with limited accuracy. The other group of signs reflects centuries-old astronomical observations, but has no direct cause-and-effect relationship with the weather, being rather a reflection of the practices of observing celestial bodies. The third group of assumptions, based on observations of the Moon's connections with planets and some stars (*togooles*), has no predictive power and presumably goes back to Tengrian ideas about the influence of celestial deities on the earthly world. In addition, the article discusses folk rituals associated with the attempt to influence the weather. It also describes the activities of modern national meteorologists (*tabyrkachi*) using an integrated approach, which consists in combining traditional signs of weather prediction and modern approaches to the assessment and hierarchy of these signs.

Keywords: ethnography of the Kyrgyz, folk signs, weather prediction, astronomy, Tengrianism, folk meteorologists

For citation:

Dubova N. A., Kadyrbekova N. K., Nikiforov N. G. Folk methods of weather forecasting in Kyrgyzstan and their analysis based on modern data. *Nations and Religions of Eurasia*. 2026. T. 31, № 1. P. 155–177. DOI 10.14258/nreur(2026)1–09

Dubova Nadezhda Anatolievna, doctor of historical sciences, chief researcher, head of the Department of Human Ecology of the N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow (Russia). **Contact address:** dubova_n@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4340-1037>

Kadyrbekova Tolkunai Kadyrbekovna, junior researcher of the Department of Human Ecology of the N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow (Russia). **Contact address** tolgonaitime0101@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0615-0176>

Nikiforov Mikhail Gennadievich, candidate of physico-mathematical sciences, associate professor of the Moscow State Linguistic University, Moscow (Russia). **Contact address:** followup@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3106-5854>

Введение

Во все времена умение предсказывать погоду являлось важным навыком для обеспечения жизнедеятельности общества, вне зависимости от формы ведения хозяйства. Для любой культуры, как для земледельческой, так и для скотоводческой, необходимо уметь заранее планировать работы, будь то начало посевной, сбора урожая или перегона скота.

Хотя цикличность погодных условий выполняется в среднем, в рамках отдельного года она может значительно изменяться. Для общества было крайне важно предсказывать окончание затяжных дождей или засух. Почти в каждом районе до сих пор сохранились легенды, что здесь жил умелый предсказатель погоды, который получил награду от хана за то, что сумел предсказать, когда закончится дождь или засуха. Существуют и другие истории, когда, наоборот, люди не послушали предсказателя погоды, погнали скот на пастбище, стадо попало в буран и погибло от холода и снега. Вероятно, что большая часть таких рассказов основана на реально произошедших событиях.

Задача предсказания погоды была актуальна для различных обществ с древнейших времен. Попытки связать астрономические явления с погодными условиями предпринимались уже в античности, о чем свидетельствуют, например, труды Плиния [Плиний, 2009] и Птолемея [Ptolémée, 1816], которые содержат сведения о связи восходов и заходов звезд с сельскохозяйственными работами и погодными явлениями. Эта практика, основанная на наблюдении за небесными светилами, продолжилась и в более поздние эпохи. Так, в дореволюционной России были популярны месяцесловы — церковные календари, в которых на определенные дни давались долгосрочные прогнозы погоды, основанные на наблюдаемых признаках, таких как температура воздуха, осадки, поведение птиц и т.д.

Хотя современные методы позволяют прогнозировать погоду с высокой вероятностью, использование населением народных знаний для предсказания погоды до сих пор может быть актуальным. Точные прогнозы требуют затрат ресурсов в виде большого количества метеостанций и постоянного мониторинга и анализа информации. Поэтому наиболее точные и частые (с обновлением каждые 3 часа) прогнозы составляются в первую очередь для международных аэропортов и крупных городов. Для удаленных или менее значимых территорий предсказания делаются с худшей точностью, поскольку обычно в этих районах расположено меньшее число метеостанций, а значит, прогноз основывается на меньшем количестве информации. Кроме того, в условиях горного ландшафта возможны вариации погодных условий, связанные с формированием локального микроклимата. Поэтому погодные условия в некоторой местности и в районном центре, для которого определяется прогноз, могут отличаться.

Народные приметы, связанные с предсказанием погоды, представляют собой сложный комплекс знаний, сочетающий эмпирические наблюдения за природой и, вероятно, мифологические представления. Данное исследование ставит целью проанализировать астрономические методы предсказания погоды, используемые киргизами, с точки зрения современной науки, а также рассмотреть их в контексте традиционной культуры и верований. Это даст возможность понять, какие астрономические явления легли в основу этих примет, насколько они соответствуют реальным метеорологическим закономерностям и какую роль приметы играли в жизни киргизского народа.

Однако к настоящему времени исследованию народных методов предсказания погоды отведено сравнительно небольшое число публикаций, которые в основном посвящены описанию жизни и деятельности киргизских *эсепчи* — народных звездочетов и предсказателей погоды. В большей степени это люди, жившие в разных районах современной Киргизии в XIX — начале XX в. Подборка историй, связанных с *эсепчи*, в наиболее полной форме собрана в работе А. А. Байбосунова, которая интересна как исторический материал [Байбосунов, 1990: 132–154]. Некоторые приметы астрономического характера приводятся в работе Х. Абишева [1949], однако эти сведения не привязаны ни к конкретным информантам, ни к территориям.

Для достижения поставленной цели в 2023 и 2024 гг. проведены две экспедиции по всей территории Кыргызстана, в ходе которых взяты глубинные интервью у 121 информанта. Более детальная информация о методах исследования будет представлена в специальной статье, находящейся в печати.

Существующие работы, посвященные народным знаниям киргизов о погоде, в основном фокусируются на деятельности *эсепчи*. Данное исследование существенно расширяет эти представления, фокусируясь на малоизученных астрономических приметах, таких как предсказания по ориентации заходящей Луны, *тогоолам* (соединения) Луны с Плеядами, Юпитером и другими небесными объектами. Предпринята попытка систематизировать эти приметы и проанализировать их с точки зрения современной метеорологии.

Предсказание погоды по наблюдению небесных светил

Предсказание по оптическим и атмосферным эффектам. Самыми яркими небесными светилами являются Солнце и Луна, которые, в отличие от планет и звезд, мо-

гут быть видимыми при наличии облачности. Даже при ясной погоде, в зависимости от состояния атмосферы, внешний вид Солнца и Луны может меняться, что используется в народных приметах для предсказания погоды.

Одним из наиболее заметных эффектов является образование гало, т. е. светящегося кольца вокруг Солнца. Образование гало связано с наличием ледяных кристаллов в атмосфере. Чаще всего эти кристаллы образуются в перистых облаках на больших высотах, однако гало может возникать и в нижних слоях атмосферы при наличии ледяного тумана или алмазной пыли. Гало, вызванное перистыми облаками, часто является признаком приближающегося теплого фронта, когда в небе появляются малозаметные полупрозрачные перистые облака, содержащие кристаллики льда. Со временем при увеличении их плотности Солнце или Луна кажутся затуманенными, мутными. В этом случае появление гало является предвестником ухудшения погоды.

С другой стороны, гало может наблюдаться и зимой в морозную погоду или утром во время тумана, когда происходит конденсация влаги из-за понижения температуры. В этом случае его появление не обязательно приведет к изменению погоды. Таким образом, хотя само по себе появление ореола вокруг Солнца или Луны не всегда предвещает изменение погоды, по сопутствующим признакам (время суток, сезон) можно отличить ситуации, связанные с естественным увеличением влажности при похолодании. В таком случае этот признак будет надежным индикатором погоды.

Другим заметным оптическим эффектом является покраснение Солнца и Луны вблизи горизонта. Дополнительное окрашивание светил является следствием рассеяния света в атмосфере. Красный цвет возникает из-за того, что при прохождении длинного пути через атмосферу голубая и зеленая составляющие солнечного света рассеиваются сильнее, чем красная. Чем длиннее путь света, тем сильнее становится красный оттенок. Чтобы оценить разницу в длине пути света для Солнца и Луны, рассмотрим простейшую модель. Будем считать, что облака, из которых может идти дождь, находятся на высоте не более 8 км. Тогда в момент захода Солнца, когда оно находится на горизонте, луч света проходит по касательной к этому «дождевому слою». Простая геометрическая задача (с учетом радиуса Земли $R = 6400$ км) показывает, что длина этой касательной составляет около 320 км. С учетом атмосферной рефракции, которая существенно влияет на видимое положение светил у горизонта, это расстояние увеличивается, и его можно оценить примерно в 350 км. Таким образом, красный цвет заходящего Солнца характеризует состояние атмосферы на расстоянии сотен километров от наблюдателя.

Ситуация с Луной иная. Молодой месяц вскоре после новолуния виден только на определенной высоте над горизонтом. Это связано с несколькими факторами. Во-первых, вскоре после новолуния освещена лишь небольшая часть лунного диска, поэтому серп молодой Луны достаточно тонок и слабо светится. Во-вторых, атмосферное поглощение дополнительно ослабляет свет, идущий от Луны, особенно вблизи горизонта. В-третьих, близко к горизонту тонкий серп молодой Луны теряется на фоне вечерней зари. В результате минимальная высота, на которой его обычно можно наблюдать, составляет около 3° , в зависимости от фазы Луны, прозрачности атмосферы и уровня засветки.

Если принять предельную высоту Луны 3° , то угол «центр Земли — наблюдатель — Луна» равен 93° (а не 90° , как для Солнца), и луч света от Луны проходит через «дождевой слой» значительно меньшее расстояние — около 130 км. Если же Луна находится выше, например, на высоте 10° , то это расстояние сокращается до нескольких десятков километров.

Эти оптические явления, связанные с состоянием атмосферы, издавна легли в основу народных примет о погоде. Люди заметили связь между цветом и видом Солнца и Луны и последующими изменениями погоды. Рассмотрим 12 примет, связанных с оптическими явлениями, которые были упомянуты информантами в ходе наших полевых исследований. В качестве признаков, предсказывающих погоду, в них используются цвет Солнца и Луны во время восхода или захода, а также наличие ореола (гало).

№ 1: Когда Солнце заходит красным, то следующий день будет ясным (Нар-16)¹.

№ 2: (А) Если Солнце при восходе окружено красным ореолом, то будет дождь, (Б) а если Солнце заходит красным, то завтра будет теплая погода (Иск-43).

№ 3: Если закат красный, то погода будет хорошей (Чуй-61).

№ 4: (А) Если Солнце восходит красным, то будет дождливая погода, (Б) а если заходит, то хорошая погода (Ош-81).

№ 5: (А) Если при восходе Солнце красного оттенка, то будет дождь, (Б) а если Солнце красное при заходе, то завтра будет ясная погода (ДжА-110).

№ 6: Когда Солнце мутное, будет дождь (ДжА-110).

№ 7: Перед дождливой погодой появляется ореол вокруг Солнца (Бат-101).

№ 8: Если серп молодой Луны красный, то будет дождь, а если желтый, то будет хорошая погода (Ош-74).

№ 9: Гало вокруг Солнца — к плохой погоде, а гало вокруг Луны — к хорошей (Ош-77).

№ 10: Если серп Луны красный, то это всегда к дождям, а если белый, то будет хорошая погода (Ош-79).

№ 11: Если серп молодой Луны красный, то будет дождь (Ош-85).

№ 12: Если в первые дни после новолуния Луна желтая, значит, месяц будет холодным, а если белая — теплым (Бат-106, Бат-107).

№ 13: Если молодая Луна будет желтой, то месяц будет дождливый (Бат-92).

Как мы уже отмечали выше, наличие гало не является однозначным признаком, по которому можно точно предсказать дождь. Например, в примете № 2А красный ореол вокруг Солнца или гало вокруг Луны в № 9 могут быть вызваны небольшим туманом, который возможен в утренние часы. Но его наличие не обязательно приводит к дождю. С другой стороны, примета № 7, судя по тексту, не относится ни к зимнему, ни к утреннему времени и, скорее всего, описывает ситуацию приближения теплого фронта, несущего дожди. Эта примета является одним из самых известных признаков ухудшения погоды.

¹ Условное обозначение информантов в соответствии с Приложением.

«Мутное» Солнце в примете №6 обычно указывает на наличие высокой облачности, которая также может быть предвестником дождя. Эта примета имеет достаточно высокую вероятность, особенно если плотность облаков возрастает со временем.

Все остальные приметы можно разделить на три подгруппы: 1) цвет Солнца на восходе, 2) цвет Солнца на заходе, 3) цвет молодой Луны на заходе. Рассмотрим каждую из них.

Подгруппа 1. Красный цвет Солнца при восходе является предвестником дождливой погоды (№ 4А, № 5А). В примете № 2А упоминается не красное Солнце, а красное гало вокруг него, и хотя мы уже рассмотрели эту примету в контексте гало, сделаем это еще раз, с акцентом на его цвете. Во всех трех приметах красный цвет совпадает с дождливой погодой, т.е. описывается одна ситуация. При этом нужно отметить, что на основе трех свидетельств нельзя получить надежные с точки зрения статистики выводы.

Подгруппа 2. Все приметы подгруппы связывают красный цвет заходящего Солнца с благоприятной погодой, которая может быть ясной (№ 1, 5Б), теплой (№ 2Б) или хорошей (№ 3, № 4Б). Различия в оценках могут быть связаны как с субъективным восприятием каждого информанта, так и с неточностями в бытовых формулировках. Понятие «хорошая погода» может включать в себя как ясную, так и теплую погоду, поэтому такая вариативность в формулировках вполне объяснима. Как мы уже писали выше, красный цвет возникает из-за рассеяния света в атмосфере. Если на западе, где заходит Солнце, небо чистое, то его красный цвет может свидетельствовать об отсутствии облаков и осадков в этом направлении. Это может указывать на приближение антициклона и установление хорошей погоды.

Подгруппа 3. Красный цвет Луны связан с дождем (№ 8, № 10, № 11, № 13), а белый — с хорошей погодой (№ 10). Желтый цвет Луны дает противоречивый прогноз, поскольку в одном случае по нему предсказывают хорошую погоду (№ 8), в другом — дождливую (№ 13). Отметим, что восприятие цвета является субъективным и возможны небольшие ошибки в определении «желтый» или «белый». Строго говоря, все объекты солнечной системы светят отраженным светом, а поскольку Солнце желтое, то и Луна тоже имеет желтоватый оттенок. О белом цвете Луны обычно говорят, когда она очень яркая, а это бывает, когда она находится в большой фазе и высоко над горизонтом. Возможно, в примете № 8 вместо слова «желтый» следует понимать «белый», что лучше согласуется с другими приметами и физическими свойствами Луны. По этой же причине серп молодой Луны обычно желтоватый, но не белый. Наконец, примета (№ 12) противопоставляет не «ясно — дождливо», а «тепло — холодно», т.е. связывает цвет Луны не с осадками, а с температурой.

Чтобы получить более полную картину, проверим, насколько зафиксированные признаки прогнозирования погоды соотносятся с приметами других народов, описанными в литературе. Подчеркнем, что нас интересуют прогнозы, основанные именно на цвете Солнца и Луны в моменты восхода или захода, а не на цвете облаков, зари или неба. Ниже приведены приметы, основанные только на цвете Солнца вблизи горизонта.

П-1: Если закат Солнца красный, но не в тучу, будет ясно и ветрено.

П-2: Если закат Солнца красный, на другой день или дождь, или ветер [Горбань, 1990: 11].

П-3: Если Солнце при закате и облака, расположенные у западной кромки горизонта, окрашены в ярко-желтый цвет, можно ожидать на следующий день ветер [Касперски, 2003: 34].

П-4: Если восход Солнца красный, будет дождь (с завтрака будет дождь). Вариант: зимой — холод [Горбань, 1990: 12].

П-5: Если Солнце восходит красное, да еще при красной заре, то будет метель [Касперски, 2003: 10].

Анализ первых трех примет, посвященных заходу Солнца, показывает, что красный цвет светила обычно не приводит к дождю, поскольку о возможности осадков утверждает только одна примета (П-2). С другой стороны, обе приметы, описывающие красный цвет Солнца на восходе, предсказывают дождь, что согласуется с нашими данными. Перейдем к приметам, связанным с Луной.

П-6: Месяц красен — к дождю.

П-7: Красноватая Луна — большой ветер [Жарков, 1954: 123].

П-8: Если Луна ночью снова покраснела — жди завтра ветра, тепла и снега (для зимнего времени) [Касперски, 2003: 39].

Мы не нашли других примет, связанных с заходом молодой Луны, хотя не исключено, что в примете П-6 под словом «месяц» имеется в виду именно она. Тем не менее покраснение Луны связывается с дождем в ближайшие несколько часов (на следующий день).

Подчеркнем два важных аспекта. Во-первых, красный цвет заходящего Солнца предсказывает ясную погоду, а красный цвет Луны — дождь. Хотя оба признака характеризуют воздушные массы в стороне запада, между ними нет противоречия в силу того, что цвет Луны отражает состояние атмосферы в непосредственной близости от наблюдателя, а цвет Солнца — на значительно большем расстоянии.

Во-вторых, предсказание дождя по красному цвету Солнца на восходе, скорее всего, соответствует локальному описанию погоды, как и в случае с заходящей молодой Луной. Дело в том, что наблюдатель делает прогноз погоды на основе последней по времени информации. Наблюдение за заходящим Солнцем завершается, когда оно скрывается за горизонтом. В этот момент луч проходит максимальное расстояние в атмосфере. В случае восхода наблюдатель делает вывод чуть позже, когда Солнце уже немного приподнялось, и, как в случае с Луной, описывает локальное состояние атмосферы. Учитывая все эти факторы, можно заключить, что успешные предсказания погоды по покраснению Солнца и Луны в принципе возможны. Однако, поскольку эффект покраснения может быть вызван как пылью, так и влагой, этот метод не всегда точен.

Подводя итог, отметим, что приметы, основанные на атмосферных явлениях, упомянули лишь 10% опрошенных нами информантов, что косвенно свидетельствует об огра-

нической эффективности этого метода. Прогнозы, основанные на образовании гало и покраснении светил, возможны, но не отличаются высокой точностью.

Предсказание по ориентации заходящего серпа Луны. Среди населения широко распространена примета предсказания погоды, основанная на ориентации серпа молодого месяца в первые дни после новолуния. Считается, что если молодой месяц заходит, располагаясь как «лодочка», то месяц будет дождливым, а если как буква «С» — то засушливым. Промежуточный наклон Луны между «лодочкой» и буквой «С» означает умеренное количество дождей.

Данная примета известна 41 информанту, что составляет примерно треть опрошенных, причем о ней знают во всех областях Киргизии. Учитывая столь высокую популярность приметы, можно было бы ожидать, что она позволяет делать точные прогнозы. Впервые применительно к Киргизии эта примета была упомянута в работе В. Ф. Пояркова [Поярков, 1899: 32], однако она существовала и у других народов.

П-9. Когда молодой месяц на рогу стоит, то предвещает дождливую погоду (сибирская примета).

П-10. Молодык висит пузом вниз — на дощ (украинская примета) [Жарков, 1954: 28].

Две последние приметы (П-9) и (П-10) противоречат друг другу, однако они относятся к разным территориям, где климат отличается. Поэтому для оценки достоверности приметы нужно определить, в какое время заходящий месяц виден как «лодочка», в какое время он заходит в виде буквы «С», и сравнить с реальными погодными условиями для заданной местности.

Молодая Луна будет заходить в форме «лодочки», когда вектор, направленный от Солнца к Луне, образует угол, близкий к 90° , с плоскостью горизонта перед заходом Луны. Другими словами, для наблюдателя линия, соединяющая Солнце и Луну, должна быть близка к вертикали. Это условие выполняется, когда эклиптика пересекает горизонт под большим углом в точке захода Солнца. На 40-х градусах северной широты это происходит весной в вечернее время. Чем ближе к нулю угол между вектором Солнце — Луна и нормалью к горизонту (и соответственно чем ближе к 90° угол между вектором Солнце — Луна и горизонтом), тем «вертикальнее» располагается «лодочка» и тем ярче выражена ее форма.

Осенью в вечернее время наблюдается противоположная ситуация. Солнце так же заходит, и молодая Луна снова восточнее него на эклиптике. Но теперь из-за симметрии она будет располагаться «ниже» Солнца относительно горизонта, поскольку эклиптика пересекает горизонт под малым углом, что приводит к видимости Луны в форме «С». Чтобы увидеть «лодочку» осенью, нужно наблюдать восходящую Луну утром, перед восходом Солнца. В это время из-за симметрии эклиптики относительно точки востока и запада Луна будет находиться «выше» Солнца относительно горизонта, как и весной вечером.

Получается, что весной мы можем наблюдать «лодочку» вечером на заходе Луны, а осенью — утром на восходе. И наоборот, весной мы видим букву «С» на восходе,

а осенью — вечером на заходе Луны. В остальное время, включая периоды солнцестояний, наблюдаются промежуточные положения заходящего серпа Луны.

Следует также отметить, что плоскость лунной орбиты наклонена к плоскости эклиптики примерно на 5° , а возвращение к одному и тому же узлу орбиты происходит каждые 18 лет. Это означает, что Луна будет отклоняться от заданной точки эклиптики на $\pm 5^\circ$, достигая крайних положений каждые 9 лет. Это означает, что Луна будет отклоняться от одной и той же точки эклиптики на 5° , принимая крайние положения раз в 9 лет. При положительном широтном отклонении временные интервалы, в которые можно наблюдать «лодочку» и букву «С», увеличиваются, при отрицательном — уменьшаются. Это не повлияет на общую закономерность, но внесет в наблюдения некоторую вариативность.

На рисунке показан заход Луны 9 мая 2024 г., запечатленный в окрестности г. Талас. По мнению народного предсказателя погоды Маматкадыра Шайбылдаева (Ош-89), на этом снимке Луна заходит «лодочкой». Отметим, что линия, проведенная через концы серпа, не строго параллельна горизонту, но, тем не менее, это положение считается «лодочкой», поскольку оно ближе к нему, чем к наклону в 45° и тем более к букве «С».

*Заход Луны в виде «лодочки» 9 мая 2024 года в окрестности Таласа. Фото М. Никифорова
Moon setting in the form of a «boat» on May 9, 2024 in the vicinity of Talas. Photo by M. Nikiforov*

В таблице приведено помесечное количество осадков, выпадающих в разных населенных пунктах Киргизии. Каждому пункту соответствуют два столбца. В первом столбце приведены абсолютные показатели значения осадков, а во втором — эти же значения, выраженные в относительных единицах. То есть минимальное количество осадков берется за 0, максимальное — за 1, и все значения пересчитываются в проценты. Разделим этот отрезок на три части: значения от 0 до 33% будем считать засуш-

ливый периодом, свыше 67% — дождливым, а промежуточные — умеренным. Таким образом, второй столбец позволяет оценить число осадков для отдельной территории, когда там их выпадает много, а когда мало.

Среднемесячные нормы выпадения осадков разных локациях Кыргызстана
[Сост. по: Научно-прикладной справочник, 1979: 204–205]
Average monthly precipitation rates in different locations of Kyrgyzstan
[Compiled by: Scientific and Applied Handbook, 1979: 204–205]

№	Бишкек		Талас		Чолпон-Ата		Нарын		Ош		Дарот-Коргон	
	мм	отн	мм	отн	мм	отн	мм	отн	мм	отн	мм	отн
1	23	16,9	13	7,0	10	6,3	12	2,3	35	55,4	32	62,5
2	27	23,7	18	18,6	8	0,0	13	4,5	40	64,3	31	60,0
3	45	54,2	35	58,1	18	31,3	21	22,7	60	100,0	37	75,0
4	72	100,0	53	100,0	19	34,4	32	47,7	45	73,2	30	57,5
5	64	86,4	53	100,0	28	62,5	55	100,0	40	64,3	47	100,0
6	39	44,1	33	53,5	32	75,0	52	93,2	17	23,2	36	72,5
7	20	11,9	19	20,9	37	90,6	41	68,2	8	7,1	25	45,0
8	13	0,0	11	2,3	40	100,0	22	25,0	4	0,0	10	7,5
9	16	5,1	10	0,0	26	56,3	17	13,6	5	1,8	7	0,0
10	36	39,0	24	32,6	18	31,3	14	6,8	31	48,2	12	12,5
11	37	40,7	26	37,2	14	18,8	13	4,5	39	62,5	17	25,0
12	27	23,7	18	18,6	8	0,0	11	0,0	29	44,6	25	45,0
Σ	419	—	313	—	258	—	303	—	353	—	309	—

Примечание: № — порядковый номер месяца в году; «3, 4, 5» — номера месяцев, в которые Луна заходит в виде «лодочки»; Σ — общее годовое количество осадков. Цвета: белый — засушливый период с малым количеством осадков, серый — период с умеренным количеством осадков, темно-серый — дождливый период с максимальным числом осадков.

Сопоставление месяцев № 3, 4 и 5 (март — май), когда Луна заходит в виде «лодочки», с реальными максимумами осадков показывает, что в целом примета имеет под собой основания. По сути, она указывает на то, что основная часть осадков должна выпасть весной, что выполняется для локаций Бишкека, Таласа, Оша и Кызыл-Джара (Джалалабадская область), который в данной таблице отсутствует. При этом в Алайской долине (Дарот-Коргон) дождливый период растянут во времени, в Нарыне он смещен на месяц, а для Иссык-Кульской области (Чолпон-Ата) эта закономерность не наблюдается. Этот регион, окруженный с севера, востока и юга кольцом гор, имеет свой микроклимат, при котором максимум осадков приходится на лето. При этом климат Иссык-Кульской области, судя по средним значениям общегодовых осадков, является самым сухим среди всех регионов. В абсолютном выражении максимум осадков на Ис-

сык-Куле соответствует умеренному количеству осадков в других регионах, и, возможно, поэтому он не так заметен.

Таким образом, в ряде регионов существует тенденция, позволяющая связывать заход Луны в форме «лодочки» с дождливой погодой. Однако между этими двумя событиями нет прямой причинно-следственной связи. С одной стороны, в весеннее время Луна заходит в форме «лодочки», а с другой — во многих регионах именно весной выпадает максимальное количество осадков. Вероятно, эта примета возникла из астрономических наблюдений, когда Луна, имеющая приметную форму, была связана с дождливой погодой.

Предсказание погоды по фазам Луны. Современная наука не находит связи между фазами Луны и погодой. Более того, это противоречит повседневному опыту современного человека, далекого как от наблюдений за погодой, так и от астрономии. Если бы такая связь существовала, то каждые 29,5 дня (период смены лунных фаз) по всему миру повторялась бы одна и та же погода. Тем не менее в народной памяти сохранились представления, что погода портится в новолуние (№ 14) и в полнолуние (№ 15, № 16).

№ 14. Во время новолуния всегда изменяется погода, начинается дождь или дует сильный ветер (Бат-104).

№ 15. В полную Луну изменяется погода. Наши предки время определяли по Луне (Иск-45).

№ 16. Когда садится полная Луна, то это называется «ай арасы», при этом погода всегда портится (Ош-88).

№ 17. Раньше во время полнолуния не выходили в дорогу, считалось, что это плохая примета (Нар-32).

Примета № 17 напрямую не связана с предсказанием погоды, но перекликается по смыслу с приметами № 15 и № 16. Возможно, запрет на выход в дорогу был связан с ухудшением погоды. В связи с этим интересна примета П-11, поскольку третий день до новолуния соответствует самому новолунию, что перекликается с приметой № 14. Однако, к сожалению, нам не известно, к какой территории она относится.

П-11. За три дня до рождения Луны всегда бывает перемена погоды [Жарков, 1954: 28].

Таким образом, согласно народным приметам, погода ухудшается как в новолуние (при соединении Луны и Солнца), так и в полнолуние (когда Луна находится в противостоянии с Солнцем). Причины возникновения этой приметы пока остаются неясными.

Предсказание погоды по тогоолам. *Тогоол* (кирг.) — соединение Луны с другими небесными телами. Луна, обладая самым быстрым видимым движением среди небесных тел, примерно за 27,3 суток совершает полный оборот по эклиптике, возвращаясь к одним и тем же звездам. Хотя современная наука не признает влияния соединений Луны со звездами на погоду, народные представления киргизов говорят об обратном.

Тогоолы Луны и Уркур. Наиболее распространено представление о том, что соединение Луны и Уркур (Плеяд) всегда приводит к ухудшению погоды и дождям (Иск-34,

Чуй-57, Ош-75, Ош-79, Ош-88). Б.А. Куфтин отмечает еще одну интересную деталь. Если Луна проходит ниже Плеяд или непосредственно через них, то нужно ожидать ветер, дождь и бураны, а если Луна пройдет выше Плеяд, то зимой будет мороз, а летом — ясная погода [Куфтин, 1916: 131]. Там же, со ссылкой на А. В. Смоленского, он упоминает о существовании аналогичной приметы у чувашей, что расширяет ареал ее распространения. В книге Л. И. Горбаня, посвященной приметам украинцев, мы нашли больше деталей чувашских примет, связанных с Плеядами.

П-12. Если [Плеяды] пройдут выше Луны, то в этот год все лето будет ясно, ниже — дождь.

П-13. Если Плеяды пройдут ниже Луны, летом будет ненастье, и через Луну — ненастье; если выше Луны — ясно [Горбань, 1990: 11].

Отметим, что в действительности прохождение Луны над Плеядами наблюдается достаточно редко. Наклон лунной орбиты к эклиптике составляет $5^{\circ} 08'$, видимый диаметр Луны примерно равен $30'$, а эклиптическая широта самой «северной» звезды характерного ковша Плеяд — Тагейты (19 Тау) равна $4^{\circ} 31'$. Несложно рассчитать, что в крайнем положении Луна пройдет всего в $22'$ к северу от Тагейты. Если же условный «геометрический центр» Плеяд, то Луна будет проходить выше него примерно в течение 1 года раз в 18 лет.

Следовательно, если строго следовать этой примете, придется ожидать 17 дождливых лет и лишь один год с ясной погодой. Заметим, что даже в течение года «с ясной погодой» наблюдать ежемесячные прохождения Луны над Плеядами тоже не получится. Около трети таких событий происходят в светлое время суток, а кроме того, в ряде случаев может помешать погода. Возможно, по этой причине примета была упрощена до того, что каждый тогоол Луны с Плеядами приводит к плохой погоде.

Тогоолы Луны и Жетиген. В одной из предыдущих работ [Дубова и др., 2024] мы упоминали народного астронома-эсепчи Шаршеналы Черекчиева (Нар-19) из Эки-Нарына, который уже много лет выпускает для своего села лунно-звездные календари, основанные на тогоолах Луны и Плеяд (Уркур). При этом мы не упомянули, что в его календарях содержатся предсказания дождливой погоды, основанные на соединениях Луны и Жетиген. Точнее предсказания приведены только для 2019 г. и первых месяцев 2020 г., которые содержатся в календаре на 2019 г. В таблицах на другие годы есть соответствующие графы, но даты соединений Луны и Жетиген в них не указаны. Однако сам факт существования таких предсказаний представляет значительный интерес.

Во-первых, в календарях Ш. Черекчиева соединения Луны и Плеяд отмечают лишь начало нового месяца, но не используются для предсказания погоды. Это само по себе важно, поскольку может указывать на иную традицию предсказания погоды. Во-вторых, не вполне ясно, как может происходить соединение Луны и Жетиген. В Киргизии под словом «Жетиген» понимают созвездия Большой и Малой Медведицы, иногда уточняя: «Чон Жетиген» (Большая Медведица) и «Кичи Жетиген» (Малая Медведица). Кроме того, в народной памяти сохранились представления о влиянии Медведиц на погоду:

№ 18. Если сближаются головы Чон и Кичи Жетиген, то год будет хорошим и урожайным, а если сближаются их хвосты, то будет беда. Мой отец определял погоду по Жетиген (Чуй-58).

Разумеется, сами звезды неподвижны относительно друг друга, но этот пример показывает, что предсказания погоды, основанные на наблюдениях за Жетиген, действительно существовали. Возвращаясь к вопросу о соединениях Луны и Жетиген, следует отметить, что оба созвездия находятся далеко от эклиптики, и Луна не может с ними сближаться. Возможно, речь идет о проекции Жетиген на эклиптику. С учетом протяженности этих созвездий такая проекция охватит огромный участок эклиптики: от созвездия Близнецов (проекция Полярной звезды, α УМи) до восточной границы созвездия Льва (проекция η УМа).

Однако, зная из календаря 2019 г. даты соединений Луны и Жетиген, мы можем определить, что участок эклиптики, в котором находится Луна в эти дни, соответствует созвездиям Близнецов и Рака. Этот участок лучше всего соответствует проекции Малой Медведицы на эклиптику, хотя это может быть и случайным совпадением. Наконец, мы обнаружили еще одно интересное свидетельство о звезде, с которой связывают дожди.

№ 19. Есть яркая белая звезда «Теджибут» (теджи — конфликт, бут — нога) из-за которой может идти дождь. Она расположена к востоку от Уркур, примерно на одном с ним уровне. Слово «Теджибут» можно перевести как «конфликтный человек». Если пошел сильный дождь, считается, что Теджибут догнал Уркур (Нар-20).

На роль «Теджибута» вполне подходят яркие звезды α или β Близнецов, которые расположены к востоку от Плеяд, примерно на одном с ними уровне. Кроме того, их положение соответствует проекции Малой Медведицы на эклиптику. Разумеется, эти звезды не могут догнать Плеяды, но в этом представлении отражена тема преследования, связанная с суточным вращением неба. Наконец, эта легенда интересна и тем, что также связывает Плеяды с дождями.

Подводя итог, из календаря Ш. Черекчиева можно сделать однозначный вывод лишь о существовании следующей приметы: когда Луна находится в области созвездий Близнецов и Рака, следует ожидать дождей. Все остальные рассуждения — это попытка синтеза некоего единого образа, существовавшего в культуре, на основе частично пересекающихся по смыслу свидетельств.

Тогоолы Луны и Сары-жылдыз. Еще одно соединение, предвещающее ненастную погоду, — это соединение Луны и Юпитера. Об этой примете нам сообщили информанты (Нар-17, Нар-19, Нар-21, Нар-23, Нар-24, Ош-75, Ош-76). Приведем наиболее подробное свидетельство (Нар-17).

№ 18. Когда Луна и Сары-жылдыз соединяются, то три дня идут дожди. Но если они расходятся, погода будет хорошей (Нар-17).

Это описание интересно тем, что соединение (совпадение эклиптических долгот) Луны и Юпитера не обязательно приводит к дождю. В этом смысле оно отчасти напоминает предсказание погоды по Плеядам. Остальные информанты этого не упоминают, утверждая, что встреча этих светил всегда приводит к дождю.

С астрономической точки зрения ситуация ясна. Наклон орбиты Юпитера к эклиптике составляет $1,35^\circ$, наклон орбиты Луны — примерно 5° , поэтому Луна может проходить как севернее, так и южнее Юпитера. Покрытия Луной Юпитера происходят довольно редко, однако и сближения, при которых Луна проходит в 1° (или на расстоянии двух лунных диаметров) от Юпитера, могли считаться соединением (тогоолом).

Теоретически здесь мог работать тот же принцип, что и с формой заходящего лунного серпа: «лодочка», «серп» или промежуточное положение. Аналогично можно рассуждать и о соединении: чем ближе объекты, тем больше вероятность дождя; чем дальше — тем меньше.

Тогоолы Луны с «желтыми» звездами. По мнению информанта Бат-103, соединение Луны и Чолпон (Венеры) приводит к дождям. Поскольку это сообщение единичное, можно предположить, что оно содержит ошибку, и на самом деле речь идет не о Венере, а о Юпитере. Однако есть еще одно свидетельство, которое, возможно, позволит объединить все предыдущие приметы.

№ 19. Когда Луна сближается с белыми звездами, погода будет хорошей, а когда с желтыми — дождливой (Ош-74).

Луна может сближаться со звездами, которые находятся в полосе $\pm 5^\circ$ от эклиптики, однако человеческий глаз может видеть цвет только самых ярких звезд с блеском до $0,5^m \div 1^m$ и показателем цвета $|B - V| = 0,5^m \div 1,0^m$, который соответствует желтым и желто-оранжевым. Все остальные, более тусклые звезды, независимо от их реального цвета, человеческий глаз воспринимает как белые. Однако в указанной полосе эклиптики нет подходящих звезд. Поэтому единственными кандидатами на роль «желтых звезд» остаются планеты, среди которых наиболее заметны Венера и Юпитер.

Предсказание погоды по движению планет. В работе [Алимбай и др., с. 182] приводится предсказание погоды по движению Юпитера. Точно такую же примету нам сообщил информант.

Иск-42. По положению Юпитера на зимнем небосклоне казахи могли предсказывать погоду. Если Юпитер на востоке и поднимается вверх, то казахи ожидали морозную погоду, а если спускается вниз, то теплую.

На первый взгляд, эта примета может показаться лишённой смысла, однако она имеет достаточно простое толкование. Разумеется, все светила восходят в восточной части горизонта, поэтому слово «если» относится к дальнейшему перемещению планеты по небу. Когда Юпитер движется по зодиакальным созвездиям северной части эклиптики (Телец, Близнецы, Рак), то при суточном вращении неба он поднимается вы-

соко над горизонтом. В том случае, если Юпитер находится в южных созвездиях эклиптики (Скорпион, Стрелец, Козерог), он поднимается не так высоко.

Далее из описания приметы следует, что для ее выполнения сначала планету необходимо наблюдать на востоке, вблизи горизонта. Такое наблюдение возможно либо сразу после захода Солнца (когда Юпитер и Солнце находятся в противостоянии), либо позже — от полуночи до утра. С другой стороны, Юпитер не должен быть виден утром, непосредственно перед восходом Солнца, иначе будет нарушено другое условие приметы. Наблюдатель должен сначала заметить появление планеты на востоке, а затем проследить ее перемещение, чтобы определить траекторию. Согласно примете она может «подниматься» по высокой траектории или «опускаться вниз» и пойти по низкой траектории. Очевидно, что для этого требуется 4–6 ч., в течение которых планета опишет достаточно протяженную дугу. Следовательно, эта примета применима, когда Юпитер и Солнце находятся примерно в противостоянии, или через 1–2 месяца после него.

В этом случае примета легко объяснима. Когда Юпитер, наблюдаемый на востоке, «поднимается», он находится в северной части эклиптики, а Солнце в это время движется по созвездиям южной части, что соответствует зимнему периоду. Если же Юпитер, наблюдаемый на востоке, «опускается», он движется по южным созвездиям эклиптики, а Солнце — по северным, что соответствует летнему периоду.

Эти рассуждения показывают, что с точки зрения предсказания погоды данная примета не несет особой смысловой нагрузки: очевидно, что зимой холодно, а летом жарко. Более того, примета останется справедливой и при замене Юпитера на Сатурн. Период обращения Сатурна вокруг Солнца составляет 27 лет против 12 лет у Юпитера. Следовательно, перемещение Сатурна по эклиптике будет более медленным, и связь с сезонами — менее явной.

Вероятнее всего, данная примета предсказания погоды появилась из астрономических практик наблюдения за небесными объектами. Когда Юпитер находится в противостоянии с Солнцем, то на широте Киргизии зимой он движется по высокой дуге, поднимаясь до 70°, а летом — по более низкой, на высоте 25–30°. Впоследствии астрономический смысл этих наблюдений был утрачен, и они трансформировались в примету о погоде.

Предсказания погоды по неастрономическим приметам. Достаточно распространено прогнозирование погоды по направлению ветра. Западный ветер, приносящий влагу с Атлантики, в большинстве случаев приводит к дождям, а при восточном ветре устанавливается ясная погода (Иск-43, Ош-70, Ош-89, Бат-92, Тал-115). Таким образом, эта примета имеет научное обоснование.

Метеозависимые люди утверждают, что могут предсказать ухудшение погоды за 1–2 дня по боли в суставах (Чуй-57, Ош-66, Бат-91). По мнению информантов (Иск-42) и (Ош-76), если бодаются бараны, то вскоре будет дождь. Последняя примета выглядит несколько неправдоподобно, но, возможно, повышенная агрессивность животных вне брачного периода объясняется метеочувствительностью.

Есть примеры, связанные с наблюдениями за живой природой, точность которых оценить сложно. Если листья тополя начинают опадать снизу, зима будет холодной,

а если сверху — теплой (Ош-70, Ош-80, Тал-117). Если муравьи строят высокий муравейник, зима будет холодной, а если плоский — теплой (Ош-70). В целом обе приметы представляются правдоподобными.

Оценка надежности примет. Оценим надежность каждой из шести категорий примет. Их можно условно разделить на три группы.

К первой группе отнесем приметы, по которым действительно можно предсказывать погоду. Сюда относятся оптические и атмосферные эффекты и наблюдения за ветром и живой природой. В целом эти приметы имеют научное обоснование и пригодны для прогнозирования. Поскольку разные атмосферные процессы могут иметь схожие внешние проявления, прогноз, основанный только на одной примете, не всегда точен. Для этих примет характерна возможность и обратного предсказания. Например, если Солнце затуманено, вокруг него появилось гало, а у метеозависимого человека заболели суставы, то погода, вероятно, ухудшится. Обратным предсказанием будет предупреждение синоптика о том, что приближение дождя может сопровождаться появлением тонкой пелены облаков и гало, а также ухудшением самочувствия у метеозависимых людей.

Ко второй группе отнесем приметы, позволяющие предсказывать погоду лишь условно, поскольку для них невозможно обратное предсказание. К этой группе относятся предсказания, основанные на ориентации заходящего серпа Луны и движении планет. Для первого признака (ориентация серпа Луны) можно найти регионы, где максимум осадков приходится на весну, когда Луна заходит в виде «лодочки», — в этом случае примета подтверждается. Однако таблица отражает лишь средние многолетние тенденции по количеству осадков, и всегда возможны отклонения в сторону изменения количества осадков. В отдельные годы месяц может быть дождливым, но форма заходящей Луны при этом не изменится. Эти приметы интересны тем, что основаны на многолетних астрономических наблюдениях и свидетельствуют о том, что киргизы регулярно наблюдали за движением Луны и планет.

К третьей группе относятся приметы, связанные с фазами Луны и соединениями (*тогоолами*), которые не позволяют предсказывать погоду, поскольку не существует физических законов, связывающих эти явления. В этих приметах причинно-следственная связь отсутствует. По фазе Луны или ее соединению с другими небесными телами нельзя сделать точный прогноз погоды. И наоборот: плохая погода не означает, что Луна находится в определенной фазе или в соединении с каким-либо светилом. Любые совпадения носят случайный характер. Тем не менее приметы, связанные с соединениями (*тогоолами*) и фазами Луны, существуют.

Можно предположить, что происхождение таких примет связано не с физическими явлениями, а с религиозно-мировоззренческими представлениями, а именно — с тенгрианством, где Солнце, Луна, планеты и звезды считаются богами, а их сближение могло восприниматься как конфликт, приводящий к изменению погоды.

Наиболее заметными «конфликтами» являются новолуния — соединения Луны и Солнца, когда Луна не видна, и полнолуния, когда Луна и Солнце находятся в противостоянии. В новолуния иногда происходят солнечные затмения, а если наблюдатель находится вблизи полосы полного затмения, то во время него заметны изменения по-

годных условий — похолодание, поднимается ветер. Лунные затмения менее эффективны, но наблюдаются гораздо чаще. Если наша интерпретация верна, то в этих приметах заложено эмпирическое знание о том, что затмения могут происходить только в новолуния или в полнолуния. Кроме того, что наблюдатель может пропустить затмение по причине плохой погоды или неподходящего времени суток, когда затмеваемый объект находится под горизонтом. Возможно, именно поэтому новолуниям и полнолуниям приписывали неблагоприятное влияние на погоду, независимо от того, наблюдалось затмение или нет.

Аналогичным образом можно объяснить и приметы, связанные с соединениями Луны с Плеядами, другими звездами и планетами. Разница в том, что в ряде случаев сближение объектов может быть недостаточно близким, что дает возможность по-разному интерпретировать примету в случае неудачного прогноза. Например, Луна могла пройти на значительном расстоянии от Юпитера, но если погода ухудшалась, это расстояние считалось «недостаточным» для хорошей погоды и прогноз пересматривался. Примером такой адаптации служит мнение, что летом, в сухой сезон, погоду по соединениям Луны и Плеяд не определяют (ДжА-113). Это является примером того, как неработающая примета приспосабливается к реальным условиям.

В целом, как показывает практика, обычный человек, используя одну-две приметы, чаще делал удачные прогнозы, чем ошибался. Для точных прогнозов необходим системный подход и постоянные наблюдения за природой, чем и занимались *эсенчи*. Таких людей было немного, и поэтому они всегда высоко ценились.

Попытки оказания влияния на погоду

Древней религией киргизов является тенгрианство, согласно которому небесный и земной миры взаимосвязаны. Это предполагает не только влияние небесного мира на земной, но и возможность обратного воздействия. Особенно важной для повседневной жизни была возможность влиять на погоду.

Наиболее распространенным способом влияния на погоду был киргизский обряд *тулэ/тилэ* (в северо-восточных регионах) или *кудай* (в юго-западных). Для этого люди собирались, читали молитву и приносили в жертву животное (барана или корову), мясо которого затем готовили и съедали. В прежние времена собирались всем селом и совместно покупали несколько животных. Сейчас чаще собираются небольшими группами по 30–40 человек, и для проведения обряда достаточно одного барана. Смысл жертвоприношения заключался в обращении с просьбой. В случае засухи просили дождя, а в случае затяжных дождей — ясной погоды. Ежегодно *тулэ/кудай* проводят перед началом полевых работ, а затем — по мере необходимости.

Помимо распространенного обряда жертвоприношения, существовали и другие способы вызова дождя. Например, информант Бат-97 рассказал о следующем обычае вызова дождя. Делали женское чучело, которое обливала водой женщина. Затем первую женщину обливала вторая, вторую — третья, и так далее. Сведений об эффективности этого метода не сохранилось, но он, по-видимому, уступал обряду *тулэ/кудай*, поскольку применялся только при засухе.

Существовали и способы повлиять на погоду, призванные улучшить ее. Информант Ош-89 рассказывал, что, когда они жили в юрте, в пасмурную погоду его бабушка до-

ставала из печки горячую кочергу и трижды тыкала ею в направлении едва пробивавшегося сквозь облака солнечного диска, чтобы разогнать тучи.

Возможно, в прошлом таких обычаев было больше, но со временем они унифицировались, и наиболее распространенным стал обряд *тулë/кудай*. Одной из причин этого могла стать исламизация: обряд *тулë/кудай* внешне напоминает исламское жертвоприношение и поэтому легко вписался в новую религиозную практику.

Народные предсказатели погоды

До сих пор в каждом районе Киргизии есть люди, которые занимаются счислением времени по народному киргизскому календарю, собирают народные астрономические знания или предсказывают погоду, используя традиционные методы. Сбор астрономических знаний, составление календаря и предсказание погоды тесно связаны, но представляют собой разные виды деятельности. В зависимости от личных предпочтений человек может заниматься одним из этих направлений, двумя или всеми сразу. Поскольку все эти занятия связаны с наблюдением за небом и небесными телами, в народе таких людей называют *эсепчи*.

Ранее мы упоминали об *эсепчи* Ш. Черекчиеве (Нар-19), который, путешествуя по Киргизии по работе, собирал информацию, касающуюся календарных вопросов. Его деятельность в большей степени связана с составлением лунно-звездных календарей и в меньшей — с предсказанием погоды. Предсказания погоды, которые он делает, основываются только на соединениях Луны и Жетиген и скорее являются дополнением к календарю.

Эсепчи Сейдали Азимов (Ош-81) из Алайской долины занимается счислением времени на основе лунно-солнечного календаря. Для этого он в течение многих лет фиксирует моменты восхода и захода Луны и Солнца, делая зарисовки. Параллельно он занимается предсказанием погоды, основываясь главным образом на цвете Солнца и Луны вблизи горизонта.

Туратбек Чульдуваев (ДжА-113) в основном занимается сбором и систематизацией народных астрономических знаний и относит себя к *джайчи* — так называют звездочетов в их местности. В его практике появление или исчезновение звезд в лучах зари позволяет даже при отсутствии календаря предсказывать важные для хозяйственной жизни события. Например, посевную нужно закончить до того времени, когда Плеяды зайдут за Солнце, для чего необходимо проведение астрономических наблюдений.

Что касается вопроса прогнозирования погоды, то наиболее известным предсказателем в этой области является Маматкадыр Шайбылдаев (Ош-89). Он хорошо известен в Кара-Куджанском районе Ошской области, и о нем знают далеко за пределами его села.

М. Шайбылдаев называет себя не звездочетом-*эсепчи*, а народным метеорологом — *табыркачи*, т. е. наблюдателем. Его методика основана на комплексе народных примет, систематизированных с учетом современных научных знаний, и на большом объеме собственных наблюдений. Систему предсказания погоды М. Шайбылдаев построил на иерархической четырехуровневой системе признаков, где прогноз формулируется на основе анализа нескольких факторов. В порядке убывания значимости эти признаки включают: 1) анализ направления и силы ветра; 2) наблюдения за растениями; 3) на-

блюдения за поведением животных; 4) приметы погоды, связанные с Солнцем и Луной (наличие гало, цвет зари и т.д.).

Наиболее важными являются признаки, основанные на силе и направлении ветра, которые подразделяются на «нормальные» и «аномальные». В его селе Кондук нормальным считается движение ветра с востока на запад ночью и рано утром (с горы в долину) и с запада на восток днем (из низовьев долины вверх на гору) вечером. Такое движение ветра обусловлено естественной конвекцией воздуха, любое другое направление ветра считается аномальным и предвещает ухудшение погоды. Большие объемы данных наблюдений за погодой и использование дополнительных примет, связанных с растениями, поведением животных и атмосферными явлениями, позволяют М. Шайбылдаеву делать очень точные прогнозы. Примечательно, что приметы, связанные с состоянием атмосферы, занимают в этой системе последнее по значимости место.

Заключение

Проведенный анализ показал, что из всех рассмотренных астрономических методов предсказания погоды практическую ценность имеют лишь те, которые основаны на оптических эффектах, характеризующих состояние атмосферы. Однако их прогностическая способность ограничена, и для повышения точности их следует использовать в комплексе с другими признаками.

Опыт народных метеорологов показывает, что для точных прогнозов необходим комплексный подход, основанный на учете множества признаков, упорядоченных по степени их влияния. Оценка значимости каждого признака проводится индивидуально для каждой местности на основе многолетних наблюдений. Как показывает практика, с этой задачей может справиться один человек, и точность его прогнозов в большинстве случаев будет сопоставима с результатами современных методов.

Приметы, основанные на *тогоолах*, не имеют прогностической ценности, но представляют интерес с точки зрения изучения тенгрианства. Подтверждение этой гипотезы могло бы дать ценную информацию о мировоззрении последователей этой религии. Другие приметы, связанные с формой захода Луны или движением Юпитера, свидетельствуют о том, что на территории Кыргызстана астрономические наблюдения велись с глубокой древности. Несмотря на ограниченную предсказательную силу некоторых примет, все они представляют собой ценный элемент культурного наследия киргизского народа.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена благодаря финансовой поддержке РНФ, проект № 22–18–00529–П

Acknowledgements and funding

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 22–18–00529–П

Приложение. Список информаторов из Киргизии
Application. List of informants from Kyrgyzstan

№	Фамилия, имя	Год рождения	Место проживания
Нар-16	Абдыласова Чынар	1963	Алыш
Нар-17	Аттокуров Камчыбек	1952	Алыш
Нар-19	Черекчиев Шаршенаалы	1945	Эки-Нарын
Нар-20	Оторобаев Бечимбай	1930	Таш-Башат
Нар-21	Курманалиев Толобек	1963	Таш-Башат
Нар-23	Султанов Тологон	1950	Каинды
Нар-24	Байгазиев Доолотбек	1956	Каинды
Нар-32	Абакирова Бейшебуу	1958	Кара-Булун
Нар-34	Куренкеева Социал	1932	Нарын
Иск-42	Мукамбетов Бажен	1932	Орто-Орюктю
Иск-43	МаксUTOва Элмира	1978	Орто-Орюктю
Иск-45	Кудайбердиев Айдар	1950	Саруу
Чуй-57	Ашыбаев Караг	1959	Такмок
Чуй-58	Абыпова Айшалан	1960	Такмок
Чуй-61	Улиева Азиза	1979	Байтик
Ош-66	Арзынкулов Муктамбек	1962	Гульча
Ош-70	Каримов Кочкомбай	1956	Гульча
Ош-74	Орозалиев Октам	1937	Кара-Кабак
Ош-75	Сатдыбалдиев Маамат	1940	Кара-Кабак
Ош-76	Кыргызбек Джаныбек	1960	Кашка-суу
Ош-77	Абыджамилев Бегаали	1958	Дарот-Коргон
Ош-79	Акманов Оман	1951	Жар-Баши
Ош-80	Суюндунов Алитдин	1964	Кызыл-Алай
Ош-81	Азимов Сейдали	1955	Дарот-Коргон
Ош-85	Кабатбаева Батима	1948	Токбай-Талаа
Ош-88	Кудайкулов Мамат Муса	1952	Токбай-Талаа
Ош-89	Шайбылдаев Маматкадыр	1955	Кондук
Бат-91	Насиров Майдун	1940	Кулунду
Бат-92	Абдуллаева Гулаим	1966	Интернациональное
Бат-97	Маматов Мирали	1988	Чемген
Бат-101	Байджигитов Камал	1928	Уч-Добо
Бат-104	Аватов Абдубай	1953	Ак-Татыр
Бат-106	Нурматова Уркуя	1953	Баткенск. обл
Бат-107	Нурматова Хонима	1960	Баткенск. обл
ДжА-110	Насыров Актамбек	1952	Чегир
ДжА-113	Чульдуваев Туратбек	1952	Ак-Джол
Тал-115	Осомбеков Кыштобай	1939	Калба
Тал-117	Кулаибаева Айнагур	1980	Чимгент

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абишев Х. Элементы астрономии и погода в устном народном творчестве казахов. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1949. 31 с.
- Алимбай Н., Муканов М. С., Аргынбаев Х. Традиционная культура обеспечения казахов. Очерки теории и истории. Алматы: Гылым, 1998. 234 с.
- Байбосунов А. А. Донаучные представления киргизов о природе. Фрунзе: Мектеп, 1990. 164 с.
- Горбань Л. И. Народный календарь погоды. Київ. 1990. 110 с.
- Дубова Н. А., Кадырбекова Т. К., Никифоров М. Г. Звездный календарь киргизов // Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 246–262.
- Жарков С. Н. Народные приметы и предсказания погоды. М.: Учпедгиз, 1954. 167 с.
- Касперски К. Энциклопедия примет погоды. Предсказание погоды по местным признакам. М.: Солон-Пресс, 2003. 112 с.
- Куфтин Б. А. Календарь и первобытная история киргиз-казацкого народа // Этнографическое обозрение. 1916. № 3–4. С. 123–150.
- Научно-прикладной справочник по климату СССР. Серия 3. Многолетние данные. Киргизская ССР. Л.: Гидрометеиздат, 1989. Ч. 1–6. Вып. 32. 375 с.
- Плиний. Естественная история. Кн. 17, 18. Рязань: Александрия, 2009. С. 249–381.
- Поярков Ф. В. Каракиргизские легенды, сказки и верования. Пишпек: б/и, 1899. 42 с.
- Ptolémée С. Appartions des fixes stars et annonces [Фазы неподвижных звезд] // L'abbé Halma М. Traduites du grec de Ptolémée [Аббат Хальма М. Переводы с греческого языка Птолемея]. Paris: De l'imp. de J.-M. Eberhardt, impr, du College Royal de France, 1816. (на фр. яз).

References

- Abishev Kh. *Ehlementy astronomii i pogoda v ustnom narodnom tvorchestve kazakhov* [Elements of astronomy and weather in Kazakh oral folk art]. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1949, 31 p. (in Russian).
- Alimbai N., Mukanov M. S., Argynbaev Kh. *Traditsionnaya kul'tura obespecheniya kazakhov. Oчерki teorii i istorii* [Traditional welfare culture of Kazakhs. Essays on theory and history]. Almaty: Gylym., 1998, 234 p. (in Russian).
- Baibosunov A. A. *Donauchnye predstavleniya kirgizov o prirode* [The pre-scientific ideas of the Kyrgyz about nature]. Frunze: Mektep, 1990, 164 p. (in Russian).
- Gorban' L. I. *Narodnyi kalendar' pogody* [National weather calendar]. Kiiв [Kiev]. 1990, 110 p. (in Russian).
- Dubova N. A., Kadyrbekova T. K., Nikiforov M. G. *Zvezdnyi kalendar' kirgizov* [Kyrgyz Star Calendar], *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. 2024, no. 2, pp. 246–262 (in Russian).
- Kasperski K. *Entsiklopediya primet pogody. Predskazanie pogody po mestnym priznakam* [Encyclopedia of global weather. Weather prediction based on local signs]. Moscow: Solon-Press, 2003, 112 p. (in Russian).

Kuftin B. A. Kalendar' i pervobytnaya istoriya kirgiz-kazatskago naroda [Calendar and the primitive history of the Kyrgyz-Cossack people]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 1916, no. 3–4, pp. 123–150 (in Russian).

Nauchno-prikladnoi spravochnik po klimatu SSSR. Seriya 3. Mnogoletnie dannye. Kirgizskaya SSR [Scientific and applied handbook on the climate of the USSR. Series 3. Long-term data. Kirghiz SSR]. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1989, pt. 1–6, iss. 32, 375 p. (in Russian).

Plinii. *Estestvennaya istoriya. Knigi 17, 18* [Natural history. Books 17, 18]. Ryazan': Aleksandriya, 2009, pp. 249–381 (in Russian).

Poyarkov F. V. *Karakirgizskie legendy, skazki i verovaniya* [Karakirgiz legends, fairy tales and beliefs]. Pishpek: without a publisher, 1899, 42 p. (in Russian).

Zharkov S. N. *Narodnye primety i predskazaniya pogody* [Folk signs and weather predictions]. Moscow: Uchpedgiz, 1954, 167 p. (in Russian).

Ptolémée C. Appartions des fixes stars et announces [Phases of fixed stars]. *L'abbé Halma M. Translations from the Greek of Ptolemy* [The Abbot Halma M. Translated from the Greek of Ptolemy]. Paris: De l'imp. de J.-M. Eberhardt, impr, du College Royal de France, 1816 (in French).

Статья поступила в редакцию: 10.06.2025

Принята к публикации: 04.11.2025

Дата публикации: 31.03.2026

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 394

DOI 10.14258/nreur(2026)1-10

О. В. Пелевина

Амурский государственный университет, Благовещенск (Россия)

ОБРАЗ ЖИЗНИ И ТРАДИЦИИ РУССКИХ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЛАНДШАФТА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ПОРУБЕЖЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИКАЦИЙ А. В. КИРИЛЛОВА)

В статье поднимается проблема изучения религиозного ландшафта дальневосточного порубежья. Теоретическая часть исследования базируется на работах специалистов в области ландшафтоведения и на концептуальных положениях по теме фронта. При подготовке статьи использовалась также литература, связанная с ключевыми этапами переселения и обустройством русских в Приамурье. Источниками исследования послужили опубликованные статьи, книги, дневниковые заметки первого амурского краеведа А. В. Кириллова.

В заключении сформулированы несколько положений относительно специфики формирования религиозного ландшафта дальневосточного порубежья. Он формировался с учетом этноконфессионального разнообразия переселенцев и местного населения. Понятие «религиозный ландшафт» коррелирует с понятием «религиозная ситуация», при изучении религиозного ландшафта обращается внимание на преобразование окружающего пространства с учетом религиозного мировоззрения и обрядовой деятельности верующих индивидов и групп. Русские переселенцы в середине XIX в. в условиях фронта встречали сакральные топосы местных народов и приступали к ландшафтным преобразованиям с учетом собственных традиций. Помимо возведения церквей, которые становились маркером присутствия русского православия в регионе, адаптация к новому месту осуществлялась через воспроизводство обрядо-

вых действий, усвоенных от предков. Ритуальная деятельность способствовала осмыслению новой среды жизни как «своей», делала ее более понятной, безопасной.

Ключевые слова: русские, православие, обрядовая деятельность, религиозный опыт предков, дальневосточное порубежье, религиозный ландшафт, традиции, крестьяне, казаки

Цитирование статьи:

Пелевина О. В. Образ жизни и традиции русских в процессе формирования религиозного ландшафта дальневосточного порубежья (по материалам публикаций А. В. Кириллова) // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 1. С. 178–201. DOI 10.14258/nreur(2026)1–10

Пелевина Ольга Викторовна, кандидат философских наук, доцент, декан факультета международных отношений Амурского государственного университета, Благовещенск (Россия). **Адрес для контактов:** olpelevina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5095-4203>

O. V. Pelevina

Amur State University, Blagoveshchensk (Russia)

LIFEWAY AND TRADITIONS OF RUSSIANS IN THE PROCESS OF FORMING THE RELIGIOUS LANDSCAPE OF THE FAR EASTERN FRONTIER (BASED ON THE MATERIALS OF PUBLICATIONS OF A. V. KIRILLOV)

The article raises the problem of studying the religious landscape of the Far Eastern Frontier. The theoretical part of the study is based on the works of landscape science specialists and on conceptual provisions on the topic of the frontier. Also, when preparing the article, literature related to the key stages of resettlement and settlement of Russians in the Amur region was used.

The sources of the study were published articles, books, and diary notes of the first Amur regional historian A. V. Kirillov.

In conclusion, several provisions are formulated regarding the specifics of the formation of the religious landscape of the Far Eastern borderland. The religious landscape of the Far Eastern borderland was formed taking into account the ethno-confessional diversity of settlers and the local population. The concept of “religious landscape” correlates with the concept of “religious situation”; when studying the religious landscape, it is worth paying attention to the transformation of the surrounding space taking into account the religious worldview

and ritual activities of believing individuals and groups. Russian settlers in the mid-19th century in the conditions of the frontier encountered the sacred topoi of local peoples and began landscape transformations taking into account their own traditions. In addition to the construction of churches, which became a marker of the presence of Russian Orthodoxy in the region, adaptation to a new place was carried out through the reproduction of ritual actions learned from ancestors. Ritual activity contributed to the understanding of the new living environment as “one’s own”, made it more understandable and safe.

Keywords: Russians, Orthodoxy, ritual activity, religious experience of ancestors, Far Eastern borderland, religious landscape, culture, traditions, peasants, Cossacks

For citation:

Pelevina O. V. Lifeway and traditions of Russians in the process of forming the religious landscape of the Far Eastern frontier (based on the materials of publications of A. V. Kirillov). Nations and Religions of Eurasia. 2026. Т. 31, № 1. P. 178–201. DOI 10.14258/nreur(2026)1–10

Pelevina Olga Viktorovna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Dean of the Faculty of International Relations, Amur State University, Blagoveshchensk (Russia). Contact address: olpelevina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5095-4203>

Введение

Переселение русских на Дальний Восток России во второй половине XIX в., безусловно, оказало влияние на развитие религиозного ландшафта дальневосточного побережья. Русские переселенцы, будучи носителями привычных им культурных и религиозных традиций, встречали на Дальнем Востоке новые варианты материальной и духовной культуры, которые представляли местные народы. Изучение религиозного ландшафта определенного региона, особенно в прошлом, является важной, но при этом непростой задачей. Появляется проблема достоверных источников. В контексте изучения религиозного ландшафта дальневосточного побережья большое значение имеют материалы периодических изданий. Особенно если авторы публикаций имели высокий уровень образования, широкий кругозор и отличались непредвзятостью суждений. К числу таких авторов относился один из первых амурских краеведов А. В. Кириллов. Особенности мировоззрения и вклад А. В. Кириллова в религиозоведческие исследования на территории Приамурья во второй половине XIX в. нами уже были описаны [Пелевина, 2024: 35–46]. Кратко напомним, что это был человек энциклопедических знаний, который занимался не только научно-педагогической работой, но был активным общественным деятелем, главой города Благовещенска на рубеже XIX–XX вв. Будучи уроженцем Архангельской губернии, получив фундаментальное образование в стенах Московской духовной академии, был направлен в качестве преподавателя латинского языка в г. Благовещенск. Обладая живым умом, активностью и любознательностью, А. В. Кириллов в своих публикациях обращался к описанию обычаев и традиций как местных народов, так и русских переселенцев.

В июле 1879 г. А. В. Кириллов совершил поездку из Благовещенска до Николаевска на пароходе «Шилка», во время которой вел подробные записи, представляющие большую этнографическую ценность. Позднее опубликовал их в «Сибирской газете» [Кириллов, 1882].

Опираясь на указанный источник, а также на обнаруженные дневниковые записи и публикации в других изданиях [Аргудяева, 2003: 129–142; Кириллов, 1882; 1894], реконструируем образ жизни и традиции русских переселенцев, которые они сохраняли на Дальнем Востоке. Обратим внимание на то, какие стороны материальной и духовной культуры у них менялись или сохранялись после переселения.

А. В. Кириллов имел прямое отношение к географическим исследованиям, в 1894 г. им был подготовлен «Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран» [Кириллов, 1894]. В целом для работ по географии Приамурья и Приморья А. В. Кириллов использовал методологические приемы, которые сохраняют актуальность и для современных исследований в области ландшафтоведения [Калуцков, 2008: 68–88]. Информацию А. В. Кириллов собирал при помощи наблюдений и интервью. Его описания носили системный, последовательный характер. Сначала исследователь подробно описывал местность, включая географическое положение, климатические условия, особенности речного бассейна, флоры, фауны. Затем переходил к описанию хозяйственной жизни, экономического состояния селения, внешнему виду и образу жизни людей, их материальной и духовной культуры.

Маршрут путешествия А. В. Кириллова в 1879 г. включал выход из Благовещенска и прибытие в Николаевск. На своем пути пароход «Шилка» последовательно делал остановки в китайском Айгуне, далее в российских казачьих станицах: Константиновской, Иннокентьевской, Раdde, Екатерино-Никольской, Пузино, Михайло-Семёновской. Далее А. В. Кириллов описал остановки и встречи с переселенцами из России в Хабаровке и Вятском селении. Недалеко от селения Тыр, на подходе к Николаевску, исследователь наблюдал тяжелые условия жизни рабочих приисков Тетюкова. Также были сделаны подробные описания гольдов и гиляков. Обратный путь не нашел отражения в публикациях.

Теоретические основы исследования

Изучение религиозного ландшафта носит междисциплинарный характер и связано с исследованиями географов, антропологов, историков, этнографов, религиоведов и других ученых. Понятие «религиозный ландшафт» генетически связано с понятием «культурный ландшафт» [Стрелецкий, <https://clck.ru/3ReYGu>]. Подробно анализ концепта культурного ландшафта в мировой культурной географии представлен в работах отечественных специалистов [Калуцков, 2008: 14–68; Стрелецкий, 2019: 48–78] и др. Отечественные ученые отмечают вклад немецких, французских, англо-американских исследователей в становление ландшафтоведения. В последней трети XX в. за рубежом начали развивать идеи гуманистической географии, что предполагало обращение к феноменологии и герменевтике. В этой области известны исследования автора концепции топофилии И Фу Туана [Митин, <https://clck.ru/3ReYF8>; Лавренова, 2023: 58–67]. Последовательность формирования эмпирических и теоретических основ геогра-

фии религии на базе религиоведческих дисциплин в западной научной традиции раскрыта в научной статье А. П. Забияко [Забияко, 2025: 172–185].

Отечественные ученые дореволюционного и раннесоветского периодов успешно проводили исследования в области ландшафтоведения синхронно со своими зарубежными коллегами, например В. Г. Богораз-Тан [Богораз-Тан, 1928: 9–10], подробнее об этом — И. А. Захаров, В. Н. Стрелецкий, С. А. Горохов [Захаров, 2020: 20; Стрелецкий, <https://clck.ru/3ReYGu>; Стрелецкий, Горохов, 2022: 378].

Среди отечественных исследователей понятие «религиозный ландшафт» активно используется в географических и религиоведческих исследованиях. Наряду с понятием «религиозный ландшафт» [Главацкая, 2008: 76–82; Дашковский, 2014; 2018: 129–142] используются понятия «конфессиональное пространство» [Захаров, 2020; Лопаткин, <https://clck.ru/3ReYEJ>; Сафронов, 2013: 87–100], «конфессиональное геопространство» [Горохов, 2014: 21–30], «религиозная геосистема» [Музалев, <https://clck.ru/3ReYFj>] «религиозное пространство», «сакральная география» [Громов, 2005: 11–12], «топография священного» [Забияко, 2012: 123–136] и иные производные от этих словосочетаний. Современные отечественные исследования географов в сфере изучения религиозной жизни восходят к исследованиям П. И. Пучкова [Пучков, 1975]. Среди современных географов вопросы религии изучают С. Г. Сафронов, С. А. Горохов, Р. В. Дмитриев, И. А. Захаров и другие исследователи. В географических исследованиях религиозный ландшафт чаще раскрывается с позиции физического присутствия религиозных индивидов или групп на определенной территории. Вместе с тем допускается существование так называемого внутреннего пейзажа, мысленного ландшафта пользователей [Калуцков, 2008: 72]. Для людей верующих это могут быть представления, связанные с мифологическими образами и сюжетами, присущими религиозной картине мира [Главацкая, 2008: 76–82; Громов, 2005: 11–12; Забияко, 2012: 123–136; Пелевина, 2024б: 114–123; Элиаде, 1994; и др.].

Отечественные религиоведы обращаются к проблеме интерпретации конфессионального пространства с позиции социологии религии [Лопаткин, <https://clck.ru/3ReYEJ>]. Разрабатывают теоретические основы исследования феномена религиозного ландшафта, комплексно изучают религиозный ландшафт в отдельных регионах России [Дашковский, 2014; 2018: 129–142; Дударенок, 2025: 151–169; Топчиев, 2019: 142–147; и др.]. Опыт и методика изучения религиозного ландшафта с учетом данных социологии и географии религии представлены в работе Е. А. Островской, Е. В. Алексеевой [Островская, Алексеева, 2018: 71–115].

Помимо теоретических подходов в области ландшафтоведения для раскрытия заявленной темы принципиальное значение имеют публикации, посвященные дальневосточному порубежью / фронтиру. Концептуальные положения по теме фронта представлены в публикациях А. П. Забияко [Забияко, 2016: 26–36], у него же — психологические типы, особенности этнического сознания [Забияко, 2009: 9–35]; бытовые и религиозные традиции русских переселенцев на Дальнем Востоке — в работе Ю. В. Аргудяевой [Аргудяева, 2011: 111–116], ключевые этапы переселения, обустройство русских в Амурской области — А. П. Забияко, Е. А. Конталева [Забияко, Конталева, 2023: 226–241].

Образ городских жителей дальневосточного порубежья второй половины XIX в.

Первый этап присутствия русских в Приамурье завершился Нерчинским договором 1689 г., по которому Россия утратила большую часть ранее приобретенных дальневосточных земель. Новый этап освоения Дальнего Востока русскими связан с серединой XIX в. После подписания Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров началось активное переселение подданных Российской империи на новоприсоединенные земли. Религиозный ландшафт Приамурья был маркирован сакральными топосами местных народов. Географы причисляют к сакральным топосам монастыри, кладбища и иные сакральные местоназвания, которые обладают собственными территориями [Калуцков, 2008: 109].

От истоков Амура до Нижнего Приамурья историками выявлены факты существования обрядово-символической деятельности, восходящие к периоду верхнего палеолита. Объекты природного происхождения местные народы наделяли сакральными смыслами. На территории региона широкое распространение получили наскальные изображения — петроглифы, которые были частью святилищ местных народов [Забяко, 2024].

Переселенцы середины XIX в. включались в религиозный ландшафт Приамурья, преобразовывали его в соответствии со своими религиозными представлениями. Будучи человеком русской православной культуры и совсем недавно переехав из Москвы в Благовещенск, А. В. Кириллов был чуток к объектам китайского религиозного ландшафта. В самом начале речного путешествия внимание исследователя привлекло китайское кладбище. *«Среди этой равнины то там, то сям, начали мелькать китайские деревушки, живописно выглядывая из-за зелени вековых дубовых рощей, уцелевших в силу обычая китайцев — украшать тенью деревьев, могилы предков»* [Кириллов, 1882: 365]. Первая большая остановка, которую сделал пароход «Шилка», была в китайском городе Айгуне. Религиозный ландшафт Айгуна был наполнен китайскими кумирнями, мечетью и школами, которые располагались вблизи культовых построек [Кириллов, 1882: 365].

Русские в описаниях А. В. Кириллова не были представлены как однородная общность. Ему доводилось общаться с местными представителями власти, православным духовенством, казаками, крестьянами, торговцами, рабочими приисков и другими людьми.

В ранних описаниях г. Благовещенска А. В. Кириллов делал акцент не на внешнюю среду, но интересовался самими людьми, их отношением к жизни; особенностями адаптации к дальневосточному краю. А. В. Кириллов приехал в Благовещенск в 1877 г. Это был достаточно молодой город, история которого восходила к 1856 г., когда был заложен военный пост Усть-Зейский, а в 1857 г. — одноименная станица [Шиндялов, 2006]. В более поздних работах А. В. Кириллова содержатся сведения о развитии инфраструктуры Благовещенска. Первые постройки будущего г. Благовещенска были начаты в 1858 г., включали 29 домов и деревянную церковь во имя св. Николая Чудотворца [Кириллов, 1894: 75]. В 1862 г. был достроен архиерейский дом с домовою церковью, открыто духовное училище. В 1864 г. отстроен и освящен кафедральный собор им. Благовещения Пресвятой Богородицы [Кириллов, 1894: 76].

В ландшафтоведении тема о влиянии окружающей среды на формирование психологии народов стала классической [Кадуцков, 2008: 35]. Из работ выдающегося отечественного этнографа С. В. Максимова известно, что в начале 1860-х гг. Благовещенск больше походил на наскоро построенную казарму, *«ладил ее линейный солдатик, у которого в первый раз в жизни очутился в руках топор...»*. С. В. Максимов застал длинный ряд из 16 новых домов, которые вытянулись вдоль Амура: *«...все эти дома деревянные, ... все с красными крышами, все однообразного фасада»*. *«Пустыри, залегие кругом строений, отсутствие малейшего, ничтожного деревца, долгая и бесприветная степь... — все это взятое вместе не располагает нового пришельца в пользу нового города»*; *«...пустыри стараются застроить, облудить; между казармами заложен огромный дом для губернатора, ... маленькая церковь, сделанная недавно и наскоро из часовни...»*. На берегу предполагалось *«расселить торгующее купечество с их домами и лавками...»* [Максимов, 1864: 191]. Благовещенские землянки С. В. Максимов сравнивал с жилищем птиц: *«людские гнезда», «стрижовые норы»* [Максимов, 1864: 192]. По замечанию этнографа, в городе преобладало военное население, *«...редко попадается борода и проходит какой-нибудь мастеровой, мужик из поселенцев; еще реже — чиновник»* [Максимов, 1864: 192]. Тем не менее С. В. Максимов оптимистично смотрел на будущее города: *«...все это ... похоже на начаток города; все это живет и, пожалуй, радуется...»* [Максимов, 1864: 193].

Спустя чуть более 15 лет после путешествия С. В. Максимова на Амур приехал А. В. Кириллов. Первые его впечатления о благовещенцах конца 1870-х гг. были не лестными: *«Была бы водка, карты и деньги, и больше ничего не нужно. ... Конечно, это хорошо в том отношении, что они счастливы благодаря такому взгляду на жизнь, постоянно находятся в хорошем расположении духа и весело смотрят на жизнь, но это постыдно для человека...»*. Как человек книжной культуры, А. В. Кириллов оценил благовещенскую библиотеку: *«Столы буквально запружены и газетами, и журналами, а посетителей никого и никогда. Едва ли где-нибудь в другом месте можно встретить подобную апатию... совершенное отсутствие любви к чтению...»* [Аргудьева, 2003: 130].

Во время путешествия от Благовещенска до Николаевска 1879 г. А. В. Кириллов наблюдал и других городских жителей. Хотя Хабаровка ко времени путешествия А. В. Кириллова не была официально городом, но поведение ее жителей было характерно для дальневосточных горожан. Исследователь начинает свои описания с культурного ландшафта: *«Дома все как на ладони и выглядят красиво, ... около горы на самом берегу приютились китайские мазанки, у пристани стоят три — четыре парохода и в некоторых местах на берегу китайские джонки и гольдские челноки»* [Кириллов, 1882: 506]. Далее переходит к внешнему виду жителей: *«Свисток... парохода вызывает на берег большую часть населения Хабаровки... Тут видишь и расфранченных дам, ... разгуливают и офицеры в белых кителях и телеграфисты в своих мундирах, ... снуют коммерсанты в фанзе и чучунче и хлопочут прикащики, тут собирается и прочий люд, среди которого замечаешь китайцев и гольдов»* [Кириллов, 1882: 506]. По наблюдениям А. В. Кириллова, пристань была для многих местом притяжения: *«...люди, не имеющие никаких жизненных интересов и никакого занятия, ... на пристани ищут прохла-*

ды от зноя...» [Кириллов, 1882: 506]. Даже в самую жару здесь «...царствовало особенное оживление, которое увеличивалось с каждой минутой по мере выпиваемого шампанского и других живительных напитков, приводящих человека в елейное настроение» [Кириллов, 1882: 507].

В 1879 г. в Хабаровке кроме мелких лавочек было до пяти крупных магазинов, развивалась торговля. Цены на необходимые продукты и на предметы роскоши были высокими. Единственным дешевым товаром была рыба, которой торговали гольды, а не хабаровские коммерсанты. Чай, табак, сахар даже во время навигации и при отсутствии дефицита всегда стоили дорого. Это позволяло людям с «*коммерческой сообразительностью и расторопностью... сколотить порядочные капиталы*» [Кириллов, 1882: 507].

Таким образом, описания А. В. Кириллова и С. В. Максимова подтверждают современные представления о том, что в силу быстрых темпов миграций, низкой плотности населения, полиэтноконфессиональности переселенцев и ряда других объективных причин жители края были достаточно разнородны и не демонстрировали общие начала самосознания [Забияко, 2009: 26]. На поведение городских жителей влияла удаленность региона от столицы и от соседних поселений, но при этом ощущалась близость к Китаю и регулярное взаимодействие с местными народами. В этом была специфика местного фронтального ландшафта: русские дома соседствовали с китайскими мазанками; пароходы — с китайскими джонками; среди прочего люда встречались китайцы и гольды; китайские кладбища, кумирни, святилища местных народов были частью религиозного ландшафта Приамурья.

Дальневосточные горожане чувствовали себя более свободно, менее дисциплинированно, могли позволить праздное времяпровождение. Российский Дальний Восток притягивал предприимчивых пассионарных людей [Забияко, 2009: 26]. Освоение новых территорий было сопряжено с развитием православной инфраструктуры. Качество первых построек, по замечаниям этнографов, не было высоким. Но при этом церкви возводили сразу наряду с жилыми домами. Православные постройки преобразовывали имеющийся ландшафт дальневосточного порубежья. Церковь не просто выполняла насущные религиозные потребности, но становилась символом присутствия русского православия в недавно присоединенном регионе.

Крестьяне-переселенцы в описаниях А. В. Кириллова: условия жизни, нравы, внешний вид, хозяйственная деятельность

У А. В. Кириллова был живой интерес к жизни крестьян-переселенцев, исследователь очень надеялся встретить настоящих тружеников, которые в Приамурье смогли сохранить присущий им уклад жизни и привычные виды хозяйственной деятельности, прежде всего хлебопашество. «*Хотелось скорее расстаться с Хабаровкой. Желание взглянуть на житье-бытье русского мужичка, переселившегося сюда с отдаленных берегов Северной Двины, Волги, Камы и из центральных губерний России, манило далее, к нижнему течению Амура, где раскинулись крестьянские селения*» [Кириллов, 1882: 775]. «...мне думалось, что крестьяне — труженики, какими я видел их при всех неблагоприятных условиях, устроились на новоселье...; мне казалось, что они при своем трудолюбии и выносливости..., успели уже сбросить с себя экономический гнет, побудивший их оставить родину» [Кириллов, 1882: 507].

В 70 верстах от Хабаровки было расположено Вятское селение. Отличительные особенности культурного и религиозного ландшафта задаются не только природным окружением и рукотворными постройками, но и внешним видом представителей конкретной культуры или религии. В этом смысле Вятское селение отличалось от других в Приамурье: *«Костюм собравшихся показывал, что перед глазами находятся переселенцы из Вятской губернии... Синяя рубаха из так называемой крашенины, перетянутая узким цветным пояском с небольшими кисточками на концевках, холицевые порты, большею частью грязные, лапти на ногах, обёрнутых в тряпки, и дырявый, избитый картуз — почти общий костюм у собравшихся на берегу мужчин. Точно так же и женщины в своеобразном костюме, которого не увидишь в казачьих станицах. Сарафан или юбка из той же крашенины или из дешёвенького ситца, белые рукава, повойники на голове и лапти на ногах уже не напоминают щеголеватых казачек. Первое впечатление, производимое собравшимися, не особо выгодное: это народ большею частью худощавый, бледный и изнуренный: даже и детей не видно здоровых, все хилые да хворые».* У одной девочки на ноге А. В. Кириллов заметил шесть пальцев [Кириллов, 1882: 775].

Кроме внешнего вида, особенности культурного ландшафта проявляются через язык [Калуцков, 2008: 172]. А. В. Кириллов заметил специфический говор старшего поколения Вятского селения: *«старики и старухи говорили настоящим вятским наречием, придавая словам свой акцент и своеобразную интонацию, ..., а молодые, выросшие на Амуре, говорили также своим наречием, которое во многом уже отличалось от языка стариков»* [Кириллов, 1882: 775].

В беседе с жителями Вятского селения о жизни на Амуре выяснилось, что по родным местам они не особенно тосковали: *«Там много податей с нас драли, а здесь ничего не дерут: здесь и деньги легче достаются, чем там»* [Кириллов, 1882: 775]. В теории гуманистической географии, предложенной китайско-американским ученым И Фу Туаном, ключевым является понятие «топофилия», которая предполагает формирование чувства любви и приязни по отношению к месту. Топофилия связана с безопасностью, стабильностью, привязанностью [Лавренова, 2023: 61–62]. Исследования И Фу Туана вдохновили современных ученых на размышления о том, какие могут быть варианты отношения человека к месту. Отсюда появились понятия «тропофилия» и «топофобия». Тропофилия предполагает любовь к переменам, мобильности, движению, склонность к изменению места жительства [Лавренова, 2023: 63]. Теоретики топофобии указывают на способность места вызывать недоверие, тревогу и страх [Хан, 2021: 55–65], [Лавренова, 2023: 64]. С учетом вышесказанного жители Вятского селения не романтизировали свою малую родину и очевидно были склонны к тропофилии. Тот же А. В. Кириллов сообщал, что в Благовещенске общался с одним из стариков из Вятского селения. Он сначала переехал вместе со всеми, а затем из Вятского перебрался в Благовещенск. То есть переселенцы не были привязаны к одному месту, а продолжали свое движение.

А. В. Кириллов был разочарован тем, что в новых условиях вятские переселенцы почти не занимались хлебопашеством. В силу особенностей почвы это было тяжелое занятие, выгоднее было покупать хлеб, чем самим сеять его [Кириллов, 1882: 776]. Собеседники А. В. Кириллова заявили: *«...мы купчи (купцы). Хлеба мы вовсе не высееваем,*

потому что кругом камень, а на камне все подсыхает» [Кириллов, 1882: 775]. Можно выделить несколько объективных причин смены вида хозяйственной деятельности на новом для них месте. Во-первых, у переселенцев не было возможности выбрать место для поселения. Несмотря на заинтересованность и поддержку переселенческого движения со стороны государства, этот процесс был долгим, трудным, часто носил инициативный характер, был сопряжен с риском, зависел от субъективных решений. До 1861 г. государство финансировало переселение на Амур, затем начался период добровольных переселений [Забияко, Конталева, 2023: 231]. У вятских переселенцев были свои трудности. Их предводителем был некто по фамилии Павлицев, какое место ему приглянулось, там они и осели. Во-вторых, особенности климата, природных ресурсов, взаимодействие с местными народами давали крестьянам-переселенцам новые возможности. Новым видом промысла для крестьян стало рыболовство. *«Никогда не ловили рыбы на родине-то, а нужда научила и этому», «сначала дело шло плохо, а теперь научились, и сбыт рыбы хороший»* [Кириллов, 1882: 776]. Главный лов рыбы был осенью, когда происходил наплыв в реку красной рыбы — кеты. За 10–15 дней крестьяне успевали сделать годовой запас рыбы для себя и для продажи. Ловлей рыбы занимались в составе небольших артелей по 3–4 человека, использовали неводы и сети. В Приамурье успехами в рыболовстве отличались гольды. Добытая рыба сбывалась в Хабаровку, иногда в Благовещенск. Посредниками в этом деле часто выступали молокане, которые, скупали рыбу на месте, ее солили и затем переправляли в город [Кириллов, 1882: 776]. Таким образом, учитывая теоретические выводы, к которым пришла Т.И. Герасименко [Герасименко, 2020: 151], заметим, что адаптация к ландшафту Приамурья через доступные формы хозяйственной деятельности (например, рыбная ловля) способствовала сближению русских с местным населением (например, гольдами) и другими переселенцами (например, молоканами), с которыми ранее русские крестьяне не контактировали, при этом этнокультурное своеобразие контактирующих групп сохранялось.

Этнокультурное своеобразие проявлялось через строительство жилья, сохранение в меньшем объеме традиционных для русских крестьян видов деятельности: огородничество, скотоводство. Селение Вятское было расположено на высоком пригорке, внизу протекал широкий Амур. Обилие строевого материала позволило построить просторные русские избы, которые *«нисколько не напоминают собою казачьих мазанок»* [Кириллов, 1882: 776]. Жители селения понемногу занимались разными хозяйственными делами. Климатические условия к этому располагали: там не было засух и ранних морозов. Крестьяне держали огороды возле дома, выращивали овощи, бахчевые: арбузы, дыни, тыквы. Выращенную продукцию выгодно сбывали проходящим пароходам. Для семейных нужд занимались скотоводством, держали по 7–8 голов рогатого скота и по несколько лошадей. Это было необходимо для пропитания, покупать мясо, молоко, масло было невыгодно из-за очень высоких цен. Расширять поголовье крестьяне не могли, покосы располагались в низменности и часто подвергались затоплениям. В незначительных количествах крестьяне занимались хлебопашеством [Кириллов, 1882: 776]. Из заработков наиболее выгодными были почтовая гоньба, ремонтировка телефонных столбов и доставка дров на пароходы за 2,5–3 руб. [Кириллов, 1882: 776].

Русские крестьяне-переселенцы представляли собой отличную от других жителей Дальнего Востока группу. Они вели более традиционный образ жизни, который сохранялся в их внешнем виде, языке, способах хозяйствования. Для них был характерен комплексный подход к хозяйственной деятельности. При адаптации на новом месте они сильнее зависели от природных факторов. Были открыты к взаимодействию с местным населением и другими переселенцами по вопросам хозяйственной деятельности. Ностальгией по малой родине крестьяне не страдали, хотя в топонимах сохраняли название прародины. Как и многие переселенцы на Дальний Восток, отличались витальностью [Забияко, 2009: 26], были склонны к тропофилии. А. В. Кириллов фиксировал, что жизнь на Амуре постепенно меняла русских крестьян не в лучшую сторону. Люди перенимали пагубные привычки, злоупотребляли китайской водкой (ханшиной) [Кириллов, 1882: 878]. Мужчины не стремились к заработкам: «*Как-то странно было смотреть на то, что женщины, не зная устали, таскали дрова на пароход, в надежде заработать 50 к. или рубль, а мужчины в это время сидели на берегу и болтали о разных пустяках!*» [Кириллов, 1882: 777].

Амурские казаки в описаниях А. В. Кириллова

Казаки Забайкальского казачьего войска были первой большой группой новоселов на Амуре. Это были участники сплавов (1854–1857 гг.) генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского и последовавшие за сплавами переселения казачьих семейств [Забияко, Конталева, 2023: 226–230]. Освоение новых территорий сопряжено с тяжелыми условиями жизни и труда. Казакам приходилось расчищать тайгу, ставить дома, нести охранную службу. Все это требует упорства, трудолюбия, стойкости, мужества. В ситуации малообжитости и удаленности территории в казаках проявлялись предприимчивость, удаливость, авантюризм, небрежение законом. В Приамурье наблюдался широкий размах контрабанды спирта, водки (ханшины) из Маньчжурии. Казаки умели договориться с китайскими спиртоносами, за мзду пропускали караваны с ханшиной [Забияко, 2009: 27–29]. Подобные схемы вели к быстрому обогащению, пренебрежению трудом, праздности, падению нравов.

А. В. Кириллов в определенной степени был разочарован в амурском казачестве: «*мне приходилось прежде и читать, и слышать только нелестные для них отзывы, ... мало отрадных картин...*» [Кириллов, 1882: 507].

По пути следования пароход «Шилка» останавливался в станицах: Константиновской, Иннокентьевской, Радде, Екатерино-Никольской, Пузино, Михайло-Семеновской. Среди общих проблем, мешавших росту благосостояния, которые называли казаки, были наводнения и падеж скота. А. В. Кириллов оценивал экономическое состояние станиц по тому, как идет торговля на пристани. Чаще всего выбор продукции был скудным, а цены — высокими. Наводнения были неконтролируемым процессом, от маньчжурских стариков А. В. Кириллов узнал, что разливы повторяются каждые 10 лет, а раз в 60–70 лет бывает, что затопляет самые возвышенные места [Кириллов, 1882: 437]. Вспышки эпидемий среди скота также сложно было контролировать, но в некоторых случаях бедствия казаков А. В. Кириллов связывал с их беспечностью. Так, в станице Константиновской останки павших лошадей после сильного разлива Амура в 1879 г. были размыты и оказались на поверхности. Вместо того чтобы зарыть

их поглубже, казаки ожидали, когда *«весною батюшка-Амур все подберет!»* [Кириллов, 1882: 437]. Из-за невежества от животных заражались люди [Кириллов, 1882: 460, 505]. В станице Михайло-Семеновской казаки страдали от эпизоотий, причиной которых было поведение гольдов, живущих по р. Сунгари. Павший скот гольды бросали в реку; снимали шкуры с зачумленных животных и сбывали их казакам. Одна казачка так горевала над своими павшими лошадыми, *«со слезами гладила их руками и даже целовала, отчего и сама вскоре отправилась ad patres»*. Бывало, что казаки на лошадях посещали другие станицы, распространяя заразу [Кириллов, 1882: 505]. В станице Радае казакам досаждали тигры и волки, *«лишая последней скотинки, которую поцадила сибирская язва»*, отчасти это было результатом непродуманного ведения хозяйства. Дикие животные получали легкую добычу у новоселов [Кириллов, 1882: 460].

Наводнения, эпидемии, нашествия насекомых, истребляющих посевы («кобылки»), безусловно, тормозили развитие казачьих станиц. Но, по мнению А. В. Кириллова, большую роль играл человеческий фактор. Например, в Инокентьевской станице, где жили казаки из Забайкалья, *«ленность, пьянство и картежная игра... развиты у многих в высшей степени...»* [Кириллов, 1882: 458]. Охотой местные казаки не занимались, хотя условия позволяли, коренные народы (орочены и др.) были успешными звероловами. Жен и детей главы казачьих семейств отправляли в качестве наемных работников к другим зажиточным казакам или в крестьянские селения. *«Сами... предаются пьянству, не ударяя никогда пальцем о палец»*. Более того, казаки могли *«жертвовать нравственностью своих жен и дочерей»*, продавая их *«первому попавшемуся плутоугоднику»* [Кириллов, 1882: 459]. От предложения подзаработать погрузкой дров на пароход многие отказывались, согласившиеся за свой труд предпочли водку вместо денег [Кириллов, 1882: 458]. Зажиточные казаки Инокентьевской станицы промышленяли разбоем, останавливали торговые маньчжурские лодки и вынуждали хозяина отдавать им ханшину. Азартные казаки могли весь свой летний заработок в виде хлеба или денег проиграть в карты [Кириллов, 1882: 459].

Одной из лучших казачьих станиц Амурской области, по мнению исследователя, была Екатерино-Никольская. Процветание станицы было обусловлено выгодным расположением на возвышенности, что защищало от затоплений при разливах Амура. *«Довольно чистенькие постройки, растянувшиеся вдоль берега в два ряда, красиво выглядят. Среди станицы возвышается церковь с прекрасным садом... Довольно поместительная школа в общем виде построек также играет не последнюю роль»* [Кириллов, 1882: 502]. Жители станицы занимались многими видами хозяйственной деятельности. За счет хлебопашества могли прокормить себя и продавали избытки в Хабаровку. Было развито скотоводство, но часто случались эпизоотии, с которыми пытались бороться при помощи религиозных обрядов, описанных ниже. Казаки станицы активно занимались рыболовством (горбуша, калуга, осетр) и звериным промыслом (белка, медведь, лисица). Ценили охоту на коз из-за их мяса и шкур, из которых шили очень теплую зимнюю одежду («доха» — местное название) [Кириллов, 1882: 502]. Икру и клей из рыбного улова отправляли в Благовещенск [Кириллов, 1882: 503]. В Екатерино-Никольской можно было купить и вареное, и печеное в избытке. *«Благодаря тому, что жители Екатерино-Никольской станицы отличаются, сравнительно с другими*

трудолюбием, и обращают большие внимания на свое хозяйство, у них сразу проглядывает во всем достаток и довольство» [Кириллов, 1882: 503].

А. В. Кириллов оставил ценную информацию о досуге и нравах жителей станиц. В станице Пузино пассажиры «Шилки» посетили местную вечеринку. Казачки этой станицы вели себя излишне раскрепощенно, даже нахально; между танцами девицы пили наливку «как успокоительный бальзам, совсем не отказываясь и нимало не церемонясь». «В обхождении с прекрасным полом казаки ... не церемонятся, ... и прекрасный пол в обхождении с ними дозволяют себе вольность» [Кириллов, 1882: 504]. В целом амурские казачки были бойкими и щеголеватыми, отличались от «стыдливых и робких крестьянок», носивших простые одежды [Кириллов, 1882: 437, 775]. Вечеринка была в небольшой избе. Несмотря на веселье обстановка казалась мрачной: «стеариновые свечи... тускло мерцали от духоты и табачного дыма... На передней и одной боковой лавках сидели в самых пестрых нарядах девицы и вели разговоры с кавалерами... В углу... помещалась смотрящая на танцы публика... По середине комнаты шли танцы под звуки плохой скрипки и неумелого скрипача... Танец представлял какую-то смесь кадрили и лянсье с чем-то неизвестным... и заканчивался поцелуями танцующих пар» [Кириллов, 1882: 504]. Один из танцев назывался восьмерка, другой — за-каблан. Такие развлечения были характерны для дальневосточных казаков [Аргудяева, 2011: 111–116]. После танцев началась так называемая «игра в соседи», которая предполагала исполнение песен девицами и кавалерами. Через содержание песен А. В. Кириллов попытался выявить, чем живут амурские казаки. И пришел к выводу, основная тема — «подвиги русского солдата в бою на поле сражения, его удаля и молодечество и расставание с молодой женой и прощание с дорогой родиной». Среди этих песен «Было дело под Полтавой», «Настала священная брань на врагов», «но изменённые и изуродованные, и произносимые противным свистящим акцентом» [Кириллов, 1882: 504]. Несмотря на многочисленные просьбы пассажиров, «игравшие в соседа» так и не смогли спеть что-то лирическое, с любовным мотивом, надрывавшим бы душу «своим грустным напевом». А. В. Кириллов заключил, что творчество амурского казачества является следствием условий жизни. «Должно быть, природа Амура не особенно располагает к поэзии и не производит творцов народной песни; должно быть, и жизнь амурского казачества сложилась так, что нельзя ни на минуту отрешиться от своей будничной... жизни» [Кириллов, 1882: 504].

Казаки, сочетая военную службу с аграрной жизнью, как и крестьяне, зависели от природных условий Приамурья. Неудачи в их хозяйственной деятельности были обусловлены иногда объективными причинами, но также были связаны с беспечностью, невежеством, незнанием местных природных особенностей или личными качествами. Образ амурских казаков включал широкий спектр различных качеств: от упорства и мужества до авантюризма и пренебрежения законами и нравственностью.

Народные верования и суеверия русских в описаниях А. В. Кириллова

Для более успешной адаптации в Приамурье переселенцы, независимо от сословной принадлежности, прибегали к религиозным традициям, усвоенным от предков или воспринятым от местного населения. От уровня грамотности степень религиозности не зависела. От Хабаровки до Николаевска не было школ. Жители Вятского се-

ления, чтобы написать письмо, отправлялись в Хабаровку для поиска грамотных людей. Грамотность среди русских переселенцев нижнего течения Амура была на очень низком уровне. В Амурской области дела обстояли намного лучше. В крестьянских селениях и в многолюдных станицах было много грамотных людей, особенно среди так называемых сектантов [Кириллов, 1882: 777]. Под сектантами в то время понимали преимущественно представителей духовного христианства.

Среди опубликованных статей А. В. Кириллова сведения о народной религиозности переселенцев встречаются в публикациях 1880-х гг. Также данные по этой теме зафиксированы в дневниковых записях [Аргудяева, 2003: 129–142]. Исследователь полагал, что в языке, загадках, заговорах, сказках можно обнаружить мифологические истоки [Аргудяева, 2003: 131]. Судя по дневниковым записям первых лет жизни на Амуре, А. В. Кириллов намеревался изучать демонологию, план его работы включал классификацию демонов: «1. о добрых демонах: а. демоны, заботящиеся о сохранении скота, и жертвы, приносимые им; в. демоны лошадей; с. демоны дорог; д. демон лесной — демон охоты и в. демоны, служащие олицетворением болезней скота...» [Аргудяева, 2003: 131].

На Дальнем Востоке России и в Сибири нередко вспыхивали эпидемии сибирской язвы [Темплинг, 2019]. В конце XIX — начале XX в. такие опасные инфекции, как оспа, холера, чума, проникали в Приамурье из Маньчжурии [В Приамурье, <https://clck.ru/3ReY4M>]. А. В. Кириллов описывал, какие предохранительные меры предпринимали жители Амурской области для борьбы с эпидемиями. «Средства и меры эти почти так же разнообразны, как разнообразно население Амурской области» [Аргудяева, 2003: 133]. Простые люди старались прибегать к помощи православных священников, но, по замечанию А. В. Кириллова, среди священников встречались малограмотные люди, они по-своему понимали свое профессиональное предназначение: «В Ивановке поп-шарлатан отчитывает, Бог знает чем, молитвами или заклинаниями какими» [Аргудяева, 2003: 133]. Тот же факт перефразированно упомянут в опубликованном тексте: «В селении Ивановке, по Зее, священник Преловский, во время развития сибирской язвы, истреблявшей домашний скот, отчитывал зачумленных животных какими-то заклинаниями, по всей вероятности, только ему одному известными» [Кириллов, 1881: 285].

В других селениях ритуалы больше походили на языческие действия: «... в начале деревни имеют обыкновение ставить два столба... и между этих столбов прогоняют весь скот». Нужно подчеркнуть, что не только современные исследователи описывают то, что переселенцы сохраняли свои исконные обычаи [Аргудяева, 2003: 133]. Уже А. В. Кириллов замечал, что некоторые обряды переселенцев встречались и в других регионах России. Действия амурских женщин или чаще незамужних девушек во время сибирской язвы походили на то, что краевед наблюдал в архангельской деревне во время холеры: «... в ночное время женщины или больше незамужние девушки в одних сорочках с распущенными волосами впрягаются в плуг и проводят им борозду кругом всей деревни» [Аргудяева, 2003: 133]. Мужчины не должны были присутствовать или быть случайными свидетелями при этом обряде, поскольку существовала вера, что сибирская язва существует в виде мужчины или распространяется исключительно мужчинами. В качестве доказательства А. В. Кириллов приводил любопытную

историю, отражающую колоритную этнокультурную ситуацию Приамурья. *«В одной из деревень при Зее зимою удавился татарин, бывший конюхом на приисках и был, конечно, зарыт в землю. Летом, когда появилась сибирская язва, кому-то пришла в голову мысль, что причиной эпидемии служит татарин этот, что он именно и есть сибирская язва. Поэтому вырыли его из земли, повесили и потом сожгли, развеяв пепел по воздуху...»* [Аргудяева, 2003: 133].

Ю. В. Аргудяева, анализируя дневники А. В. Кириллова, обратила внимание, что переселенцы, прибывавшие на Дальний Восток со своих материнских территорий — европейской части страны, Сибири или Забайкалья, наследовали северорусские традиции. Это касалось практики использования «деревянного огня» в целебных целях [Аргудяева, 2003: 133]. Огонь добывался путем трения друг о друга двух кусков дерева и поддерживался до трех дней, затем добывался снова. Казаки, жившие вниз по Амуру от Благовещенска, верили в чудодейственную силу такого огня и возжигали его на протяжении эпидемии [Аргудяева, 2003: 133]. В опубликованных наблюдениях А. В. Кириллов добавлял, что одни казаки могли возжигать такой огонь раз в три дня, другие *«подобно древним Римлянам, заботившимся о поддержании огня на алтаре Весты, сохраняют его во время эпидемии и только в этом случае считают его чудодейственным»* [Кириллов, 1882: 462]. Кроме того, казаки использовали старую гривну, которую накаливали докрасна и прикладывали к бедрам лошадей, веря в целительные и оберегающие свойства обряда [Кириллов, 1882: 462].

А. В. Кириллов описывал ситуации, когда не только малограмотные люди, но и православные *«так называемого высшего круга»* верили в защитные свойства огня. Некий полицмейстер Прищепенко не смог с первого раза донести из церкви домой зажженную свечу, поскольку та потухла от ветра. Он специально вернулся в Никольскую церковь и повторил попытку. А. В. Кириллов объяснил это рвение полицмейстера тем, что в народе бытовала практика выкапчивания такими свечами крестов. Люди верили, что после такого обряда дом не загорится, если в него ударит молния. Сам же Прищепенко не мог рационально объяснить свое поведение: *«...так делал мой отец, делаю я и будет делать мой сын, — а почему это нужно делать — не знаю»* [Аргудяева, 2003: 134]. А. В. Кириллов также оставил сведения о том, что принято называть метеорологической магией [Токарев, 1990, 491–497]. *«Во время засухи некоторые из казаков имеют обыкновение купать воробья или около колодца в воде, или в реках, веря, что после этого непременно будет дождь. Одна казачка, у которой в огороде посохло все посаженное, несколько раз купала воробья и в колодце, и в Амуре..., уверяя, что вот-вот непременно пойдет дождь. Основание для этого, вероятно, такое, что воробьи имеют обыкновение полоскаться в воде перед дождем преимущественно, и простой народ, не умея объяснить должным образом явление дождя, ставит его в причинную связь с купаньем воробья...»* [Аргудяева, 2003: 132–133]. А. В. Кириллов наблюдал подобную картину в станциях Радде и Екатерино-Никольской и с позиции ведения хозяйства критически отзывался о таком способе огородничества, считая его *«разительной беспечностью»*. Полагал, что гораздо эффективнее была бы поливка [Кириллов, 1882: 460]. Казачки, в свою очередь, были твердо убеждены, что обряд действенный, апеллируя к опыту предков: *«Наши отцы так делали и мы делаем»* [Кириллов, 1882: 461].

Происхождение некоторых амурских обычаев А. В. Кириллову было сложно проследить. Например, это касалось выкупа невест в крестьянских семьях. В Приамурье он получил широкое распространение: от Благовещенска до Николаевска. Жених должен был заплатить родителям невесты выкуп от 50 до 250 рублей. Исследователь считал, что это губительная практика для бедняков. Нужда заставляла молодых людей брать займы, а после свадьбы новоиспеченные супруги нанималась на работу к своим кредиторам [Кириллов, 1882: 777]. Истоки этого обычая исследователь не смог выяснить, поэтому предположил три версии: позаимствован от инородцев Амура, у которых нельзя жениться без калыма; перенесен переселенцами с родины (так называемое вено); вызван недостатком женщин.

Таким образом, народная религиозность переселенцев отличалась устойчивостью и традиционализмом. Религиозный опыт предков расценивался как надежный и эффективный. К обрядам прибегали как в опасных или неконтролируемых ситуациях, так и с целью организации хозяйственной деятельности. Обрядовая деятельность служила адаптации переселенцев на новом месте, способствовала поддержанию межпоколенной преемственности и связей с малой родиной.

Заключение

Изложенные теоретические и эмпирические данные говорят о том, что религиозный ландшафт представляет собой территорию, которая изменяется под влиянием населения, обладающего религиозным мировоззрением и оказывающего влияние на преобразование окружающей природной и социальной среды в соответствии с особенностями вероучения и потребностями в осуществлении религиозной деятельности.

Религиозный ландшафт дальневосточного порубежья формировался с учетом этноконфессионального разнообразия переселенцев и местного населения. Русские переселенцы в середине XIX в. стали частью новой для себя территории, которая была наполнена религиозными объектами местных народов, включавших святилища, кумирни, облик и особенности поведения аборигенов. С приходом русских переселенцев религиозный ландшафт дальневосточного порубежья стал преобразовываться с учетом религиозного мировоззрения и потребностей в религиозной деятельности новоселов. На широких просторах малозаселенного Приамурья вместе с первыми хозяйственно-бытовыми постройками возводили церкви. Они становились маркером присутствия русского православия в регионе.

Состав русских переселенцев не был однородным, мы рассмотрели три группы: горожане, крестьяне и казаки. Все три группы ощущали удаленность региона от столицы и от соседних поселений, при этом испытывали влияние со стороны Китая, контактировали с местными народами. Фронтальный ландшафт Дальнего Востока предполагал соседство русских домов с китайскими фанзами; пароходов — с китайскими джонками; православных церквей — с сакральными топосами аборигенов.

Для крестьян и казаков, чей быт был связан с сельским хозяйством и зависимость от природы была весьма ощутима, важное значение имели традиционные верования и обряды, унаследованные от предков. Опыт предков помогал при адаптации к новому ландшафту; люди дальневосточного фронта прибегали к известным с детства ре-

лигиозным действиям в ситуациях, когда угрожала опасность в виде эпидемий, засухи, пожаров. Посредством обрядов они как бы пересотворяли незнакомый ландшафт, опираясь на привычные ритуалы, идущие от предков и потому наверняка действенные. Совершение знакомых обрядов, имевших народное хождение, способствовало сохранению межпоколенных связей; не зависело от статуса, уровня образования и даже принадлежности к официальному православию. Знакомые с детства религиозные обряды переселенцев поддерживали общинный дух. Помогали сохранять связь с единоверцами на материнских территориях, способствовали сохранению этнорелигиозной идентичности адептов.

Кроме того, крестьяне, казаки демонстрировали открытость к взаимодействию с местным населением и другими переселенцами по вопросам хозяйственной деятельности. Адаптация к фронтальному ландшафту Приамурья через общие формы хозяйственной деятельности способствовала сближению русских с местным населением при сохранении этнокультурного своеобразия контактирующих групп.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24 18–00807, <https://rscf.ru/project/24-18-00807/>

Acknowledgements and funding

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24 18–00807, <https://rscf.ru/project/24-18-00807/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аргудяева Ю. В. А. В. Кириллов. Религиозная жизнь Приамурья. Материалы дневников и заметки // Религиоведение. 2003. № 1. С. 129–142.

Аргудяева Ю. В. Семья и семейный быт дальневосточных казаков // Уваровские чтения — VII: семья в традиционной культуре и современном мире. Владимир: Транзит ИКС, 2011. С. 111–116.

Богораз-Тан В. Г. К вопросу о графическом методе анализа элементов этнографии и этногеографии // Этнография. 1928. № 1. С. 3–10.

В Приамурье работал оспенный институт: как институт боролся с оспой, холерой и чумой // Амурская правда. URL: <https://ampravda.ru/2020/06/08/096584.html?ysclid=lvgowkn96o940060642> (дата обращения: 15.01.2024).

Герасименко Т. И. Главные факторы трансформации региональной и этнической идентичности // Юг России: экология, развитие. 2020. Т. 15, № 3. С. 144–154.

Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Уральский исторический вестник. 2008. № 4. С. 76–82.

Горохов С. А. Конфессиональное геопространство как объект изучения географии религий // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2014. № 2. С. 21–30.

Громов Д. В. Сакральная география. Основные положения // Энциклопедия сакральной географии. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. С. 5–50.

Дашковский П. К. Некоторые итоги изучения религиозного ландшафта Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии // Религиоведение. 2018. № 1. С. 129–142.

Дашковский П. К. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. Т. 1. 214 с.

Дударенок С. М. Религиозный ландшафт Хабаровского края в 1990-е гг.: особенности формирования и тенденции развития // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 1. С. 151–169.

Забияко А. П. География религии: объект, предмет, междисциплинарность // Вопросы философии. 2025. № 6. С. 172–185.

Забияко А. П. Петроглифы Амура. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2024. 600 с.

Забияко А. П. Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 26–36.

Забияко А. П. Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII — начала XX в. // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 9–35.

Забияко А. П. Топография священного // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 1. С. 123–136.

Забияко А. П., Конталева Е. А. Русские в Амурской области // Археология и этнография Приамурья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 226–241.

Захаров И. А. География религий. М.: Институт Африки РАН, 2020. 148 с.

Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

Кириллов А. В. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. — Благовещенск: Типография т-ва Д. О. Мокин и Ко, 1894. 541 с.

Кириллов А. В. Гиляки. Краткий этнографический очерк // Древняя и Новая Россия. 1881. № 2. С. 264–287.

Кириллов А. В. От Благовещенска до Николаевска. Путевые заметки // Сибирская газета. 1882. № 15. С. 365–367.

Кириллов А. В. От Благовещенска до Николаевска. Путевые заметки // Сибирская газета. 1882. № 17. С. 412–414.

Кириллов А. В. От Благовещенска до Николаевска. Путевые заметки // Сибирская газета. 1882. № 18. С. 435–439.

Кириллов А. В. От Благовещенска до Николаевска. Путевые заметки // Сибирская газета. 1882. № 19. С. 458–462.

Кириллов А. В. От Благовещенска до Николаевска. Путевые заметки // Сибирская газета. 1882. № 21. С. 502–507.

Кириллов А. В. От Благовещенска до Николаевска. Путевые заметки // Сибирская газета. 1882. № 32. С. 775–778.

Кириллов А. В. От Благовещенска до Николаевска. Путевые заметки // Сибирская газета. 1882. № 33. С. 801–802.

Кириллов А. В. От Благовещенска до Николаевска. Путевые заметки // Сибирская газета. 1882. № 34. С. 823–826.

Кириллов А. В. От Благовещенска до Николаевска. Путевые заметки // Сибирская газета. 1882. № 36. С. 875–878.

Кириллов А. В. От Благовещенска до Николаевска. Путевые заметки // Сибирская газета. 1882. № 38. С. 923–926.

Кириллов А. В. От Благовещенска до Николаевска. Путевые заметки // Сибирская газета. 1882. № 39. С. 948–951.

Кириллов А. В. От Благовещенска до Николаевска. Путевые заметки // Сибирская газета. 1882. № 40. С. 981–983.

Лавренова О. А. Любовь и место. Памяти И-Фу Туана // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 58–67.

Лопаткин Р. А. К социологической интерпретации понятия «конфессиональное пространство» // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. URL: <https://clck.ru/3ReYEJ> (дата обращения: 14.06.2023).

Максимов С. В. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 годах). Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. 588 с.

Митин И. И. Туан И-Фу // Большая российская энциклопедия. URL: <https://clck.ru/3ReYF8> (дата обращения 15.01.2025).

Музалев А. А. К вопросу о географии религий и о понятии «религиозная геосистема» в географическом исследовании // Вестник Адыгейского государственного университета. URL: <https://clck.ru/3ReYFj> (дата обращения 15.01.2025).

Островская Е. А., Алексеева Е. В. Структурированное наблюдение как метод изучения религиозного ландшафта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 71–115.

Пелевина О. В. Религиоведческие исследования А. В. Кириллова во второй половине XIX в. (по материалам периодических изданий) // Религиоведение. 2024. № 2. С. 35–46.

Пелевина О. В. Сакральный ландшафт в картине мира духовных христиан-прыгунов Приамурья (по материалам публикаций А. В. Кириллова в периодических изданиях 1880–1890 гг.) // Религиоведение. 2024. № 4. С. 114–123.

Пучков П. И. Современная география религий. М.: Наука, 1975. 182 с.

Сафронов С. Г. Территориальная структура современного конфессионального пространства России // Региональные исследования. 2013. № 4. С. 87–100.

Стрелецкий В. Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1. С. 48–78.

Стрелецкий В. Н. Культурный ландшафт // Большая российская энциклопедия. URL: <https://clck.ru/3ReYGy> (дата обращения 15.01.2025).

Стрелецкий В. Н., Горохов С. А. Специфика и тенденции культурной географии в России в начале XXI века // Известия РАН. Серия географическая. 2022. Т. 86, № 3. С. 374–392.

Темплинг В. Я. Сибирская язва в традиционной культуре русских крестьян Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 1. С. 120–128.

Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.

Топчиев М. С. Православный ландшафт Дальнего Востока: сравнительный анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3. С. 142–147.

Хан Е. И. «Топофилия» и «топофобия»: к феноменологии пространственного опыта. Вопросы философии. 2021. № 1. С. 55–65.

Шиндялов Н. А. История Благовещенска. 1856–1907. Очерки, документы, материалы. Из века в век». Благовещенск: Амурская ярмарка, 2006. 168 с.

Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

References

Argudyaeva Yu. V. A. V. Kirillov. Religioznaya zhizn» Priamur'ya. Materialy dnevnikov I zametki [A. V. Kirillov Religious life of the Amur region. Materials of diaries and notes]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2003, no. 1, pp. 129–142 (in Russian).

Argudyaeva Yu. V. Sem'ya I semeinyi byt dal'nevostochnykh kazakov [Family and family life of the Far Eastern Cossacks]. *Uvarovskie chteniya — VII: sem'ya v traditsionnoi kul'ture I sovremennom mire* [Uvarov Readings — VII: Family in Traditional Culture and the Modern World]. Vladimir, 2011, pp. 111–116 (in Russian).

Bogoraz-Tan V. G. K voprosu o graficheskom metode analiza elementov etnografii i etnogeografii [On the issue of the graphic method of analysis of elements of ethnography and ethnogeography]. *Etnografiya* [Ethnography]. 1928, no. 1, pp. 3–10 (in Russian).

Dashkovskiy P. K. Nekotorye itogi izucheniya religioznogo landshafta Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii [Some results of the study of the religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2018, no. 1, pp. 129–142 (in Russian).

Dashkovskiy P. K. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii* [Religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia]. Barnaul: Publ. house of the Alt. University, 2014, vol. 1, 214 p. (in Russian).

Dudarenok S. M. Religiozniy landshaft Khabarovskogo kraya v 1990-e gg.: osobennosti formirovaniya i tendentsii razvitiya [Religious landscape of Khabarovsk Krai in the 1990 s: features of formation and development trends]. *Narody I religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2025, vol. 30, no. 1, pp. 151–169 (in Russian).

Eliade M. *Svyashchennoe I mirskoe* [Sacred and Profane]. Moscow: Moscow State University Publ. House, 1994, 144 p. (in Russian).

Gerasimenko T. I. Glavnye faktory transformatsii regional'noi i ehtnicheskoi identichnosti [The main factors of transformation of regional and ethnic identity]. *Yug Rossii: ehkologiya, razvitie* [South of Russia: ecology, development]. 2020, vol. 15, no. 3, pp. 144–154 (in Russian).

Glavackaya E. M. Religiozniy landshaft Urala: fenomen, problemy rekonstruktsii, metody issledovaniya [Religious landscape of the Urals: phenomenon, problems of reconstruction, research methods]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2008, no. 4, pp. 76–82 (in Russian).

Gorohov S. A. Konfessional'noe geoprostranstvo kak ob'ekt izucheniya geografii religii [Confessional geospace as an object of study of the geography of religions]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series]. 2014, no. 2, pp. 21–30 (in Russian).

Gromov D.V. Sakral'naya geografiya. Osnovnye polozheniya [Sacred geography. The main provisions]. *Entsiklopediya sakral'noi geografii* [Encyclopedia of Sacred Geography]. Ekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura, 2005, pp. 5–50 (in Russian).

Han E. I. «Topofiliya» i «topofobiya»: k fenomenologii prostranstvennogo opyta [«Topophilia» and «topophobia»: towards the phenomenology of spatial experience]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2021, no 1, pp. 55–65 (in Russian).

Kaluckov V.N. *Landshaft v kul'turnoi geografii* [Landscape in cultural geography]. Moscow: Novyi khronograf, 2008, 320 p. (in Russian).

Kirillov A.V. *Geograficheskio-statisticheskii slovar» Amurskoi i Primorskoi oblastei, so vklyucheniem nekotorykh punktov sopredel'nykh s nimi stran* [Geographical and statistical dictionary of the Amur and Primorsky regions, with the inclusion of some points of the neighboring countries]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D. O. Mokini Ko, 1894, 541 p. (in Russian).

Kirillov A.V. Gilyaki. Kratkii ehtnograficheskii ocherk [Brief ethnographic essay]. *Drevnyaya i Novaya Rossiya* [Ancient and New Russia]. 1881, no. 2. pp. 264–287 (in Russian).

Kirillov A.V. Ot Blagoveshchenska do Nikolaevska. Putevye zametki [From Blagoveshchensk to Nikolaevsk. Travel notes]. *Sibirskaya gazeta* [Siberian newspaper] 1882, no 15. pp. 365–367 (in Russian).

Kirillov A.V. Ot Blagoveshchenska do Nikolaevska. Putevye zametki [From Blagoveshchensk to Nikolaevsk. Travel notes]. *Sibirskaya gazeta* [Siberian newspaper] 1882, no. 17. pp. 412–414 (in Russian).

Kirillov A.V. Ot Blagoveshchenska do Nikolaevska. Putevye zametki [From Blagoveshchensk to Nikolaevsk. Travel notes]. *Sibirskaya gazeta* [Siberian newspaper] 1882, no. 18. pp. 435–439 (in Russian).

Kirillov A.V. Ot Blagoveshchenska do Nikolaevska. Putevye zametki [From Blagoveshchensk to Nikolaevsk. Travel notes]. *Sibirskaya gazeta* [Siberian newspaper] 1882, no. 19. pp. 458–462 (in Russian).

Kirillov A.V. Ot Blagoveshchenska do Nikolaevska. Putevye zametki [From Blagoveshchensk to Nikolaevsk. Travel notes]. *Sibirskaya gazeta* [Siberian newspaper] 1882, no. 21. pp. 502–507 (in Russian).

Kirillov A.V. Ot Blagoveshchenska do Nikolaevska. Putevye zametki [From Blagoveshchensk to Nikolaevsk. Travel notes]. *Sibirskaya gazeta* [Siberian newspaper] 1882, no. 32. pp. 775–778 (in Russian).

Kirillov A.V. Ot Blagoveshchenska do Nikolaevska. Putevye zametki [From Blagoveshchensk to Nikolaevsk. Travel notes]. *Sibirskaya gazeta* [Siberian newspaper] 1882, no. 33. pp. 801–802 (in Russian).

Kirillov A.V. Ot Blagoveshchenska do Nikolaevska. Putevye zametki [From Blagoveshchensk to Nikolaevsk. Travel notes]. *Sibirskaya gazeta* [Siberian newspaper] 1882, no. 34. pp. 823–826 (in Russian).

Kirillov A.V. Ot Blagoveshchenska do Nikolaevska. Putevye zametki [From Blagoveshchensk to Nikolaevsk. Travel notes]. *Sibirskaya gazeta* [Siberian newspaper] 1882, no. 36. pp. 875–878 (in Russian).

Kirillov A. V. Ot Blagoveshchenska do Nikolaevska. Putevye zametki [From Blagoveshchensk to Nikolaevsk. Travel notes]. *Sibirskaya gazeta* [Siberian newspaper] 1882, no. 38, pp. 923–926 (in Russian).

Kirillov A. V. Ot Blagoveshchenska do Nikolaevska. Putevye zametki [From Blagoveshchensk to Nikolaevsk. Travel notes]. *Sibirskaya gazeta* [Siberian newspaper] 1882, no. 39, pp. 948–951 (in Russian).

Kirillov A. V. Ot Blagoveshchenska do Nikolaevska. Putevye zametki [From Blagoveshchensk to Nikolaevsk. Travel notes]. *Sibirskaya gazeta* [Siberian newspaper] 1882, no. 40, pp. 981–983 (in Russian).

Lavrenova O. A. Lyubov» i mesto. Pamyati I-Fu Tuana [Love and Place. In Memory of Yi-Fu Tuan]. *Geograficheskaya sreda i zhivye sistemy* [Geographical Environment and Living Systems]. 2023, no 2, pp. 58–67 (in Russian).

Lopatkin R. A. K sotsiologicheskoi interpretatsii ponyatiya «konfessional'noe prostranstvo» [Towards a Sociological Interpretation of the Concept of «Confessional Space»]. *Materialy III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Proceedings of the III All-Russian Sociological Congress]. URL: <https://clck.ru/3ReYEJ> (accessed June 14, 2023) (in Russian).

Maksimov S. V. Na Vostoke. Poezdka na Amur (v 1860–1861 godakh). Dorozhnye zametki i vospominaniya [In the East. Trip to Amur (in 1860–1861). Travel notes and memoirs]. St. Petersburg, 1864, 588 p. (in Russian).

Mitin I. I. Tuan I-Fu [Tuan I Fu]. *Bol'shaya rossiiskaya ehntsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. URL: <https://clck.ru/3ReYF8> (accessed January, 15, 2024) (in Russian).

Muzalev A. A. K voprosu o geografii religii i o ponyatii «religioznaya geosistema» v geograficheskom issledovanii [On the issue of the geography of religions and the concept of «religious geosystem» in geographical research]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adygea State University]. URL: <https://clck.ru/3ReYFj> (accessed January, 15, 2024) (in Russian).

Ostrovskaya E. A., Alekseeva E. V. Strukturirovanoe nablyudenie kak metod izucheniya religioznogo landshafta [Structured observation as a method for studying the religious landscape]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring public opinion: Economic and social changes]. 2018, no 2, pp. 71–115 (in Russian).

Pelevina O. V. Religiovedcheskie issledovaniya A. V. Kirillova vo vtoroi polovine XIX v. (po materialam periodicheskikh izdaniy) [Religious studies of A. V. Kirillov in the second half of the 19th century (based on materials from periodicals)]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2024, no. 2, pp. 35–46 (in Russian).

Pelevina O. V. Sakral'nyi landshaft v kartine mira dukhovnykh khristian-prygunov Priamur'ya (po materialam publikatsii A. V. Kirillova v periodicheskikh izdaniyakh 1880–1890 gg.) [Sacred landscape in the worldview of spiritual Christian jumpers of the Amur region (based on publications by A. V. Kirillov in periodicals of the 1880s — 1890s)]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2024, no. 4, pp. 114–123 (in Russian).

Puchkov P. I. *Sovremennaya geografiya religii* [Modern geography of religions]. Moscow: Nauka, 1975, 182 p. (in Russian).

Safronov S.G. Territorial'naya struktura sovremennogo konfessional'nogo prostranstva Rossii [Territorial structure of the modern confessional space of Russia]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies]. 2013. no. 4, pp. 87–100 (in Russian).

Shindyalov N.A. *Istoriya Blagoveshchenska. 1856–1907. Ocherki, dokumenty, materialy*. [History of Blagoveshchensk. 1856–1907. Essays, Documents, Materials]. Blagoveshchensk: Amurskaya yarmarka, 2006, 168 p. (in Russian).

Streleckii V.N. Kontsept kul'turnogo landshafta v mirovoi kul'turnoi geografii: nauchnye istoki i sovremennye interpretatsii [The concept of cultural landscape in world cultural geography: scientific origins and modern interpretations]. *Chelovek: obraz i sushchnost'*. *Gumanitarnye aspekty* [Man: image and essence. Humanitarian aspects]. 2019, no. 1, pp. 48–78 (in Russian).

Streleckii V. N. *Kul'turnyi landshaft* [Cultural landscape]. *Bol'shaya rossiiskaya ehntsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. URL: <https://clck.ru/3ReYGy> (accessed January, 15, 2024) (in Russian).

Streleckii V. N., Spetsifika i tendentsii kul'turnoi geografii v Rossii v nachale XXI veka [Specificity and trends of cultural geography in Russia at the beginning of the 21st century]. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical series]. 2022, vol. 86, no 3, pp. 374–392 (in Russian).

Templing V.Ya. Sibirskaya yazva v traditsionnoi kul'ture russkikh krest'yan Zapadnoi Sibiri [Anthrax in the Traditional Culture of Russian Peasants in Western Siberia]. *Vestnik arkheologii, antropologii i ehtnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2019, no. 1, pp. 120–128 (in Russian).

Tokarev S.A. *Rannie formy religii* [Early Forms of Religion]. Moscow: Politizdat, 1990, 622 p. (in Russian).

Topchiev M. S. Pravoslavnyi landshaft Dal'nego Vostoka: sravnitel'nyi analiz [Orthodox Landscape of the Far East: Comparative Analysis]. *Kaspiiskii region: politika, ehkonomika, kul'tura* [Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2019, no. 3, pp. 142–147 (in Russian).

V Priamur'e rabotal ospennyi institut: kak institut borolsya s ospoi, kholeroy i chumoy [There was a smallpox institute in the Amur region: how the institute fought smallpox, cholera and plague]. *Amurskaya Pravda*. URL: <https://clck.ru/3ReY4M> (accessed January, 15, 2024) (in Russian).

Zabiyako A. P. Geografiya religii: ob'ekt, predmet, mezhdistsiplinarost' [Geography of religion: object, subject, interdisciplinarity]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2025, no. 6, pp. 172–185 (in Russian).

Zabiyako A. P. *Petroglify Amura* [Petroglyphs of Amur]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024, 600 p. (in Russian).

Zabiyako A. P. Porubezh'e kak dannost' chelovecheskogo bytiya [The Borderland as a Given of Human Existence]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2016, no. 11, pp. 26–36 (in Russian).

Zabiyako A. P. Russkie v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira: ehtnicheskii opyt XVII — nachala XX vv. [Russians in the Far Eastern Frontier: Ethnic Experience of the 17th — Early 20th Centuries]. *Russkie i kitaitsy: ehnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke* [Russians and

Chinese: Ethnomigration Processes in the Far East]. Blagoveshchensk: Amur State University, 2009, pp. 9–35 (in Russian).

Zabiyako A. P. Topografiya svyashchennogo [Topography of the Sacred]. *Evraziya: dukhovnye traditsii narodov* [Eurasia: Spiritual Traditions of the Peoples]. 2012, no. 1, pp. 123–136 (in Russian).

Zabiyako A. P., Kontaleva E. A. Russkie v Amurskoi oblasti [Russians in the Amur Region]. *Arkheologiya i ehtnografiya Priamur'ya* [Archaeology and Ethnography of the Amur Region]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2023, pp. 226–241 (in Russian).

Zaharov I. A. *Geografiya religii* [Geography of religions]. Moscow: Africa Institute Russian Academy of Sciences, 2020, 148 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 27.05.2025

Принята к публикации: 17.06.2025

Дата публикации: 31.03.2026

УДК 322 (571.1) +2 (571.1)
DOI 10.14258/nreur(2026)1–11

П. К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия); Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, Самарканд (Республика Узбекистан)

Е. А. Траудт

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В 1945–1953 ГГ.: ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКИ «НОВОГО КУРСА»

В статье на основе архивных документов Государственного архива Российской Федерации изучается процесс государственного регулирования деятельности православных общин Бурят-Монгольской АССР в период реализации советской вероисповедной политики т. н. «нового курса» и его последующей трансформации (середина 1940-х — 1950-е гг.). В процессе исследования показано, что православие в поликонфессиональном бурятском регионе занимало периферийное положение в системе государственно-конфессиональных отношений. Отсутствие в регионе уполномоченного Совета по делам РПЦ, ограниченное количество зарегистрированных приходов (Улан-Удэ, Кяхта), и их нестабильное финансово-хозяйственное положение свидетельствовали о второстепенности православного вопроса в повестке республиканских властей.

Деятельность легализованных приходов демонстрирует их существование в условиях перманентного внешнего контроля и внутренней конфликтности. Постоянный рост налоговой нагрузки на служителей культа после 1948 г. выступал еще одним экономическим рычагом давления и ограничения деятельности. «Новый курс» в отношении православия в Бурят-Монгольской АССР не означал подлинной либерализации государственно-конфессиональных отношений или отказа от стратегической цели построения атеистического общества. Православная традиция в регионе, лишенная в предшествующие десятилетия основной части своей инфраструктуры и социальной базы, получила крайне узкие и неустойчивые возможности для легального существования.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Бурят-Монгольская АССР, Совет по делам РПЦ при СМ СССР, государственно-конфессиональные отношения, сталинская религиозная политика, православные приходы

Для цитирования:

Дашковский П. К., Траудт Е. А. Русская православная церковь в Бурят-Монгольской АССР в 1945–1953 гг.: институты и практики в условиях советской вероисповедной политики «нового курса» // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 1. С. 202–234. DOI 10.14258/nreur(2026)1–11

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия); профессор кафедры всемирной истории Самаркандского государственного университета им. Ш. Рашидова, Самарканд (Республика Узбекистан). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fnp.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Траудт Егор Андреевич, старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** traudt805ea@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-8439-3151>

P. K. Dashkovsky

Altai State University, Barnaul (Russia); Sharof Rashidov Samarkand State University, Samarkand (Republic of Uzbekistan)

E. A. Traudt

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN 1945–1953: INSTITUTIONS AND PRACTICES UNDER THE SOVIET “NEW COURSE” RELIGIOUS POLICY

Based on archival documents from the State Archive of the Russian Federation, this article examines the process of state regulation of Orthodox communities in the Buryat-Mongolian ASSR during the implementation of the Soviet religious policy known as the “New Course” and its subsequent transformation (mid-1940^s — 1950^s). The study demonstrates that Orthodoxy in the multi-confessional Buryat region occupied a peripheral position within the system of state-religious relations. The absence of a plenipotentiary of the Council for the Affairs of the

Russian Orthodox Church in the region, the limited number of registered parishes (Ulan-Ude, Kyakhta), and their unstable financial and economic situation testified to the secondary importance of the Orthodox issue on the agenda of the republican authorities.

The activities of the legalized parishes illustrate their existence under conditions of permanent external control and internal conflict. The constant increase in the tax burden on clergy after 1948 served as another economic lever of pressure and a constraint on their activities. The “New Course” regarding Orthodoxy in the Buryat-Mongolian ASSR did not signify a genuine liberalization of state-religious relations or an abandonment of the strategic goal of building an atheistic society. The Orthodox tradition in the region, deprived in previous decades of most of its infrastructure and social base, received extremely narrow and unstable opportunities for legal existence.

Keywords: Russian Orthodox Church, Buryat-Mongolian ASSR, Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the USSR Council of Ministers, state-religious relations, Stalinist religious policy, Orthodox parishes

For citation:

Dashkovskiy P. K., Traudt E. A. The Russian Orthodox Church in the Buryat-Mongolian ASSR in 1945–1953: institutions and practices under the soviet “new course” religious policy. *Nations and religions of Eurasia*. 2026T. 31, № 1. P. 202–234. DOI 10.14258/nreur(2026)1–11

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies at Altai State University, Barnaul (Russia), Professor of the Department of World History, Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand (Uzbekistan). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Traudt Egor Andreevich, Senior Lecturer, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** traudt805ea@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-8439-3151>

Введение

Религиозный ландшафт Бурятии, традиционно ассоциируемый с буддизмом и шаманизмом, характеризуется устойчивым присутствием и последователей православия. Это подтверждается современными статистическими данными: на конец 2024 г. Бурятская митрополия Русской Православной Церкви, объединяющая 87 из 260 зарегистрированных в регионе религиозных организаций, является крупнейшей по этому показателю [Статистический ежегодник... 2025: 182–183]. При этом современные исследователи отмечают исторически сложившийся в Бурятии буддийско-шаманско-православный синкретизм, свидетельствующий о высокой степени религиозной толерантности населения [Батомункуев, Варнавский, 2016: 216–217]. Данный факт обуславливает актуальность изучения истории православной традиции в Бурятии и ее

взаимодействие с органами власти. Ключевым для понимания современной религиозной ситуации в регионе является советский этап, когда проводимая политика принудительной секуляризации и административного контроля привела к маргинализации религии, создав предпосылки для ее активного восстановления в постсоветскую эпоху. Осмысление этого опыта позволяет разрабатывать более эффективные модели взаимодействия государства и религиозных объединений, направленные на гармонизацию межконфессиональной сферы [Дашковский, Дворянчикова, 2022: 7].

Открытие архивов в 1990-е годы, названное «архивной революцией», дало мощный импульс исследованию ранее закрытых страниц советской истории [Хлевнюк, 2025: 20–21]. Это касалось и сферы изучения вероисповедной политики. Однако, несмотря на появление работ как общероссийского, так и регионального уровней, механизмы государственного регулирования религии в национальных автономиях Сибири, особенно в Бурят-Монгольской АССР, остаются слабо изученными. Существующие исследования по бурятскому православию (труды Г. С. Митьповой [2005; 2014] и И. С. Цыремпиловой [2014, 2017]) внесли важный вклад в изучение научной проблемы. При этом их источниковая база ограничивалась в основном региональными архивами. Данная работа предлагает новый ракурс, базируясь на документах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), что позволит проанализировать механизмы реализации единой вероисповедной политики в отношении православных общин на союзном и республиканском уровнях. Целью данного исследования является комплексный анализ государственного регулирования РПЦ МП в Бурят-Монгольской АССР в 1945–1953 гг. в период «нового курса» советской вероисповедной политики.

Под «новым курсом» в историографии понимается преимущественно период 1943–1948 гг., начавшийся встречей И. В. Сталина с иерархами РПЦ и завершившийся фактическим прекращением регистрации религиозных общин. В настоящем исследовании понятие «новый курс» употребляется в расширенной трактовке — применительно ко всему позднесталинскому периоду вероисповедной политики (вторая половина 1940-х — первая треть 1950-х гг.). Это позволяет рассматривать как период его относительной либерализации, так и последующее свертывание в едином контексте. Такой подход соответствует традиции ряда исследователей (М. В. Шкаровский, отчасти Т. А. Чумаченко [Шкаровский, 1999; Чумаченко, 1999: 23–173]) и не противоречит источниковой базе работы.

Правовое положение религиозных объединений в период «нового курса»

С приходом советской власти вероисповедная политика претерпевает значительные изменения. Ее правовой базой можно считать декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918 г.), Постановление ВЦИК «О религиозных объединениях» (1929 г.), а также нормы Конституций СССР (1924, 1936, 1977). Данные документы постулировали принцип отделения религиозных объединений от государства, лишая последних прав юридического лица. Деятельность религиозных объединений должна была касаться сугубо культового характера, никак не влияя на другие сферы общественной жизни. При номинальной и декларативной свободе совести, выраженной в Основном Законе, фактически всю вероисповедную политику регулиро-

вали и направляли секретные распоряжения, предписания, постановления и инструкции, информацию о которых имело лишь небольшое количество партийных и советских служащих, занимающихся вопросами религии. Формировалась ситуация, при которой рядовой верующий был оторван от истинного положения вещей и механизмов осуществления вероисповедной политики [Сосковец, 2003].

В современной историографии преобладает взгляд на советскую вероисповедную политику как на сложный и противоречивый процесс. Применяемые меры государства по отношению к религиозным объединениям не были линейными. Часто ключевые механизмы формировались под влиянием текущих политических задач, а не идеологии. Это позволяет исследователям, вслед за А. И. Савиным, определять данную политику как «зигзагообразную». На фоне общего курса построения атеистического государства возникали периоды временного «потепления», которые являлись следствием прагматичных решений высшего руководства [Савин, 2018].

Интересную точку зрения на взаимоотношения советского государства и православной церкви выдвигает Е. Лютко. Он критикует устоявшуюся в зарубежной историографии схему, описывающую положение церкви в СССР исключительно через оппозицию «борьба — коллаборационизм», считая, что это является упрощением. Эта модель, сформированная западной и эмигрантской литературой в условиях информационного вакуума, не позволяла увидеть сложность церковной реальности [Лютко, 2025].

Одним из «зигзагов» советской вероисповедной политики по праву можно считать пересмотр государственно-конфессиональных отношений в середине 1940-х гг. Вопрос о причинах данного явления достаточно объективно и комплексно рассмотрен в ряде работ исследователей [Митрофанов, 2021: 444–510; Рокуччи, 2016; Шкаровский, 1999; Чумаченко, 1999: 23–173; и др.]. Среди основных факторов кардинального пересмотра системы государственно-конфессиональных отношений обычно выделяют патристическую деятельность многих конфессий во время Великой Отечественной войны (далее — ВОВ), тенденцию противостоять лояльному отношению к религии со стороны гитлеровской Германии на оккупированных территориях, а также ставку руководства страны на возможное использование религиозных объединений в международной деятельности. Исследователь вероисповедной политики «сталинского» периода И. В. Курляндский, признавая вышеназванные доводы, добавляет к ним стремление властных структур лишить религиозные объединения в целом и отдельных священников в частности ореола «гонимых» для снижения их авторитета среди верующей части населения [Курляндский, 2011: 578]. С данным утверждением трудно не согласиться. Определенная совокупность фактов: итоги переписи населения 1937 г., результаты которой показали значительное число религиозных людей в номинально атеистическом СССР [Жиромская, Киселев, Поляков, 1996: 96], репрессии священнослужителей в конце 1930-х гг. [Курляндский, 2010] и общий рост религиозной активности во время ВОВ говорят о небезосновательности опасений правительства и партии в вопросе возможного неконтролируемого «религиозного возрождения».

Определяющим моментом для всей вероисповедной политики «нового курса» стала встреча православных митрополитов с И. В. Сталиным в сентябре 1943 г. После этого организация всей религиозной жизни в стране становится подконтрольной госу-

дарству, восстанавливаются церковные структуры, корректируется нормативно-правовая база, определяющая правовое положение религии в СССР [Курляндский, 2019б: 315]. Практически всеми исследователями признается, что сталинский разворот в вероисповедной политике был в первую очередь политическим шагом, направленным для достижения конкретных целей. В пользу этого вывода обычно приводят аргумент, что комплекс советского законодательства, касающегося религиозных объединений, так и не был пересмотрен окончательно, хотя такие попытки предпринимались. Учреждаемые после 1943 г. нормативно-правовые акты, предполагающие некоторые уступки религиозным объединениям, часто противоречили действующему законодательному корпусу, регулирующему религиозную сферу [Беглов, 2008: 103–105; Шкаровский, 2009: 13]. Временный характер появившихся документов позволял в любой момент развернуть все вспять, в очередной раз качнув маятник вероисповедной политики в сторону ужесточения. Характерно, что с началом ВОВ была «заморожена» вся антирелигиозная пропаганда, закрыты все атеистические издания и музеи [Курляндский, 2019а]. Некоторые исследователи советского атеизма не без основания видят в этом преобладание политических интересов руководства страны над идейной составляющей советского режима [Смолкин, 2021: 138–139].

Роль посредников между религиозными объединениями и государством в новой системе отношений отводилась Совету по делам РПЦ при СНК (с 1946 г. — СМ) СССР (создан в 1943 г.) [Одинцов, Чумаченко, 2013] и Совету по делам религиозных культов при СНК (с 1946 г. — СМ) СССР (создан в 1944 г.) [Одинцов, Кочетова, 2014: 154–165]. В регионах данные Советы имели систему уполномоченных, осуществляющих непосредственный контроль за деятельностью религиозных объединений на местах. Многочисленные уполномоченные, в том числе курирующие религиозный вопрос, позволяли более эффективно осуществлять «повседневный» контроль, придавая ему системность [Хлевнюк, Горлицкий, 2024: 35].

Открытие культовых зданий и регистрация религиозных объединений регулировались в случае РПЦ МП постановлением СНК СССР «О порядке открытия церквей» (1943 г.) [Постановление Совета народных комиссаров СССР № 1325..., 2010: 105–107], а в случае религиозных объединений других вероисповеданий — постановлением СНК СССР «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (1944 г.) [Приложение к постановлению № 1603..., 2015: 603–604]. Новая система де-юре должна была облегчить процедуру получения регистрации культового здания, предполагая установить комбинированную систему по регистрации религиозных объединений между союзными и местными органами власти [Одинцов, 2014: 310]. Однако де-факто система «тройного фильтра», через который пропускалось заявление группы верующих (уполномоченные, местные органы власти, общесоюзные Советы) усложняла ситуацию [Курляндский, 2019б: 143–146]. Уполномоченные, являясь первичной инстанцией и принимая непосредственное участие в работе по рассмотрению заявлений граждан, сразу отсекали большое количество заявлений верующих. Запретительный характер работы был характерен и для последующего решения местных органов власти. По данной причине многие письма и прошения верующих не доходили до общесоюзных Советов [Одинцов, 2019].

Важным условием по открытию культовых зданий стали техническая и санитарная оценка состояния здания, его пригодность, а также расстояние от культового сооружения до населенных пунктов заявителей и число действующих зданий того же вероисповедания в регионе. В вышеуказанных постановлениях предусматривалось, что председатели религиозных центров или их представители полномочны поддерживать или отторгать заявления граждан об открытии культовых зданий [Приложение к постановлению № 1603...: 2015: 603–604]. Создание этих условий позволяло регулировать процесс открытия храмов и молитвенных домов на отдельно взятой территории, создавая формальные причины для отказа [Курляндский, 2019б: 143–146].

Другие нормативно-правовые акты были направлены на уточнение положения религиозных объединений внутри СССР. Так, постановление СНК СССР «О порядке обложения доходов монастырей и предприятий при епархиальных управлениях» (1945 г.), постановление СНК СССР «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов» (1946 г.), постановление «О молитвенных зданиях религиозных обществ» (1946 г.) наделяли религиозные объединения правом т. н. «ограниченного лица». Разрешалось покупать, арендовать, строить здания для собственных нужд. Кроме того, появилась возможность открывать на свое имя текущие счета в Государственном банке СССР для хранения сумм, поступающих в ходе пожертвований [Курилов, 2022: 74]. Был установлен запрет на закрытие без специального разрешения Совета по делам РПЦ при СНК (СМ) СССР и Совета по делам религиозных культов при СНК (СМ) СССР молитвенных зданий, находившиеся в ведении религиозных объединений. Без подобного разрешения не допускалось переоборудование недействующих храмов, а их разбор и слом рассматривался как крайний случай и мог осуществляться только при наличии соответствующего технического акта. Местным органам власти было предложено находить и по возможности выделять религиозным обществам какой-либо материал для проведения ремонта культовых помещений [Ахмадулина, 2022: 322–323].

В связи с изменением статуса религиозных объединений РПЦ МП трансформировалась и система управления православным приходом. В период 1945–1960-х гг. распорядительным органом считалось приходское собрание, сформированное из т. н. «двадцатки». Исполнительным органом являлся церковный совет, а контролирующими — ревизионная комиссия и настоятель храма. Церковный Совет, согласно положению «Об управлении РПЦ» (1945 г.), заботился о материальной обеспеченности и состоянии храма, а также ведал финансовыми средствами. Ревизионная комиссия, состоящая из трех членов прихода, должна была осуществлять контроль за церковным имуществом и поквартально проводить ревизии [Положение..., 1945: 5–8]. В свою очередь, настоятель назначался управляющим епархией и был обязан возглавлять приходскую общину и церковный совет. Таким образом, духовенство вновь сосредоточило в своих руках административную и финансовую деятельность. При этом данный документ противоречил Постановлению ВЦИК «О религиозных объединениях» (1929 г.), согласно которому управление религиозными объединениями должно было находиться в руках исполнительных органов, избранных из «двадцатки» учредителей, т. е. мирян [Марченко, Ефимушкин, 2022: 201].

К концу 1940-х гг. в очередной раз происходит корректировка курса вероисповедной политики. Проявившаяся в военные и первые послевоенные годы тенденция к облегчению положения религиозных объединений в СССР к концу 1940-х гг. стала подвергаться ревизии, что более соответствовало атеистическому фундаменту советской системы [Сосковец, 2020: 52]. После 1948 г. полностью прекращается регистрация религиозных объединений по всему СССР. Среди причин такого решения исследователи называют неудачи РПЦ МП на внешнеполитической арене, начало холодной войны. В период 1945–1948 гг. со стороны советской власти и РПЦ МП предпринимались попытки создания мирового религиозного центра в Москве, предполагавшие противостояние со Святым Престолом [Васильева, 2004: 90–91]. Кроме того, со стороны РПЦ МП предполагался перевод в свою юрисдикцию всех русских заграничных приходов, поддержка христианскими конфессиями режимов «народной демократии» в странах Восточной Европы. Неудачи переговорных процессов и начало холодной войны привели к переориентации внешней политики РПЦ МП. С этого времени советская власть, учитывая всю ограниченность использования церковных представителей на международном поприще, стала отводить им роль участников движения за мир, пропаганду свободы совести в СССР [Шкаровский, 2009: 13].

Еще одной причиной изменения отношения к религиозным объединениям в конце 1940-х гг. стала общая тенденция борьбы с инакомыслием, в очередной раз набирающая силу. Проводившиеся политически ангажированные кампании, затрагивающие как партийную верхушку («Ленинградское дело»), так и общественные организации («Еврейский антифашистский комитет»), влекли за собой усиление идеологических установок, запугивание номенклатуры, рост антисемитизма [Хлевнюк, Горлицкий, 2011]. В результате религиозные объединения, представляющие определенную мировоззренческую оппозицию советскому режиму, также привлекали повышенное внимание со стороны советских и партийных органов. Критика «низкопоклонства перед Западом» в науке и культуре создавала атмосферу, в которой любая религиозная деятельность, имевшая международные связи, рассматривалась как потенциально враждебная советскому строю [Пихоя, 2000: 58–61; 68–78].

К тому же происходит смещение центра принятия политических решений. Все большую роль (особенно после XIX съезда партии) в советской политике начинает играть идеологический компонент, представленный линией ЦК ВКП(б) (с 1952 г. — ЦК КПСС). Вопросы идеологии, в том числе и антирелигиозной борьбы, переходят в ведение более догматичного партийного аппарата, оттесняя на второй план государственные органы (например, Совет по делам религий при СМ СССР и Совет по делам религиозных культов при СМ СССР), которые могли действовать более гибко. В 1947 г. решением ЦК ВКП(б) создается Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, которому в числе прочих передавались функции Союза воинствующих безбожников. Осенью 1948 г. в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) под руководством секретаря ЦК М. А. Суслова начинается работа над проектом постановления «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний». Содержание документа говорило о стремлении идеологических структур партии поставить под контроль всю вероисповедную политику советского государства. При этом со сто-

роны секретариата ЦК ВКП(б) всячески критиковалась деятельность Совета по делам РПЦ при СМ СССР [Одинцов, 2014: 360–369]. Несмотря на то что вышеуказанные меры в итоге не нашли своего конкретного воплощения, общий вектор идеологизации политики не мог не сказаться на будущем характере взаимоотношений между религиозными объединениями и властью [Чумаченко, 1999: 124–125].

Как было отмечено выше, после 1948 г. и вплоть до смерти И. В. Сталина полностью прекращается регистрация религиозных объединений и открытие молитвенных зданий. Говоря об общей статистике закрытия православных церквей и молитвенных домов в 1948–1952 гг., исследователи приводят данные о снятии с регистрации 1314 православных церквей и молитвенных домов. И. А. Курляндский приводит данные, что за период 1944–1948 гг. были официально открыты 1290 молитвенных зданий¹. Таким образом, в годы «нового курса» руководство СССР больше закрыло церквей, чем официально открыло. Схожий вектор вероисповедной политики наблюдался и в отношении конфессий, деятельность которых была подотчетна Совету по делам религиозных культов при СНК (СМ) СССР [Курляндский, 2019б: 297–303]. При этом более 80% подаваемых ходатайств было отклонено либо не рассмотрено [Курляндский, 2015: 522].

Таким образом, вероисповедную политику периода второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. нужно воспринимать в контексте общего политического курса поздних лет правления И. В. Сталина. Система с присущим ей прагматизмом использовала потенциал религиозных объединений для решения конкретных политических задач. Период «нового курса» был сложным и неоднозначным этапом в государственно-конфессиональных отношениях. Восстановление религиозной жизни и религиозных структур шло рука об руку с усилением контроля за их деятельностью со стороны партийных и государственных органов. Создаваемая нормативно-правовая база середины 1940-х гг. входила в противоречие с генеральной линией советской вероисповедной политики, показывая временность и утилитарность принимаемых решений и очерчивая «границы возможного» для религиозных объединений.

В 1948 г. после корректировки внутривнутриполитического курса и разочарования в международной деятельности РПЦ МП маятник государственно-конфессиональных отношений вновь качнулся в сторону ужесточения принимаемых мер. В какой-то степени сохранялся «статус-кво», который сложился в 1943–1948 гг. Можно сказать, что религиозные объединения так или иначе не стали полноправной частью советского общества. Руководство страны всеми силами старалось удержать религиозную деятельность в стенах храмов и молитвенных домов и не допустить влияния на советское общество. Однако нельзя не отметить, что, несмотря на контроль, легализация позволила тысячам верующих, особенно в сельской местности и среди уязвимых групп населения (эвакуированные, женщины, пожилые), легально удовлетворять свои религиозные потребности, что стало важным социальным стабилизатором в тяжелое послевоенное время.

¹ В данном случае историк не учитывает свыше трех тысяч бывших униатских церквей, перешедших в 1946–1949 гг. в Русскую Церковь из западных областей и Закарпатья Украины, считая, что их открытие обусловлено в первую очередь политической целесообразностью борьбы с влиянием Ватикана.

Восстановление православной традиции Бурятии в послевоенный период

Первые православные храмы на территории Бурятии появились в XVII в. В 1648 г. была построена Преображенская церковь в Баргузинском остроге, в 1665 г. — Спаская церковь в Селенгинском остроге, в 1679 г. — Покровская церковь в Тункинском остроге. В дальнейшем помимо церковного строительства осуществлялось и учреждение монастырей, которые стали важным фактором для хозяйственного освоения территории [Жарникова, 2009: 294]. В XIX в. православная традиция в Бурятии получает дальнейший импульс к развитию, связанному с активной миссионерской деятельностью. Активное распространение православия часто сталкивалось с глубокими устоями шаманизма и буддизма у бурят. Результатом стало уникальное религиозное многообразие региона, где относительно мирно сосуществовало православие, буддизм и шаманизм [Дамешек, Жалсанова, Курас, 2020: 393, 395]. К началу XX в. в Бурятии (включая территорию Читинской области) действовало 287 церквей, четыре монастыря [Митыпова, 2005: 112].

Установление советской власти в Бурятии повлекло за собой изменение отношения к действующим здесь религиозным объединениям. Если ко времени образования Бурят-Монгольской АССР в мае 1923 г. на ее территории действовали 44 дацана, 211 православных храмов, 81 старообрядческий молитвенный дом, 7 иудейских синагог, 6 мусульманских мечетей, 5 баптистских общин, католический костел, то к середине 1930-х гг. большая часть храмов и молитвенных домов были закрыты или разрушены [История Бурятии..., 2011: 126].

Во время Великой Отечественной войны в Бурят-Монгольской АССР фиксируется активизация религиозной деятельности всех конфессий. Оставшиеся на свободе шаманы и буддийские ламы проводили массовые обряды под открытым небом, совершали ритуалы в частном порядке. Создание Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов было призвано поставить проявления нелегальной религиозности под государственный контроль. Общины, которые не желали встраиваться в советскую систему государственно-конфессиональных отношений, автоматически становились нарушителями советского законодательства.

В 1944–1945 гг. православные верующие г. Улан-Удэ начинают предпринимать действия по открытию Вознесенской церкви. В 1945 г. церковный актив подает ходатайство в СНК Бурят-Монгольской АССР, 6 мая 1945 г. высший исполнительный орган республики удовлетворяет данное прошение [Постановление № 190 Совнаркома БМАССР..., 2001: 150]. Спустя месяц данное решение утверждается в Совете по делам РПЦ при СНК СССР [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20. Л. 31а]. Однако, несмотря на положительное решение вышестоящих инстанций, само религиозное объединение начнет функционирование лишь в декабре 1945 г. [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 108]. В следующем 1946 г. разрешается открытие православной церкви в приграничном с Монголией г. Кяхта [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20. Л. 32; Оп. 3. Д. 542. Л. 108]. В 1940–1980-е гг. православные приходы, функционировавшие на территории Иркутской и Читинской областей, Бурят-Монгольской (с 1958 г. — Бурятской) и Якутской АССР, входили в состав Иркутской епархии, восстановленной в 1948 г. [Смолина, 2010; Цыремпилова, 2017].

Помимо религиозных объединений, получивших легальный статус, православные верующие Бурятия подавали и другие ходатайства, которые не были удовлетворены (табл). Имеются сведения о ходатайствах четырех групп верующих об открытии церквей в с. Читкане, д. Усть-Баргузин Баргузинского аймака, а также в с. Кударе Байкало-Кударинского аймака, д. Каленово Иволгинского аймака [Цыремпилова, Злыгостева, 2010: 59] Рассматривая всю совокупность подаваемых прошений об открытии молитвенных зданий, можно отметить, что доля православных в этом отношении была небольшой. Их основная часть касалась буддийской конфессии. При этом с каждым годом снижается количество поданных ходатайств, что в целом характеризует реалии советской вероисповедной политики тех лет [Степанов, 2015: 597–598]. Формальными причинами для отказа могли выступать занятость церковных зданий под общественные нужды, фальсификация подписей при подаче ходатайств, а также наличие церкви в соседнем районе [Горбатов, 2008: 122–123]. Государственные органы в период 1945–1946 г. зарегистрировали основные религиозные объединения, сосредоточив в них всю религиозную жизнь в республике. Дальнейшее удовлетворение ходатайств, с точки зрения властных органов, могло привести к росту религиозности населения.

**Данные о поданных ходатайствах об открытии православных церквей
в Бурят-Монгольской АССР в 1945–1949 гг.²
Data on Petitions Submitted for the Opening of Orthodox Churches
in the Buryat-Mongolian ASSR in 1945–1949**

	Поступило					Результаты рассмотрения			
	1945	1946	1947	1948	1949	Всего	Удовлетворено	Отклонено	Без рассмотрения
РПЦ МП	1	2	2	1	—	6	2	2	2
Все конфессии	23	17	10	1	—	51	25	23	3

Определенная сложность исторического изучения дальнейшей деятельности религиозных объединений РПЦ МП в Бурят-Монгольской АССР связана с небольшим количеством имеющихся источников. Как следовало из логики советской вероисповедной политики исследуемого периода, контроль за деятельностью религиозных объединений РПЦ МП должен был осуществлять уполномоченный Совета по делам РПЦ при СНК Бурят-Монгольской АССР, однако такой должности в Бурятии создано не было [Дроботушенко, Ланцова, Камнева, Сотников А. А., Сотников С. А., 2021: 34]. Кадровая проблема стала одной из центральных для работы новообразованного органа. Приоритет в назначениях уполномоченных отдавался освобожденным от немецкой оккупации регионам [Одинцов, Чумаченко, 2013: 148]. При этом должность уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК БМАССР, занимавшегося делами всех остальных общин, была введена еще в 1944 г. [Ахмадулина, 2025: 131]. Данное положение дел говорит о первоочередной важности работы с буддийской конфессией, которая получает институциональное оформление в 1945–1946 гг.

² Сост. по: [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 106–107].

В 1946 г. создается Временное Центральное Духовное Управление Буддистов, юрисдикция которого распространялась на весь СССР [Ванчикова, Чимитдоржин, 2006: 20]. Схожая ситуация наблюдалась в Тувинской АО, где по причине отсутствия уполномоченного Совета по делам РПЦ его обязанности выполнял уполномоченный Совет по делам религиозных культов [Дашковский, Монгуш, 2023: 1162]. Существовала и противоположная ситуация. Например, в Псковской области, где в период немецкой оккупации было открыто большое количество церквей РПЦ МП, не было учреждено должности уполномоченного Совета по делам религиозных культов, хотя группы, подлежащие регулированию данной инстанцией, существовали [Кормина, 2008: <https://clck.ru/3S59Jy>].

К тому же послевоенное движение за восстановление РПЦ МП на территории Бурятии было сосредоточено вокруг вышеназванных зарегистрированных храмов, не имея широкого ареала распространения на территории Бурятии, в то время как буддийские, шаманские и старообрядческие группы появлялись практически на всей территории республики, что объясняет необходимость более плотного контроля за их деятельностью со стороны уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК БМАССР. Лишь в некоторых случаях уполномоченный Совет по делам религиозных культов при СМ БМАССР по просьбе вышестоящих органов предоставлял небольшую информацию о действующих в Бурят-Монголии православных церквях. Важной задачей для всех уполномоченных стало разрешение возникающих конфликтов внутри религиозных объединений, а также рассмотрение жалоб и писем верующих [Гераскин, 2011: 50].

Одними из самых распространенных конфликтных ситуаций в послевоенное время стало противостояние между настоятелями, церковными советами и паствой, в основном связанное с хищением средств [Леонтьева, 2015: 12]. Так, в 1948 г. уполномоченным Советом по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР Н. Г. Гармаевым описывался внутрицерковный конфликт, возникший между членами церковного совета и верующими Вознесенской церкви г. Улан-Удэ. В основе лежали финансовые злоупотребления и контроль над значительными денежными потоками общины. Верующие неоднократно жаловались на превышение должностных полномочий, но их сигналы игнорировались руководством храма (старостой и настоятелем). На общем собрании в присутствии более трехсот прихожан отчет старосты был признан неудовлетворительным. Открытым голосованием была избрана ревизионная комиссия для проверки и новый состав церковного совета, который был зарегистрирован уполномоченным Советом по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР Н. Г. Гармаевым. Однако староста и настоятель отказались признать результаты собрания, уклонились от ревизии и передачи дел, организовав сбор подписей под жалобами в вышестоящие инстанции и обвиняя новоизбранный совет в «расколе» и незаконности, а уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР и светские власти — во вмешательстве во внутренние дела церкви. В документах фиксируются случаи коррупции и подкупа со стороны старосты и настоятеля для сокрытия фактов финансовой неадекватности [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 298. Л. 3–15]. В итоге Совет по делам РПЦ при СМ СССР воспринял действия уполномоченного Совета

по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР как вмешательство во внутренние дела церкви. Разрешением ситуации должна заниматься сама община совместно с архиепископом. Расследование финансовых недостатков предлагалось поручить прокуратуре [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 298. Л. 1].

В данном случае наблюдается явное противоречие между светской и религиозной сторонами. Представители церковного актива ставили под сомнение правомочность собрания, ссылаясь на церковные каноны и отсутствие благословения архиерея, в то время как государственная власть и миряне настаивали на соблюдении советского законодательства о религиозных культах и принципов открытого голосования. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР, как представитель государства, признает легитимным именно советский правовой порядок.

Интерес в данном случае представляет личность церковной старосты. В рассматриваемом документе она представлена как «хищная, наглая, коррумпированная особа», манипулирующая священниками. Для верующих и клира она несомненный авторитет, так как именно благодаря ее деятельности религиозное объединение Вознесенской церкви в 1945 г. получило регистрацию. В течение конфликта со стороны старосты наблюдается постепенный перевод финансового спора в идеологическую плоскость «борьбы с расколом» и «защиты канонического порядка». К тому же ей удавалось вовлечь в конфликт и вышестоящие инстанции (архиепископ Варфоломей) [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 298. Л. 3–15].

Характерно, что именно в послевоенный период женская часть населения стала играть большую роль в церковной жизни. В послевоенное время по большей части, именно женщины подавали ходатайства о регистрации и становились старостами [Белякова, 2011: 435]. Среди причин, объясняющих данное явление, отмечается то, что значительная часть мужского населения СССР, находясь в центре общественно-политических процессов первой половины XX в. (войны, репрессии 1930-х гг.), была физически уничтожена [Сосковец, 2004: 64]. Помимо этого, большие усилия советского государства в области антирелигиозной пропаганды были направлены на формирование негативного образа «религиозности с женским лицом», воспринимаемого как слабость, что делало религию непривлекательной для мужского населения [Белякова, Добсон, 2015: 45].

В 1949 г. община Вознесенской церкви г. Улан-Удэ занималась незаконным изготовлением и сбытом крестиков в ряде аймаков Бурят-Монгольской АССР. Уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР формируется досье для отстранения священнослужителя от должности. Предлогом для принятия данного решения стала, во-первых, информация о имеющейся у священника судимости, которую он сокрыл при регистрации. Во-вторых, священник был «нелояльно» настроен по отношению к советской власти, о чем сообщил уполномоченному Совету по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР второй клирик церкви. Антисоветскими были признаны произнесенные во время проповеди слова: «За здоровье людей, гонимых за веру». В итоге Совет по делам РПЦ при СМ СССР согласился с увольнением священника [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 459. Л. 1–5]. Данный

пример подтверждает тезис о том, что на местах процесс легализации религии в послевоенное время осуществлялся с опорой на лояльных к советской власти религиозных деятелей. Они в какой-то степени сами являлись проводниками советской вероисповедной политики, проявляя конформистскую позицию к новым условиям существования религии в СССР. Данное обстоятельство, несомненно, играло на руку советской власти, которой с опорой на таких деятелей удалось узаконить религиозные объединения в послевоенном советском государстве, устранив в них идеологического оппонента [Савин, 2019: 36–37]. Однако надо признать, что, несмотря на повсеместно фиксируемые случаи сотрудничества религиозных деятелей и государственных органов, мотивировка такой деятельности в каждом конкретном случае могла варьироваться (подробнее см.: [Беглов, Белякова, 2022]).

Примечательно, что на этот раз, описывая ситуацию в Вознесенской церкви, уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР подчеркивал свое принципиальное невмешательство в дела религиозной общины, опасаясь недовольства со стороны Совета по делам РПЦ при СМ СССР [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 459. Л. 1–5]. Отстранения священников за «чрезмерно активную в религиозном плане деятельность» или антисоветскую позицию наблюдались и в других регионах Сибири [Горбатов, 2008: 133].

В 1950 г. на имя уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР потупил ряд жалоб от группы православных верующих г. Улан-Удэ. Содержание заявлений касалось вопросов внутренней жизни Вознесенской церкви [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 166–167].

Конфликты могли происходить не только между представителями исполнительных органов и прихожанами, но и внутри клира. Так, в 1951 г. настоятель Вознесенской церкви обратился к прокурору Пригородного района г. Улан-Удэ с жалобой на псаломщика. Суть заявления сводилась к тому, что псаломщик якобы готовит покушение на жизнь священника, а также распространяет слухи о его «агентурной деятельности», мотивируя это еврейской национальностью последнего [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544. Л. 16–17]. Данный случай говорит о том, что церковные споры решались не канонически (внутри церкви), а в светских правоохранительных органах. Это подчеркивает подчинение церкви государству и отсутствие у нее реальной внутренней юрисдикции. К тому же атмосфера антисемитизма и доносительства, которой был пронизан период конца 1940-х — начала 1950-х гг., также играла роль для возможных обвинений на основании национальной принадлежности [Кострыченко, 2010].

Анализируя описанные случаи, можно заключить, что в послевоенный период ситуация в церкви Вознесения г. Улан-Удэ не была стабильной. Возникающие конфликтные ситуации в основном связывались с разделением бюджета. При этом имели место конфронтация верующих и руководства церкви, складывание определенных коалиций, наличие коррупционных механизмов. Можно согласиться с некоторыми исследователями, которые видят в деятельности уполномоченных стереотип нового формата государственного чиновника, способного, с одной стороны, легализовать религиозную деятельность, а с другой — вмешиваться в дела религиозных объединений, диктовать условия [Марченко, Чумаченко, 2017: 543].

Обрядовая и финансово-хозяйственная деятельность религиозных объединений РПЦ МП в Бурят-Монгольской АССР

Одним из самых крупных таинств, проводимых религиозными объединениями РПЦ МП в Бурят-Монгольской АССР, была Пасха. Традиция празднования Пасхи в СССР оказалась одной из самых устойчивых, повсеместно наблюдаясь во второй половине XX в. [Горбатов, 2024: 747]. Проведение Пасхи неприменно влекло за собой рост религиозной активности населения [Белоусов, 2016: 143]. Так, в 1951 г. в период пасхальных торжеств доход церквей РПЦ МП в Бурят-Монгольской АССР составил 41 356 руб. (Вознесенская церковь г. Улан-Удэ) и 4300 руб. (Успенская церковь г. Кяхта) [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 299–300]³. Наличие на территории республики лишь двух действующих религиозных объединений РПЦ МП провоцировало верующих совершать паломничества в Улан-Удэ и Кяхту [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 300]. Причины роста числа верующих на пасхальных богослужениях объяснялись уполномоченным Советом по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР совпадением дат религиозных праздников с советскими торжествами (1 и 9 мая) [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 301]. Однако в Бурят-Монгольской АССР в послевоенный период самым посещаемым праздником являлось крещение, что наглядно отражено на рисунке 1.

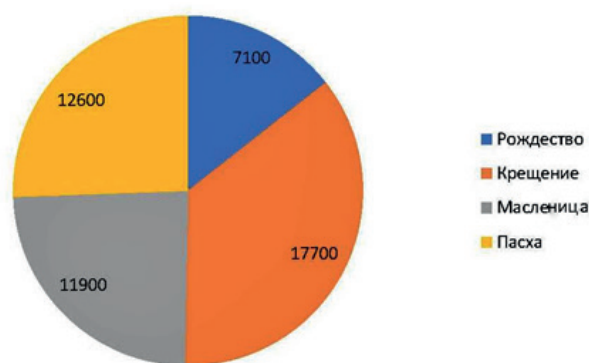

Рис. 1. Процентное распределение посещений праздников в Вознесенской церкви г. Улан-Удэ в послевоенный период⁴

Fig. 1. Percentage Distribution of Attendance at Religious Holidays in the Ascension Church, Ulan-Ude, in the Post-War Period

В данном случае интересно указание Масленицы в качестве православного праздника. Среднее количество ее посещений было практически наравне с Пасхой. Таким образом, Масленица прочно удерживала свои позиции как важнейший культурно-народный праздник. В дальнейшем в ходе трансформации религиозной обрядности в социалистическую Масленица будет заменена на «Проводы русской зимы», исключая из него религиозный компонент [Смолкин, 2021].

³ В данную сумму не входят персональные пожертвования клиру, так как они не фиксировались исполнительными органами храма.

⁴ Сост. по: [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544. Л. 102].

Рассматривая динамику посещений православных праздников в Вознесенской церкви г. Улан-Удэ в послевоенный период, можно заметить плавное ежегодное их снижение (рис. 2). Данную ситуацию можно объяснить общей тенденцией ужесточения вероисповедной политики к концу 1940-х гг. К тому же необходимо принимать во внимание, что уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР мог намеренно занижать количественные данные для доказательства постепенного отмирания религии на территории региона.

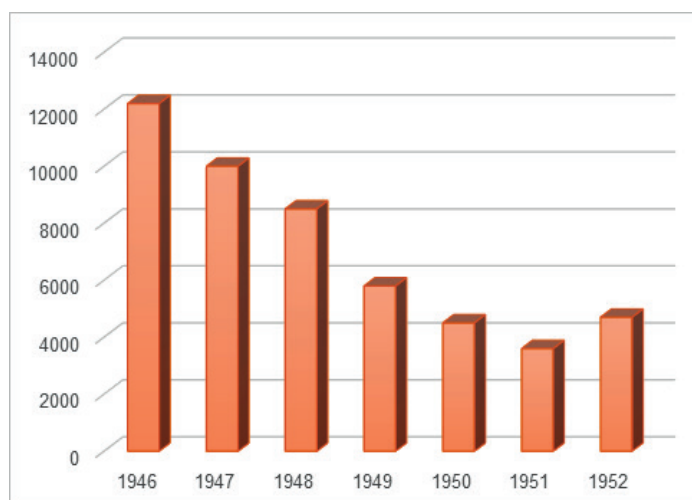

Рис. 2. Динамика посещений основных праздников в Вознесенской церкви г. Улан-Удэ в послевоенный период, чел.⁵

Fig. 2. Dynamics of Attendance at Major Holidays in the Ascension Church, Ulan-Ude, in the Post-War Period, in persons

Клир рассматриваемых православных церквей в силу объективных условий был немногочисленным и претерпевал частую ротацию. В 1950 г. в храме Вознесения г. Улан-Удэ служили три священника, а в Успенской церкви г. Кяхта — один [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 108]. В архивных документах имеется интересная информация, связанная с наличием «бродячих священников» на территории г. Улан-Удэ [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 300; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544. Л. 100]. Данные представители составляли большую социальную группу служителей культа, наблюдаемую по всему СССР во многих конфессиях. Как правило, это были люди, которые не хотели встраиваться в структуру советской вероисповедной политики, уклонялись от уплаты налогов [Беглов, 2008: 145; Гусева, 2013; Старостин, Ярко, 2020; Халидова, 2017: 17; и др.]. На территории Сибири известны целые приходы, которые продолжали функционировать, несмотря на отсутствие регистрации [Горбатов, 2008: 118].

Священники религиозных объединений после регистрации облагались подоходным налогом. В целом в первые годы обозначенного «нового курса» наблюдается некото-

⁵ Сост. по: [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544. Л. 102]

рое смягчение фискальной политики по отношению к религиозным деятелям. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. подоходным налогом облагались не сами религиозные организации и объединения, а лица, получающие от них те или иные доходы [О подоходном налоге с населения..., 1943]. В постановлении СМ СССР «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов» от 3 декабря 1946 г. конкретно указывалось, из чего складывается доход священнослужителя, который должен облагаться подоходным налогом. Оговаривались те формы дохода, которые облагаться налогом не могли [Чумаченко, 2008: 143]. Обложением налогами священнослужителей на местах занимались специальные фининспекторы. Нормативно-правовые акты наделяли должностных лиц финансовых органов правом проверки документов в религиозных организациях и беспрепятственного входа в помещения, где ведутся ритуалы, а также проверки относящихся к этим действиям документов и осмотра запасов сырья, материалов и готовых изделий предметов религиозных культов [Гольст, 1975: 65].

Анализируя данные рисунка 3, можно сделать вывод, что процентная ставка налога для священнослужителей росла из года в год, дойдя до 36% в 1952 г. Можно предположить, что данная ситуация связана с общим ужесточением вероисповедной политики после 1948 г. Уполномоченные Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР, объясняя эту ситуацию, писали об улучшении налогового учета со стороны финансовых органов, что позволяло взимать большую сумму. Несмотря на чрезмерную фискальную нагрузку, уже лежащую на клире, уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР выступал с инициативой по увеличению сумм взимаемых сборов [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 270].

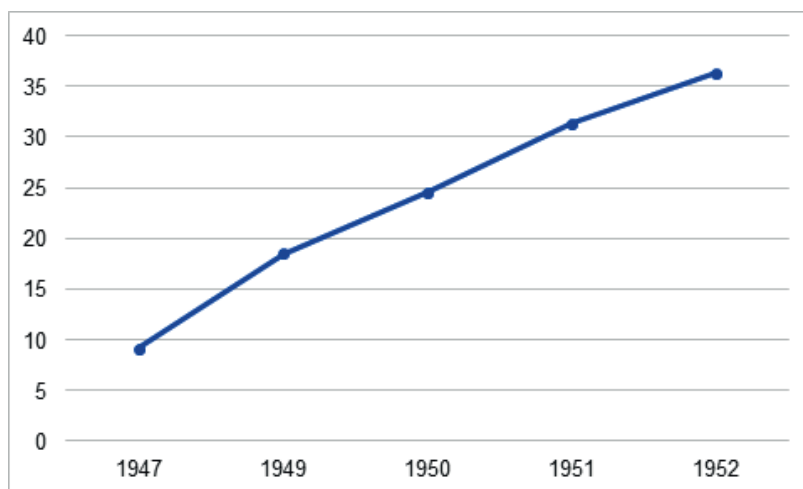

Рис. 3. Динамика процентной ставки для православных священников Бурят-Монгольской АССР в 1947–1952 гг.⁶

Fig. 3. Dynamics of the Tax Rate for Orthodox Priests in the Buryat-Mongolian ASSR, 1947–1952

⁶ Сост. по: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 541, 542.

Духовенству, обслуживающему персоналу храмов и верующим приходилось участвовать в приобретении облигаций государственного займа по восстановлению и развитию народного хозяйства. Данный жест, с одной стороны, был удобным механизмом для подрыва финансовой базы религиозных объединений, а с другой — являлся наглядным выражением политической лояльности к советскому строю [Бердникова, 2011: 451]. Например, в 1951 г. Вознесенской церковью г. Улан-Удэ на эти цели было потрачено 25,2 тыс. руб. Большую часть этой суммы (15 тыс. руб.) внесли прихожане. Успенская церковь г. Кяхты в этот же год приобрела облигации на сумму 2,6 тыс. руб. В 1952 г. Вознесенская церковь внесла уже 39,4 тыс. руб. [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544. Л. 98]. При этом внесенная некоторыми священниками сумма (1,5 и 2 тыс. руб.), по мнению властей, была недостаточной. После беседы с председателем райсовета священниками было потрачено на эти цели еще по 500 руб. [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544. Л. 99]. Представители государственной власти обязывали священнослужителей использовать проповеди для стимулирования участия верующих в подписке на государственный заем [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542. Л. 28]. Обязательным для священников было участие в выборах. За этим также следил уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ Бурят-Монгольской АССР [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544. Л. 17].

После смерти И. В. Сталина и общего «потепления» общественно-политического курса в 1950-х гг. православие на территории Бурятии получило импульс к развитию. Временной отрезок 1955–1957 гг. воспринимается исследователями советской вероисповедной политики как относительно стабильный для существования религиозных объединений. Некоторые исследователи характеризуют его в качестве «самого благоприятного периода для РПЦ после 1947 г.», приводя доводы об увеличении числа священников и паломников, а также о возрастающем желании поступать в духовные учебные заведения со стороны граждан [Шкаровский, 2010: 354]. В это время проблемы государственно-конфессиональных отношений были отодвинуты на второй план более насущными проблемами, связанными с внутренней и внешней политикой [Чумаченко, 1999: 162–163]. В данном случае важно отметить принятое 17 февраля 1955 г. постановление СМ СССР «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий». Документ разрешал Совету по делам РПЦ при СМ СССР и Совету по делам религиозных культов при СМ СССР в упрощенном порядке регистрировать религиозные объединения, вводя их деятельность в легальное поле [Беглов, 2008: 240–241; Дашковский, Зиберт, 2020: 77]. Церковный историк Г. Н. Митрофанов называет данный временной промежуток «церковной оттепелью» по аналогии с оттепелью политической [Митрофанов, 2021: 521].

В Бурят-Монгольской АССР православные приходы в это время находились в состоянии развития. За 1957 г. доходы Вознесенской церкви г. Улан-Удэ составили 771 тыс. руб. [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 11]. В дни больших праздников для всех прихожан в Вознесенской церкви не хватало места [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 29]. Верующие неоднократно пытались добиться передачи им в пользование Одигитриевского собора в г. Улан-Удэ, в котором на тот момент находился краеведческий музей. При положительном решении вопроса они обязывались провести в Одигитриевском соборе ремонт, так как его здание, по их мнению, находилось в запущенном состоянии [Заяв-

ление членов приходского совета..., 2001: 158–159]. Однако прошения не были удовлетворены властями из-за невозможности переноса фондов музея в другое здание [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 29; Д. 548. Л. 12]. В связи с ужесточением вероисповедной политики после 1858 г. Успенская церковь в г. Кяхта была закрыта. Церковь Вознесения в г. Улан-Удэ останется единственным действующим православным храмом республики вплоть до периода «перестройки» [Дашковский, Траудт, 2025].

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что положение религиозных объединений РПЦ МП в Бурят-Монгольской АССР в период реализации т. н. «нового курса» советской вероисповедной политики (вторая половина 1940-х — первая треть 1950-х гг.) являлось отражением общей системы государственно-конфессиональных отношений в позднесталинском СССР. С формальной точки зрения, либерализация 1943–1945 гг., инициированная встречей иерархов РПЦ с И. В. Сталиным, создала прецедент для частичного восстановления религиозной жизни. В контексте Бурят-Монголии это выразилось в регистрации двух приходских общин (в г. Улан-Удэ и г. Кяхта), которые приобрели статус официально действующих православных центров на территории республики. Данная мера, с одной стороны, позволила поставить под контроль религиозные запросы части населения в контролируемое правовое поле, выполняя тем самым стабилизирующую функцию в послевоенный период. При этом сам процесс легализации носил избирательный и ограничительный характер.

Характерно, что в условиях поликонфессионального бурятского региона с доминирующими традициями буддизма и шаманизма православные общины занимали периферийное положение в системе государственного регулирования. Отсутствие в республике отдельного уполномоченного Совета по делам РПЦ, в отличие от институционализированного надзора за иными конфессиями через уполномоченного Совета по делам религиозных культов, свидетельствует о второстепенности православного вопроса в повестке местных властей, сосредоточенных на контроле над преобладавшими буддийскими, шаманскими и старообрядческими группами. Деятельность легализованных приходов демонстрирует их существование в условиях перманентного внешнего контроля и внутренней конфликтности. Постоянный рост налоговой нагрузки на служителей культа после 1948 г. выступал еще одним экономическим рычагом давления и ограничения для деятельности.

Таким образом, можно утверждать, что «новый курс» в отношении православия в Бурят-Монгольской АССР не означал подлинной либерализации государственно-конфессиональных отношений или отказа от стратегической цели построения атеистического общества. Православная традиция в регионе, лишенная в предшествующие десятилетия основной части своей инфраструктуры и социальной базы, получила крайне узкие и неустойчивые возможности для легального существования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахмадулина Ж. В. Деятельность Советского государства по созданию и развитию Совета по делам религиозных культов при Совете Народных Комиссаров СССР: Совете Министров СССР в 1944–1965 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2025. 329 с.

Ахмадулина Ж. В. Становление деятельности центрального аппарата Совета по делам религиозных культов: первые трудности и пути их преодоления // *Minbar. Islamic Studies*. 2022. № 15. С. 325–342. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-2-325-342>

Батомункуев С. Д., Варнавский П. К. Заключение // *Церковь — общество — власть: религиозные процессы в современной Бурятии*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. С. 215–221.

Беглов А. А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Арефа, 2008. 352 с.

Беглов А. А., Белякова Н. А. Спецслужбы и религиозные организации в Советском государстве: механизмы коллаборации, стратегии выживания, источники // *История*. 2022. Т. 13, вып. 6. <https://doi.org/10.18254/S207987840021686-3>

Белоусов С. С. Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианского населения в годы советской власти (октябрь 1917–1991 г.). Элиста: КалМНЦ РАН, 2016. 342 с.

Белякова Н. А., Добсон М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг. Исследование и источники. М.: Индрик, 2015. 512 с.

Белякова Е. В. Верующая женщина в советское время // *Женщина в православии: церковное право и российская практика*. М.: Кучково поле, 2011. С. 426–468.

Бердникова Т. Б. Сталинские послевоенные займы: директивы и жизнь // *Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции*. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. С. 451–463.

Ванчикова Ц. П., Чимитдоржин Д. Г. История буддизма в Бурятии: 1945–2000 гг. Улан-Удэ Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 136 с.

Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор: факты, события, документы. М: Лепта, 2004. 382 с.

Гераськин Ю. В. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви: исторический портрет (на материалах областей Центральной России) // *Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 48–59.

Гольст Г. Р. Религия и закон. М: Юридическая литература, 1975. 109 с.

Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е годы. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 406 с.

Горбатов А. В. Празднование Пасхи: тревоги советского государства (середина 1940-х — середина 1980-х годов) // *Новейшая история России*. 2024. Т. 14, № 3. С. 737–750. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.313>

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 298.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 459.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 541.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 542.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 543

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544.

- Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547.
Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548.
- Гусева Ю. Н. Суфийские братства, «Бродячие муллы» и «Святые места» Среднего Поволжья в 1950–1960-е годы как проявления «Неофициального ислама» // Исламоведение. 2013. № 2. С. 36–43.
- Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX — начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2020. 740 с.
- Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири: монография. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2022. 153 с. (Этнокультурные и религиоведческие исследования в Евразии. Вып. 5).
- Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 — середине 1960-х гг.: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 140 с.
- Дашковский П. К., Монгуш А. В. Влияние изменения вектора государственно-конфессиональной политики СССР на положение религиозных общин в Туве в конце 1940-х — начале 1950-х гг. // Oriental Studies. 2023. Т. 16, № 5. С. 1152–1166. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-69-5-1152-1166>
- Дашковский, П. К., Траудт Е. А. Православные общины Бурятской АССР в условиях изменения советской вероисповедной политики во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 1. С. 227–255. [https://doi.org/10.14258/nreur \(2025\) 1-13](https://doi.org/10.14258/nreur (2025) 1-13)
- Дроботушенко Е. В., Ланцова Ю. Н., Камнева Г. П., Сотников А. А., Сотников С. А. Штаты уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви в середине 1940-х гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 29–40. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2021-1-4>
- Жарникова С. С. Православные монастыри в истории и культуре Республики Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 6. С. 291–294.
- Жиромская В. Б., Киселев В. И.; Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Все-союзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.
- Заявление членов приходского совета православной общины г. Улан-Удэ о Совмин РСФСР о передачи здания бывшего Одигитривского собора верующим города // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век. Сборник документов. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2001. С. 159–159.
- История Бурятии: в 3 т. Т. 3. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2011. 464 с.
- Кормина Ж. В. Исполкомы и приходы: религиозная жизнь Псковской области в первую послевоенную пятилетку // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. URL: <https://clck.ru/3S59Jy>
- Костырченко Г. В. Сталин против «космополитов»: власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 415 с.
- Курилов В. А. Советская модель секуляризации: политическое и правовое регулирование свободы совести в СССР (вторая половина XX века). СПб.: Изд-во РХГА, 2022. 344 с.

Курляндский И. А. Вклад Русской Православной Церкви в победу над врагом в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны, Дюссельдорф, 05–07 декабря 2017 года. Дюссельдорф: Политическая энциклопедия, 2019а. С. 321–344.

Курляндский И. А. Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.): исторические очерки. СПб.: Петроглиф, 2019б. 375 с.

Курляндский И. А. Власть и религия в годы «Большого террора» (1937–1938 гг.). По новым архивным документам // Труды Института российской истории РАН. 2010. № 9. С. 255–284.

Курляндский И. А. Политика сталинской власти в отношении открытия православных церквей в СССР в 1943–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. С. 519–526.

Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково поле, 2011. 701 с.

Леонтьева Т. Г. Церковная повседневность эпохи позднего сталинизма в провинциальном измерении // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. С. 6–16.

Лютко Е. О природе вневременности. Взгляд на положение Православной церкви в позднем СССР // Логос. 2025. № 6. 267–296.

Марченко А. Н., Ефимушкин П. А. Приходская реформа 1961 года и реакция на нее епископата Русской Православной Церкви // Вестник Екатеринбургской Духовной Семинарии. 2022. № 37. С. 199–210.

Марченко А. Н., Чумаченко Т. А. Управление процессом религиозного возрождения в годы Великой Отечественной войны Советом по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР и его уполномоченными по Молотовской области // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Т. 9. № 4. С. 531–549. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-4-531-549>.

Митрофанов Г. Н. Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении. М.: Практика, 2021. 528 с.

Митыпова Г. С. Православие в истории и культуре Бурятии. Улан-Удэ: Респ. тип., 2005. 231 с.

Митыпова, Г. С. Православная церковь Бурятии в условиях модернизации российского общества (XX–XXI вв.). Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2014. 175 с.

О подоходном налоге с населения: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. // Картотека законодательных и инструктивных материалов НКМП РСФСР. 1943 год. М.: Гос. изд-во мест. пром-сти РСФСР, 1944. Вып. 4–9. 13 с.

Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 424 с.

Одинцов М. И., Кочетова А. С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 317 с.

Одинцов М. И., Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. СПб.: Российское общество исследователей религии, 2013. 384 с.

Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти, 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 678 с.

Постановление № 190 Совнаркома БМАСССР об открытии Заудинской Вознесенской православной церкви в г. Улан-Удэ // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век.: Сб. док. Улан-Удэ: Респ. тип., 2001. С. 150.

Постановление Совета народных комиссаров СССР № 1325. О порядке открытия церквей // Наследие. Вып. 1: Религия — общество — государство: институты, процессы, мысль. Книга 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X — начало XXI века): хрестоматия в двух частях. Часть II: XX — начало XXI века. М.: Изд-во РАГС, 2010. С. 105–107.

Приложение к постановлению № 1603 СНК СССР от 19 ноября 1944 г. Предложения Совета по делам религиозных культов при СНК СССР «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» // Москва Победная. 1941–1945: Арх. док. и материалы. М.: ГБУ «ЦГА Москвы», 2015. С. 603–604.

Роккуччи А. Сталин и патриарх: православная церковь и советская власть, 1917–1958 М.: Политическая энциклопедия, 2016. 582 с.

Савин А. И. «Зигзаги» советской религиозной политики (1923–1966 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 4. С. 28–32. <https://doi.org/10.15372/HSS20180405>

Савин А. И. Советское государство и религиозные организации: от политики «разделяй и властвуй» к политике «объединяй и властвуй» // Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е годы: Материалы XI Международной научной конференции. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 31–38.

Смолина И. В. Иркутская епархия в системе государственно-церковных отношений в 1940–1980-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2010. 26 с

Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М.: Новое Литературное Обозрение, 2021. 547 с.

Сосковец Л. И. 1948 год в конфессиональной политике государства и жизнедеятельности религиозных организаций в СССР // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. С. 47–53. <https://doi.org/10.17223/19988613/67/7>

Сосковец Л. И. Правовое положение религиозных организаций в советском государстве // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2003. № 1. С. 310–322

Сосковец Л. И. Советские верующие: общие социодемографические и культурные характеристики // Вестник ТГУ. 2004. № 281. С. 62–65.

Старостин А. Н., Ярков А. П. «Бродячие» муллы в Сибири и на Дальнем Востоке в аспекте взаимоотношений государства, уммы и её лидеров // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. № 1. С. 13–17.

Статистический ежегодник. 2025. Статистический сборник. Улан-Удэ: Бурятстат, 2025. 372 с.

Степанов А. Ф. Казанская епархия и местная власть в 1944–1952 гг. (по отчетам уполномоченных Совета по делам РПЦ по Татарской АССР) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. С. 595–604.

Халидова О. Б. Вероисповедная политика Советского государства и мусульмане Дагестанской АССР в новых условиях послевоенного времени (1950–1965 гг.) // Религиоведение. 2017. № 1. С. 16–22. <https://doi.org/1022250/2072-8662.2017.1.16-22>

Хлевнюк О. В. Архивная революция и новые источники для изучения массовых настроений в СССР. Начало пути // История СССР и России: Архивная революция: научный сборник памяти В. А. Козлова. М.: Модест Колеров, 2025. С. 10–21.

Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 432 с.

Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. 229 с.

Цыремпилова И. С. История Успенской церкви г. Кяхта во второй половине XX в. (по материалам Государственного архива Республики Бурятия) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2014. С. 383–390.

Цыремпилова И. С. Русская Православная Церковь на территории Бурятии в 1940–1980-е гг. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. № 2. С. 37–43.

Цыремпилова И. С., Злыгостева Ю. Г. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви (Совета по делам религий) в 1940-х — 1980-х гг. (на примере Байкальского региона) // Власть. 2010. № 10. С. 47–50.

Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961. М.: АИРО-XX, 1999. 246 с.

Чумаченко Т. А. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е — первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2008. № 15. С. 138–149.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. Вече, Лепта, 2010. 478 с.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. 399 с.

Шкаровский М. В. Сталинская религиозная политика и Русская Православная Церковь в 1943–1953 годах // *Acta Slavica Iaponica*. 2009. Т. 27. С. 1–27.

References

Akhmadullina Zh. V. *Deyatel'nost' Sovetskogo gosudarstva po sozdaniyu i razvitiyu Soveta po delam religioznykh kul'tov pri Sovete Narodnykh Komissarov SSSR: Sovete Ministrov SSSR*

v 1944–1965 gg. *Diss. kand. ist. nauk* [The activity of the Soviet state in the creation and development of the Council for Religious Cults under the Council of People's Commissars of the USSR: Council of Ministers of the USSR in 1944–1965. Ph. D. Thesis of Historical Sciences]. Penza, 2025, 329 p. (In Russian).

Akhmadullina Zh. V. Stanovlenie deyatelnosti tsentral'nogo apparata Soveta po delam religioznykh kul'tov: pervye trudnosti i puti ikh preodoleniya [The formation of the activities of the central office of the Council for Religious Cults: the first difficulties and ways to overcome them]. *Minbar. Islamic Studies*. 2022, no. 15, pp. 325–342 (In Russian). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-2-325-342>

Batomunkuev S. D., Varnavskii P. K. Zaklyuchenie [Conclusion]. *Tserkov' — obshchestvo — vlast': religioznye protsessy v sovremennoi Buryatii* [Church — society — power: religious processes in modern Buryatia]. Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2016, pp. 215–221 (in Russian).

Beglov A. L. *V poiskakh "bezgreshnykh katakomb". Tserkovnoe podpol'e v SSSR* [In search of "sinless catacombs". The Church underground in the USSR]. Moscow: Arefa, 2008, 352 p. (In Russian).

Beglov A. L., Belyakova N. A. Spetssluzhby i religioznye organizatsii v Sovetskom gosudarstve: mekhanizmy kollaboratsii, strategii vyzhivaniya, istochniki [Special services and religious organizations in the Soviet State: mechanisms of collaboration, survival strategies, sources]. *Istoriya* [History]. 2022, vol. 13, iss. 6 (In Russian) <https://doi.org/10.18254/S207987840021686-3>

Belousov S. S. *Gosudarstvennaya religioznaya politika v Kalmykii v otnoshenii khristianskogo naseleniya v gody sovetskoi vlasti (oktyabr' 1917–1991 g.)* [State religious policy in Kalmykia in relation to the Christian population during the years of Soviet power (October 1917–1991)]. Ehlista: Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2016, 342 p. (In Russian).

Belyakova E. V. Veruyushchaya zhenshchina v sovetskoe vremya [A religious woman in Soviet times]. *Zhenshchina v pravoslavii: tserkovnoe pravo i rossiiskaya praktika* [A woman in Orthodoxy: Church law and Russian practice]. Moscow: Kuchkovo pole, 2011, pp. 426–468 (in Russian).

Belyakova N. A., Dobson M. *Zhenshchiny v evangel'skikh obshchinakh poslevoennogo SSSR. 1940–1980-e gg. Issledovanie i istochniki* [Women in the Evangelical communities of the post-war USSR. 1940–1980s. Research and sources]. Moscow: Indrik, 2015, 512 p. (In Russian).

Berdnikova T. B. *Stalinskie poslevoennye zaimy: direktivy i zhizn'* [Stalin's Post-War Loans: Directives and Life]. *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: Materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tver', 4–6 dekabrya 2014 g.* [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Tver, December 4–6, 2014]. Moscow: Political Encyclopedia; Boris Yeltsin Presidential Center, 2015, pp. 451–463 (in Russian).

Chumachenko T. A. *Gosudarstvo, pravoslavnaya tserkov', veruyushchie. 1941–1961* [The State, the Orthodox Church, and believers. 1941–1961]. Moscow: AIRO-XX, 1999, 246 p. (In Russian).

Chumachenko T. A. *Pravovaya baza gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii v 1940-e — pervoi polovine 1960-kh godov: sodержanie, praktika primeneniya, ehvolyutsiya* [The

legal framework of state-Church relations in the 1940s — the first half of the 1960s: content, application practice, evolution]. *Magistra Vitae: ehlektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* [Magistra Vitae: an electronic journal of historical sciences and archeology]. 2008, no. 15, pp. 138–149 (In Russian).

Dameshek L. M., Zhalsanova B. Ts., Kuras L. V. *Buryatskii etnos v imperskoi sisteme vlasti (XIX — nachalo XX v.)* [The Buryat ethnos in the imperial system of power (XIX — early XX centuries)]. Irkutsk: Ottisk, 2020. 740 p.

Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S. *Sovetskaya i rossiiskaya gosudarstvenno-konfessional'naya politika na yuge Zapadnoi Sibiri: monografiya* [Soviet and Russian state-confessional policy in the South of Western Siberia: a monograph]. Barnaul: Alai State University Publishing House, 2022, 153 p. (Ehtnokul'turnye i religiovedcheskie issledovaniya v Evrazii. Vyp. 5 [Ethnocultural and religious studies in Eurasia. Issue 5]) (In Russian).

Dashkovskiy P. K., Mongush A. V. Vliyanie izmeneniya vektora gosudarstvenno-konfessional'noi politiki SSSR na polozhenie religioznykh obshchin v Tuve v kontse 1940-kh — nachale 1950-kh gg. [The influence of changes in the vector of state and confessional policy of the USSR on the situation of religious communities in Tuva in the late 1940s — early 1950s]. *Oriental Studies*. 2023, vol. 16, no. 5, pp. 1152–1166 (in Russian) <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-69-5-1152-1166>

Dashkovskiy P. K., Traudt E. A. Pravoslavnye obshchiny Buryatskoi ASSR v usloviyakh izmeneniya sovetskoi veroispovednoi politiki vo vtoroi polovine 1980-kh — nachale 1990-kh gg. [Orthodox communities of the Buryat ASSR in the context of changes in Soviet religious policy in the second half of the 1980s — early 1990s]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2025, vol. 30, no. 1, pp. 227–255 (in Russian) [https://doi.org/10.14258/nreur\(2025\)1-13](https://doi.org/10.14258/nreur(2025)1-13)

Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. *Gosudarstvenno-konfessional'naya politika na yuge Zapadnoi Sibiri v kontse 1917 — seredine 1960-kh gg.: monografiya* [State-confessional policy in the south of Western Siberia in the late 1917 — mid-1960s: monograph]. Barnaul: Alai State University Publishing House, 2020, 140 p. (In Russian).

Drobotushenko E. V., Lantsova Yu. N., Kamneva G. P., Sotnikov A. A., Sotnikov S. A. Shtaty upolnomochennykh Soveta po delam Russkoi pravoslavnoi tserkvi v seredine 1940-kh gg. [Staff of the Authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the mid-1940s] *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki* [News of higher educational institutions. The Volga region. Humanities]. 2021, no. 1, pp. 29–40 (in Russian) <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2021-1-4>

Geras'kin Yu. V. Upolnomochennyi Soveta po delam Russkoi pravoslavnoi tserkvi: istoricheskii portret (na materialakh oblasti Tsentral'noi Rossii) [Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church: a historical portrait (based on the materials of the regions of Central Russia)]. *Gosudarstvo i tserkov' v XX veke: ehvolyutsiya vzaimootnoshenii, politicheskii i sotsiokul'turnyi aspekty. Opyt Rossii i Evropy* [The State and the Church in the 20th century: the evolution of relations, political and socio-cultural aspects. The experience of Russia and Europe]. Moscow: LIBROCOM Book House, 2011, pp. 48–59 (in Russian).

Gol'st G. R. *Religiya i zakon* [Religion and the Law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1975. 109 p. (In Russian).

Gorbatov A. V. *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940-e — 1960-e gody* [The State and religious organizations of Siberia in the 1940s — 1960s]. Tomsk: Tomsk: Publishing House of Tomsk State Pedagogical University, 2008, 406 p. (In Russian).

Gorbatov A. V. Prazdnovanie Paskhi: trevogi sovetskogo gosudarstva (seredina 1940-kh — seredina 1980-kh godov) [Easter celebration: the anxieties of the Soviet state (mid-1940s — mid-1980s)]. *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern History of Russia]. 2024, vol. 14, no. 3, pp. 737–750 (in Russian) <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.313>

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6991. Inv. 1. File 298 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6991. Inv. 1. File 459 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6991. Inv. 2. File 20 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6991. Inv. 3. File 541 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6991. Inv. 3. File 542 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6991. Inv. 3. File 543 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6991. Inv. 3. File 544 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation (GARF)]. Fund R-6991. Inv. 3. File 547 (in Russian).

Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6991. Inv. 3. File. 548 (in Russian).

Guseva Yu. N. Sufiiskie bratstva, “Brodyachie mully” i “Svyatye mesta” Srednego Povolzh'ya v 1950–1960-e gody kak proyavleniya “Neofitsial'nogo islama” [Sufi brotherhoods, “Wandering Mullahs” and “Holy Places” of the Middle Volga region in the 1950s and 1960s as manifestations of “Unofficial Islam”]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2013, no. 2, pp. 36–43 (in Russian).

Istoriya Buryatii: v 3 t. T. 3 [The history of Buryatia: in 3 volumes. Vol. 3]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011, 464 p. (In Russian).

Khalidova O. B. Veroispovednaya politika Sovetskogo gosudarstva i musul'mane Dagestanskoi ASSR v novykh usloviyakh poslevoennogo vremeni (1950–1965 gg.) [Religious policy of the Soviet state and Muslims of the Dagestan ASSR in the new conditions of the post — war period (1950–1965)]. *Religiovedenie* [Religious Studies]. 2017, no. 1, pp. 16–22 (in Russian) <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2017.1.16-22>

Khlevnyuk O. V. Arkhivnaya revolyutsiya i novye istochniki dlya izucheniya massovykh nastroyenii v SSSR. Nachalo puti [The Archival Revolution and new sources for studying mass sentiments in the USSR. The beginning of the path]. *Istoriya SSSR i Rossii: Arkhivnaya revolyutsiya: nauchnyi sbornik pamyati V.A. Kozlova* [History of the USSR and Russia: The Archival Revolution: a scientific collection in memory of V.A. Kozlov]. Moscow: Modest Kolerov, 2025, pp. 10–21 (In Russian).

Khlevnyuk O.V., Gorlitskii I. *Kholodnyi mir: Stalin i zavershenie stalinskoi diktatury* [The Cold World: Stalin and the End of the Stalinist Dictatorship]. Moscow: Boris Yeltsin Presidential Center, 2011, 229 p. (In Russian).

Khlevnyuk O.V., Gorlitskii I. *Sekretari. Regional'nye seti v SSSR ot Stalina do Brezhneva* [Secretaries. Regional networks in the USSR from Stalin to Brezhnev]. Moscow: New Literary Review, 2024, 432 p. (In Russian).

Kormina Zh. V. Ispolkomy i prikhody: religioznaya zhizn' Pskovskoi oblasti v pervuyu poslevoennuyu pyatiletku [Executive committees and parishes: religious life of the Pskov region in the first post-war five-year plan]. *Neprikosnovennyi zapas* [Inviolable reserve]. 2008, no. 3. URL: <https://clck.ru/3S59Jy> (accessed October 28, 2025) (in Russian).

Kostyrchenko G.V. *Stalin protiv "kosmopolitov": vlast' i evreiskaya intelligentsiya v SSSR* [Stalin against the "cosmopolitans": power and the Jewish intelligentsia in the USSR]. Moscow: Foundation of the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2010, 415 p. (In Russian).

Kurilov V.A. *Sovetskaya model' sekulyarizatsii: politicheskoe i pravovoe regulirovanie svobody sovesti v SSSR (vtoraya polovina XX veka)* [The Soviet model of secularization: political and legal regulation of freedom of Conscience in the USSR (the second half of the 20th century)]. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2022, 344 p. (In Russian).

Kurlyandskii I.A. *Vlast' i religiya v gody "Bol'shogo terrora2 (1937–1938 gg.)*. Po novym arkhivnym dokumentam [Power and religion during the years of the "Great Terror" (1937–1938). According to new archival documents]. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii Rossiiskoi Akademii Nauk* [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]. 2010, no. 9, pp. 255–284 (in Russian).

Kurlyandskii I.A. *Politika stalinskoi vlasti v otnoshenii otkrytiya pravoslavnykh tserkvei v SSSR v 1943–1953 gg.* [The policy of the Stalinist government regarding the opening of Orthodox churches in the USSR in 1943–1953]. *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: Materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953: Proceedings of the VII International Scientific Conference.] Moscow: Political Encyclopedia; Boris Yeltsin Presidential Center, 2015, pp. 519–526 (in Russian).

Kurlyandskii I.A. *Stalin, vlast', religiya (religiozniye i tserkovnyye faktory vo vnutrennei politike sovetskogo gosudarstva v 1922–1953 gg.)* [Stalin, power, religion (religious and ecclesiastical factors in the internal policy of the Soviet state in 1922–1953)]. Moscow: Kuchkovo pole, 2011, 701 p. (in Russian).

Kurlyandskii I.A. *Vklad Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v pobedu nad vragom v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [The contribution of the Russian Orthodox Church to the victory over the enemy during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Sovetskii tyl 1941–1945: povsednevnyaya zhizn' v gody voiny, Dyussel'dorf, 05–07 dekabrya 2017 goda* [Soviet home front 1941–1945: everyday life during the war, Dusseldorf, 05–07 December 2017]. Dyussel'dorf: Political Encyclopedia, 2019a, pp. 321–344 (in Russian).

Kurlyandskii I.A. *Vlast' i religioznye organizatsii v SSSR (1939–1953 gg.): istoricheskie ocherki* [Power and religious organizations in the USSR (1939–1953): historical essays]. St. Petersburg: Petroglif, 2019b, 375 p. (In Russian).

Leont'eva T.G. Tserkovnaya povsednevnost' ehpokhi pozdnego stalinizma v provintsial'nom izmerenii [Church everyday life of the Late Stalinist era in the provincial dimension] // *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: Materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tver', 4–6 dekabrya 2014 g.* [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Tver, December 4–6, 2014]. Moscow: Political Encyclopedia; Boris Yeltsin Presidential Center, 2015, pp. 6–16 (in Russian).

Lyut'ko E. O prirode vnenakhodimosti. Vzgl'yad na polozhenie Pravoslavnoi tserkvi v pozdnem SSSR [On the nature of non-necessity, A look at the position of the Orthodox Church in the late USSR]. *Logos*. 2025, no. 6. 267–296 (In Russian).

Marchenko A.N., Chumachenko T.A. Upravlenie protsessom religioznogo vozrozhdeniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetom po delam Russkoi pravoslavnoi tserkvi pri Sovete narodnykh komissarov SSSR i ego upolnomochennymi po Molotovskoi oblasti [Management of the process of religious revival during the Great Patriotic War by the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars of the USSR and its commissioners for the Molotov region]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)* [Ars Administrandi (The Art of Management)]. 2017, vol. 9, no. 4, pp. 531–549 (in Russian). <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-4-531-549>.

Marchenko A.N., Efimushkin P.A. Prikhodskaya reforma 1961 goda i reaktsiya na nee episkopata Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [The 1961 Parish reform and the reaction of the Episcopate of the Russian Orthodox Church to it]. *Vestnik Ekaterinburgskoi Dukhovnoi Seminarii* [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary]. 2022, no. 37, pp. 199–210 (in Russian).

Mitrofanov G.N. *Ocherki po istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi XX veka. Tserkov' v gonanii. Tserkov' v plenanii* [Essays on the history of the Russian Orthodox Church of the XX century. The church is being persecuted. The Church in captivity]. Moscow: Praktika, 2021, 528 p. (In Russian).

Mitypova G.S. *Pravoslavie v istorii i kul'ture Buryatii* [Orthodoxy in the history and culture of Buryatia]. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2005, 231 p. (In Russian).

Mitypova G.S. *Pravoslavnaya tserkov' Buryatii v usloviyakh modernizatsii rossiiskogo obshchestva (XX–XXI vv.)* [The Orthodox Church of Buryatia in the context of modernization of Russian society (XX–XXI centuries)]. Ulan-Ude: Publishing house of the East Siberian State Academy of Culture and Arts, 2014, 175 p. (In Russian).

O podokhodnom naloge s naseleniya: Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 30 aprelya 1943 g. [About personal income tax. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated April 30, 1943]. *Kartoteka zakonodatel'nykh i instrukativnykh materialov Narodnogo komissariata mestnoi promyshlennosti RSFSR. 1943 god* [File of legislative and instructional materials of the People's Commissariat of Local Industry of the RSFSR. 1943]. Moscow: State Publishing House of Local Industry of the RSFSR, 1944, iss. 4–9, 13 p. (In Russian).

Odintsov M.I. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i v ehpokhu stalinskogo sotsializma. 1917–1953* [The Russian Orthodox Church on the eve and in the era of Stalinist Socialism. 1917–1953]. Moscow: Political Encyclopedia, 2014, 424 p. (In Russian).

Odintsov M. I., Chumachenko T. A. *Sovet po delam Russkoi pravoslavnoi tserkvi pri Sovete Narodnykh Komissarov (Sovete Ministrov) SSSR i Moskovskaya patriarkhiya: ehpokha vzaimodeistviya i protivostoyaniya. 1943–1965 gg.* [Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars of the USSR and the Moscow Patriarchate: the Era of Interaction and Confrontation 1943–1965]. St. Petersburg: Russian Society of Religious Researchers, 2013, 384 p. (In Russian).

Odintsov M. I., Kochetova A. S. *Konfessional'naya politika v Sovetskom Soyuze v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Confessional politics in the Soviet Union during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Political Encyclopedia, 2014, 317 p. (In Russian).

Pikhoya R. G. *Sovetskii Soyuz: istoriya vlasti, 1945–1991* [The Soviet Union: the History of Power, 1945–1991]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2000, 678 p. (In Russian).

Postanovlenie № 190 Sovnarkoma Buryat Mongol'skoi ASSR ob otkrytii Zaudinskoi Voznesenskoi pravoslavnoi tserkvi v g. Ulan-Udeh [Resolution No. 190 of the Council of People's Commissars of the BMASSR on the opening of the Zaudinsky Ascension Orthodox Church in Ulan-Ude]. *Iz istorii religioznykh konfessii Buryatii. XX vek.: Sbornik dokumentov* [From the History of religious denominations of Buryatia. XX century.: Collection of documents]. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2001, p. 150 (in Russian).

Postanovlenie Soveta narodnykh komissarov SSSR № 1325. O poryadke otkrytiya tserkvei [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR No. 1325. On the procedure for opening churches]. *Nasledie. Vypusk 1: Religiya — obshchestvo — gosudarstvo: instituty, protsessy, mysl'. Kniga 1: Istoriya gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii v Rossii (X — nachalo XXI veka): khrestomatiya v dvukh chastyakh. Chast' II: XX — nachalo XXI veka* [Heritage. Issue 1: Religion — Society — State: institutions, processes, and thought. Book 1: The History of state-confessional relations in Russia (X — the beginning of the XXI century): a textbook in two parts. Part II: XX — the beginning of the XXI century]. Moscow: Publishing House of the Russian Academy of Public Administration, 2010, pp. 105–107 (in Russian).

Prilozhenie k postanovleniyu № 1603 Soveta Narodnykh Komissarov SSSR ot 19 noyabrya 1944 g. Predlozheniya Soveta po delam religioznykh kul'tov pri SNK SSSR “O poryadke otkrytiya molitvennykh zdaniy religioznykh kul'tov” [Appendix to Resolution No. 1603 of the Council of People's Commissars of the USSR dated November 19, 1944 Proposals of the Council for Religious Cults under the Council of People's Commissars of the USSR “On the procedure for opening prayer buildings of religious cults”]. *Moskva Pobednaya. 1941–1945: Arkhivnye dokumenty i materialy* [Moscow Pobednaya. 1941–1945: Architectural documents and materials]. Moscow: State Budgetary Institution Central State Archive of the City of Moscow, 2015, pp. 603–604 (in Russian).

Rokucci A. *Stalin i patriarkh: pravoslavnaya tserkov' i sovetskaya vlast', 1917–1958* [Stalin and the Patriarch: the Orthodox Church and Soviet Power, 1917–1958]. Moscow: Political Encyclopedia, 2016, 582 p. (In Russian).

Savin A. I. “Zigzagi” sovetskoi religioznoi politiki (1923–1966 gg.) [“Zigzags” of Soviet religious policy (1923–1966)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2018, vol. 25, no. 4, pp. 28–32 (in Russian) <https://doi.org/10.15372/HSS20180405>

Savin A. I. Sovetskoe gosudarstvo i religioznye organizatsii: ot politiki “razdelyai i vlastvul” k politike “ob'edinyai i vlastvui” [The Soviet state and religious organizations: from the pol-

icy of “divide and rule” to the policy of “unite and rule”]. *Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva v 1920–1950-e gody: Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Confessional policy of the Soviet state in the 1920s — 1950s: Proceedings of the XI International Scientific Conference]. Moscow: Political Encyclopedia, 2019, pp. 31–38 (in Russian).

Shkarovskii M. V. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve (gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v 1939–1964 godakh)* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (state-church relations in 1939–1964)]. Moscow: Krutitskoe patriarshee podvor'e, 1999, 399 p. (In Russian).

Shkarovskii M. V. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow: Veche, Lepta, 2010. 478 p. (In Russian).

Shkarovskii M. V. *Stalinskaya religioznaya politika i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v 1943–1953 godakh* [Stalin's religious policy and the Russian Orthodox Church in 1943–1953]. *Acta Slavica Iaponica*. 2009, vol. 27, pp. 1–27 (in Russian).

Smolina I. V. *Irkutskaya eparkhiya v sisteme gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii v 1940–1980-e gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Irkutsk Diocese in the system of state-church relations in the 1940s-1980s: abstract of the dissertation. candidate of Historical Sciences]. Irkutsk, 2010, 26 p. (In Russian).

Smolkin V. *Svyato mesto pusto ne byvaet: istoriya sovetskogo ateizma* [A holy place is never empty: the History of Soviet Atheism]. Moscow: New Literary Review, 2021, 547 p. (In Russian).

Soskovets L. I. 1948 god v konfessional'noi politike gosudarstva i zhiznedeyatel'nosti religioznykh organizatsii v SSSR [Year of 1948 in the confessional policy of the state and the life of religious organizations of the USSR]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2020, no. 67, pp. 47–53 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/19988613/67/7>

Soskovets L. I. *Pravovoe polozhenie religioznykh organizatsii v sovetskom gosudarstve* [The legal status of religious organizations in the Soviet state]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii* [Scientific notes of the St. Petersburg named after V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy]. 2003, no. 1, pp. 310–322 (in Russian).

Soskovets L. I. *Sovetskie veruyushchie: obshchie sotsiodemograficheskie i kul'turnye kharakteristiki* [Soviet believers: common sociodemographic and cultural characteristics]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2004, no. 281, pp. 62–65 (in Russian).

Starostin A. N., Yarkov A. P. “Brodyachie” mully v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v aspekte vzaimootnoshenii gosudarstva, ummy i ee liderov [“Wandering” mullahs in Siberia and the Far East in the aspect of relations between the state, the Ummah and its leaders]. *Vestnik obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk* [Bulletin of Social and Humanitarian Sciences]. 2020, no. 1, pp. 13–17 (in Russian).

Statisticheskii ezhegodnik. 2025. Statisticheskii sbornik [Statistical yearbook. 2025. Statistical collection]. Ulan-Ude: Buryatstat, 2025, 372 p. (in Russian).

Stepanov A. F. *Kazanskaya eparkhiya i mestnaya vlast' v 1944–1952 gg. (po otchetam upolnomochennykh Soveta po delam RPTS po Tatarskoi ASSR)* [The Kazan Diocese and

local government in 1944–1952 (according to the reports of the authorized representatives of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Tatar ASSR)]. *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: Materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953: Proceedings of the VII International Scientific Conference]. Moscow: Political Encyclopedia; Boris Yeltsin Presidential Center, 2015, pp. 595–604 (in Russian).

Tsyrempilova I. S. *Istoriya Uspenskoj tserkvi g. Kyakhta vo vtoroi polovine XX v. (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatii)* [The history of the Assumption Church in Kyakhta in the second half of the twentieth century (based on the materials of the State Archive of the Republic of Buryatia)]. *Irkutskii istoriko-ehkonomicheskii ezhegodnik: 2014* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2014]. Irkutsk: Baikal State University, 2014, pp. 383–390 (in Russian).

Tsyrempilova I. S. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' na territorii Buryatii v 1940–1980-e gg.* [The Russian Orthodox Church in Buryatia in the 1940s and 1980s]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the East Siberian State Institute of Culture]. 2017, no. 2, pp. 37–43 (in Russian).

Tsyrempilova I. S., Zlygosteva Yu. G. *Deyatel'nost' upolnomochennykh Soveta po delam Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (Soveta po delam religii) v 1940-kh — 1980-kh gg. (na primere Baikalskogo regiona)* [The activities of the commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church (Council for Religious Affairs) in the 1940s — 1980s (on the example of the Baikal region)]. *Vlast'* [Power]. 2010, no. 10, pp. 47–50 (in Russian).

Vanchikova Ts. P., Chimitdorzhin D. G. *Istoriya buddizma v Buryatii: 1945–2000 gg.* [The history of Buddhism in Buryatia: 1945–2000]. Ulan-Udeh: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2006, 136 p. (In Russian).

Vasil'eva O. Yu. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Vtoroi Vatikanskii Sobor: fakty, sobytiya, dokumenty* [The Russian Orthodox Church and the Second Vatican Council: facts, events, documents]. Moscow: Lepta, 2004, 382 p. (In Russian).

Zayavlenie chlenov prikhodskogo soveta pravoslavnoi obshchiny g. Ulan-Udeh o Sovmin RSFSR o peredachi zdaniya byvshego Odigitrivskogo sobora veruyushchim goroda [Statement by members of the Parish Council of the Orthodox community of Ulan-Ude on the Council of Ministers of the RSFSR on the transfer of the building of the former Odigitrivsky Cathedral to the faithful of the city]. *Iz istorii religioznykh konfessii Buryatii. XX vek. Sbornik dokumentov* [From the history of religious denominations of Buryatia. XX century. Collection of documents]. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2001, pp. 159–159 (in Russian).

Zharnikova S. S. *Pravoslavnye monastyri v istorii i kul'ture Respubliki Buryatii* [Orthodox monasteries in the history and culture of the Republic of Buryatia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2009, no. 6, pp. 291–294 (In Russian).

Zhiromskaya V. B., Kiselev V. I.; Polyakov Yu. A. *Polveka pod grifom “sekretno”: Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda* [Half a century classified as “secret”: The All-Union population Census of 1937]. Moscow: Nauka, 1996, 152 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 03.11.2025

Принята к публикации: 10.12.2025

Дата публикации: 31.03.2026

УДК 008+ 94 (47).084.9

DOI 10.14258/nreur(2026)1–12

Т. П. Назарова, В. А. Иванов

Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград (Россия)

ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД И «АРХИТЕКТУРА СМЕРТИ» В СССР В 1940–1960-Е ГГ.

Целью статьи является выявление новых подходов в советской политике в области похоронного дела и траурной обрядности начиная с 1941 г. вплоть до конца 1960-х гг., что позволило скорректировать общепринятую периодизацию трансформации социалистической обрядности в СССР. Анализ таких источников, как декреты, правила, инструкции, положения и их проекты, касавшиеся кладбищ и похорон, а также выявление в полевых условиях новых типов «архитектуры смерти», появившихся в 1950-е гг., показывает, что под влиянием Великой Отечественной войны сформировались новые подходы не только чисто в утилитарной сфере оказания погребальных услуг, но и в ритуально-обрядовой области. В военные годы в верхах власти обсуждалась необходимость разработки торжественной траурной панихиды для простых граждан как альтернативы христианскому похоронному обряду. Далее, в конце 1940-х гг., уже принимаются типовые проекты монументальных траурных павильонов, своей архитектурой напоминающих христианские храмы и античные пантеоны, в которых обряд должен проводиться с опорой на национальные и религиозные традиции, но в социалистическом варианте. Было доказано, что в начале и середине 1950-х гг. как минимум три таких павильона были уже построены, в том числе в городе Волжском. Но хрущевская «оттепель» вновь меняет идеологические подходы, в том числе в похоронной обрядности, и необходимость в величественных муртуариях-пантеонах отпадает, на смену им приходят скромные траурные площадки, которые строятся по всей стране для проведения гражданской панихиды, но уже с другой смысловой нагрузкой.

Ключевые слова: похоронное дело, социалистическая обрядность, траурная обрядность, «архитектура смерти», муртуарий, СССР

Цитирование статьи:

Назарова Т. П., Иванов В. А. Похоронный обряд и «архитектура смерти» в СССР

в 1940–1950-е гг. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 31, № 1. С. 234–247.

DOI 10.14258/nreur(2026)1–12

Назарова Татьяна Павловна, кандидат исторических наук, доцент Волгоградского государственного аграрного университета, Волгоград (Россия). **Адрес**

для контактов: hist_tatyana@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0003-1701-9237>

Иванов Виктор Анатольевич, старший преподаватель Волгоградского государственного аграрного университета, Волгоград (Россия). **Адрес для контактов:** ivanov.viktor-93@yandex.ru; <http://orcid.org/0009-0003-7813-5853>

T. P. Nazarova, V. A. Ivanov

Volgograd State Agricultural University, Volgograd (Russia)

THE FUNERAL RITE AND THE “ARCHITECTURE OF DEATH” IN THE USSR IN THE LATE 1940^S–1960^S

The purpose of the article is to identify new approaches in Soviet policy in the field of funeral and funeral rites, starting in 1941 and up to the end of the 1960^s, which made it possible to correct the generally accepted periodization of the transformation of socialist rites in the USSR. The analysis of such sources as decrees, rules, instructions, regulations and their projects concerning cemeteries and funerals, as well as the identification in the field of new types of “death architecture” that appeared in the 1950s shows that under the influence of the Great Patriotic War, new approaches were formed not only in the purely utilitarian sphere of funeral services but also in the ritual and ceremonial field. During the war years, the need to develop a solemn funeral service for ordinary citizens as an alternative to the Christian funeral rite was discussed on the sidelines of the authorities. Further, at the end of the 1940s, standard designs of monumental funeral pavilions were already being adopted, their architecture resembling Christian temples and ancient churches and ancient pantheons, in which the ceremony should be conducted based on national and religious traditions, but in a socialist version; and in the early and mid-1950s at least three such pavilions had already been built, including in the city of Volzhsky. But Khrushchev's “thaw” again changes ideological approaches, including in funeral rites, and the need for majestic pantheon Mortuaries disappears, they are replaced by modest funeral sites that are being built all over the country to hold a civil memorial service, but with a different semantic load.

Keywords: funeral business, socialist rites, funeral rites, “Architecture of death”, mortuary, USSR

For citation:

Nazarova T. P., Ivanov V. A. The funeral rite and the “Architecture of Death” in the USSR in the late 1940^s–1950^s. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 31, № 1, P. 234–247.
DOI 10.14258/nreur(2026)1–12

Nazarova Tatyana Pavlovna, PhD, associate professor of the Volgograd State Agricultural University, Volgograd (Russia). **Contact address:** hist_tatyana@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0003-1701-9237>

Ivanov Victor Anatolyevich, senior lecturer of the Volgograd State Agricultural University, Volgograd (Russia). **Contact address:** ivanov.viktor-93@yandex.ru; <http://orcid.org/0009-0003-7813-5853>

Введение

Актуальным направлением современных религиоведческих и исторических исследований является изучение советской идентичности и повседневности. Отношение к смерти и ритуалы погребения — это важные атрибуты культурной идентичности любого общества, на которые влияют не только традиции, религия и менталитет людей, но и регулятивная деятельность, а также идеологическая политика со стороны государства. Анализ советской сакральности и смертной (кладбищенской) архитектуры, связанной с нею, — чрезвычайно перспективная и важная для развития современного российского общества тема, способствующая сохранению историко-культурного наследия нашей страны в XXI в., развитию духовных и нравственных ценностей.

С приходом к власти большевиков начался длительный процесс вытеснения религии из жизни общества. Религиозную обрядность должна была заменить «социалистическая гражданская обрядность» без религиозного наполнения. Новые обряды свидетельствовали о зарождении нового общества и нового человека, порвавшего с прежними традициями. Наибольшие затруднения вызвало внедрение светской траурной обрядности, которая затрагивала самые сакральные и мистические аспекты существования человека, точку перехода его после смерти в иной мир. Смысл же «социалистической погребальной обрядности» заключался не в вере в загробную жизнь, а в воздании умершему последнего долга и почестей коллективом, общественностью и родными за его добросовестный труд и деятельность во благо общества [Социалистическая обрядность, 1985: 56]. Гражданский обряд похорон нацелен был на «мир живых» — должен был способствовать сплочению людей в целях строительства коммунизма и укреплять их веру в свое государство и избранный путь развития. Религиозный же обряд захоронения — это глубоко пропитанный верой процесс, в понимании которого смерть — всего лишь переход духовной энергии усопшего в иное состояние. Многовековой ритуал, проверенный предками и закрепленный традициями, облегчал умершему человеку этот переход.

В научных исследованиях, посвященных изучению траурной обрядности и похоронного дела в СССР, выделяют, как правило, период 1920-х гг. (неудачную попытку внедрения в массовую практику «красных похорон») и 1960–1970-е гг. (когда окончательно сформировался гражданский траурный обряд, который сохранился неизменным вплоть до распада СССР и частично перешел в современную Россию) [Жидкова, 2012: 408; Смолкин-Ротрок, 2012: 78; Соколова, 2011: 190]. Советские авторы новые попытки внедрить социалистические обряды в повседневную практику увидели в конце 1950-х гг. Как отмечал П.П. Кампарс, лишь в конце 1950-х гг. «вопрос о внедрении и распространении советской гражданской обрядности <...> опять выдвинулся как один из важнейших вопросов развития культуры и атеистического воспитания» [Кампарс, Занкович, 1967: 26]. А.Л. Тавровский, выдающийся советский архитектор

похоронной отрасли, разработчик типовых проектов траурных зданий в 1960–1980-е гг., также отмечал, что проектирование зданий социалистической обрядности активизируется лишь с 1957 г. (Тавровский, Лимонад, Беньямовский, 1985: 22). Влияние Великой Отечественной войны, по мнению исследователей, в этой сфере сводится исключительно к вопросам санитарной обработки и очистки освобожденных территорий от трупов, перезахоронений, приведению в порядок воинских захоронений и мемориалов, решению чисто утилитарных проблем, связанных с резким ростом смертности в военные годы. Вопросы, связанные с ритуальной стороной похорон обычных граждан, в этот период не изучались — априори считалось, что власти было не до обрядности в годы войны [Соколова, 2022: 208].

Однако в эту общепринятую периодизацию не вписывается такой уникальный образец советской мортальной архитектуры, как Мортуарий в городе Волжском Волгоградской области, внешне напоминающий римский пантеон или православный храм с колоннами, арками и апсидой (рис. 1). В советских документах он называется Павильоном траурных собраний, лишь в 1980-е–1990-е гг. в среде неформальной молодежи и субкультур за ним закрепилось название «Мортуарий» и именно под ним он был внесен в Реестр памятников культурного наследия по Волгоградской области. До недавнего времени о нем вообще ничего не было известно — отсутствие архивных материалов и чертежей не позволяло определить точный год его создания и имя архитектора. Ни в одном из исследований, посвященных траурной советской обрядности, данное здание не упоминается. Даже в фундаментальной работе А.Л. Тавровского Мортуарий не назван, хотя при этом перечислены десятки других траурных сооружений 1960–1970-х гг. значительно меньшего размера [Тавровский, Лимонад, Беньямовский, 1985: 22–29].

Рис. 1. Мортуарий г. Волжского Волгоградской области. Построен в 1955–1958 гг.

Fig. 1. The Mortuary of Volzhsky, Volgograd region. It was built in 1955–1958

Одному из авторов данной статьи, Т.П. Назаровой, впервые удалось выявить архивные документы, доказывающие, что Мортуарий начал строиться в декабре 1955 г. На наш взгляд, строительство подобного траурного здания (не имеющего аналогов в более ранние годы) на провинциальном кладбище явно свидетельствует о формиро-

вании нового подхода к похоронной обрядности, который наметился уже в годы Великой Отечественной войны и коррелировал с эволюцией государственной идеологии в военный и послевоенный периоды.

Целью данного исследования является выявление новых подходов в советской политике в области похоронного дела и траурной обрядности, начиная с 1941 г. и вплоть до конца 1960-х гг. Это позволит скорректировать общепринятую периодизацию трансформации социалистической обрядности в СССР и выделить в ней новый этап внедрения обрядов, начиная с военных лет и вплоть до конца 1950-х гг., на который ранее исследователи не обращали внимания. Сравнение 1950-х и 1960-х гг. в области организации похорон помогает понять разницу в подходах.

Влияние Великой Отечественной войны на трансформацию похоронной отрасли в СССР

Десакрализировать смерть, заменить сухим гражданским ритуалом компенсаторскую функцию религиозного обряда погребения, наполненного глубоким духовным смыслом, до Великой Отечественной войны оказалось не под силу новой власти. В 1917–1930-е гг. на законодательном уровне происходят серьезные изменения в похоронах, отход от конфессионального контроля над погребением и передача этих функций государственным органам, отмена платы, уравнивание, но сама обрядовая часть для рядовых граждан пока никак не регламентировалась. «Красные похороны», проводившиеся в основном для видных партийных и революционных деятелей, проходили стихийно и копировали фактически сложившийся порядок митинга или демонстрации. Кладбищенские церкви массово закрывались, разрушались, использовались под склады и морги. Советские идеологи прекрасно осознавали важность «архитектуры смерти», понимали, что она способна создать необходимую среду, атмосферу, которая в том или ином ключе эмоционально воздействует на человека, помогает ему лучше проникнуться идейной составляющей гражданской панихиды. Но пока внимание уделялось только «архитектуре смерти» видных партийных вождей (ярким примером этому служит Мавзолей В. И. Ленина, напоминающий зиккурат Междуречья; проекты первого крематория). Но на кладбищах вместо снесенных церквей и часовен до 1940-х гг. новых площадок или залов для проведения церемоний погребения не строилось, из зданий предполагались только покойницкие с небольшими залами для прощания и подсобные помещения. В целом к концу 1930-х гг., несмотря на появление городских трестов по похоронному обслуживанию, эта сфера находилась в крайне удручающем состоянии.

Великая Отечественная война вновь актуализировала проблему организации кладбищ и похорон и, с учетом масштаба трагедии, количества гражданских и военных потерь, остро поставила вопросы, связанные с захоронениями, необходимостью перезахоронения останков после освобождения территорий, появлением братских могил. Был разработан ряд инструкций, решавших насущные проблемы в погребениях, связанные с военными действиями: от 25 августа 1941 г. о захоронении граждан, погибших во время воздушных ударов; от 4 апреля 1942 г. о захоронении в городах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов. 15 июля 1942 г. выходит Положение по организации похоронного дела в городах РСФСР. Это положение устанавливает

строительство моргов при каждом кладбище (от этой практики начнут отказываться лишь после войны). Издан приказ № 644 Народного комиссара коммунального хозяйства РСФСР и начальника тыла Красной армии (29 декабря 1943 г.) о содержании могил офицеров и бойцов Красной армии и взятии под особый контроль всех военных кладбищ и воинских захоронений [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1637. Л. 5–6].

Согласно приказам СНК РСФСР № 29 от 23 января 1942 и № 419 от 11 апреля 1942 г., похоронное хозяйство городов РСФСР должно было быть подвергнуто обширной ревизии, которая и выявила все накопившиеся проблемы в этой сфере (в первую очередь касающиеся похорон рядовых граждан) и заставила принять новые меры [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4879. Л. 1–5]. Интерес к похоронной сфере в условиях войны был вызван не только резко увеличившейся смертностью, но и общим вниманием власти к решению бытовых проблем населения, «восстановлению нормальной повседневности» для граждан в трудные военные годы. Огромное число смертей в военный период, в том числе в тылу, заставляло улучшать лишь инфраструктуру похоронного дела, ее материальную составляющую, но не переосмыслять ее структуру [Соколова, 2022: 208]. Как отмечают исследователи, в эти годы принимались решения не идеологического характера (вопрос об обрядовой части опять не стоял), а в сугубо утилитарной плоскости — благоустройство кладбищ, охрана, наличие мастерских по изготовлению памятников, качество услуг, комплектация штатов похоронных трестов, борьба с коррупцией и т. д.

С одной стороны, во всех перечисленных выше документах регламентировались исключительно утилитарные вопросы, связанные с захоронениями и содержанием кладбищ. На тресты похоронного обслуживания и похоронные бюро возлагались только функции по перевозке тел, рытью могил, захоронению, изготовлению гробов и похоронных принадлежностей. Никаких функций по организации ритуальной части прощания и организации похоронной процессии не было.

С другой стороны, были сделаны первые важные шаги в сторону регламентации гражданского обряда захоронения. В первую очередь это коснулось воинских захоронений и братских могил, для которых были разработаны типовые надмогильные памятники (сам альбом типовых проектов был опубликован уже в 1947 г.) [Типовые проекты, 1947]. Если просмотреть фотографии кладбищ, сделанные в 1940-е гг., то можно увидеть, что подавляющее большинство могил имеют кресты, лишь на отдельных захоронениях (как правило, воинских) стоят пирамиды, каменные стелы,obelisks со звездами и другими советскими символами. Следует отметить, что ни в одном нормативном документе, регулирующем похороны, за весь советский период не было запрета на установку крестов и других религиозных символов на могилах.

В 1944 г. начальник Главного управления учебными заведениями комитета по делам архитектуры при СНК СССР А. К. Чалдымов прислал на имя И. В. Сталина, А. Н. Поскребышева и других высших лиц письмо, в котором предлагалось ввести «Культ священной Родины». В нем говорилось о необходимости по-новому проводить не только праздничные мероприятия, но и внести изменения в траурные церемонии простых советских граждан. При этом автор письма отмечал, что «религия прекрасно учитывала потребность в душевных переживаниях человека и создавала посредством вели-

чественных обрядов соответствующие настроения и тем самым, кроме того, воспитывала его в нужном направлении». Этот опыт, по мнению автора, можно использовать, в частности, построить новый тип общественных зданий для церемоний — Храм священной Родины — для проведения в торжественной обстановке служб, где может звучать даже колокольный звон [Мертворожденный культ, 1992: 60].

Это письмо свидетельствовало о том, что уже в годы войны в верхах власти поднимались вопросы, связанные с необходимостью разработать гражданскую панихиду для обычных граждан, а не только вождей, и сделать ее торжественной и одухотворенной, опираясь на опыт религиозных организаций и национальные традиции. Это отражало совсем другой подход к социалистическим траурным обрядам, отличающийся от «красных похорон» 1920-х гг., копирующих сценарии митингов и демонстраций с революционными речами. До сих пор не удалось найти никаких документов, подтверждающих, что данные предложения А. К. Чалдымова получили поддержку руководства страны, и все исследователи, затрагивающие этот вопрос, утверждают, что инициатива не была реализована. На наш взгляд, эта идея все-таки имела определенную поддержку в верхах и нашла свое практическое воплощение после войны — Мортуарий в Волжском как раз и отражал ключевую мысль этого письма (торжественное здание для церемонии, внешне похожее на храм с апсидой и колоннами). Тем более что после войны работа по улучшению похоронного обслуживания населения продолжилась не только в рамках решения чисто утилитарных вопросов, но и ритуально-обрядовых аспектов захоронения.

Новая «архитектура смерти» на кладбищах в послевоенные годы как отражение новых подходов к похоронному обряду

В 1946 г. Главное управление проектных организаций Министерства коммунального хозяйства РСФСР разработало «Основные положения по проектированию и строительству кладбищ в городах и поселках с населением от 10 до 100 тыс. чел.». На титульном листе положений стояла отметка, что они согласованы с Советом по делам Русской православной церкви при СНК СССР, с Советом по делам религиозных культов при СНК СССР и с Главной государственной инспекцией НКЗ РСФСР. Это свидетельствовало о том, что положение содержало не только санитарные требования и общие пункты по организации похорон и устройству кладбищ, как и в прежних нормативных актах, но и описывало, в какой-то степени, идеологическую обрядовую сторону похорон. Отмечалось, что каждое кладбище должно было строиться по специальному проекту планировки и благоустройства, который утверждался исполкомом горсовета депутатов трудящихся по представлению местного отдела по делам архитектуры. На волне более либеральной линии государства в отношении верующих, возникшей в годы войны, в данном положении были отражены пункты, касающиеся строительства отдельных кладбищ по конфессиональному признаку (всех христиан на одном кладбище, а лиц нехристианского вероисповедания хоронить на специально отведенном участке, отделенном от гражданского кладбища и от христианского участка, предусматривалась возможность и для отдельного мусульманского или еврейского кладбища). При этом оговаривалось, что не следует предусматривать в проекте специальных помещений для молитвенных собраний на территории кладбища.

В состав кладбищенского участка, помимо собственно кладбища, должны были входить: а) центральный двор для приема процессий, совершения панихид и обрядов прощания; б) хозяйственный двор со службами; в) цветоводство, питомник растений, оранжерея и киоски для продажи цветов и растений; г) мастерская и магазин памятников [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1637. Л. 7–10 об.]. В этом документе впервые уделено внимание особенностям кладбищенской архитектуры (для нее выделен целый раздел), которая должна быть «серьезной и вызывать чувство покоя». На кладбище должны были обязательно быть следующие здания: помещение для приемки гробов или урн, *павильон прощания*, контора кладбища, жилой дом для сторожа с уборной и сараем, теплицы для цветов, сарай. Именно в этом разделе впервые в советских нормативных документах появляется такое кладбищенское здание, как павильон траурных собраний (или павильон прощания) — его рекомендовано проектировать в одном здании с моргом (ледником). Как видим, в данных документах уже перечислены не только сооружения исключительно утилитарного назначения, без которых функционирование кладбища невозможно, но и специальные траурные здания, несущие идеологическую нагрузку [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1637. Л. 10 об.].

В 1947 г. Ленинградским филиалом Госинжгорпроекта был разработан альбом типовых решений кладбищ, сооружений и памятников на них [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1637. Л. 22–22 об.]. В нем впервые были разработаны типовые проекты траурных павильонов, что опровергает данные из работы А.Л. Тавровского о типовом проектировании траурных обрядовых зданий только с 1957 г. Со стороны Главного управления благоустройства МХК РСФСР к данным типовым проектам были серьезные замечания: а) представлено всего семь решений для траурных павильонов — рекомендовано не менее десяти; б) в одном из проектов сохранились кладовые — рекомендовано удалить служебные помещения из павильонов; в) отсутствуют указания о водоснабжении кладбищ; г) недостаточно примеров ограждений кладбищ; д) сохранено дерево как материал для ограждений; е) сохранен раздел «склепы» — их надо убрать из альбома; ж) не разработаны фрагменты к памятникам на воинских могилах; з) мало примеров оформления могил-цветников; и) не учтены типы ценных в архитектурном плане и удачных решений уже существующих памятников; к) нет примеров типовой арматуры к уличному освещению; л) мало примеров типов урн и не учтены уже разработанные проекты урн МКХ.

Замечания были и к словам «места для верующих», «иноверцы», «общегражданское кладбище». В постановлении Совета Министров РСФСР в сентябре 1947 г. «Об улучшении похоронного обслуживания в городах РСФСР» было принято решение издать альбом типовых проектов планировки кладбищ, памятников и кладбищенских сооружений до 1 мая 1948 г. [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1637. Л. 25]. Но найти следы этого альбома так и не удалось.

Как видим, эти архивные документы свидетельствуют о том, что сразу после окончания войны, в 1946–1947 гг., уже на уровне исполнительных структур (министерства коммунального хозяйства и проектных организаций) разрабатываются новые типовые решения обустройства кладбищ, предполагающие постройку специализированных павильонов для прощания, внешне похожих на античные пантеоны и храмы, что само

собой предполагало организацию какой-то прощальной церемонии в торжественной обстановке. Следовательно, решения о внедрении новых гражданских похорон принимались в партийном руководстве ранее, еще в годы войны. Эти данные опровергают устоявшееся мнение о том, что вплоть до хрущевской оттепели серьезного внимания к обрядовой стороне жизни простого гражданина не было, разработки советских обрядов не проводилось, все свелось к обычным регистрационным процедурам актов гражданского состояния.

Мортуарий Волжского как уникальный пример советской мортальной архитектуры

Единственным сохранившимся свидетельством того, что в 1950-е гг. советская власть на практике пыталась внедрить новый похоронный ритуал с опорой на национальные и религиозные традиции, но в социалистическом духе, является мортуарий Волжского (города-спутника Волгограда). Подобных памятников социалистической «архитектуры смерти» практически нигде не сохранилось на территории СССР. Мортуариев успели построить крайне мало (нам удалось найти только три), так как их возводили только с конца 1940-х по 1955–1956 гг. и только на новых городских кладбищах, которые открывались именно в этот период. При этом город, при котором строилось новое кладбище с мортуарием, тоже должен был отвечать требованиям по численности населения.

Помимо волжского павильона траурных собраний, нам удалось найти еще два таких мортуария: 1) на Головинском кладбище в Москве (здание сразу же стало сараем, для ритуалов не использовалось, а в 1990-е гг. было переделано под приход святого царя-мученика Николая II и всех новомучеников и исповедников российских); 2) на Кузьминском кладбище в Москве (тоже использовался как сарай, в 1990-е гг. был снесен). Можно утверждать, что мортуарий в Волжском был самым первым проектом подобного сооружения, построенного согласно «Альбому типовых решений кладбищ, сооружений и памятников на них» Ленинградского филиала Госинжгорпроекта (1947–1948 гг.) в духе сталинской архитектуры, т. е. до утверждения типовых проектов Ленгипрокоммунстроя, появившихся лишь в 1957 г. в стиле уже хрущевской архитектуры, по ним массово строились траурные площадки на советских кладбищах в 1960–1980-е гг., для которых предполагался другой обряд. Мы впервые выявили архивные документы, которые свидетельствуют, что мортуарий начал строиться в декабре 1955 г. (закладка фундамента) и был полностью завершен лишь в 1958 г. [ГАВО. Ф. Р-6497. Оп. 3. Д. 239. Л. 124; Оп. 11. Д. 237. Л. 44].

Интересно то, что проекты траурных павильонов уже принимались и даже строились (правда, единичные), но самого обряда проведения торжественной панихиды внутри этого павильона еще разработано не было. Первые мортуарии, построенные до 1957 г. (в том числе и в Волжском), даже не использовались по назначению первые десять лет. Это объясняется тем, что мортуарии, построенные в период между 1947 г. (когда впервые разрабатываются чертежи павильонов траурных собраний) до 1957 г. (типовые проекты Ленгипрокоммунстроя), были признаны неудавшимися, так как уже не соответствовали новым идеологическим веяниям в эпоху Н. С. Хрущева. Поэтому мортуарий в г. Волжском в начале 1960-х гг. уже начал разрушаться и выглядел забро-

шенным (по воспоминаниям старожилов города), а в Кузьминках и на Головинском кладбище эти сооружения использовались как сараи. Учитывая также то, что после сощещения архитекторов в 1954 г. началась критика стиля сталинской неоклассики в архитектуре, а после выхода указа Совета Министров СССР и постановления ЦК КПСС № 1871 от 4 ноября 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» этот стиль и вовсе умирает, то можно утверждать, что проекту Волжского мортуария повезло — его успели утвердить как раз в этот переходный период (октябрь 1955 г.), т. е. до полного отказа от сталинской неоклассики. Но вот завершение строительства пришлось уже на время тотальной критики стиля: мортуарий олицетворял эти излишества в строительстве, которые критиковал Н. С. Хрущев, ведь такому маленькому кладбищу провинциального города масштаб и монументальность проекта явно не соответствовали. Поэтому после завершения строительства он и не понравился начальству, оно понимало, что сверху это не одобрят. Найти акт приемки и сдачи объекта мортуария нам не удалось.

В 1958 г. вышла очередная «Инструкция о порядке захоронения и содержания кладбищ в населенных пунктах Украинской ССР» (аналогичные инструкции были приняты в других республиках). В ней на кладбищах средних, больших и крупных городов также предусматривались специальные сооружения для проведения обрядов гражданской панихиды — здания с залом, которые по своей архитектуре должны быть центром кладбища. Называлось такое сооружение «зал траурных собраний». Но при этом имелось в виду закрытое помещение, которое имело вестибюль, траурный зал, комнату для родственников, покойницкую, служебную комнату [Инструкция, 1958: 17, 32].

Совет Министров РСФСР Постановлением от 12 июня 1957 г. «О мероприятиях, связанных с упразднением государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам строительства и архитектуры» возложил на Министерство коммунального хозяйства РСФСР руководство делом планировки и застройки городов, а также руководство типовым проектированием по жилищно-гражданскому строительству, контроль за застройкой городов и качеством строительных работ. Как видим, это значительно расширило полномочия коммунальных органов в части проектирования и строительства. Возможно, именно с этим связано то, что в 1957 г. Ленгипрокоммунстрой разработал новые типовые проекты однозальных зданий траурных собраний и гражданских панихид (типовые проекты БГ-10, БГ-30), по которым осуществлено строительство в Свердловске, Туле, Краснодаре, Мурманске, Одессе, Ярославле, Андропове и многих других городах [Тавровский, Лимонад, Беньямовский, 1985: 22]. Но они уже сильно отличались от мортуария в Волжском и соответствовали утилитарному подходу без архитектурных излишеств эпохи Н. С. Хрущева (пример такой траурной площадки см. на рис. 2).

Новые серьезные шаги по внедрению нового обряда похорон были сделаны лишь в постановлении Совета Министров РСФСР № 203 от 18 февраля 1964 г. «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». В нем отмечалось, что пока мало проявлялось заботы о внедрении ритуалов гражданских похорон. Большинство кладбищ не имело для этого необходимых условий.

Рис. 2. Траурная площадка 1970-х гг. на кладбище в г. Пушкино Московской области
Fig. 2. The funeral site of the 1970s at the cemetery in Pushchino, Moscow region

В этом постановлении были приняты важные решения о строительстве специальных павильонов на кладбищах: «7. Обязать Советы Министров автономных республик, крайисполкомы, облисполкомы, горисполкомы, райисполкомы и исполкомы поселковых и сельских Советов депутатов трудящихся разработать и осуществить мероприятия по приведению в порядок кладбищ и мест захоронения, а также улучшить организацию гражданских похорон. 8. Обязать Министерство коммунального хозяйства РСФСР: а) разработать совместно с Госстроем РСФСР типовые проекты траурных павильонов; б) рассмотреть совместно с Госпланом РСФСР вопрос об изготовлении необходимых предметов похоронного ритуала; в) привести в соответствие с современными требованиями типовые правила содержания кладбищ» [О внедрении в быт..., 1964].

В мае 1964 г. в Москве прошло первое Всесоюзное совещание по социалистической обрядности. После этого на многих кладбищах уже в массовом количестве появились специальные траурные павильоны или открытые площадки для проведения церемоний прощания. Все они строились по типовым проектам, поэтому были похожи друг на друга. Именно после 1964 г. раскритикованный и забытый мортуарий Волжского получил новый толчок к своему развитию, был отремонтирован и приведен в хорошее состояние, стал активно использоваться по своему назначению.

Заключение

Таким образом, именно Великая Отечественная война стала толчком к изменению политики власти в области похоронного дела и траурной обрядности. На основе вышесказанного нами предлагается выделить новый этап в трансформации траурной социалистической обрядности — с 1941 по 1957 г. В военные годы в кулуарах власти

обсуждается необходимость разработки торжественной траурной панихиды для простых граждан как альтернативы христианскому похоронному обряду. В политике в области организации похорон, регулирования устройства и деятельности кладбищ наметились гуманистические и демократические тенденции. Они были направлены, с одной стороны, на создание новой траурной социалистической обрядности, но в синкретическом единстве с традиционными и религиозными ритуалами, а с другой стороны — на превращение кладбищ в часть культурного пространства социалистического города, что отвечало интересам общества. Это новый подход в изучении данной проблематики, так как позволяет отказаться от одностороннего рассмотрения государственного администрирования похоронного дела в СССР как насильственного акта по насаждению социалистической обрядности в ущерб интересам и пожеланиям людей. Далее в конце 1940-х гг. уже принимаются типовые проекты монументальных траурных павильонов, своей архитектурой напоминающих христианские храмы и античные пантеоны; а в начале и середине 1950-х гг. как минимум три таких павильона уже построено, в том числе в городе Волжском. Но хрущевская «оттепель» вновь меняет идеологические подходы, в том числе в похоронной обрядности, и необходимость в величественных мургуариях-пантеонах отпадает, на смену им приходят скромные траурные площадки, которые строятся по всей стране для проведения гражданской панихиды, но уже с другой смысловой нагрузкой. В 1957 г. Ленгипрокоммунстрой стал разрабатывать первые в стране типовые проекты зданий траурных собраний и гражданских панихид. Поэтому вся последующая траурная архитектура на советских кладбищах строилась уже по типовым проектам (довольно утилитарным, без изысков) и была лишена той монументальности и торжественной красоты, которой обладает Волжский мургуарий, что и сделало его уникальным.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–20304, <https://rscf.ru/project/24–28–20304/> и при поддержке Комитета экономической политики и развития Волгоградской области.

Acknowledgements and funding

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24–28–20304, <https://rscf.ru/en/project/24–28–20304> and with the support of the Committee on Economic Policy and Development of the Volgograd region.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6497. Оп. 3. Д. 239.
Государственный архив Волгоградской области. Ф. Р-6497. Оп. 11. Д. 237.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-314. Оп. 1. Д. 4879.
Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-314. Оп. 2. Д. 1637.
Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 408–429.
Инструкция о порядке захоронения и содержания кладбищ в населенных пунктах Украинской ССР: Утв. 28/VII 1958. Киев, 1958. 46 с.

Кампарс П. П., Закович Н. М. Советская гражданская обрядность. М.: Мысль, 1967. 254 с.

Мертворожденный культ / предсл. и публ. Г. Костырченко // Родина. 1992. № 10. С. 59–60.

О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов: Постановление Совета Министров РСФСР № 203 от 18.02.1964. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2588711/> (дата обращения: 23.10.2024).

Смолкин-Ротрок В. Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 430–463.

Соколова А. Д. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 187–201.

Соколова А. Д. Проблема «правильной советской смерти» и обеспечение гражданских похорон в городах РСФСР в конце 1930-х — начале 1950-х гг. // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 195–211.

Социалистическая обрядность: учебно-методическое и справочно-информационное пособие для исполнителей, организаторов обрядности, работников обрядовых служб. Киев, 1985. 343 с.

Тавровский А. Л., Лимонад М. Ю., Беньямовский Д. Н. Здания и сооружения траурной гражданской обрядности. М.: Стройиздат, 1985. 164 с.

Типовые проекты памятников братских и индивидуальных могил воинов советской армии, военно-морского флота и партизан, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. М.: Военное издательство, 1947. 178 с.

References

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation]. Fund A-314. Inventory 1. File 4879 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation]. Fund A-314. Inventory 2. File 1637 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti [State archive of the Volgograd region]. Fund R-6497. Inventory 3. File 239 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti [State archive of the Volgograd region]. Fund R-6497. Inventory 11. File 237 (in Russian).

Instruktsiya o poryadke zakhoroneniya i sodержaniya kladbishh v naseennykh punktakh Ukrainskoi SSR: Utv. 28/VII 1958. [Instructions on the procedure for burial and maintenance of cemeteries in settlements of the Ukrainian SSR: Approved 28/VII 1958]. Kiev, 1958, 46 p. (in Russian).

Kampars P. P., Zakovich N. M. *Sovetskaya grazhdanskaya obryadnost'* [Soviet civil rituals]. Moscow: Mysl', 1967, 254 p. (in Russian).

Kostyrchenko G. (ed.) *Mertvorozhdennyi kul't* [The stillborn cult]. *Rodina*. [Homeland]. 1992, no. 10, pp. 59–60 (in Russian).

O vnedrenii v byt sovetskikh luudei novykh grazhdanskikh obryadov: Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR № 203 ot 18.02.1964 [On the introduction of new civil rites into the life of Soviet people. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR No. 203 of February 18, 1964]. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2588711/> (accessed October 23, 2024) (in Russian).

Smolkin-Rotrok V. Problema “obyknovennoi” sovetskoj smerti: material'noe i dukhovnoe v ateisticheskoj kosmologii [The Problem of “Ordinary” Soviet Death: Material and Spiritual in Atheistic Cosmology]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2012, no. 3–4, pp. 430–463 (in Russian).

Sokolova A. D. Pokhoronyi bez pokoinika: transformatsii traditsionnogo pokhoronnogo obryada [Funeral without the dead: transformations of the traditional funeral rite]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum]. 2011, no. 15, pp. 187–201 (in Russian).

Sokolova A. D. Problema “pravil'noi sovetskoj smerti” i obespechenie grazhdanskikh pokhoron v gorodakh RSFSR v kontse 1930-kh — nachale 1950-kh gg. [The problem of the “correct Soviet death” and the provision of civil funerals in the cities of the RSFSR in the late 1930s — early 1950s.]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research]. 2022, no. 1, pp. 195–211 (in Russian).

Sotsialisticheskaya obryadnost': uchebno-metodicheskoe i spravochno-informatsionnoe posobie dlya ispolnitelei, organizatorov obryadnosti, rabotnikov obryadovykh sluzhb [Socialist ritual: an educational, methodological and reference-information manual for performers, organizers of rituals, employees of ceremonial services]. Kiev, 1985, 343 p. (in Russian).

Tavrovskiy A. L., Limonad M. Yu., Ben'yamovskiy D. N. *Zdaniya i sooruzheniya traurnoi grazhdanskoi obryadnosti* [Buildings and structures of mourning civil rites]. Moscow: Stroizdat, 1985, 164 p. (in Russian).

Tipovye proekty pamyatnikov bratskikh i individual'nykh mogil voinov sovetskoj armii, voenno-morskogo flota i partizan, pogibshikh v boiakh s nemetsko-fashistskimi zakhvatchikami v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Typical projects of monuments of mass and individual graves of soldiers of the Soviet army, Navy and partisans who died in battles with the Nazi invaders during the Great Patriotic War]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 1947, 178 p. (in Russian).

Zhidkova E. Sovetskaya grazhdanskaya obryadnost' kak al'ternativa obryadnosti religioznoi [Soviet civil rites as an alternative to religious rites]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2012, no. 3–4, pp. 408–429 (in Russian).

Статья принята в редакцию: 28.11.2024

Принята к публикации: 30.03.2025

Дата публикации: 31.03.2026

УДК 316.7

DOI 10.14258/nreur(2026)1-13

Н. М. Маркова, Е. И. Аринин

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир (Россия)

Д. И. Петросян

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир (Россия); Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимирский филиал, Владимир (Россия),

Ю. Г. Матушанская, О. О. Волчкова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия)

СТУДЕНЧЕСКАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ: ПОИСКИ КОМПЛЕКСА В ПОЛЯРИЗАЦИИ КОННОТАЦИЙ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВО ВЛАДИМИРЕ И КАЗАНИ)

Целью исследования является анализ воспроизводящихся региональных особенностей согласия в понимании религии и религиозности у студентов, обучающихся во Владимире и Казани. Методика исследования 2025 г. включает организацию пилотного опроса студентов методом онлайн-анкетирования. Для отбора респондентов применялась квотная выборка. Ссылки на анкету рассылались студентам через старост групп с учетом статистических данных о долях обучающихся на гуманитарных, технических и естественно-научных направлениях. В качестве социально-демографических параметров выборки учитывались квоты по полу и возрасту респондентов. Опрос оценивал несоответствие нормам «правоверия», принятым в определенных традициях (юрисдикциях христиан или мусульман), но студенты имели возможность сами себя причислить к категориям «верующих» или «неверующих», при этом число первых составило около трети опрошенных (30,8%), а вторых оказалось несколько меньше (19,4%), тогда как почти половина не смогла определиться в этом вопросе, образуя группу «сомневающихся». Результаты показывают, что в студенческой среде сформировались три собирательных группы молодежи, которые заметно отличаются друг от друга в согласии с оценками как исторически сложившихся образов феномена религии, так и в ряде других аспектов, особенно в стремлении к поддержанию таких конституционных норм, как «свобода совести» и «свобода вероисповедания», уважению к науке, образовательной системе и преподавателям, позво-

ляющие активно и сознательно дистанцироваться от множества постоянно возникающих «суеверий» и т. н. «девиаций», включая проявления нетерпимости, экстремизма и ряда других нетерпимых социальные проявления.

Ключевые слова: религиозность, Россия, студенты, соответствие нормам, социология религии, религиоведение, Владимирская область, Республика Татарстан

Для цитирования:

Маркова Н. М., Аринин Е. И., Петросян Д. И., Матушанская Ю. Г., Волчкова О. О.

Студенческая религиозность: поиски комплаенса в поляризации коннотаций (по результатам социологического исследования во Владимире и Казани) // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 1. С. 248–271. DOI 10.14258/nreur(2026)1–13

Маркова Наталья Михайловна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир (Россия). **Адрес для контактов:** natmarkova@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0862-1410>

Аринин Евгений Игоревич, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир (Россия). **Адрес для контактов:** eiarinin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6206-8452>

Петросян Дмитрий Ильич, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, (Россия); Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимирский филиал, Владимир (Россия). **Адрес для контактов:** ilyich87@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7356-8604>

Матушанская Юлия Григорьевна, доктор философских наук, профессор кафедры религиоведения Казанского (Приволжского) федерального университета. **Адрес для контактов:** jgm2007@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9950-5866>

Волчкова Ольга Олеговна, кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения Казанского (Приволжского) федерального университета. **Адрес для контактов:** adelaida389@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9430-0415>

N. M. Markova, E. I. Arinin

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir (Russia)

D. I. Petrosyan

*Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir (Russia);
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vladimir Branch, Vladimir (Russia)*

Yu. G. Matushanskaya, O. O. Volchkova

Kazan Federal University, Kazan (Russia)

STUDENT RELIGIOSITY: THE SEARCH FOR COMPLIANCE IN THE POLARIZATION OF CONNOTATIONS (BASED ON THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY IN VLADIMIR AND KAZAN)

The aim of the study is to analyze reproducible regional features of agreement in understanding religion and religiosity among students studying in Vladimir and Kazan. The methodology of the 2025 study includes organizing a pilot survey of students using an online questionnaire. Quota sampling was used to select respondents. Links to the questionnaire were sent to students through group leaders, taking into account statistical data on the proportion of students in the humanities, technical and natural sciences. The socio-demographic parameters of the sample included quotas for the gender and age of respondents. The survey assessed non-compliance with the norms of “orthodoxy” accepted in certain traditions (Christian or Muslim jurisdictions), but students had the opportunity to classify themselves as “believers” or “non-believers”, with the former accounting for about a third of respondents (30.8%), and the latter being slightly less (19.4%), while almost half could not decide on this issue, forming a group of “doubters”. The results show that three collective groups of young people have formed in the student environment, which differ significantly from each other in their assessments of both historically established images of the phenomenon of religion and in a number of other aspects, especially in the desire to support such constitutional norms as “freedom of conscience” and “freedom of religion”, respect for science, the educational system and teachers, allowing them to actively and consciously distance themselves from the many constantly emerging “superstitions” and so-called “deviations”, including manifestations of intolerance, extremism and a number of other intolerant social manifestations.

Keywords: religiosity, Russia, students, compliance, sociology of religion, religious studies, Vladimir region, Republic of Tatarstan

For citation:

Markova N. M., Arinin E. I., Petrosyan D. I., Matushanskaya Yu. G., Volchkova O. O. Student religiosity: the search for compliance in the polarization of connotations (based on the results of a sociological study in Vladimir and Kazan). *Nations and religions of Eurasia*. 2026. T. 31, № 1. P. 248–271. DOI 10.14258/nreur(2026)1–13

Markova Natalia Mikhailovna, candidate of philosophical Sciences, associate Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir (Russia). **Contact address:** natmarkova@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0862-1410>

Arinin Evgeniy Igorevich, doctor of philosophical Sciences, the Head of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir (Russia). **Contact address:** earinin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6206-8452>

Petrosyan Dmitry Ilyich, candidate of philosophical Sciences, associate Professor of the Department of Sociology, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir (Russia); Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir Branch, Vladimir (Russia). **Contact address:** ilyich87@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7356-8604>

Matushanskaya Yulia Grigorievna, doctor of philosophical Sciences, Professor of the Department of Religious Studies, Kazan Federal University, Kazan (Russia). **Contact address:** jgm2007@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9950-5866>

Volchkova Olga Olegovna, candidate of philosophical Sciences, associate Professor of the Department of Religious Studies, Kazan Federal University, Kazan (Russia). **Contact address:** adelaida389@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9430-0415>

Введение

Многолетние социологические исследования показывают, что в России большая часть населения относит себя к православию», при этом в обществе был зафиксирован «проправославный консенсус», когда выяснилось, что «„хорошо относятся” к православию не только верующие, но и подавляющее большинство тех, кто идентифицирует себя как „колеблющиеся”, „неверующие” и даже „атеисты”» [Новые церкви..., 2007: 20–22].

В этой связи важно обратиться к тому, что считается «религиозностью», которую мы опишем, ссылаясь на другой известный электронный ресурс Российской академии наук — «Национальный корпус русского языка», который показывает, что, хотя это слово фиксируется в текстах этой базы только с XIX в., однако ряд его синонимов присутствуют в текстах последних 1000 лет в качестве слов «вѣра», «благочестие», «почитание» и т. п. В нашем исследовании мы уточняем, какие именно представления ассоциируются у студентов со словами «религия», «религиозность» и их производными.

Подходы к исследованию российской студенческой религиозности

Студенчество, активно изучаемое отечественными социологами в последние три десятилетия, представляет собой особую социальную группу россиян, представители которой в ближайшем будущем войдут в образовательную, производственную, научную и управленческую элиту нашей страны. В этом контексте важно исследовать различные представления о ценностях, включая связанные с религией, которые вызывают как согласие (комплаенс) в этой категории респондентов, так и их активное неприятие. Религиозность авторами статьи понимается как та или иная «причастность к религии», при этом под религией, рассматриваемой с религиозоведческих позиций, будет пониматься все многообразие практик и учений не только различных известных конфессий и традиций, но и особых форм, часто на бытовом уровне и в СМИ относимых к маргинальным, поскольку в истории они не считались «достойным правоверием», но квалифицировались как «суеверия», «схизмы» и тому подобные проявления «зловѣрия». Отношение к ним могло радикально меняться, как, к примеру, к старообрядчеству, которое в истории описывалось в спектре от нетерпимых «раскольщиков» и «мятежников против церкви» до уважаемых сегодня «хранителей древлего благочестия».

Религиоведческие кафедры Владимирского государственного университета (далее — ВГУ) и Казанского (Приволжского) федерального университета (далее — КФУ) уже более 10 лет имеют опыт сотрудничества по проектам, получившим поддержку грантов Министерства образования РФ, РГНФ, РФФИ и РНФ. Эти два региона находятся в центре нашего внимания, так как опросы, проводимые здесь, позволяют сравнить религиозную ориентацию как молодых приверженцев православия, традиционно составляющих большинство во Владимирской области (далее — ВО), так и студентов, причисляющих себя к исламу, представленных значительной долей в Республике Татарстан (далее — РТ). Новые исследования, результаты которых частично приводятся в данной статье, представляют материалы социологического опроса студентов с целью определения основных особенностей их религиозной самоидентификации и понимания ими ряда базовых религиоведческих терминов.

Религиозность с научных позиций проявляет себя в двух базовых вариантах, таких как: (1) причастность к формам религиозно-конфессиональной идентичности (юрисдикциям, сообществам «верующих», «братствам», «согласиям», «религиозным объединениям» и тому подобным реальным социальным общностям), сложившаяся и самовоспроизводящаяся в определенной локальной культуре двух регионов, или (2) переживание универсального интереса к «таинственному» (неизвестному), выступающему как антропологическая особенность любого человека. Респонденты не оценивались на соответствие нормам «правоверия» с позиций определенных религиозно-конфессиональных традиций (юрисдикций), но имели возможность сами себя причислить к категориям «верующих» или «неверующих», при этом число первых составило около трети опрошенных (158 чел., или 30,8% от общего числа опрошенных), а вторых оказалось меньше (99 чел., или 19,4% от общего числа опрошенных), тогда как почти половина не смогла определиться в этом вопросе, образуя группу, которую мы квалифи-

цировали как «сомневающиеся». Таким образом сформировались три собирательные группы молодежи, которые, как оказалось, заметно отличаются друг от друга в согласии с оценками как исторически сложившихся образов феномена религии, так и в ряде других аспектов.

Опрос этого года продолжил социологические исследования, начатые И. Н. Яблочкиным и А. И. Ивановым во Владимире в 1988 г. [Иванов, 1988]. В последующие годы их проводили сотрудники кафедры философии и религиоведения ВлГУ [Аринин, Петросян, 2016]. Исследование 2024–2025 гг. фокусировалось на разных аспектах согласия (комплаенса) молодежи с сохранением в культурной памяти как образов исторических представлений о том, что следует именовать «религией», так и о перспективах межконфессионального диалога, проблемах понимания свободы совести и веротерпимости в студенческой среде, отношении студентов к волшебству, сказкам и тому подобным особым формам миропонимания. Материалы исследований 2024 г. уже опубликованы [Феномен..., 2024: 276–310].

В последние годы появился целый ряд перспективных исследований религиозной социализации, выявляющих «связь религиозности с нормами и ценностями», при этом отмечено, что «религиозность населения, измеряемая чаще всего с помощью вопросов о вере в Бога или частоте посещения религиозных служб, не оказывает влияния на нормы, ценности и поведение людей...» [Пруцкова, 2024: 10]. Другие авторы показывают, что в академических изданиях «само понятие „ценность“ может быть как позитивно, так негативно и даже нейтрально коннотированным», при этом «религиозная, как и национальная, принадлежность для студентов не является ... решающей в выборе друзей», свидетельствуя об «отсутствии активного интереса к религиозной и национальной проблематике», хотя такие понятия, как «религия», «религиозные традиции», «свобода совести» и «толерантность», вызывают у большей части респондентов «позитивные ассоциации» [Элбакян, Кравчук, 2024: 176, 183, 185].

Методика, параметры выборки и самоидентификация респондентов

Методика исследования 2025 г. включает организацию пилотного опроса студентов методом онлайн-анкетирования. Для отбора респондентов применялась квотная выборка. Ссылки на анкету рассылались студентам через старост групп с учетом статистических данных о долях обучающихся на гуманитарных, технических и естественно-научных направлениях. В качестве социально-демографических параметров выборки учитывались квоты по полу и возрасту студентов. Точные параметры приведены в таблице. Всего были опрошены 514 человек, в том числе: из Владимирской области— 212 человек, а из Республики Татарстан — 302, список организаций не изменился в сравнении с 2024 г. [Феномен..., 2024: 256]. Анкета этого года включала в себя 22 вопроса, сам опрос проводился в мае 2025 г. Выбранные два региона России уже более 10 лет находятся в центре нашего внимания, так как опросы, проводимые здесь, позволяют сравнить религиозную ориентацию как приверженцев православия, традиционно составляющих большинство в ВО, так и студентов, причисляющих себя к исламу, представленных значительной долей среди респондентов в РТ.

Подробная структура выборки представлена в таблице.

Параметры выборки Sample parameters

	В среднем	Регион	
		Владимирская область	Республика Татарстан
1. Пол респондентов			
Мужчины	47,3	34,4	56,3
Женщины	52,7	65,6	43,8
2. Возраст респондентов			
16–18 лет	36,8	35,8	37,5
19–20 лет	42,4	46,2	39,8
Старше 20 лет	20,7	17,9	22,7
3. Форма обучения			
Очное	94,6	93,9	95,1
Очно-заочное	4,8	5,2	4,6
Заочное	0,6	0,9	0,3
4. Место жительства			
В областном или республиканском центре	61,7	71,2	55,0
В другом городе субъекта Федерации	28,2	20,3	33,9
В сельской местности	11,1	8,5	11,2

В ходе исследования мы традиционно спрашиваем студентов о том, считают ли они себя верующими или неверующими, отказываясь от советских моделей, где граждане с 1929 г. были разделены на «верующих граждан всех культов» (тех, кто верил в «существование Бога») и тех, кто был «беззаветно верен идеалам построения коммунизма» [Аринин, 2017: 48]. Сегодня мы предлагаем эту самоидентификацию оставлять на выбор самих респондентов. Соотношение между выбравшими эти два варианта составило 30,8% «верующих» против 15,3% «неверующих».

Долю последних мы обычно увеличиваем за счет тех, кто предпочел другие варианты ответов [Феномен..., 2024: 259–260]. Таким образом, при общем анализе мы сравниваем ответы трех групп студентов с различным отношением к вере: «верующие» — в целом 30,8% (ВО — 24,1%; РТ — 35,5%), «неверующие» — 19,4% (ВО — 23,1%; РТ — 16,8%) и «сомневающиеся» — 49,8% (ВО — 52,8%; РТ — 47,7%). Нетрудно заметить, что студенты РТ оценили свой уровень религиозности чуть выше, чем их сверстники из ВО.

Религиозную самоидентификацию мы выявляем также с помощью вопроса о связывании студентами себя с той или иной конфессией или религией. Как видно на рисунке 1, почти три четверти опрошенных (72%) показали подобную связь. Оставшаяся четверть либо ответили, что не исповедуют никакой религии (26,2%), либо затруднились с ответом (1,7%).

Неудивительно, что во Владимирской области большинство назвали себя приверженцами православного христианства (60,8%), а в Татарстане треть опрошенных выбрали ислам (33,9% против 0,9% в ВО). Однако православных среди студентов Респуб-

лики Татарстан оказалось не меньше, чем мусульман (32,3%). В среднем в выборке оказалось 44,2% православных и 20,3% мусульман.

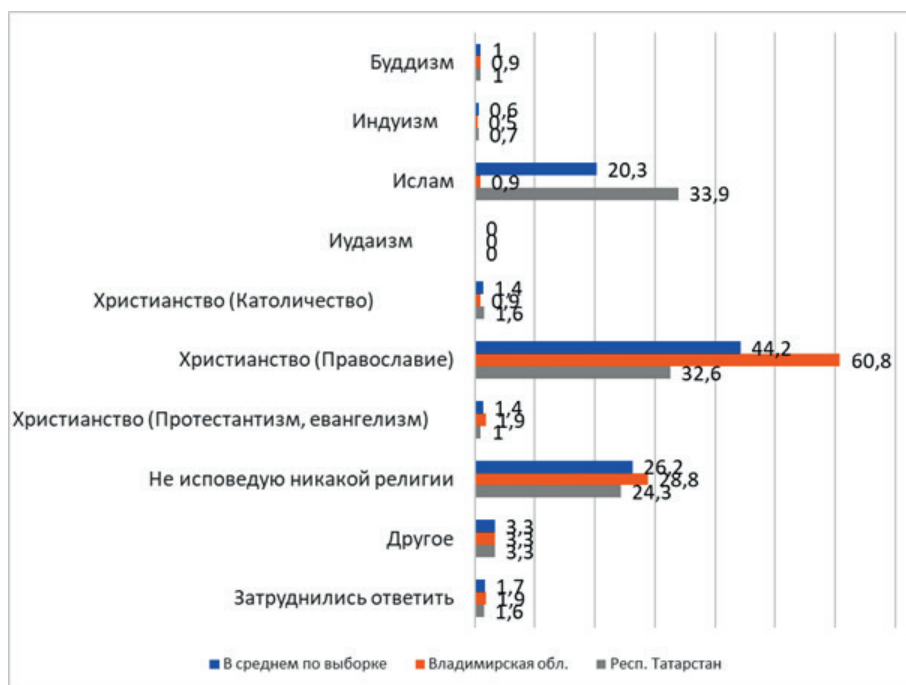

Рис. 1. К какой конфессии относят себя студенты, процент от числа опрошенных

Fig. 1. What religion do students identify with, % of respondents

Другие религии и конфессии, такие как буддизм, индуизм, католичество, протестантизм и т. п., выбрали лишь единицы ответивших на вопрос. Доля тех, кто не исповедует никакой религии, оказалась чуть более заметной во Владимирской области, однако отличие от Республики Татарстан незначительно (28,8% против 24,3%).

Традиционно обратим внимание на то, что доля связывающих себя с той или иной конфессией/религией значительно превосходит долю «верующих». К тому же отметим, что даже среди «неверующих» обнаруживаются 11% «православных», 6% мусульман и по 1% буддистов, католиков и протестантов (рис. 2). Это, безусловно, является следствием того, что для многих связь с определенной конфессией является проявлением не столько собственно религиозных, сколько социокультурных ориентаций, отражающих причисление себя к общепринятой культуре большинства.

Еще одним критерием уровня религиозности студентов в нашем исследовании выступает вера в загробную жизнь (рис. 3).

О том, что этот уровень невысок, говорит тот факт, что безоговорочную уверенность в возможности встретиться после своей смерти с умершими родственниками и друзьями высказал лишь каждый пятый респондент (21,1%).

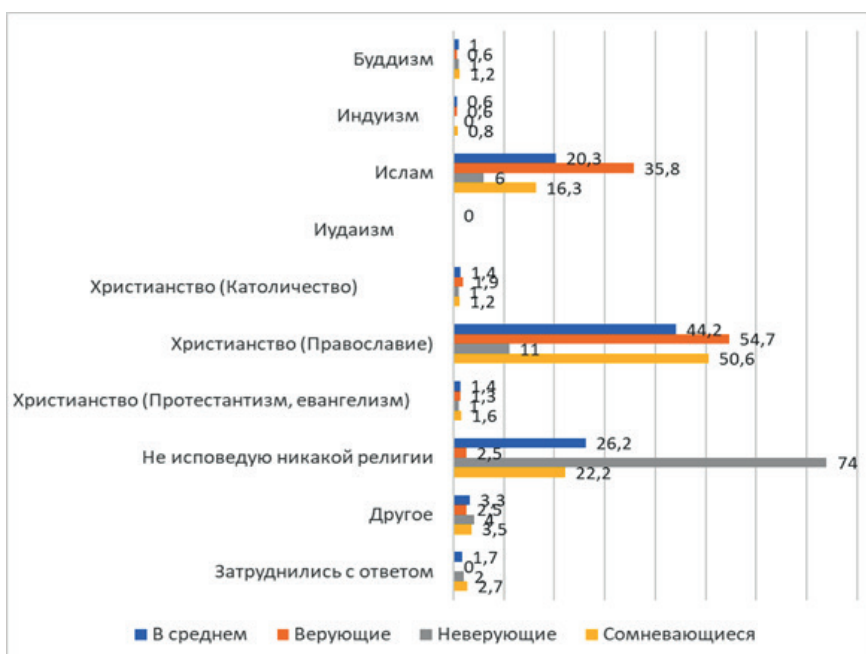

Рис. 2. К какой конфессии относят себя респонденты в зависимости от религиозной самоидентификации, процент от числа опрошенных

Fig. 2. Which confession do respondents identify themselves with, depending on religious self-identification, % of the number of respondents

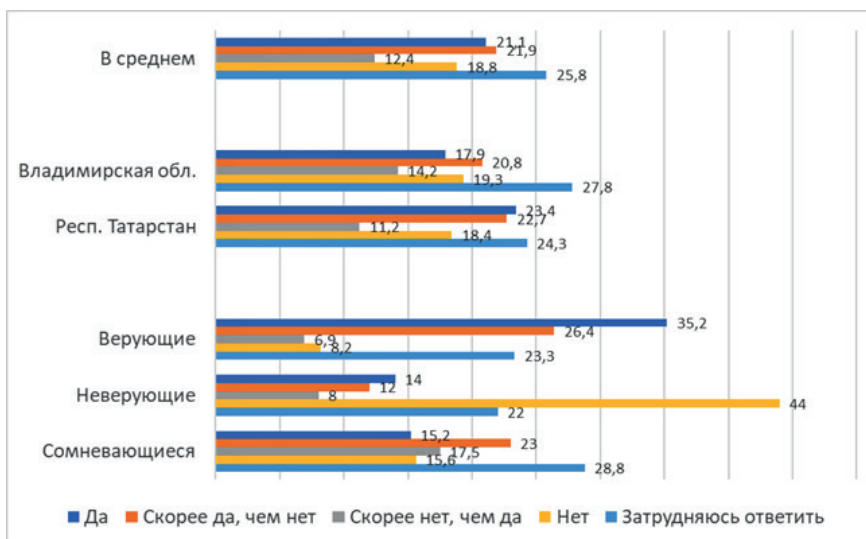

Рис. 3. Верят ли студенты, что после смерти встретятся с умершими родственниками и друзьями, процент от числа опрошенных

Fig. 3. Do students believe that they will meet with deceased relatives and friends after death, % of respondents

Столько же указали, что скорее верят в подобное, чем нет (21,9%). Однозначное неверие в возможность загробных контактов с близкими выразили 18,8% опрошенных студентов, а неверие с определенными оговорками — 12,4%. Таким образом, студенты разделились в этом вопросе на две почти равные части, о чем свидетельствует и общий «индекс веры в загробную жизнь», который оказался практически равным нулю (+0,07). Используя здесь и далее при анализе индексы рассчитаны по формуле:

$$I = (A + 0,5B) - (0,5C - D) / E,$$

где A — количество респондентов, выбравших вариант ответа «Полностью согласен», B — количество респондентов, выбравших вариант ответа «Скорее согласен», C — количество респондентов, выбравших вариант ответа «Скорее не согласен», D — количество респондентов, выбравших вариант ответа «Полностью не согласен» и E — количество ответивших на вопрос. Таким образом, значение индекса всегда находится в интервале от +1 (все согласны) до -1 (все не согласны). Чем выше номинал индекса, тем выше уровень согласия или несогласия респондентов.

Как видно на рис. 4, в Республике Татарстан студентов, в той или иной мере верящих в загробную жизнь, оказалось чуть больше, чем во Владимирской области (0,11 против 0,02). Девушки в этом вопросе отличаются от юношей. Среди первых — чуть больше верящих в загробную жизнь (0,18), в то время как среди вторых, наоборот, чуть больше не верящих в нее (-0,05).

Как и следовало ожидать, студенты, определившие себя как «верующие» и «неверующие», разошлись в данном вопросе по разным полюсам. «Верующие» чаще все же верят в загробную жизнь (+0,37), а «неверующие» — нет (-0,28). Показатель «сомневающихся» равен среднему по выборке (+0,02).

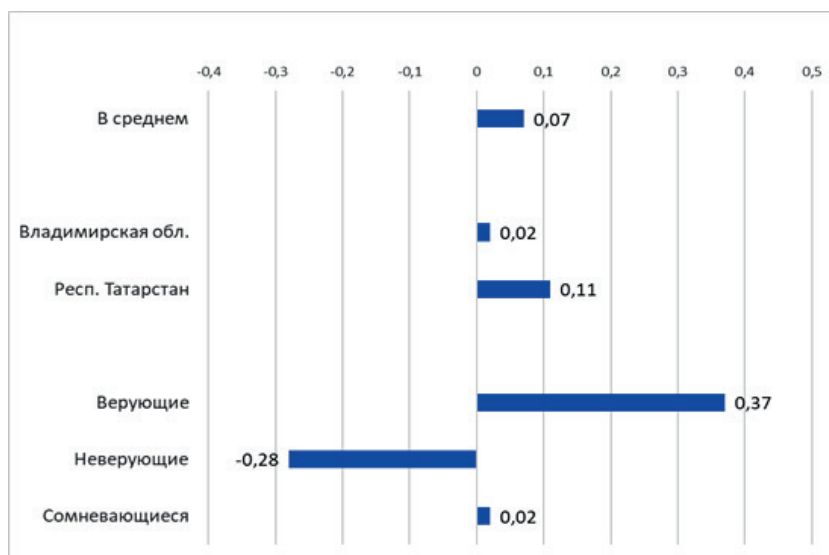

Рис. 4. Уровень веры в загробную жизнь (индекс)

Fig. 4. Level of belief in the afterlife (index)

Однако даже среди «верующих» полностью уверенные в загробной жизни составили лишь треть от всей группы (35,2%). Остальные все же испытывают те или иные сомнения в возможности жизни после смерти.

Интересно, что в данном вопросе нет заметных отличий между приверженцами ислама и православия. Среди мусульман полностью уверенные в возможности встретиться после смерти с умершими родственниками составили 27,6%, скорее верящие — 21%, а среди православных подобные доли составили 25% и 27,6% (индексы +0,21 и +0,22, соответственно) [Феномен..., 2024: 261–262].

Индекс религиозной терпимости сограждан

В целом, несмотря на позитивное отношение большей части студенчества как сограждан к вопросам веры, даже вербальный уровень религиозности, если ее понимать в терминах XIX в. («твердости в вѣре» как особой и признанной государством юрисдикции), вряд ли может считаться высоким. Возможно, отсутствие у большинства студентов глубоких религиозных убеждений, влияющих на их повседневную жизнь, является одной из причин весьма позитивного отношения студентов к людям иных религиозных взглядов. В той или иной степени положительное отношение к подобным людям высказали почти четыре пятых от общего числа опрошенных (79%). В итоге общий индекс религиозной терпимости составил +0,62 (рис. 5) Интересно, что у «верующих» подобный индекс оказался намного выше, чем у «неверующих»: +0,75 против +0,38. Правда, подобный результат связан во многом с тем, что «неверующие», не имеющие собственных религиозно-конфессиональных взглядов, часто затрудняются с ответом на данный вопрос (29% против 6% среди «верующих»).

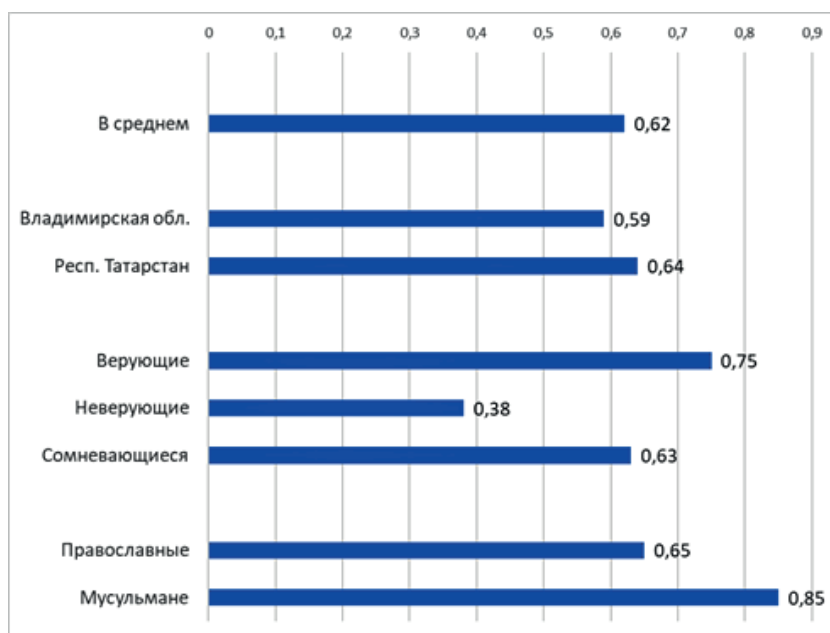

Рис. 5. Уровень религиозной терпимости студентов (индекс)

Fig. 5. Level of religious tolerance of students (index)

Высоким индексом терпимости отличаются как православные, так и мусульмане. Интересно, однако, что у вторых этот показатель выражен более ярко, чем у первых (0,85 против 0,65).

Описывая уровень религиозной терпимости студентов, подчеркнем и распределение ответов на вопрос о разных формах отношения к тем, кого принято называть «еретиками», «сектантами» и «врагами религии». Половина опрошенных студентов безоговорочно поддержали точку зрения о праве каждого на свободу совести и убеждений, а по всем спорным вопросам, в конце концов, всегда можно достичь согласия (50,2%). Еще каждый пятый указал, что «скорее соглашается с такой точкой зрения, чем нет» (21,5%). Несогласие со свободой совести высказали лишь 6,6% ответивших на вопрос. Общий индекс согласия с правом на свободу убеждения оказался довольно высоким и составил +0,57, причем в равной степени позитивным он оказался как во Владимирской области (+0,58), так и в Республике Татарстан (+0,56).

При этом среди студентов оказалось крайне мало тех, кто «никогда не хочет дружить с „еретиками“, „сектантами“ и „врагами религии“» (в сумме — 15% против 45% не согласных с подобным типом поведения; индекс — -0,28) или «не хочет жить рядом» с такими людьми (16% против 43%; индекс — -0,26).

Совершенно не вызвала поддержки со стороны студентов идея «запретить тех, кого называют „еретиками“, „сектантами“, „врагами религии“ законом, а их приверженцев — арестовать и изолировать от общества». Согласны с внедрением таких мер лишь 12% опрошенных, а не согласны — 50% (индекс — -0,34).

В какой степени студенты согласны или не согласны со следующими высказываниями?

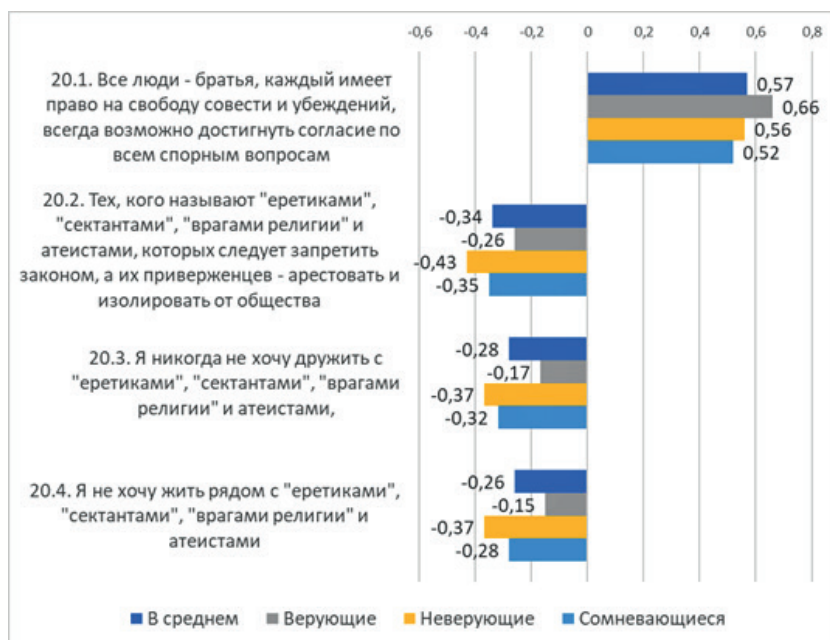

Рис. 6. Уровень согласия или несогласия с высказываниями (индекс)

Fig. 6. Level of agreement or disagreement with statements (index)

Среди «неверующих» неприятие остракизма по отношению к «сектантам» и «еретикам», а тем более желание юридического преследования их выражено гораздо заметнее, чем среди «верующих», однако и последние настроены в этом вопросе довольно терпимо и в целом отвергают подобные предложения (рис. 6):

- не жить рядом — $-0,37$ у «неверующих» и $-0,15$ у «верующих»;
- никогда не дружить — $-0,37$ и $-0,17$;
- запретить законом, арестовывать и изолировать — $-0,43$ и $-0,26$.

Исследование показало довольно позитивное отношение студентов и к тем, кого называют «верующими людьми». Этому понятию, с точки зрения респондентов, соответствуют прежде всего люди, «живущие по совести и доброй воле». Полное согласие с подобным определением высказал каждый четвертый студент (23,3%), а еще одна четверть оказались скорее согласными, чем нет (25%). Полностью несогласные составили 10,3% опрошенных, а частично — 7,6% (индекс согласия — $+0,22$).

Наиболее низким индексом согласия характеризуется представление о верующих как о «людях суеверных и невежественных» ($-0,35$). Не вызывают поддержки со стороны студентов и мнения о верующих как о «людях, живущих „на своей волне“, далеких от запросов и интересов повседневной жизни» ($-0,23$) и как о «фанатичных последователях своей религии» ($-0,17$). Однако и с мнением, что верующие люди — это «те, кто будет спасен для жизни вечной», студенты также в основном не согласны ($-0,15$). Тем не менее именно в отношении к данной трактовке мнения «верующих» и «неверующих» студентов разошлись принципиально. Среди первых все же преобладают те, кто согласен с подобным пониманием сущности верующего человека ($+0,14$), вторые же как раз с подобным определением не соглашаются чаще всего ($-0,43$). Отметим также, что «верующие» чаще всего отвергают трактовку, связанную с суеверием и невежеством ($-0,52$), и чаще всего поддерживают нравственную трактовку веры как жизни по совести и доброй воле ($+0,53$). «Неверующие» в целом также разделяют эти мнения, но их согласие или несогласие выражено менее ярко.

Таким образом, студенты отличаются довольно высоким уровнем религиозной терпимости.

Оценка феномена религии

Отношение студентов к феномену религии оценивалось в ходе исследования по степени согласия или несогласия с отдельными его трактовками, сформировавшимися в истории (рис. 7). Древнейшей из таких формулировок была коннотация в текстах Плавта (Titus Maccius Plautus, ок. 254–184 г. до н. э.) между религиозностью и «зловещим» (страшные предзнаменования и запретные места), которая только во времена Цицерона (Marcus Tullius Cicero, 106–43 гг. до н. э.) начинает пониматься как возвышенное «почитание божественного порядка», последнее в ветхозаветных Псалмах начинает коннотировать с почитанием «Бога Вышнего», а в церковной традиции христиан — с «Троицей». Религиоведение, как светская традиция научного изучения вероисповеданий, предлагает свои трактовки своего объекта, вплоть до сатирического «опиума для народа» (Остап Бендер) или академически описываемых «веры определенной юрисдикции» (конфессии, братства и т. п.) и антропологического «надзирания за неизвестным».

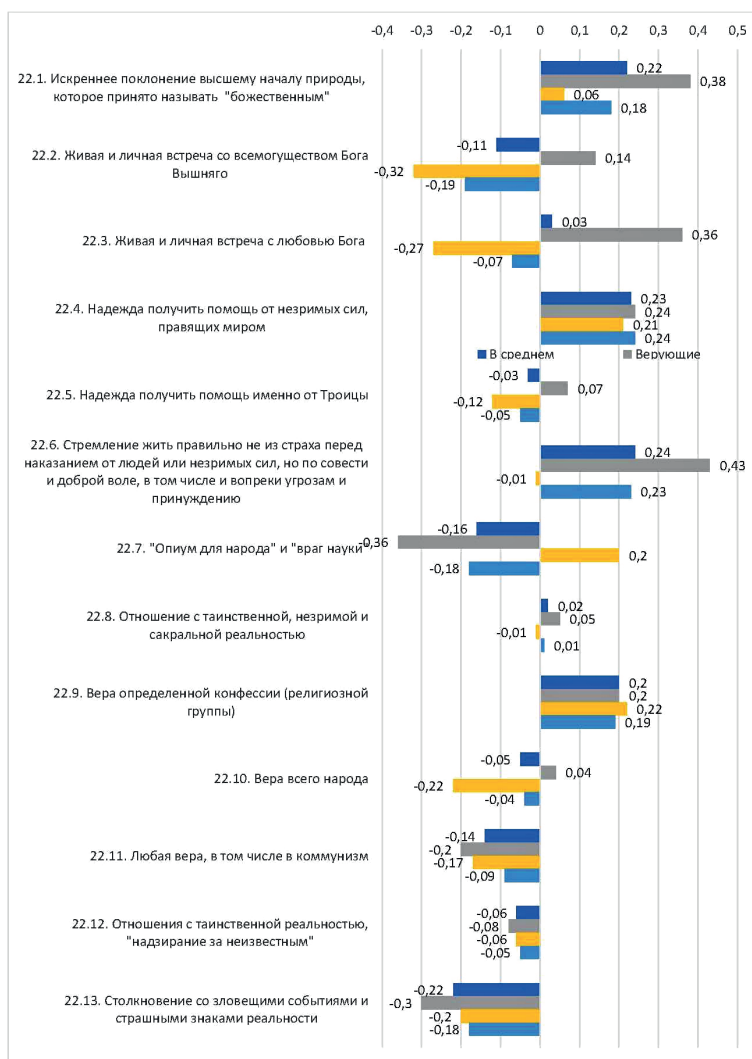

Рис. 7. Уровень согласия или несогласия студентов с определениями религии (индекс)
 Fig. 7. Level of students' agreement or disagreement with definitions of religion (index)

Как видим, в представлениях студентов переплетаются историко-региональные, конфессиональные и антропологические представления о религии. В целом позитивные или нейтральные трактовки, пожалуй, чаще вызывают согласие у студентов.

В данном вопросе практически отсутствуют региональные отличия. А вот разница в отношении к религии со стороны «верующих» и «неверующих» студентов весьма показательна. Довольно яркое противостояние двух групп проявляется в оценке большого числа определений религии. Получается, что студенты, назвавшие себя «верующими», воспринимают религию прежде всего как феномен, связанный с личными переживаниями от встречи с высшими силами, а также как нечто побуждающее вести

праведную жизнь по законам морали. Для «неверующих» подобные личностно-нравственные трактовки религии оказались наименее приемлемыми.

Оценка феномена магии (колдовства и т. п.)

В ходе исследования анализировались не только представления студентов о религии, но и их отношение к бытующим в обществе взглядам на различные мистические и маргинальные явления, такие как колдовство, гадания, магия, «помощь Халявы» и т. п.

В целом возможность существования различных проявлений мистического и сверхъестественного вызывает у студентов заметный скепсис. Тем не менее среди респондентов находятся те, кто утверждает, что лично сталкивались с колдовством и магией (12,4%), сами умеют гадать и периодически это делают (6,4%), а также лично сталкивались с фактом сбывшихся предсказаний (16,3%). Большинство студентов, однако, все это отрицает.

Оценивая приведенные в анкете высказывания о колдовстве, гадании и магии, студенты проявили высокий уровень поддержки следующих, вполне рациональных точек зрения:

- Колдовство, гадание и магия — это устаревшие формы отношения человека к миру, постепенно вытесняемые наукой и техникой как сказки и суеверия — индекс согласия +0,27.
- Колдовство, гадание и магия — это древние способы отношения к миру, присутствующие в любом обществе и сознании каждого индивида — +0,22.

При этом студенты явно отвергают идею о том, что «колдовство, гадание и магия должны быть запрещены законом, а их приверженцы арестованы и изолированы от общества» (-0,47).

В то же время в отношении высказывания «колдовство, гадание и магия существуют только в воображении, сказках, литературе, кино и СМИ, их нет в действительности» студенты разделились на две равные части, доля согласных с этим практически равна доле несогласных (+0,05).

Оценивая взаимосвязь колдовства, магии и гадания с религией, студенты чаще соглашались с тем, что «колдовство, гадание и магия — это суеверия, а не религия, так как все религии их запрещают (+0,14). Однако и точка зрения, что «колдовство, гадание и магия — это древние формы религии, отмирающие и забываемые со временем», также находит больше сторонников, чем противников (+0,09). А вот мнение, что «колдовство, гадание и магия — это бесовщина, гибельная для души каждого человека, спасти которую может только религия», поддерживается меньшинством студентов (-0,12).

Таким образом, студенты довольно рационально оценивают вероятность присутствия в реальной жизни сверхъестественных проявлений. Что касается взаимосвязи колдовства и магии с религией, у студентов нет четко выраженных представлений. Отметим и высокую долю затруднившихся с оценкой данных высказываний (в среднем 30%).

Значительные региональные отличия в этом вопросе отсутствуют. А вот религиозная самоидентификация сказывается (рис. 8). «Неверующие» студенты относятся к сверхъестественному более рационально, чем «верующие». Они чаще соглашались с тем, что:

- колдовство, гадание и магия существуют только в воображении, сказках, литературе, кино и СМИ, их нет в действительности (+0,25 против -0,03 у «верующих»);

- колдовство, гадание и магия — это устаревшие формы отношения человека к миру, постепенно вытесняемые наукой и техникой как сказки и суеверия, — +0,42 против +0,14.

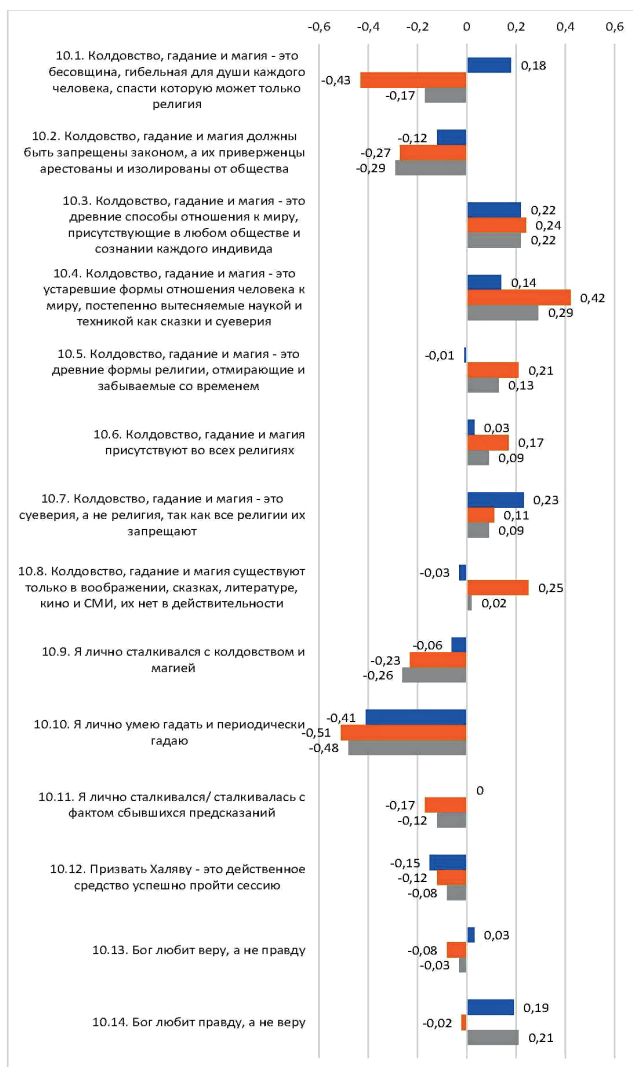

Рис. 8. В какой мере студенты согласны или не согласны со следующими утверждениями в зависимости от религиозной самоидентификации (индекс)

Fig. 8. To what extent do students agree or disagree with the following statements depending on their religious self-identification (index)

К тому же «неверующие» чаще не видят отличий между колдовством и религией:

- колдовство, гадание и магия — это древние формы религии, отмирающие и забываемые со временем, — +0,21 против -0,01 у «верующих»;

• колдовство, гадание и магия присутствуют во всех религиях (+0,17 против +0,03). «Верующие», напротив, чаще разделяют религиозное и магическое, считая, что колдовство, гадание и магия — это суеверия, а не религия, так как все религии их запрещают (+0,23 против +0,11 у «неверующих»).

Отметим также, что среди «верующих» оказалось больше тех, кто считает колдовство, гадание и магию бесовщиной, гибельной для души каждого человека, спасти которую может только религия (+0,18). «Неверующие» явно отвергают подобную точку зрения (-0,43).

При этом в отношении идеи о введении запрета на колдовство, гадание и магию «верующие» и «неверующие» более единодушны. И те, и другие чаще не соглашались с этим (-0,12 у «верующих» и -0,27 у «неверующих»). В равной степени обе группы студентов не согласны с тем, что «призвать Халяву — это действенное средство успешно пройти сессию» (-0,15 у «верующих» и -0,12 у «неверующих»).

Другие исследования 2025 г. демонстрируют сенсационные данные, согласно которым почти все граждане страны, включая «неверующих», «желают владеть магией, как Гарри Поттер» [Соколова, <https://clck.ru/3RbdZW>]. При этом еще недавно (2019) утверждалось, что «россияне разочаровались в магии, гипнозе и гаданиях» [Опрос..., <https://golnk.ru/E8K7d>].

Студентам также предлагалось высказать свое отношение и к следующим известным альтернативным высказываниям (И. С. Пересветов, ок. 1549): «Бог любит веру, а не правду» и «Бог любит правду, а не веру» [Ерусалимский, 2011: 99]. Заметим, что более половины опрошенных затруднились с ответом (54,7% в случае с первым высказыванием и 52,9% в случае со вторым). Давшие ответ склонились к мнению самого известного отечественного публициста XVI столетия, что «Бог любит правду, а не веру» (+0,16). Противоположная точка зрения чуть чаще вызывает несогласие, хотя доли сторонников и противников практически равны (-0,02).

Особо отметим, что выбор Бога в пользу правды особенно часто представляется справедливым «верующим» студентам (+0,19 против -0,02 у «неверующих»). В отношении высказывания «Бог любит веру, а не правду» в обеих группах ответившие на вопрос разделились практически пополам, хотя «верующие» характеризуются положительным индексом, а «неверующие» — отрицательным (+0,03 и -0,08).

Студенты отмечают, что СМИ (включая интернет) оказывают влияние на восприятие обществом всего, что связано с чудом, волшебным и сверхъестественным (рис. 9). Треть опрошенных (33,3%) полностью подтверждают подобное влияние, а еще треть (30%) скорее замечают его, чем нет (индекс оценки — +0,36).

При этом студенты чаще склоняются к тому, что ограничивать информацию о чудесах, волшебном и сверхъестественном в СМИ не стоит (рис. 10). В пользу запрета высказались 11% однозначно и 16,9% с оговорками. Против ограничений выступило большинство студентов, 23,4% четко сказали: «нет», а 25,2% выбрали вариант ответа «скорее нет, чем да» (индекс -0,16). Владимирские студенты отвергают ограничения более последовательно, чем в Татарстане (-0,23 против -0,12). Больше противников запретов информации о волшебном и среди «верующих» в сравнении с «неверующими» (-0,20 против -0,07).

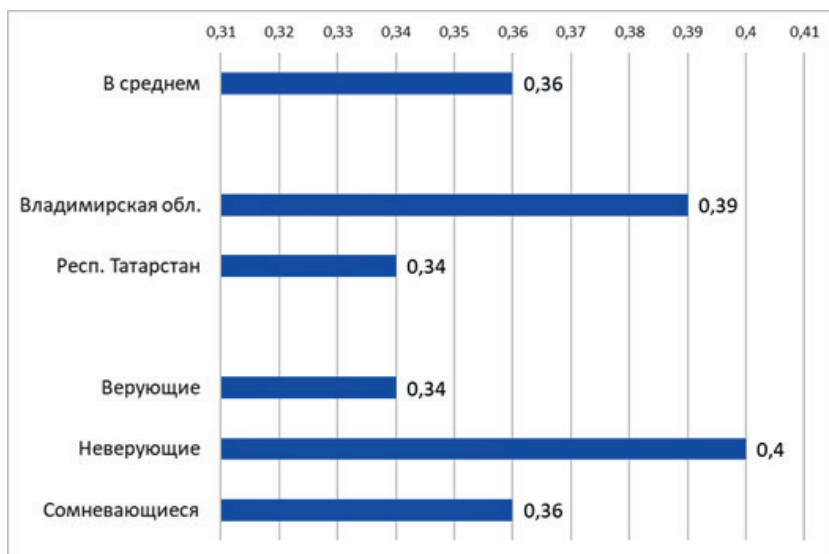

Рис. 9. Оценка уровня влияния современных СМИ (ТВ, интернет и т. п.) на отношение к чуду, волшебному и сверхъестественному в обществе (индекс)

Fig. 9. Assessment of the level of influence of modern media (TV, Internet, etc.) on the attitude towards miracles, magic and the supernatural in society (index)

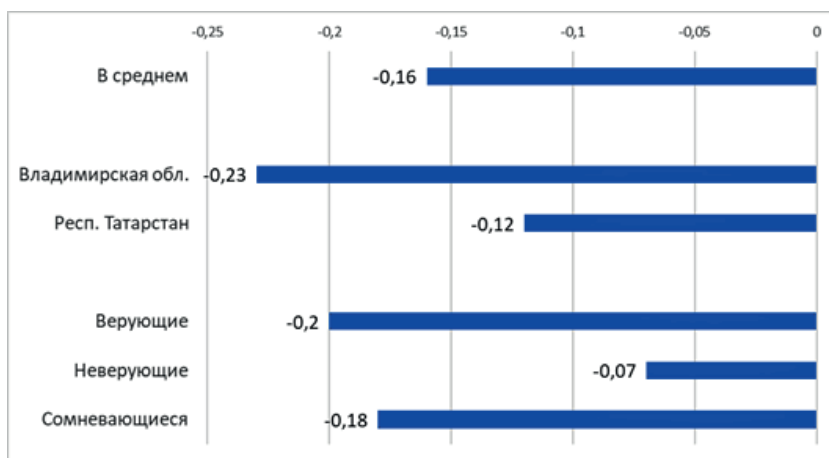

Рис. 10. Отношение студентов к идее ограничить информацию о чудесах, волшебном и сверхъестественном в СМИ (индекс)

Fig. 10. Students' attitudes towards the idea of limiting information about miracles, magic and the supernatural in the media (index)

В ходе исследования выяснялось, в какой степени студенты доверяют науке, целителям и экстрасенсам, священнослужителям и религиозным организациям, учебным заведениям и преподавателям вузов (рис. 11–14).

Результаты свидетельствуют об очень высоком уровне доверия науке (индекс составил +0,78; ВО — +0,76, РТ — +0,79). Всегда доверяют науке две трети опрошенных (67,6%), не всегда, но доверяют — еще четверть (24,4%).

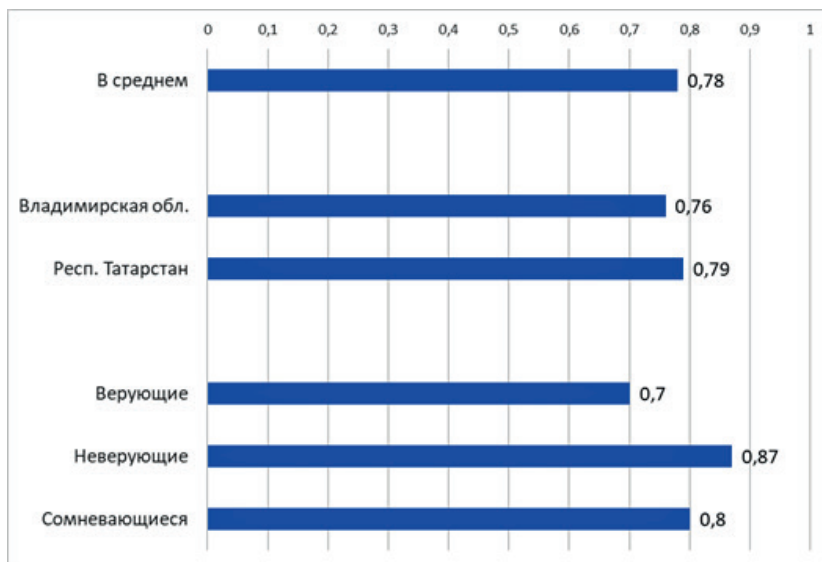

Рис. 11. Уровень доверия студентов науке (индекс)

Fig. 11. Students' level of trust in science (index)

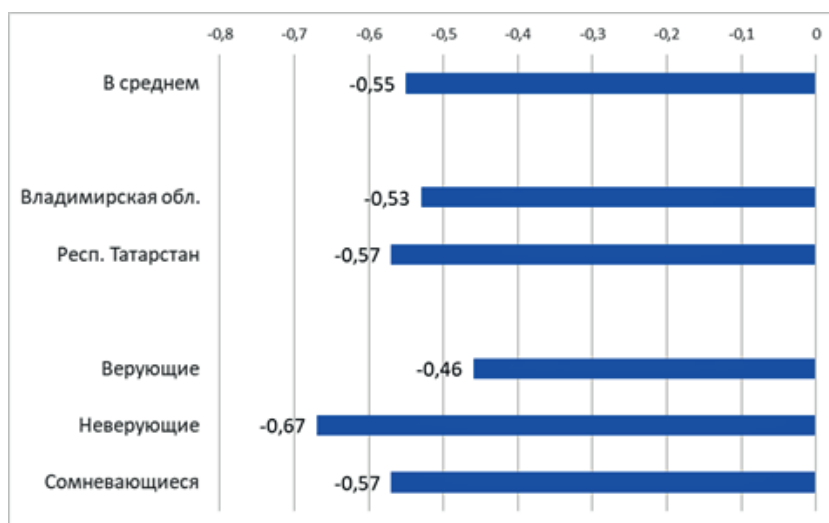

Рис. 12. Уровень доверия студентов целителям (экстрасенсам, эзотерикам и т. п.) (индекс)

Fig. 12. Level of students' trust in healers (psychics, esotericists, etc.) (index)

«Неверующие» характеризуются более высоким уровнем доверия к науке (+0,87), однако и среди «верующих» доверяющие науке составляют явное большинство (+0,70).

При оценке уровня доверия целителям (экстрасенсам, эзотерикам и т. п.) выявляется противоположная картина. Половина студентов ответили, что никогда не доверяют им (51,7%), а еще четверть — что доверяют редко (23,6%). Доверяющие оказались в явном меньшинстве: в сумме 12% при 12% затруднившихся с ответом (индекс — $-0,55$; ВО — $-0,53$, РТ — $-0,57$).

Не доверяют целителям ни «неверующие», ни «верующие» студенты, однако первые все же чаще ($-0,67$ и $-0,46$).

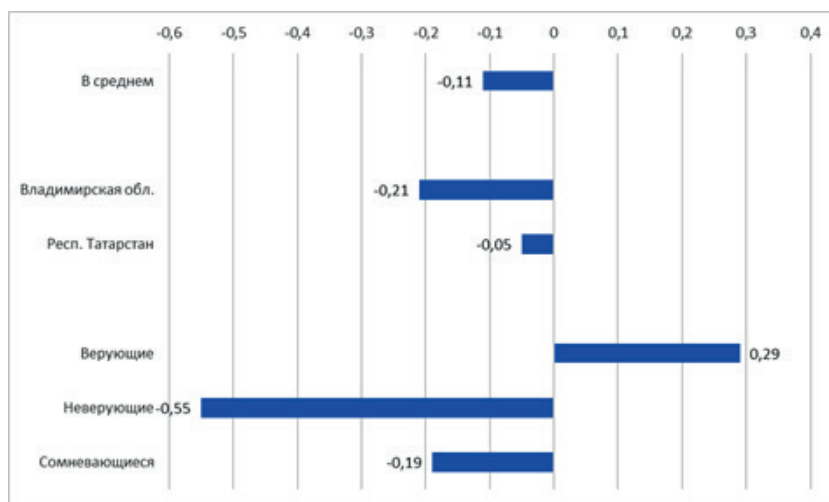

Рис. 13. Уровень доверия студентов религиозным организациям и духовенству (индекс)

Fig. 13. Level of students' trust in religious organizations and clergy (index)

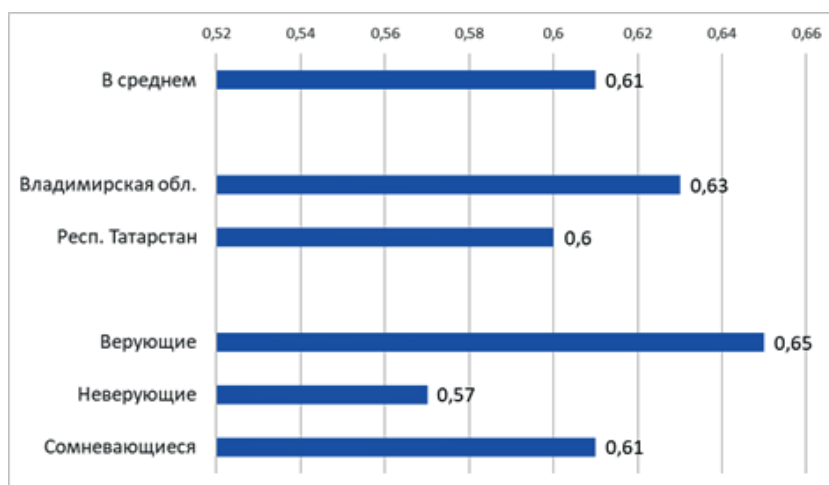

Рис. 14. Уровень доверия студентов учебным заведениям и преподавателям (индекс)

Fig. 14. Level of students' trust in educational institutions and teachers (index)

Сравнение уровня доверия студентов религиозным организациям и духовенству, с одной стороны, и учебным заведениям и преподавателям — с другой, показывает преимущество вторых над первыми.

Религиозным организациям и духовенству обычно доверяют 13,2% студентов, а никогда не доверяют 24,6%. Доли доверяющих не всегда или редко составили по 20,9%. В результате уровень доверия характеризуется негативным значением (-0,11). Отметим, что в данном случае владимирские студенты отличаются заметно более высоким уровнем недоверия, чем учащиеся из Республики Татарстан (-0,21 против -0,05).

Что касается «верующих» и «неверующих», то отличия здесь ожидаемы и очевидны. «Верующие» чаще доверяют религиозным организациям и духовенству, а «неверующие» — нет (+0,29 против -0,55).

Учебным же заведениям и преподавателям, наоборот, доверяет подавляющее большинство студентов: обычно доверяют 46,3%, не всегда, но доверяют — 39,3% (индекс — +0,61; ВО — +0,63, РТ — +0,60). Интересно, что «верующие» студенты и преподавателям доверяют чаще, чем «неверующие», хотя различия здесь крайне невелики (+0,65 и +0,57).

Выводы

Подводя итоги, отметим основные результаты. Понимание уровня религиозности, если его рассматривать с позиций интеграции и комплаенса (законного согласия) подходов социологии религии и философского религиоведения, будет, как это показал еще один из упоминавшихся выше «отцов-основоположников» этой науки М. Мюллер [Религия..., 1887: 11–12], различаться в двух планах: как (1) причастность личности к конкретной конфессиональной традиции, сложившейся в определенной локальной культуре, или как (2) «сама возможность исследовать бесконечное», выступая как универсальный интерес и антропологическая особенность любого человека. Все это сохраняется и в среде студентов владимирского региона и Татарстана: уровень религиозности, если его понимать согласно словарю В. И. Даля как «твердость в вере», т. е. преданность конкретной конфессиональной норме, по полученным результатам не может быть назван высоким [Даль, 1866: 81].

Однозначно назвавшие себя «верующими» составляют менее трети опрошенных (30,8%). Доля однозначно «неверующих» меньше, но не существенно (19,4%). Половина студентов относится к не определившимся в своем отношении к вере как определенному и подчеркивающему свою эксклюзивность учению конфессий и религий, т. е., выступая как «сомневающиеся». Тем не менее именно эта самоидентификация респондентов заметно влияет практически на все даваемые ими оценки. «Верующие» и «неверующие» заметно отличаются друг от друга как в оценке феномена религии, так и в отношении к верующим людям, в согласии или несогласии с высказываниями о колдовстве, гадании и магии, их связи с религией, в доверии и недоверии к религиозным организациям и к духовенству. «Сомневающиеся» обычно занимают промежуточную позицию, их оценки близки к средним по выборке.

Большинство студентов так или иначе связывают себя с той или иной конфессией (религией). В основном это православие (ВО) и ислам (РТ). Учитывая, что относящие себя к тому или иному вероисповеданию находятся даже среди «неверующих», мож-

но сделать вывод о том, что эта ориентация носит скорее социокультурный, чем собственно «вероисповедальный» характер, является следствием стремления причислить себя к уважаемому большинству.

Студентов отличает высокий уровень религиозной терпимости и гражданского согласия, выражаемый в позитивном отношении к людям иных религиозных взглядов, к верующим людям, в представлении о них как о живущих по совести и доброй воле, а не как о фанатиках и суеверных мракобесах. Студенты весьма рационально подходят к трактовкам феномена религии, демонстрируя при этом в целом положительное отношение к вере. Гадание, магия, целители и экстрасенсы, все волшебное и колдовское вызывает явный скепсис со стороны студентов, основанный на высоком уровне доверия к науке.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–01105, <https://rscf.ru/projrct/24–28–01105/>

Acknowledgements and funding

The study was supported by a grant of Russian Science Foundation № 24–28–01105, <https://rscf.ru/projrct/24–28–01105/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аринин Е. И. Верующий // Энциклопедический словарь социологии религии. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. С. 47–49.

Аринин Е. И., Маркова Н. М., Мартиросян В. С. Феномен религиозности писателя в контексте комплаенса и межкультурной коммуникации (философско-религиоведческий подход) // Концепт: философия, религия, культура. 2024. Т. 8, № 2. С. 111–135.

Аринин Е. И., Петросян Д. И. Особенности религиозности студентов // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 71–77.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Типография Т. Рись, 1866. Ч. 4. 680 с.

Ерусалимский К. Ю. Греческая «вера», турецкая «правда», русское «царство»...: еще раз об Иване Пересветове и его проекте реформ // Вестник РГГУ. Серия: Филологические науки. Литературоведение и фольклористика. 2011. № 7. С. 87–104.

Иванов А. И. Социологический анализ религиозности в трудовом коллективе и задачи атеистического воспитания: автореферат дис. ... канд. филос. наук. М., 1988. 23 с.

Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России. М.; СПб.: Летний сад, 2007. 247 с.

Опрос: россияне разочаровались в магии, гипнозе и гаданиях // NEWS.ru. URL: <https://golnk.ru/E8K7d> (дата обращения 13.08.2025).

Пруцкова Е. В. Религиозная социализация: связь религиозности с нормами и ценностями. М.: ПСТГУ, 2024. 256 с.

Религия как предмет сравнительного изучения: Лекции проф. Макса Мюллера. Харьков: Изд. переводчика, 1887. 143 с.

Соколова А. 96% россиян желают владеть магией, как Гарри Поттер // Новости Mail. URL: <https://clck.ru/3RbdZW> (дата обращения 13.08.2025).

Феномен «комплаенс»: религия, наука и вызовы современности: сб стат. Владимир: Изд-во ВЛГУ, 2024. Т. 40. 311 с.

Элбакян Е. С., Кравчук В. В. Отношение студенческой молодежи к экстремизму и его профилактике в системе высшего образования // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 2. С. 174–193.

References

Arinin E. I. Veruyushchii [Believer] *Entsiklopedicheskii slovar' sotsiologii religii* [Encyclopedic Dictionary of Sociology of Religion]. St. Peresburg: Platonic Philosophical Society, 2017, pp. 47–49 (in Russian).

Arinin E. I., Markova N. M., Martirosyan V. S. Fenomen religioznosti pisatelya v kontekste komplainsa i mezhkul'turnoi kommunikatsii (filosofsko-religiovedcheskii podkhod) [The Phenomenon of a Writer's Religiosity in the Context of Compliance and Intercultural Communication (Philosophical and Religious Studies Approach)] *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: philosophy, religion, culture]. 2024, vol. 8, no 2, pp. 111–135 (in Russian).

Arinin E. I., Petrosyan D. I. Osobennosti religioznosti studentov [Peculiarities of students' religiosity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2016, no. 6, pp. 71–77 (in Russian).

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Tipografiya T. Ris, 1866, pt. 4, 680 p. (in Russian).

Elbakyan E. S., Kravchuk V. V. Otnoshenie studencheskoi molodezhi k ehkstreemizmu i ego profilaktike v sisteme vysshego obrazovaniya [The attitude of student youth to extremism and its prevention in the system of higher education]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2024, vol. 29, no. 2, pp. 174–193 (in Russian).

Erusalimskii K. Yu. Grecheskaya “vera”, turetskaya “pravda”, russkoe “tsarstvo”...: eshche raz ob Ivane Peresvetove i ego proekte reform [Greek “faith”, Turkish “truth”, Russian “kingdom”...: once again about Ivan Peresvetov and his reform project] *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki. Literaturovedenie i fol'kloristika* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philological Sciences. Literary Studies and Folklore Studies]. 2011, no. 7, pp. 87–104 (in Russian)

Fenomen “komplains”: religiya, nauka i vyzovy sovremennosti: sb. stat. [The Phenomenon of Compliance: Religion, Science and the Challenges of Modernity]. Vladimir: Vladimir State University Publ., 2024, vol. 40, 311 p. (in Russian)

Ivanov A. I. *Sotsiologicheskii analiz religioznosti v trudovom kollektive i zadachi ateisticheskogo vospitaniya. Avtoreferat diss. kand. filos. nauk* [Sociological analysis of religiosity in the work collective and the tasks of atheist. ic education. PhD Abstract of Thesis in Philosophy] Moscow: Moscow, 1988, 23 p. (in Russian)

Novye tserkvi, starye veruyushchie — starye tserkvi, novye veruyushchie. Religiya v postsovetskoi Rossii [New Churches, Old Believers — Old Churches, New Believers. Religion in Post-Soviet Russia]. Moscow; St. Petersburg: Letnii sad, 2007, 247 p. (in Russian)

Opros: rossiyanе razocharovalis' v magii, gipnoze i gadaniyah [Survey: Russians are disillusioned with magic, hypnosis and fortune telling]. URL: <https://golnk.ru/E8K7d> (accessed August 13, 2025) (in Russian)

Prutskova E. V. *Religioznaya sotsializatsiya: svyaz' religioznosti s normami i tsennostyami* [Religious socialization: the relationship between religiosity and norms and values] Moskva: St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, 2024, 256 p. (in Russian)

Religiya kak predmet sravnitel'nogo izucheniya: Lektsii prof. Maksa Myullera. [Religion as a Subject of Comparative Study: Lectures by Prof. Max Müller]. Xar'kov: Izd. perevodchika, 1887, 143 p. (In Russian).

Sokolova A. *96% rossiyan zhelayut vladet' magiei, kak Garri Potter* [96% of Russians want to have magic like Harry Potter]. URL: <https://clck.ru/3RbdZW> (accessed August 13, 2025) (in Russian)

Статья поступила в редакцию: 25.07.2025

Принята к публикации: 21.09.2025

Дата публикации: 31.03.2026

ДЛЯ АВТОРОВ

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки РФ. С 2025 г. журнал входит в Белый список (2-я категория).

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–78911 от 07.08.2020 г.

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

К рассмотрению принимаются только новые, ранее нигде не опубликованные материалы. Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательное рецензирование и проверку на плагиат.

Примерные сроки:

Рецензирование статьи: от 3 месяцев

Публикация статьи: от 8 месяцев

При переводе статей и ее публикации на английском языке время ожидания может быть сокращено.

Для обеспечения высокого качества англоязычных версий статей редакция журнала «Народы и религии Евразии» придерживается следующей политики:

1. **Не принимаются** к рассмотрению самостоятельные или выполненные с помощью машинного перевода тексты.

2. **Рекомендуется** профессиональный перевод, выполненный:

- **либо** лингвистическим/переводческим центром (с предоставлением подтверждающей документации);
- **либо** переводчиком, рекомендованным редакцией. В этом случае редакция может предоставить контакты специалиста, а автор договаривается об условиях и оплате работы непосредственно с ним.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

- SCOPUS (Q 3)
- ERIN PLUS
- EBSCO
- E-Library.ru
- CyberLeninka
- OAIsters
- ROAR
- ROARMAP
- OpenAIRE
- BASE
- ResearchBIB
- Socionet
- Scholarsteer
- World Catalogue of Scientific Journals
- Scilit
- Journals for Free
- Journal TOC
- OAIster
- OCLC-WolrdCat
- Socolar
- JURN
- JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история
- Этнология и национальная политика
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора(ов) на русском и английском языках

Аффилиация автора(ов) на русском и английском языках

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском и английском языках. Объем не менее 1000 знаков **без пробелов**)

Ключевые слова (на русском и английском языках. Не более 15 слов).

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Если авторов два и/или несколько, то обязательно указывается автор-корреспондент (тот, кто выполняет технический процесс подачи статьи, доступен для запросов о процессах рецензирования и публикации)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

И. И. Иванов*, П. П. Петров

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Целью статьи является изучение восприятие природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа ос-

новывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

**И.И. Иванов (автор-корреспондент)*

Цитирование статьи:

Иванов И.И., Петров П.П. Человек и природа в традиционных воззрениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 00–00.

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия).
Адрес для контактов: i.i.ivanov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Петр Петрович Петров, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия).
Адрес для контактов: p.p.petrov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

I. I. Ivanov*, P. P. Petrov

*Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy of sciences,
Novosibirsk (Russia)*

MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN PEOPLES OF SOUTH SIBERIA

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on

comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Key words: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

* I. I. Ivanov (*corresponding author*)

For citation:

Ivanov I. I., Petrov P. P. Man and nature in traditional views of tyurco-mongolian peoples of South Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. T. 27, № 1. P. 00–00 (in Russian).

Ivanov Ivan Ivanovich, doctor of historical Sciences, Professor, leading researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia).

Contact address: i.i.ivanov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Petr Petrovich Petrov, candidate of historical Sciences, senior researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia). **Contact**

address: p.p.petrov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Текст статьи на русском языке: Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
 Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
 Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
 Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
 Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
 Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
 Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
 Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Благодарности и финансирование

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07-01-00842а)

Acknowledgements and funding

The work was carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences “Adaptation of peoples and cultures to changes in the natural environment, social and man-made transformations” (project No. 07–01–00842a)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. В библиографическом списке сначала указываются публикации на русском языке в алфавитном порядке, после них — публикации на других европейских языках, далее следуют публикации на восточных языках. После библиографического списка размещается References. Последовательность источников в References формируется по английскому алфавиту.

Примеры оформления различных источников:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х-середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум): дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен. URL: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/> (дата обращения: 19.10.2016).

7. Издания на английском языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. No. 2. P. 429–439.

8. Материалы конференций:

Нестерова Т. П. Религиозный аспект немецкой политики в 1930-е гг. // Религия и политика в XX веке: Материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. М., 2005. С. 17–29.

9. *Иностраннный источник (не на английском языке):*

Монография

李澎田 [Ли Пэнтянь]. 朝鲜文献中的中国东北史料 [Исторические материалы Северо-Восточного Китая в корейских документах]. 北京 [Пекин]. 吉林文史出版社 [Издательство Линь Вэньши]. 1991. 526 с. (на кит. яз.).

Где:

李澎田 — инициалы и фамилия автора на языке оригинала;
 [Ли Пэнтянь] — перевод инициалов и фамилии автора на русский язык;
 朝鲜文献中的中国东北史料 — название работы на языке оригинала;
 [Исторические материалы Северо-Восточного Китая в корейских документах] — перевод названия работы на русский язык;
 北京 — город издания языке оригинала;
 [Пекин] — перевод города, где издана работа на русский язык;
 吉林文史出版社 — издательство на языке оригинала;
 [Издательство Линь Вэньши] — перевод издательства на русский язык;
 1991. 526 с. — год, количество страниц на русском языке;
 (на кит. яз.) — язык — оригинал источника.

Статья в периодическом издании:

王德朋 [Ван Д.]. 论金与周边政权的商业贸易 [О торговле Цзин с соседними государствами] // 中口社会科学院研究 也院攀报 [Журнал аспирантуры Китайской академии общественных наук]. 2009. № 1. С. 101–106 (на кит. яз.).

Где:

王德朋 — инициалы и фамилия автора на языке оригинала;
 [Ван Д.]. — перевод инициалов и фамилии автора на русский язык;
 论金与周边政权的商业贸易 — название работы на языке оригинала;
 [О торговле Цзин с соседними государствами] — перевод названия работы на русский язык;
 中口社会科学院研究 也院攀报 — название периодического издания на языке оригинала;
 [Журнал аспирантуры Китайской академии общественных наук] — перевод названия периодического издания на русский язык;
 2009. № 1. С. 101–106 — год, том, номер / выпуск на русском языке.
 (на кит. яз.) — язык — оригинал источника.

Электронный источник

建炎以来系年要录 [Основные записи периода правления императора Гаоцзуна]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?> (дата обращения: 20.04.2024) (на кит. яз.)

References

Список «References» (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется по формату **BSI**:

а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — ’, ы — y, ь — ’, э — e, ю — yu, я — ya.

Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (*Scopus* и *Web of Science*).

Исключения: написание некоторых фамилий (например, автор устойчиво транслитерирует свою фамилию иным образом либо сложилась определенная традиция) и географических названий (рекомендуем обращение к справочникам).

Примеры исключений:

Vygotsky, Brushlinsky, Petrovsky, Yaroshevsky

Leontiev A.N., Leontiev A.A., Leontiev D.A., Rubinstein

Kazan, Kharkov, Nalchik, Perm, Ryazan, Tver, Yaroslavl etc (опускается символ мягкого знака)

Moscow (не *Moskva*)

Rostov-on-Don (не *Rostov-na-Donu*)

St. Petersburg (не *Sankt-Peterburg*)

Yekaterinburg (не *Ekaterinburg*)

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод названия источника на английском языке. Если в работе была использована статья в научном журнале или материал в сборнике, то перевод дается как статье, так и журналу/сборнику, откуда она была взята. Перевод слудует расположить в [квадратных скобках]. *Курсивом* в таком случае выделяется, не статья, а название *журнала* или *сборника статей*.

Инструкции для формирования *References* (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте Transliteration. PRO: <https://transliteration.pro/bsi>. В левое окно скопируйте весь список «Научной литературы». Нажмите кнопку «перевести». В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Перенесите текст в файл с Вашей статьей.

2) *Примеры оформления литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiya, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoi traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. URL: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filos. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph. D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Fashistskaya mistika: religiozny aspekt fashistskoj ideologii* [Fascist mysticism: the religious aspect of fascist ideology]. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664 (in Russian).

8. Издания на английском языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass. *Journal of Archaeological Science*. 1995, no. 2, pp. 429–439.

9. Иностраный источник (не на английском языке):

Li Pengtian. *Cháoxiǎn wénxiàn zhōng de zhōngguó dōngběi shǐliào* [Historical Materials of Northeast China in Korean Documents]. Beijing: Lin Wenshi Publishing House, 526 p. (in Chinese).

Где:

Li Pengtian — автор;

Cháoxiǎn wénxiàn zhōng de zhōngguó dōngběi shǐliào — название источника в транслитерации с английского языка;

[Historical Materials of Northeast China in Korean Documents] — перевод источника на английский язык;

Beijing: Lin Wenshi Publishing House — город, издательство на английском языке;

526 p. — количество страниц на английском языке;

(in Chinese) — указание языка, на котором написан источник.

Статья в периодическом издании

Wang D. *Lùn jīn yǔ zhōubiān zhèngquán de shāngyè màoùyì* [On the Commercial Trade between Kim and the Surrounding Regimes]. *Zhōngguó kēxuéyuàn xuébào* [Journal of the Chinese Academy of Sciences]. 2009; (1): 101–106. (in Chinese).

Где:

Wang D. — автор;

Lùn jīn yǔ zhōubiān zhèngquán de shāngyè màoùyì — перевод источника в транслитерации на английский язык;

[On the Commercial Trade between Kim and the Surrounding Regimes] — перевод статьи на английский язык;

Zhōngguó kēxuéyuàn xuébào — перевод названия журнала в транслитерации на английский язык;

[Journal of the Chinese Academy of Sciences] — название журнала на английском языке;

2009 — год выхода журнала;

(1) — номер журнала;

101–106 — страницы, на которых размещена упомянутая статья;

(in Chinese) — указание языка, на котором написан источник.

Электронный источник

Jiàn yán yǐlái xì nián yào lù [Important Records of the Years Since Jianyan]. Available at: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=907864&remap=gb> (accessed April 24, 2024) (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 × 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п., должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева направо и сверху вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисовочные подписи.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом), контактный телефон, адрес электронной почты, индивидуальный номер ORCID

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра Регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу.*

Электронная почта: dashkovskiy@fprn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296-629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026. Том 31, № 1

Редактор Н. Ю. Ляшко

Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Луценко

Журнал распространяется по подписке через каталог Урал Пресс
Подписной индекс ВН 017798. Цена свободная

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 12.03.2026.

Выход в свет 31.03.2026.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 22,6. Тираж 300 экз. Заказ 132.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66
